

Александр Дюма Женская война

Часть первая. Нанона де Лартиг

I

Недалеко от Либурна, веселого города на быстрой Дордони, между Фронсаком и Сен-Мишелем, находилось прежде порядочное село; его домики с белыми и красными крышами скрывались под высокими липами и дубами. Дорога из Либурна в Кюбзак шла между домами, симметрически вытянутыми в линию; из них ничего нельзя было видеть кроме этой дороги. За линией домов, шагах в ста, извивалась река, ширина и быстрота ее в этом месте уже показывали, что море близко.

Но по этим местам пронеслась междоусобная война; она погубила деревья, опустошила дома, которые, подвергаясь ее прихотливому бешенству, не могли бежать вместе с жителями и развалились, протестуя, как могли, по-своему, против варварства внутренних раздоров. Мало-помалу земля прикрыла трупы развалившихся домов, где прежде люди веселились и пировали; наконец, трава выросла на этой искусственной почве, и в наше время путешественник, проходя по уединенной дороге и видя на неровных холмах многочисленные стада, не думает, что пастух и овцы разгуливают по кладбищу, на котором спит целое селение.

Но в то время, о котором мы говорим, то есть в мае 1650 года, это селение красовалось по обеим сторонам большой дороги и получало от нее свое богатство. Путешественник, проходя по селу, с удовольствием взглянул бы на поселян, запрягавших и отпрягавших лошадей, на рыбаков, вытягивавших на берег сети, в которых билась серебряная и золотая рыба Дордони, и на кузнецов, которые бойко ударяли молотами по наковальням: каждый их удар освещал кузницу блестящими искрами.

Но если бы путь придал аппетит путешественнику, то ему всего более понравился бы дом, низенький и длинный, стоявший в пятистах шагах от села. Дом состоял из двух этажей, подвального и первого; распространявшийся из него запах лучше «Золотого Тельца», изображенного на красной железной вывеске, показывал, что путник достиг, наконец, одного из тех гостеприимных хозяев, которые за известное вознаграждение готовы подкрепить силы путешественников.

Почему, спросят у меня, гостиница «Золотого Тельца» находилась в пятистах шагах от селения, а не в одной из линий домов, стоявших по обеим сторонам дороги?

Во-первых, хозяин гостиницы был отличнейший мастер своего дела, хотя жил в этом пустынном уголке земли. Если б он занял место посередине или на конце одной из двух линий домов, составлявших селение, его легко могли бы смешать с деревенскими харчевниками, которых он поневоле считал своими товарищами, но не равными себе. Напротив, удаляясь от села, он привлекал на себя внимание знатоков; один раз попробовав его кухню, они говорили друг другу:

— Когда вы поедете из Либурна в Кюбзак или из Кюбзака в Либурн, не забудьте остановиться для завтрака, обеда или ужина в гостинице «Золотого Тельца», в пятистах шагах от сельца Матифу.

Знатоки останавливались в гостинице, уезжали довольные, присылали других знатоков; умный трактирщик мало-помалу ковал денежки, что не мешало ему, против принятого обычая, поддерживать гастрономическое достоинство своего заведения. Это доказывало, что господин Бискалло был действительно артист в своем роде, как мы уже и сказали.

В один из прекрасных майских вечеров, когда природа, проснувшись на юге, начинает пробуждаться на севере, густой дым вылетал из труб, и приятный запах разливался из окон гостиницы «Золотого Тельца». Бискалло на пороге дома, весь в белом, по обычаю жертвоприносителей всех веков и народов, своими августейшими руками щипал куропаток и перепелов, назначенных для отличного обеда, для одного из тех обедов, которые он готовил так мастерски и отделял в малейших подробностях из любви к своему искусству.

Вечерело. Дордонь, извивавшаяся довольно далеко, белела под густою зеленью деревьев, тишина и меланхолия спускались на деревню вместе с вечерним ветерком, земледельцы покои-

лись возле распряженных лошадей, а рыбаки – у развешенных сетей. Сельский шум затихал, и за последним ударом молота, окончившим трудолюбивый день, раздалась в соседней роще первая песнь соловья.

При первых трелях пернатого певца Бискарро тоже принялся петь; из-за этого музыкального соперничества и из-за внимания, с которым трактирщик доканчивал свою работу, вышло то, что он вовсе не заметил отряда из шести всадников, показавшегося на конце селения Матифу и направлявшегося к его гостинице.

Но восклицание, вылетевшее из окна первого этажа гостиницы в ту минуту, как быстро и шумно закрыли это окно, заставило почтенного трактирщика поднять глаза; он увидел, что предводитель отряда ехал прямо к нему.

То есть не совсем прямо, и мы спешим поправить нашу ошибку. Всадник часто останавливался, пристально смотрел направо и налево и, казалось, рылся взглядом в тропинках, деревьях и кустарниках; он держал на колене мушкетон, приготовляясь и к нападению и к защите, и подавал по временам товарищам своим, во всем ему подражавшим, знак двигаться вперед.

Бискарро так внимательно следил за странною ездой всадника, что забыл оторвать от куропатки перья, которые держал между большим и указательным пальцами.

– Этот вельможа ищет мое заведение, – подумал Бискарро. – Но достойный дворянин, верно, слеп; мой «Золотой Телец» недавно подновлен и вывеска довольно заметна. Выступим-ка и мы вперед.

Бискарро вышел на середину дороги и продолжал ошипывать куропатку ловко и величественно.

Движение трактирщика вполне соответствовало его цели; едва всадник заметил его, как прищепил лошадь, подъехал к нему, учтиво поклонился и сказал:

– Извините, господин Бискарро... Не видали ли вы здесь отряда всадников, моих друзей, которые, вероятно, ищут меня? Они не то, что военные люди, а так... Просто вооруженные... Да, вооруженные... Это слово вполне передает мою мысль. Не видали ли вы отряда вооруженных людей?

Бискарро чрезвычайно понравилось, что его называют по имени: он отвечал самым ласковым поклоном. Трактирщик не заметил, что гость, бросив быстрый взгляд на вывеску, прочел на ней имя и звание хозяина гостиницы.

– Милостивый государь, – отвечал Бискарро, подумав, – я видел только двух вооруженных людей, одного дворянина с конюхом, они остановились у меня с час тому назад.

– Ага! – сказал незнакомец, глядя подбородок, на котором не было еще бороды. – Ага! У вас в гостинице остановились дворянин и его конюх? И оба они вооружены?

– Точно так, сударь; прикажете, я доложу ему, что вам угодно переговорить с ним?

– Но это, кажется, не очень прилично, – продолжал незнакомец. – Беспокоить неизвестного человека нехорошо, особенно если он вельможа. Нет, нет, господин Бискарро, лучше опишите мне его или, еще лучше, покажите мне его так, чтобы он не видал меня.

– Трудно показать его, сударь, потому что он, кажется, прячется: он захлопнул окно в ту самую минуту, как вы и ваши товарищи показались на дороге. Гораздо легче описать его: он молод, белокур, щеделушен, ему лет шестнадцать; он, кажется, ничего не может носить, кроме маленькой модной шпаженки, которая висит у него на перевязи.

По лицу незнакомца пробежала тень неприятного воспоминания.

– Хорошо, – сказал он, – понимаю: молодой человек, белокурый, женоподобный, с лакеем неповоротливым, как пиковый валет... Я ищу не его...

– А! Вы не его ищите! – повторил Бискарро.

– Нет.

– В ожидании того вельможи, которого вы ищите, и который непременно проедет здесь, потому что нет другой дороги, вы можете войти ко мне и подкрепить силы, это нужно и вам и вашим товарищам.

– Не нужно... Мне остается поблагодарить вас и спросить, который теперь час.

– Бьет шесть часов на нашей колокольне... Извольте слышать колокол!

- Хорошо. Еще одну услугу, господин Бискарро?
- Все, что вам угодно.
- Скажите, где могу я достать лодку и лодочника?
- Хотите переехать через реку?
- Нет, хочу прокатиться по реке.
- Нет ничего легче; рыбак, который поставляет мне рыбу... Любите ли вы рыбу, сударь? – спросил Бискарро, возвращаясь к своему желанию заставить незнакомца ужинать.
- Ну, рыба плохое кушанье, – отвечал незнакомец, – однако же, если она хорошо приготовлена, так я не совсем презираю ее.
- У меня всегда удивительная рыба.
- Поздравляю вас, господин Бискарро, но вернемся к тому, кто поставляет вам ее.
- Извольте. Теперь он кончил работу и, вероятно, отдыхает. Вы отсюда можете видеть его лодку, она привязана там, у ив, недалеко от дуба. А вот здесь его дом. Вы, верно, застанете его за обедом.
- Благодарю, господин Бискарро, – сказал незнакомец, – благодарю.
- Он подал знак товарищам, поскакал к роще и постучался в дверь хижины. Жена рыбака отперла дверь.
- Согласно с предсказанием Бискарро, рыбак сидел за обедом.
- Бери весла, – сказал ему всадник, – ступай за мною, получишь золотую монету.
- Рыбак встал с поспешностью, которая показывала, что хозяин «Золотого Тельца» был не очень щедр.
- Вам угодно спуститься в Вер? – спросил он.
- Нет, отвези меня на середину реки и побудь там со мною несколько минут.
- Рыбак изумился, услышав это странное желание; но имея в виду золотую монету и товарищей незнакомца, он подумал, что в случае сопротивления его принудят силою исполнить это странное желание, и он лишился обещанной награды.
- Поэтому он поспешил объявить незнакомцу, что весь к его услугам, с лодкой и с веслами.
- Тотчас весь отряд отправился к реке, незнакомец спустился на самый берег, а товарищи его остановились на возвышении и расположились так, что могли смотреть во все стороны: они чего-то опасались. С возвышения они могли видеть равнину, которая расстилалась за ними, и прикрывать высадку, которая производилась перед их глазами.
- Незнакомец, высокий молодой человек, белокурый, сильный, хотя и худой, с умным лицом, хотя темный круг обвивал его голубые глаза, и самый грубый цинизм выражался в его улыбке, – незнакомец, говорим мы, тщательно осмотрел свои пистолеты, повесил на плечо мушкетон, попробовал длинную шпагу и уставил глаза на противоположный берег, огромный луг, на котором тянулась тропинка, от берега прямо до селения Изон: черная колокольня и беловатый дым из домов Изона виднелись при золотистых лучах заходившего солнца.
- На другой стороне, не далее четверти мили, поднимался небольшой форт Вер.
- Что же? – спросил незнакомец, начинавший сердиться от нетерпения, у товарищей, которые стояли на карауле. – Едет ли он? Видите ли вы его где-нибудь направо или налево, спереди или сзади?
- Кажется, – сказал один из всадников, – я вижу отряд на Изонской дороге; но я в этом не уверен: солнце мешает мне смотреть. Позвольте... Да, точно... Один, два, три, четыре, пять человек. Впереди синий плащ, и он в шляпе с галунами. Его-то именно мы и ждем; он для большей верности взял конвой.
- И имел полное право на это, – хладнокровно отвечал незнакомец. – Возьми мою лошадь, Фергюзон.
- Тот, кому было дано это приказание полуласковым, полуповелительным голосом, поспешно повиновался и спустился к самой реке; между тем незнакомец сошел с лошади, бросил поводья товарищу и приготовился сесть в лодку.
- Послушайте, Ковиньяк, – сказал Фергюзон, положив руку на его плечо, – не нужно здесь бесполезной отваги! Если вы увидите малейшее подозрительное движение, тотчас впечатайте пулю в

лоб приятно. Видите, хитрец привел с собою целый отряд.

– Да, но не больше нашего. Кроме преимущества храбрости, на нашей стороне и превосходство силы: стало быть, нечего бояться. Ага! Вот показываются их головы.

– Но что они будут делать? – спросил Фергюзон. – Они нигде не найдут лодки... Ах, нет! Вот там стоит лодка.

– Она принадлежит моему двоюродному брату, изонскому перевозчику,

– сказал рыбак.

Все эти приготовления сильно заинтересовали рыбака: он боялся только, чтобы не завязалось морское сражение на его лодке и на лодке его двоюродного брата.

– Хорошо, вот синий плащ садится в лодку, – сказал Фергюзон, – садится один... Браво! Именно так было сказано в условии.

– Так не заставим его ждать, – прибавил незнакомец.

Он соскочил в лодку и подал рыбаку знак.

– Смотрите, Ролан, будьте осторожны, – продолжал Фергюзон, – река широка, не подходите к тому берегу, чтобы в вас не направили залпа выстрелов, на которые мы не можем отвечать отсюда; держитесь, если можно, поближе к нашей стороне.

Тот, кого Фергюзон называл то Ковиньяком, то Роланом, то есть по имени его и по фамилии, кивнул головой в знак согласия.

– Не бойся, – сказал он, – я и сам об этом думал: неосторожны могут быть те, которые ничем не рискуют, но дело наше так хорошо, что я не решусь глупо потерять его. Если кто-нибудь поступит неосторожно в этом случае, так уж верно не я. Ну, лодочник, пошел!

Рыбак отвязал веревку, уставил длинный багор на траву, и лодка начала удаляться от берега в ту самую минуту, как на противоположной стороне отчаливала лодка изонского перевозчика.

Посередине реки находился маяк с белым флагом, он показывал судам, спускавшимся до Дордони, что в этом месте есть опасные подводные камни. Во время мелководья даже можно было видеть сквозь воду черные и гладкие верхушки этих камней, но теперь, при полной воде, только флаг и плеск воды показывали, что это место опасно.

Оба лодочника, вероятно, поняли, что на этом месте могут встретиться незнакомцы, и подъехали к нему. Прежде причалил изонский перевозчик и по приказанию своего пассажира привязал лодку к кольцу маяка.

В эту минуту другой рыбак повернулся к своему путешественнику и хотел просить его приказаний, но чрезвычайно удивился, увидев в лодке своей замаскированного человека, закутанного в плащ.

Страх рыбака усилился, с трепетом просил он приказаний у странного своего пассажира.

– Причаливай сюда, – отвечал Ковиньяк, указывая на флаг, – как можно ближе к той лодке.

И рука его с флага указала на господина, привезенного изонским перевозчиком.

Лодочник повиновался, и обе лодки, соединенные сильным течением реки, дали возможность незнакомцам открыть следующие переговоры.

II

– Как! Вы замаскированы, милостивый государь? – спросил с удивлением и досадой новый гость, толстяк лет пятидесяти пяти, с глазами строгими и неподвижными, какие бывают у хищных птиц, с седыми усами и бородкою. Он не надел маски, но прятал, сколько мог, волосы и лицо под широкой шляпой с галунами, а стан и платье свое под широким синим плащом.

Ковиньяк, попристальнее всмотревшись в этого человека, не мог скрыть удивления и невольно изменил себе быстрым движением.

– Что с вами? – спросил синий плащ.

– Так, ничего... Я чуть-чуть не потерял равновесия. Но, кажется, вы изволили предложить мне вопрос? Что угодно вам знать?

– Я спрашивал, зачем вы надели маску.

– Вопрос откровенен, – сказал Ковиньяк, – и я отвечу на него также откровенно. Я надел

маску, чтобы вы не могли видеть моего лица.

– Так я вас знаю?

– Не думаю; но если вы увидите мое лицо, то можете узнать его впоследствии, что, по моему мнению, совершенно бесполезно.

– Вы очень откровенны!

– Да, когда моя откровенность не может повредить мне.

– И откровенность ваша открывает даже чужие тайны?

– Да, когда подобные открытия могут доставить мне выгоду.

– Станным ремеслом занимаетесь вы!

– Делаешь, что можешь, милостивый государь. Я был адвокатом, лекарем, солдатом и партизаном; видите, что я все перепробовал.

– А что вы теперь?

– Ваш покорнейший слуга, – отвечал юноша, кланяясь с натянутым уважением.

– У вас ли известное письмо?

– У вас ли обещанный бланк?

– Вот он.

– Извольте, обменяемся.

– Позвольте еще минуту, милостивый государь, – сказал синий плащ.

– Наш разговор нравится мне, и я не хочу терять удовольствия беседовать с вами.

– Помилуйте! И разговор мой, и сам я, оба мы – ваши. Будем говорить, если вам приятно.

– Не угодно ли перейти в мою лодку, или я перейду в вашу? Таким образом, в другую лодку мы высадим лодочников и прикажем им удалиться.

– Это бесполезно. Вы, верно, знаете какой-нибудь иностранный язык?

– Говорю по-испански.

– И я тоже. Будем говорить по-испански, если вам угодно.

– Извольте!

Синий плащ спросил по-испански:

– Какая причина заставила вас открыть герцогу д'Эпернону, что ему изменяет известная дама?

– Я хотел оказать услугу достойному вельможе и попасть к нему в милость.

– Вы сердиты на госпожу Лартиг?

– Я сердит? Напротив, я должен сознаться, что многим обязан ей, и был бы в отчаянии, если б с нею случилось несчастье.

– Так вы враг барону Канолу?

– Я никогда не видал его и знаю его только понаслышке. И признаюсь, я всегда слышал, что он славный малый и храбрый вельможа.

– Так вы действуете не по ненависти?

– Помилуйте! Если б я сердился на барона Канолу, то пригласил бы его стреляться или резаться, а он такой добрый малый, что никогда не отказывается от подобных предложений.

– Значит, я должен верить той причине, которую вы мне сказали?

– По моему мнению, лучше вы ничего не можете сделать.

– Хорошо! У вас письмо, которым доказывается неверность госпожи Лартиг?

– Вот оно. Позвольте без упрёка заметить, что я показываю его вам во второй раз.

Старый дворянин издали бросил печальный взгляд на тонкую бумагу, сквозь которую можно было видеть черные буквы.

Юноша медленно развернул письмо.

– Вы узнаете почерк?

– Да.

– Так пожалуйста мне бланк, я отдам письмо.

– Сейчас. Еще один вопрос.

– Говорите.

Юноша спокойно сложил письмо и положил в карман.

– Как вы достали эту записку?

– Извольте, скажу.

– Я слушаю.

– Вы, вероятно, знаете, что расточительное управление герцога д'Эпернона наделало ему много хлопот в Гиенне!

– Знаю. Дальше.

– Вы также знаете, что страшно скаредное управление кардинала Мазарини наделало ему много хлопот в столице, в Париже!

– Но какое нам дело до кардинала Мазарини и до герцога д'Эпернона?

– Погодите. Из этих противоположных управлений вышло что-то, очень похожее на общую войну, в которой каждый принимает участие. Теперь Мазарини воюет за королеву, герцог д'Эпернон за короля, коадьютор за Бофора, Бофор за госпожу Монбазон, Ларошфуко за герцогиню де Лонгвиль, герцог Орлеанский за девицу Сойон, Парламент за народ, наконец, принца Конде, воевавшего за Францию, посадили в тюрьму. А я ничего не выиграл бы, если б сражался за королеву, короля, коадьютора, Бофора, или за госпожу Монбазон, Лонгвиль и Сойон, или за народ и за Францию, поэтому мне пришлось в голову не примыкать ни к одной из этих партий, а следовать за той, к которой почувствую минутное влечение. Стало быть, моя задача все делать кстати. Что скажете вы об этой моей идее?

– Она замысловата.

– Поэтому я собрал армию. Извольте взглянуть, она стоит на берегах Дордони.

– Пять человек!.. Не худо!

– У меня одним человеком больше, чем у вас, стало быть, вам неприлично презирать мою армию.

– Уж очень плохо одета она, – сказал синий плащ, бывший в дурном расположении духа и потому готовый все бранить.

– Правда, – продолжал юноша, – они очень похожи на товарищей Фальстафа... Фальстаф, английский джентльмен, мой приятель... Но сегодня вечером я одену их в новое платье, и если вы встретите их завтра, то увидите, что они действительно красавцы.

– Мне нет дела до ваших людей, вернемся к вам.

– Извольте. Ведя войну собственно для себя, мы встретили сборщика податей, который переезжал из села в село для наполнения кошелька его королевского величества; пока ему следовало еще собирать деньги, мы верно охраняли его; и признаюсь, видя его толстейший кошель, я хотел пристать к партии короля. Но события чертовски запутали дело: общая ненависть к кардиналу Мазарини, жалобы со всех сторон на герцога д'Эпернона заставили нас одуматься. Мы подумали, что много, очень много хорошего в партии принцев и прилепились к ней всей душой. Сборщик кончал поручение, ему данное, в этом маленьком уединенном домике, который вы видите вон там между тополями и дубами.

– В доме Наноны! – прошептал синий плащ. – Да, вижу.

– Мы дождались его выхода, пошли за ним, как в первые пять дней, переправились вместе с ним через Дордонь недалеко от Сен-Мишели, и когда мы выехали на середину реки, я сообщил о перемене наших политических мнений и просил его, с возможною учтивостью, отдать нам собранные им деньги. Поверите ли, милостивый государь, он отказал нам. Товарищи мои принялись обыскивать его, он кричал, как сумасшедший. Помощник мой, человек чрезвычайно находчивый, – вот он там, в красном плаще, держит мою лошадь, – заметил, что вода, не пропуская воздуха, не пропускает также и звуков. Эту физическую аксиому я понял, потому что я медик, и похвалил ее. Тогда тот, кто подал нам благой совет, опустил голову сборщика в воду не более как на один фут. Действительно, сборщик перестал кричать, или, лучше сказать, мы уже не слышали его криков. Мы могли именем принцев взять у него все деньги и всю его переписку. Я отдал деньги моим солдатам, которые, как вы справедливо заметили, крайне нуждались в новых мундирах, а себе оставил письма, между прочими и это. Кажется, почтенный сборщик служил любовным послом у госпожи Лартиг.

– Правда, – прошептал синий плащ, – если не ошибаюсь, он был предан Наноне. А что же

случилось с подлецом?

– Вы увидите, что мы прекрасно сделали, погрузив его в воду, этого подлеца, как вы его называете. Иначе он поднял бы на нас весь мир. Представьте себе, когда мы вытащили его из реки, он уже умер от злости, хотя лежал в воде не более четверти часа.

– И вы опять опустили его туда же?

– Именно так.

– Но если вы его утопили, то...

– Я не говорил, что мы его утопили.

– Не станем спорить о словах... Если посол умер...

– Это другое дело: он точно умер...

– Значит, Каноль ничего не знает и, само собою разумеется, не придет на свидание.

– Позвольте, я веду войну с державами, а не с частными людьми. Каноль получил копию записки, которая к нему следовала. Я только подумал, что автограф может иметь цену, и потому приберег его.

– Что подумает он, когда увидит незнакомую руку?

– Что особа, приглашающая его на свидание, для предосторожности поручила кому-нибудь другому написать эту записку.

Незнакомец с удивлением взглянул на Ковиньяка. Он удивлялся его бесстыдству и находчивости.

Он пытался напугать бесстрашного рыцаря:

– Стало быть, вы никогда не думаете о местном правительстве, о следствии?

– О следствии? – повторил юноша с хохотом. – О! Герцогу д'Эпернону некогда заниматься следствиями, притом, я уже сказал вам, что сделал все это с намерением угодить ему. Он был бы очень благодарен, если бы вздумал идти против меня.

– Тут не все для меня ясно, – сказал синий плащ с иронией. – Как! Вы сами сознаетесь, что перешли на сторону принцев, а вам пришла в голову странная мысль угождать герцогу д'Эпернону.

– Это, однако ж, очень просто: бумаги, захваченные мною у сборщика податей, показали мне всю чистоту намерений королевской партии, король совершенно оправдан в глазах моих, и герцог д'Эпернон тысячу раз правее всех своих подчиненных. На стороне королевской партии справедливость. Я тотчас перешел на правую сторону.

– Вот разбойник! Я велю повесить его, если он попадется в мои руки! – прошептал старик, крутя седые усы.

– Что вы говорите? – спросил Ковиньяк, мигая под маскою.

– Ничего... Еще один вопрос. Что вы сделаете из бланка, который требуете?

– Я и сам еще не знаю. Я прошу бланк потому, что это вещь самая удобная, самая помещительная, самая эластичная; может быть, сберегу его для важнейшего случая; может быть, истрачу его для какой-нибудь прихоти. Может быть, я сам представлю вам его в конце этой недели. Может быть, он дойдет до вас через три или четыре месяца с дюжиною передаточных надписей, как вексель, пущенный в оборот. Во всяком случае, будьте спокойны, я не употреблю его на дела, от которых мы, вы или я, могли бы покраснеть. Ведь я все-таки дворянин.

– Вы дворянин?

– Да, сударь, и даже из старинных.

– Так я велю колесовать его, – прошептал синий плащ, – вот к чему послужит его бланк.

– Что же? Угодно ли вам дать мне бланк? – спросил Ковиньяк.

– Надобно дать.

– Я вас не принуждаю, извольте понять хорошенько. Я только предлагаю вам обмен. Оставьте, если угодно, вашу бумагу у себя, так я не отдам вам письма.

– Где письмо?

– А где же бланк?

Одною рукою он подал письмо, а другою взвел курок у пистолета.

– Оставьте пистолет, – сказал незнакомец, раскрывая плащ, – видите, у меня тоже пистолеты

наготове. Будем вести дело начистоту: вот бланк.

– Вот вам письмо.

Они честно поменялись бумагами. Молча и внимательно каждый рассмотрел полученный документ.

– Куда вы теперь поедете? – спросил Ковиньяк.

– Мне нужно на правый берег.

– А мне на левый, – отвечал Ковиньяк.

– Как же нам быть? Мои люди на том берегу, куда вы едете, а ваши на том, куда я отправляюсь.

– Что ж? Дело очень просто: пришлите мне моих людей в вашей лодке, а я пришлю вам ваших людей в моей.

– У вас быстрый и изобретательный ум.

– Я родился полководцем, – сказал Ковиньяк.

– Вы уже полководец.

– Да, правда, я и забыл о своей армии.

Незнакомец приказал изонскому перевозчику направляться к противоположному берегу, к рошице, которая тянулась до самой дороги.

Ковиньяк, ждавший, может быть, измены, приподнялся и следил за стариком глазами, держа пистолет в руке и готовясь выстрелить при малейшем подозрительном движении синего плаща. Но старик не удостоил даже заметить эту недоверчивость, с настоящей или притворной беспечностью повернулся к юноше спиной, начал читать письмо и скоро совершенно предался чтению.

– Не забудьте часа свидания! – закричал Ковиньяк. – Сегодня вечером, в восемь часов.

Незнакомец не отвечал, казалось, даже не слышал слов Ковиньяка.

– Ах, – сказал Ковиньяк вполголоса, поглаживая дуло пистолета, если бы я хотел, то мог бы освободить наследство Гиеннского губернатора и прекратить междоусобную войну! Но если герцог д'Эпернон погибнет, к чему послужит мне его бланк? Если прекратятся междоусобицы, чем стану я жить? Ах! Иногда мне кажется, что я схожу с ума! Да здравствует герцог д'Эпернон и междоусобная война! Ну, лодочник, за весла и гребки хорошенько: не надобно заставлять вельможу ждать его свиты.

Через минуту Ковиньяк пристал к левому берегу Дордони, в то время как синий плащ отправлял Фергюзона и его товарищей в лодке изонского перевозчика. Ковиньяк не хотел показаться неаккуратным и приказал своему лодочнику перевезти свиту незнакомца на правый берег. Оба отряда встретились на середине реки и учтиво обменялись поклонами, потом приехали к тем пунктам, где их ждали. Тут синий плащ отправился в рошу, которая тянулась от берега к большой дороге, а Ковиньяк, предводительствуя своему отряду, поехал к Изону.

III

Через полчаса после этой сцены то же окно гостиницы, которое прежде захлопнулось так шумно, осторожно отворилось. Из него выглянул молодой человек, посмотрел направо и налево. Ему было лет шестнадцать или восемнадцать, он был одет в черное платье с широкими манжетками по тогдашней моде. Его маленькая и пухленькая рука нетерпеливо сжимала замшевые перчатки, шитые по швам, светло-серая шляпа с длинным голубым пером прикрывала его длинные золотистые волосы, красиво обвивавшие овальное лицо, чрезвычайно белое, с розовыми губками и черными бровями. Но вся эта прелесть, по которой юношу можно было считать первым красавцем, теперь исчезла под тенью дурного расположения духа. Оно происходило, вероятно, от бесполезного ожидания, потому что юноша жадными глазами осматривал дорогу, уже покрывавшуюся вечерним сумраком.

От нетерпения он бил перчатками по левой руке. Услышав этот шум, Бискарро, все еще щипавший куропаток, поднял голову, снял фуражку и спросил:

– В котором часу угодно вам ужинать? Все готово, жду только вашего приказанья.

– Вы знаете, что я один не стану ужинать и жду товарища. Когда увидите его, можете пода-

вать кушанье.

– Ах, милостивый государь, – сказал Бискарро, – не хочу порицать вашего товарища, он может приехать и не приехать, как ему угодно, но, все-таки, заставляя ждать себя – предурная привычка.

– Но у него нет этой привычки, и я удивляюсь, что он так долго не едет.

– А я более нежели удивляюсь, я огорчаюсь его промедлением: жаркое пережарится.

– Так снимите его с вертела.

– Тогда оно остынет.

– Изжарьте новую куропатку.

– Она не дожарится.

– В таком случае, друг мой, делайте, что вам угодно, – сказал молодой человек, невольно улыбаясь при виде отчаяния трактирщика. – Предоставляю решение вопроса вашей опытности и мудрости.

– Никакая мудрость в свете, – ответил трактирщик, – не может придать вкуса подогретому обеду.

Высказав эту великую и неоспоримую истину, которую лет через двадцать спустя Буало переложил в стихи, Бискарро вошел в дом, печально покачивая головою.

И молодой человек, стараясь обмануть свое нетерпение, начал ходить по комнате, но услышав вдалеке топот лошадей, живо подбежал к окну.

– Наконец, вот он! – закричал юноша.

Действительно, за рощицей, где пел соловей, которого вовсе не слушал юноша, занятый своими мыслями, показалась голова всадника, но, к величайшему удивлению молодого человека, всадник не выехал на большую дорогу, а поворотил направо, въехал в рощу и скоро шляпа его исчезла. Это показывало, что он сошел с лошади. Через минуту наблюдатель заметил сквозь ветви, осторожно раздвинутые, серый кафтан и отблеск лучей заходящего солнца на дуле ружья.

Юноша стоял у окна в раздумье. Всадник, спрятавшийся в роще, очевидно, не его товарищ; нетерпение, выражавшееся на лице его, заменилось любопытством.

Скоро другая шляпа показалась на повороте дороги. Молодой человек спрятался за окно.

Второй гость, тоже в сером кафтане и с мушкетом, сказал первому несколько слов, которых не мог расслышать наш юноша. Получив какие-то сведения, он поехал в рощу, на другую сторону дороги, спрятался за утес и ждал.

С высоты, из окна, юноша мог видеть шляпу через утес. Возле шляпы блистала светлая точка: то был конец дула мушкета.

Неопределенное чувство страха овладело юношей, он смотрел на эту сцену, стараясь все более и более спрятаться.

– Ах, – сказал он, – уж не против ли меня и моих тысячи луидоров составилась этот заговор? Нет! Не может быть! Если Ришон приедет и мне можно будет отправиться в дорогу сегодня вечером, то я поеду в Либурн, а не в Кюбзак и, стало быть, не в ту сторону, где прячутся эти люди. Если бы здесь был мой старый и верный Помпей, он мог бы дать мне совет. Но вот еще два человека, они едут к двум первым. Ой! Да это настоящая засада!

Юноша еще отодвинулся на шаг от окна.

Действительно, в эту минуту на дороге показались еще два всадника, на этот раз только один из них был в сером кафтане. Другой ехал на богатом черном коне, завернувшись в плащ, в шляпе, обшитой галуном и украшенной белым пером. Из-под плаща его, развеваемого вечерним ветром, блестело богатое шитье на камзоле.

Солнце как будто нарочно не заходило и освещало эту сцену. Лучи его, вырвавшись из черных туч, вдруг осветили окна домика, стоявшего шагах в ста от реки. Без этого юноша не заметил бы его, потому что домик был прикрыт густыми ветвями деревьев. Усиление света показало, что взгляды шпионов постоянно обращались или ко въезду в селение, или к домику с блестящими стеклами. Серые кафтаны оказывали особенное уважение белому перу и, разговаривая с ним, снимали шляпы. Одно из освещенных окон растворилось, показалась дама, выглянула, как бы сама ожидала кого-то, и тотчас исчезла, боясь, чтобы ее не заметили.

Когда она скрылась, солнце опустилось за гору, и нижний этаж гостиницы погрузился в темноту.

Для умного человека во всей этой сцене было много указаний, а на этих указаниях можно было построить много догадок, весьма вероятных.

Вероятно, что эти вооруженные люди присматривают за домиком, в котором показывалась дама. Еще вероятнее, что дама и эти люди ждут одного и того же человека, но с разными намерениями. Также вероятно, что ожидаемый гость должен проехать через село и, стало быть, мимо гостиницы, которая стоит на самой дороге. Наконец, вероятно, что человек с белым пером – начальник серых кафтанов. По усердию, с которым он приподнимался на стременах, можно было догадаться, что он ревнив и сторожит добычу собственно для себя.

В ту минуту, как наш юноша думал об этом, дверь отворилась и вошел Бискарро.

– Любезный хозяин, – сказал юноша, не дав времени трактирщику выговорить слова, – пожалуйста сюда и скажите мне, если только можете отвечать на вопрос: кому принадлежит домик, который белеет там, между тополями?

Трактирщик посмотрел по направлению указательного пальца юноши и почесал затылок.

– Эх, он принадлежит то одному, то другому, – сказал он с улыбкою, стараясь придать ей как можно больше выразительности. – Он может принадлежать даже вам, если вы ищете уединения по какой-нибудь причине, если захотите спрятаться там сами или если просто захотите спрятать там кого-нибудь.

Юноша покраснел.

– Но теперь, – спросил он, – кто живет там?

– Молодая дама. Она называется вдовою, но тень ее первого мужа, а иногда тень второго мужа приходит навещать ее. Только надобно сообщить вам одно замечание: должно быть, обе тени сговариваются о днях посещения, потому что никогда не сталкиваются.

– А давно ли, – спросил юноша с улыбкой, – прелестная вдова живет в домике, в котором могут являться привидения?

– Да уж два месяца. Впрочем, она живет очень скромно, и никто в продолжение этих двух месяцев не может похвастать, что видел ее: она выходит очень редко, а когда выходит, так закрывается вуалем. Хорошенькая горничная – да, прехорошенькая – приходит ко мне всякий день и заказывает обед. Кушанье относят к ним, она принимает его в передней, платит щедро и тотчас запирает дверь за мальчиком. Вот и сегодня там пир, и для нее приготавливал я куропаток и перепелок, которые щипал... Вы изволите видеть?

– А кого угощает она ужином?

– Которую-нибудь из тех двух теней, о которых я вам говорил.

– А видали вы их?

– Да, но мимоходом, вечером после солнечного заката, или утром до рассвета.

– Однако ж, я уверен, что вы заметили их, господин Бискарро, потому что из ваших слов видно, что вы тонкий наблюдатель. Скажите, заметили вы что-нибудь особенное в этих двух тенях?

– Одна принадлежит человеку лет шестидесяти или шестидесяти пяти; мне кажется, это тень первого мужа, потому что она приходит как тень, уверенная в законности прав своих. Другая – тень молодого человека лет двадцати шести или двадцати восьми; она, надобно признаться, гораздо робче, и похожа на страждущую душу. Поэтому я готов поклясться, что это тень второго мужа.

– А в котором часу приказано прислать сегодня ужин?

– В восемь.

– Теперь половина восьмого, – сказал юноша, вынимая из кармана часы, на которые он смотрел уже несколько раз, – и вам никак нельзя терять времени.

– О! Ужин непременно поспеет, не беспокойтесь. Я пришел только поговорить с вами о вашем ужине и доложить вам, что я начал готовить его снова. Потрудитесь постараться, чтобы ваш товарищ, который так опоздал, приехал через час.

– Послушайте, любезный хозяин, – сказал юноша с видом важного человека, вовсе не заботящегося о еде, – не заботьтесь об ужине, если даже гость мой приедет, потому что мне нужно пе-

реговорить с ним. Если ужин не будет готов, мы переговорим перед ужином, если же, напротив, он будет готов, мы потолкуем после.

– Ах, милостивый государь, – отвечал трактирщик, – вы самый сговорчивый вельможа, и если вам угодно положиться на меня, вы будете совершенно довольны.

При этом Бискарро пренизко поклонился и вышел. Юноша кивнул ему головою.

«Теперь, – подумал юноша, становясь опять к окну, – я все понимаю. Дама ждет гостя, который должен приехать из Либурна, а вооруженные люди хотят встретить его прежде, чем он успеет постучаться в двери».

В эту минуту, как бы для оправдания догадливости нашего умного наблюдателя, конский топот раздался налево от гостиницы. Быстро, как молния, глаза юноши оборотились на рошу, к вооруженным серым кафтанам. Хотя сумерки мешали видеть хорошо, однако же, ему показалось, что одни из этих людей осторожно отводили ветви деревьев, а другие приподнимались и смотрели из-за утесов. И те и другие готовились к движению, очень похожему на нападение. В то же время отрывистый стук, похожий на взвод курка, три раза послышался юноше и заставил его вздрогнуть. Тут он повернулся к Либурну и старался увидеть того, кому грозил этот убийственный стук. Он увидел на красивой лошади красивого молодого человека, который ехал беспечно, с торжествующим видом, упершись рукою на колено. С правого его плеча грациозно спускался маленький плащ, подбитый белым атласом. Издалека молодой человек казался ловким, полным счастья и радостной гордости. Вблизи наш юноша увидел тонкое лицо с ярким румянцем, огненными глазами, с полураскрытым ртом от привычки улыбаться, с черными и красивыми усами, с тоненькими и белыми зубами. Вообще всадник казался отменнейшим франтом тогдашнего времени.

Шагах в пятидесяти сзади ехал лакей и управлял лошадью, соображаясь с движениями своего хозяина. Лакей, важный и великолепный, который, казалось, занимает между лакеями такое же почетное место, какое господин его – между господами.

Красивый юноша, смотревший из окна гостиницы, не мог по молодости лет хладнокровно смотреть на приготовлявшуюся сцену и невольно вздрогнул, подумав, что оба франта, подъезжавшие к гостинице с такою беспечною и самоуверенностью, будут, вероятно, расстреляны, когда доедут до засады, приготовленной против них.

В юноше началась сильная борьба между его детской застенчивостью и любовью к ближнему. Наконец великодушное чувство одержало победу. Когда всадник проезжал мимо гостиницы, не удостоив даже взглянуть на нее, юноша покорился внезапному увлечению, выглянул в окно и сказал прекрасному путешественнику:

– Милостивый государь! Остановитесь! Я должен сообщить вам весьма важное известие.

Услышав голос и слова эти, всадник поднял голову, увидел юношу в окне и остановил лошадь так мастерски, как сделал бы только отличный берейтор.

– Не останавливайте лошади, милостивый государь, – продолжал юноша. – Напротив, подъезжайте ко мне, как к старому знакомому, как можно спокойнее.

Сначала путешественник не решался, но, рассмотрев юношу и видя в нем молодого и ловкого, красивого дворянина, он снял шляпу и подъехал к нему с приветливою улыбкой.

– Что вам угодно? – спросил он. – Готов служить вам.

– Подъезжайте еще ближе, милостивый государь, – отвечал юноша из окна. – Нельзя громко сказать того, что я должен сообщить вам. Наденьте шляпу: пусть думают, что мы давно знакомы и что вы приехали в гостиницу для свиданья со мною – это необходимо.

– Но милостивый государь, – возразил путешественник, – я ничего не понимаю.

– Вы сейчас все поймете. Теперь только наденьте шляпу. Хорошо! Подъезжайте еще ближе, подайте мне руку... Очень рад видеть вас!.. Теперь извольте остановиться в гостинице или вы погибли.

– Что такое? Право, вы пугаете меня, – сказал путешественник с улыбкой.

– Слушайте. Вы едете в этот домик, где блестит огонек?

Всадник вздрогнул.

– На дороге к этому домику, там, в роще, сидят четыре человека и ждут вас.

– Ого! – пробормотал путешественник, поглядывая на бледного юношу.

– И вы уверены в этом?

– Я видел, как они приехали один за другим, как сходили с лошадей, как прятались – иные за деревья, другие за утесы. Наконец, в ту самую минуту, когда вы появились на дороге, я слышал, как они зарядили мушкеты.

– Хорошо! – сказал путешественник, начинавший беспокоиться в свою очередь.

– Да, милостивый государь, все это сушая правда, – продолжал юноша в серой шляпе, – если б было посветлее, вы, может быть, могли бы видеть и узнать их.

– О! Мне даже не нужно видеть их, – отвечал всадник. – Я очень хорошо знаю, что это за люди. Но вам, милостивый государь, вам кто сказал, что я еду в этот домик, что меня стерегут на дороге?

– Я угадал...

– Вы премилый Эдип. Благодарю от всей души. Так меня хотят расстрелять? А сколько их?

– Четверо, в том числе и их начальник.

– Начальник постарше всех, не так ли?

– Да, насколько я мог видеть отсюда.

– Сутуловат?

– Да, немножко, с белым пером, в шитом камзоле, в темном плаще...

– Точно так. Это герцог д'Эпернон.

– Герцог д'Эпернон! – повторил юноша.

– Ах! Вот я и начал рассказывать вам мои тайны! – сказал всадник с улыбкой. – Это случается только со мною, но все равно, вы оказали мне такую важную услугу, что я не могу скрываться от вас. А товарищи его как одеты?

– В серых кафтанах.

– Именно так. Это его оруженосцы.

– Которые сегодня именно носят оружие.

– Мне в честь. Покорно благодарю. Теперь знаете ли, что вы должны бы сделать?

– Не знаю, но скажите ваше мнение, – отвечал юноша, – и если могу быть вам полезным, так готов делать все, что вам угодно.

– У вас есть оружие?

– Да... шпага.

– Есть и лакей?

– Разумеется, но он уехал. Я послал его встречать гостя, которого жду.

– Ну, вы должны помочь мне...

– Каким образом?

– Помочь мне напасть на этих мерзавцев и заставить их просить пощады, их и их начальника.

– Вы с ума сошли! – закричал юноша голосом, который показывал, что он нимало не расположен принимать участие в таком деле.

– Ах, извините меня, – сказал путешественник, – совсем забыл, что это дело не касается вас.

Потом он повернулся к своему лакею, который стоял позади его, и сказал:

– Касторин! Сюда!

И в то же время он ощупывал седло, как бы желая убедиться, что его пистолеты целы.

– Ах! – вскричал юноша, протягивая руки как бы с намерением остановить его. – Ради неба, не рискуйте жизнью в таком деле. Лучше войти в гостиницу, чтобы не дать подозрения тем, кто вас поджидает. Вспомните, что дело идет о чести женщины.

– Вы правы, – сказал всадник, – хотя в этом случае дело идет собственно не о чести, а о денежных выгодах. Касторин, – прибавил он, обращаясь к лакею, – в эту минуту мы не поедем далее.

– Помилуйте! – вскричал удивленный лакей. – Что вы изволите говорить?

– Говорю, что Франсинетта сегодня вечером лишится удовольствия видеть тебя, потому что мы проведем ночь здесь, в гостинице «Золотого Тельца». Ступай, закажи мне ужин и вели приготовить мне постель.

Всадник заметил, что Касторин намерен возражать, и потому к последним своим словам прибавил движение головою, которое не допускало возражений. Касторин исчез в воротах, повесив голову и не посмея сказать даже слова.

Путешественник следил за Касторином глазами, потом, немного подумав, решился, сошел с лошади, вошел в ворота вслед за своим лакеем, отдал ему поводья лошади и тотчас взбежал в комнату юноши.

Юноша, услышав, что дверь открывается, невольно вздрогнул. Но гость не мог заметить этого движения в темноте.

– Милостивый государь, – сказал путешественник, весело подходя к юноше и сжимая руку, которую тот не хотел подать ему, – я обязан вам жизнью.

– О, вы слишком преувеличиваете цену моей услуги, – отвечал юноша, отступая на шаг.

– К чему такая скромность? Вы точно спасли мне жизнь. Я знаю герцога: он чертовски жесток. Что же касается вас, то вы образец догадливости, феникс христианского милосердия. Но вы, такой милый, такой любезный, неужели вы не послали известия туда?

– Куда?

– Туда, куда я ехал. Туда, где меня ждут.

– Нет, – отвечал юноша, – я об этом не подумал, признаюсь вам. Да если бы и подумал, то не мог бы исполнить моей мысли по недостатку средств. Я сам здесь только часа два и не знаю никого в гостинице.

– Черт возьми! – прошептал путешественник с заметным беспокойством. – Бедная Нанона! Дай Бог, чтобы с ней не случилось какой беды!

– Какая Нанона? Нанона Лартиг? – закричал юноша с изумлением.

– Ба! Вы верно колдун? – спросил путешественник. – Вы видите вооруженных людей в засаде и тотчас догадываетесь, против кого они хотят действовать. Я говорю вам имя, а вы тотчас угадываете фамилию. Объясните мне все это поскорее, или я донесу на вас, и Бордосский Парламент приговорит вас к костру.

– Ну, на этот раз немного было нужно ума, чтобы догадаться, в чем дело. Ведь вы уже сказали, что герцог д'Эпернон ваш соперник, потом начали говорить о Наноне. Стало быть, это та самая Нанона Лартиг, прелестная, богатая, умная, в которую до безумия влюблен герцог д'Эпернон и которая управляет его провинцией, за что ее ненавидят так же, как самого герцога, во всей Гиенне... И вы ехали к этой женщине? – прибавил юноша с упреком.

– Да, признаюсь... Когда уж я сказал ее имя, так нельзя отговариваться. Притом же, Наноны не знают, клеветают на нее. Она – очаровательная женщина, верна своим обещаниям, пока они доставляют ей удовольствие, вся предана тому, кого любит, пока любит его. Я должен был ужинать с нею сегодня вечером, но герцог опрокинул приборы. Хотите, я завтра представлю вас ей? Черт возьми! Ведь, наконец, герцог уедет же в Ажан!

– Благодарю, – сухо отвечал юноша. – Я знаю госпожу Лартиг только по имени и не желаю знать ее иначе.

– Напрасно, черт возьми, напрасно! Нанона прелестная женщина, не мешает быть знакомым с нею во всех отношениях.

Юноша нахмурил брови.

– Ах, извините, – сказал удивленный путешественник. – Я думал, что в наши лета...

– Разумеется, в мои лета обыкновенно принимают подобные предложения, – отвечал юноша, заметив, что его строгость производит дурное впечатление. – И я принял бы его охотно, если бы не был обязан уехать отсюда в эту же ночь.

– О! Вы не уедете, пока я не узнаю, кто так великодушно спас мне жизнь.

Юноша с минуту не решался, потом отвечал:

– Я виконт де Канб.

– Ага! – сказал путешественник. – Я много слышал о хорошенькой виконтессе де Канб, у которой много владений около Бордо и которая очень дружна с принцессой.

– Она моя родственница, – живо отвечал юноша.

– Так поздравляю вас, виконт. Говорят, она удивительно хороша. Надеюсь, что при удобном

случае вы представите меня ей. Я барон де Каноль, капитан в Наваильском полку, и теперь пользуюсь отпуском, который дан мне герцогом д'Эперноном по просьбе госпожи Лартиг.

– Барон де Каноль! – вскричал виконт, пристально вглядываясь в барона с особенным любопытством, которое было возбуждено именем, знаменитым в тогдашних любовных похождениях.

– Так вы знаете меня?

– Только по репутации, – отвечал виконт.

– И по дурной репутации, не так ли? Что делать? Каждый покоряется своему характеру. Я люблю бурную жизнь.

– Вы имеете полное право жить, как вам угодно, милостивый государь. Однако же, позвольте мне сделать вам одно замечание.

– Извольте.

– Вот, например, женщина пострадает за вас, герцог выместит на ней свою неудачу с вами.

– Неужели?

– Разумеется. Хотя госпожа Лартиг несколько... ветрена, однако же она все-таки женщина, и вы ввели ее в беду. Вы должны позаботиться об ее безопасности.

– Вы правы, совершенно правы, мой юный Нестор. Занявшись нашим милым разговором, я совершенно забыл о моих обязанностях. Нам изменили, и герцог, вероятно, знает все. Если бы можно было предупредить Нанону... Она так ловка. Она, верно, выпросила бы мне прощение у герцога. Ну, молодой человек, знаете ли вы войну?

– Нет еще, – отвечал виконт с улыбкой, – но думаю, что научусь ей там, куда еду.

– Хорошо, вот вам первый урок. Когда сила бесполезна, надобно употреблять хитрость. Помогите же мне похитрить.

– Готов. Говорите!

– В гостинице двое ворот.

– Не знаю.

– А я знаю. Одни выходят на большую дорогу, другие ведут в поле. Выйду через ворота в поле, обойду кругом и постучусь у домика Наноны. В нем тоже двое ворот.

– Хорошо, а если вас захватят в этом домике? – вскричал виконт. – Нечего сказать! Славный вы тактик!

– Как захватят?

– Да, разумеется, герцог, соскучившись ждать вас на дороге, отправится в домик.

– Но я только войду и тотчас убегу.

– Коли войдете... так уже не выйдете.

– Решительно, – сказал Каноль, – вы колдун.

– Вас захватят, может быть, убьют на ее глазах.

– Ба, – отвечал Каноль, – ведь у нее есть шкафы!

– О! – прошептал виконт.

Это «о!» было произнесено так красноречиво, содержало столько скрытых упреков, столько чистой стыдливости, столько непритворной деликатности, что Каноль тотчас остановился и в темноте пристально принялся рассматривать юношу.

Виконт почувствовал всю тяжесть этого взгляда и весело продолжал:

– Впрочем, вы правы, барон, ступайте! Только спрячьтесь хорошенько, чтобы вас не узнали.

– Нет, я виноват, а вы правы, – отвечал Каноль. – Но как предупредить ее?

– Письмом.

– А кто доставит?

– Кажется, с вами ехал лакей. В подобных случаях лакеи почти ничем не рискуют. Разве несколькими палочными ударами. А дворянин рискует жизнью.

– Право, я схожу с ума, – сказал Каноль. – Касторин превосходно исполнит поручение, я подозреваю даже, что у него есть там интрижка.

– Вы видите, что все может устроиться, – прибавил виконт.

– Да. Есть у вас бумага, чернила, перо?

– У меня нет, а все есть внизу.

– Извините, – сказал Каноль, – сам не знаю, что со мной сделалось сегодня: я беспрестанно делаю глупости, но все равно. Благодарю вас за добрые советы, виконт, и теперь же исполню их.

Каноль, не спуская глаз с юноши, которого уже несколько минут рассматривал очень пристально, вышел в дверь и спустился по лестнице. Между тем виконт в смущении и беспокойстве шептал сам себе:

– Как он смотрит!.. Неужели он узнал меня?

Каноль сошел вниз и чрезвычайно печально посмотрел на перепелок, куропаток и прочие кушанья, которые сам Бискалло укладывал в корзину. Не Каноль, а другой кто-нибудь скушает все эти прекрасные вещи, хотя они назначены именно для барона.

Он спросил, где комната, приготовленная Касторином, велел принести бумаги, перьев и чернил и написал к Наноне следующее письмо:

«Несравненная моя!

Если природа одарила прелестные ваши глаза способностью видеть во тьме, вы можете заметить шагах в ста от ваших ворот, в роще, герцога д'Эпернона. Он поджидает меня, хочет меня расстрелять и потом жестоко разделаться с вами. Я вовсе не хочу ни лишаться жизни, ни лишаться вас спокойствия. В этом отношении не беспокойтесь. Я воспользуюсь отпуском, который вы мне выпросили, желая доставить мне возможность видаться с вами. Куда я поеду, сам не знаю, даже не знаю, поеду ли я куда-нибудь. Что бы ни было, призовите изгнанника, когда буря пройдет. В гостинице «Золотого Тельца» скажут вам, по какой дороге я поеду. Надеюсь, вы будете мне благодарны за такую жертву, но ваши выгоды для меня дороже моих удовольствий. Говорю «моих удовольствий», потому что мне было бы очень приятно поколотить герцога д'Эпернона и его людей.

Верьте, моя бесценная, что я ваш преданнейший и особенно самый верный друг».

Каноль подписал эту записку, написанную с гасконским фанфаронством. Он знал, какое впечатление она произведет на гасконку Нанону. Потом, позвав лакея, сказал ему:

– Скажи откровенно, Касторин, далеко ли ты зашел с Франсинеттой?

– Помилуйте, сударь, – отвечал лакей, удивленный вопросом, – не знаю, должен ли я...

– Успокойся, волокита, я не имею никаких видов на нее, и ты не удостоишься чести быть моим соперником. Вопрос мой только справка.

– А! Это совсем другое дело. Франсинетта так умна, что умела оценить мои достоинства.

– Так ты с ней очень хорош, не так ли? Похвально! В таком случае, возьми эту записку, обойди лугом...

– Я знаю дорогу, сударь, – отвечал Касторин с самодовольным видом.

– Хорошо. Постучись в задние ворота. Ты, вероятно, знаешь и эти ворота?

– Знаю.

– Еще лучше. Стало быть, ступай через луг, постучись в ворота и отдай это письмо Франсинетте.

– Так я могу... – начал Касторин с радостью.

– Можешь идти сию минуту. Тебе дается десять минут на все путешествие, туда и обратно. Надобно доставить письмо госпоже Лартиг теперь же.

– Но, сударь, – возразил Касторин, догадавшийся, что дело идет не совсем хорошо, – если мне не отопрут?

– Так ты будешь дурак. Верно, у тебя есть какой-нибудь особый способ стучаться. Употреби его, и тебя не оставят за воротами. Если этого нет, то я жалкий вельможа, потому что у меня в услужении такой неуч.

– Да, у нас есть условный знак, – отвечал Касторин с торжествующим видом. – Я стучусь два раза, а потом, через несколько времени, прибавляю третий удар.

– Я не спрашиваю, как ты стучишься, это мне все равно. Главное, чтобы тебя впустили. Ступай же, если тебя поймут, проглоти записку. Знай, что я обрублю тебе уши, если ты не съешь ее.

Касторин полетел, как молния, но, спустившись с лестницы, остановился и против всех приличий всунул записку в сапог. Потом вышел через задние ворота, обежал весь луг, пробираясь сквозь кусты, как лисица, перепрыгивая через рвы, как гончая собака, и постучался в ворота домика тем особенным образом, который он старался объяснить своему господину. Стук подействовал

так, что тотчас отперли калитку.

Через десять минут Касторин воротился без всяких особенных приключений и уведомил барона, что записка уже находится в прелестных ручках Наноны.

Каноль в эти десять минут разобрал свой чемоданчик, приготовил себе халат и велел принести ужин. С видимым удовольствием выслушал он донесение Касторина, вышел в кухню, громко отдал приказания на всю ночь и беспощадно зевал, как человек, с нетерпением ожидающий минуты, когда ему можно будет лечь спать. Весь этот маневр имел целью показать герцогу (если герцог станет наблюдать за ним), что барон не намеревался ехать далее гостиницы, где он хотел, как простой и скромный путешественник, попросить ужина и ночлега. Действительно, маневр этот произвел именно то, чего желал барон. Какой-то поселянин, сидевший за бутылкою вина в самом темном углу залы, позвал слугу, расплатился, встал и вышел тихо, напевая песню. Каноль пошел за ним до ворот и видел, как он вошел в рощу. Минут через десять послышался конский топот. Серые кафтаны уехали.

Барон воротился в комнаты и, успокоившись насчет Наноны, начал думать, как бы повеселее провести вечер. Он приказал Касторину приготовить карты и кости, и, все приготовив, идти к виконту и спросить, может ли виконт принять его.

Касторин повиновался и на пороге комнаты виконта встретил старого седого конюха, который, полурастворив дверь, отвечал на его приветствие и просьбу грубым голосом:

– Теперь никак нельзя. Виконт занят делами.

– Очень хорошо, – сказал Каноль, услышав этот ответ, – я подожду.

В кухне послышался страшный шум. С целью убить время барон пошел посмотреть, что происходит в этом важном отделении гостиницы.

Шум наделал поваренок, носивший ужин к Наноне. На повороте дороги его остановили четыре человека и спрашивали о цели его ночной прогулки. Узнав, что он несет ужин к хозяйке уединенного домика, они сняли с него фуражку, белую куртку и фартук. Самый молодой из этих четырех человек надел платье поваренка, поставил корзину на голову и вместо посланного пошел к домику. Через несколько минут он воротился и начал толковать потихоньку с тем, кто казался начальником шайки. Потом поваренку отдали фуражку, белую куртку и фартук, поставили ему на голову корзину и толкнули ногою, чтобы он знал, куда идти. Мальчику только этого и хотелось. Он бросился бежать и от страха почти без чувств упал на пороге гостиницы, где и подняли его.

Это приключение казалось непонятно всем, кроме Каноля. Но барону не было выгоды объяснять его и он предоставил трактирщику, слугам и служанкам теряться в догадках, и пока они догадывались, отправился к виконту. Думая, что первая просьба, уже посланная через Касторина, избавляет его от второй, барон без церемоний отворил дверь и вошел.

Посредине комнаты стоял стол со свечами и двумя приборами, не доставало только кушанья.

Каноль заметил число приборов и вывел из него благоприятное для себя заключение.

Однако же, увидав его, виконт вскочил: ясно было, что не для барона поставлен второй прибор.

Все разрешилось первыми словами виконта.

– Могу ли узнать, барон, – спросил юноша очень церемонно, – чему я обязан новым вашим посещением?

– Самому простому случаю, – отвечал Каноль, несколько пораженный неласковым приемом виконта. – Мне захотелось есть. Я подумал, что и вы, вероятно, тоже хотите кушать. Вы одни, и я один, и я хотел предложить вам поужинать со мною.

Виконт взглянул на Каноля с заметною недоверчивостью и, казалось, затруднялся с ответом.

– Клянусь честью, – продолжал Каноль с улыбкою, – вы как будто боитесь меня. Уж не мальтийский ли вы кавалер? Не идете ли вы в монахи, или, может быть, почтенные ваши родители воспитали вас в отвращении к баронам де Каноль? Помилуйте, я не погублю вас, если мы просидим час за одним столом.

– Не могу идти к вам, барон.

– Так и не сходите ко мне. Но я поднялся к вам!..

– Это еще невозможнее. Я жду гостя.

На этот раз Каноль растерялся.

– А, вы ждете гостя.

– Да, жду.

– Послушайте, – сказал Каноль, помолчав немного, – уж лучше бы вы не останавливали меня, пусть бы со мною что-нибудь случилось... А то теперь вы портите вашу услугу вашим отворачиванием ко мне... Услугу, за которую я не успел еще довольно благодарить вас.

Юноша покраснел и подошел к Канолу.

– Простите меня, барон, – сказал он дрожащим голосом, – вижу, что я очень неучтив. Если бы не важные дела, дела семейные, о которых я должен переговорить с гостем, то я за счастье и за удовольствие почел бы ужинать с вами, хотя...

– Договаривайте, – сказал Каноль, – я решил не сердиться на вас, что бы вы ни сказали мне.

– Хотя, – продолжал юноша, – знакомство наше – дело случая, нечаянная встреча, минутная.

– А почему так? – спросил Каноль. – Напротив, именно на таких случаях основывается самая прочная и откровенная дружба. Особенно, когда сам рок...

– Сам рок, – отвечал виконт с улыбкой, – хочет, чтобы я уехал отсюда через два часа, и не по той дороге, по которой вы поедете. Примите мое сожаление в том, что я не могу воспользоваться дружбой, которую вы предлагаете мне так мило и которой я знаю цену.

– Ну, – сказал Каноль, – вы решительно престранный человек, – и первый порыв вашего великодушия внушил мне сначала совсем другие мысли о вашем характере. Но пусть будет по-вашему, я не имею права быть взыскательным, потому что я вам обязан, и вы сделали для меня гораздо больше того, на что я мог надеяться от незнакомого человека. Пойду и поужинаю один, но признаюсь вам, виконт, это мне очень прискорбно: я не очень привык к монологам.

И в самом деле, несмотря на свое обещание и на свою решимость уйти, Каноль не уходил. Что-то удерживало его на месте, хотя он и не мог дать себе отчета в этой притягательной силе, что-то неотразимо влекло его к виконту.

Юноша взял свечу, подошел к Канолу, с прелестною улыбкою пожал ему руку и сказал:

– Милостивый государь, хотя наше знакомство совсем не короткое, я чрезвычайно рад, что мог быть вам полезным.

Каноль в этих словах понял только комплимент. Он схватил руку, ему предложенную, но виконт, не отвечая на его сильное пожатие, отдернул свою горячую и дрожащую руку. Тут барон понял, что юноша просит его выйти вон самым учтивым образом, раскланялся и вышел с досадой и задумавшись.

В дверях он встретил беззубую улыбку старого лакея, который взял свечу из рук виконта, церемонно довел Каноля до его комнаты и тотчас воротился к своему господину.

– Что? – спросил виконт потихоньку.

– Кажется, он решил ужинать один, – ответил Помпей.

– Так он уж не придет?

– Кажется, не придет.

– Вели приготовить лошадей, Помпей. Таким образом мы все-таки выиграем время. Но, – прибавил виконт, прислушиваясь, – что это за шум? Кажется, голос Ришона.

– И голос Каноля.

– Они ссорятся.

– Нет, узнают друг друга, извольте слушать.

– Ах! Что если Ришон проговорится!

– Помилуйте, нечего бояться, он человек очень осторожный.

– Тише!

Оба замолчали и послышался голос Каноля.

– Давайте два прибора, Бискаро, – кричал барон, – скорее два прибора! Господин Ришон ужинает со мною.

– Нет, позвольте, – отвечал Ришон, – никак нельзя.

– Что такое? Вы хотите ужинать одни, как тот господин?

– Какой господин?
– Там, наверху.
– Кто он?
– Виконт де Канб.
– Так вы знаете виконта?
– Как же! Он спас мне жизнь.
– Он спас?
– Да, он!
– Каким образом?
– Ужинайте со мною, тогда я все расскажу вам за ужином.
– Не могу, я ужинаю у него.
– Правда, он кого-то ждет.
– Он ждет, а я уже опоздал, и потому вы позволите мне, барон, пожелать вам доброй ночи?
– Нет, черт возьми! Не позволяю, не позволяю! – кричал Каноль. – Я задумал ужинать в веселой компании, поэтому вы отужинаете со мною, или я буду ужинать с вами. Бискаarro, два прибора.

Но пока Каноль отвернулся и наблюдал за исполнением этого приказа, Ришон побежал по лестнице. На последней ступеньке его встретила мягкая ручка виконта, втянула его в комнату, затворила дверь и задвинула, к величайшему его удивлению, обе задвижки.

– Черт возьми! – шептал Каноль, отыскивая глазами исчезнувшего Ришона и один садясь за стол. – Не знаю, почему все против меня в этом проклятом месте. Одни гонятся за мною и хотят убить меня, другие бегут от меня, как будто я зачумлен. Черт возьми! Аппетит проходит, чувствую, что становлюсь скучным, я готов сегодня напиться допьяна, как лакей. Гей, Касторин! Поди сюда, я поколочу тебя! Они заперлись там наверху как для заговора. Ах! Какой я глупец! Они в самом деле сочиняют заговор, точно так, этим все объясняется. Но вот вопрос, в чью пользу они составляют заговор? В пользу коадьютора? Или принцев? Или парламентов? Или короля? Королевы? А может быть, в пользу кардинала Мазарини? Бог с ними, пусть себе замышляют против кого им угодно, это мне совершенно безразлично, аппетит мой воротился. Касторин, вели давать ужин. Я тебя прощаю.

Каноль философски принялся за первый ужин, приготовленный для виконта Канба. За неимением свежей провизии, Бискаarro подал барону по необходимости подогретый ужин.

Пока барон Каноль тщетно ищет товарища для ужина и после бесплодных попыток решается ужинать один, посмотрим, что делается у Наноны.

IV

Нанона, несмотря на все, что говорили и писали против нее враги, а в числе ее врагов надобно считать всех историков, занимавшихся ею, была в то время прелестная женщина лет двадцати пяти или шести, невелика ростом, смугла, но величественна и грациозна, с живым и свежим цветом лица, с черными как ночь глазами, которые блистали всеми возможными отблесками и огнями. По-видимому, Нанона казалась веселою и охотницею посмеяться, но на самом деле она редко предавалась прихотям и пустякам, которые обыкновенно наполняют жизнь женщины, живущей для любви. Напротив того, самые важные рассуждения, обдуманые в ее голове, становились увлекательными и ясными, когда их произносил ее голос, показывавший, что она гасконка. Никто не мог подозревать под розовой маской с тонкими и веселыми чертами непоколебимую твердость и глубину мыслей государственного человека. Таковы были достоинства или недостатки Наноны, смотря по тому, как кто станет судить о них. Таков был расчетливый ее ум, таково было ее челолюбивое сердце, которым ее прелестное тело служило оболочкою.

Нанона родилась в Ажане. Герцог д'Эпернон, сын друга Генриха IV, того самого, который сидел с королем в карете в минуту, когда Равальяк совершил гнусное преступление, герцог д'Эпернон, назначенный губернатором Гиенны, где его ненавидели за его гордость, грубость и несправедливость, отличил эту незначительную девочку, дочь простого адвоката. Он волочил за

нею и с величайшим трудом победил ее после защиты, поддержанной мастерски, с целью дать почувствовать победителю всю цену его победы. Взамен за свою потерянную репутацию Нанона отняла у него его свободу и всемогущество. Через полгода после начала дружбы ее с губернатором Гиенны Нанона решительно управляла этою прекрасною провинциею, платя с процентами всем, кто прежде ее оскорбил или унизил, за прошедшие оскорбления и унижения. Став случайно королевою, она по расчету превратилась в тирана, предчувствуя, что надобно злоупотреблениями заменить непродолжительность царствования.

Поэтому она завладела всем, захватив все – сокровища, влияние, почести. Она разбогатела, раздавала места, принимала кардинала Мазарини и первейших придворных вельмож. С удивительною ловкостью распоряжаясь своим могуществом, она с пользою употребляла его для своего возвышения и для составления себе состояния. За каждую услугу Нанона брала назначенную цену. Чин в армии, место в суде продавались по известному тарифу. Нанона непременно выпрашивала чин или место, но ей платили за них чистыми деньгами или богатым и королевским подарком. Таким образом, выпуская из рук часть своего могущества, она тотчас возвращала его в другой форме. Отдавая власть, она удерживала деньги, потому что деньги – сильнейший рычаг власти.

Этим объясняется продолжительность ее царствования. Люди в припадке ненависти не любят ниспровергать врага, когда ему остается какое-нибудь утешение. Мщение желает совершенного разорения, полной гибели. Неохотно прогоняют человека, который уносит золото и смеется. У Наноны было два миллиона.

Зато она почти спокойно жила на вулкане, который беспрестанно дымился около нее. Она видела, что народная ненависть поднимается, как море во время прилива, и волнами своими разбивает власть герцога д'Эпернона. Когда его выгнали из Бордо, он утащил с собою Нанону, как корабль увлекает лодку. Нанона покорила буре, обещав себе отмстить за все, когда буря пройдет. Она взяла кардинала Мазарини за образец, и, как скромная ученица, подражала политике хитрого и ловкого итальянца. Кардинал заметил эту женщину, которая возвысилась и разбогатела теми же средствами, какие возвели его на степень первого министра и владельца пятидесяти миллионов, он удивился маленькой гасконке, он сделал даже больше – оставил ее в покое, позволил ей действовать. Может быть, после узнаем мы причину его снисхождения.

Несмотря на все это и на уверения некоторых, будто Нанона прямо переписывается с кардиналом Мазарини, мало говорили о политических интригах прелестной гасконки. Даже сам Каноль, по молодости, красоте и богатству своему не понимавший, зачем человек может сделаться интриганом, не знал, что думать о Наноне в этом отношении. Что же касается ее любовных интриг, то даже враги ничего не говорили о них. Может быть, потому, что она, занявшись важными делами, отложила любовные похождения до некоторого времени, или потому, что все любители сплетней сосредоточили внимание на одной интриге ее с герцогом д'Эперноном. Каноль по праву мог думать, что до его появления Нанона была непобедима.

Нанона и Каноль познакомились очень просто. Каноль служил поручиком в Наваильском полку. Ему захотелось получить чин капитана. Для этого он должен был написать письмо к герцогу д'Эпернону, главному начальнику пехоты. Нанона прочла письмо, подумала, что дело может быть выгодно в денежном отношении, и назначила Канолю свидание. Каноль выбрал из старинных фамильных драгоценностей превосходный перстень, стоивший, по крайней мере, пятьсот пистолей (это было все-таки дешевле, чем купить роту), и поехал на свидание. Но на этот раз победитель Каноль, уже прославившийся счастьем в любви, расстроил все расчеты и денежные надежды госпожи Лартиг. Он в первый раз видел Нанону, она в первый раз видела его, оба были молоды, хороши и умны. Свидание прошло во взаимных комплиментах, о чине не было сказано ни слова, однако же, дело устроилось. На другое утро Каноль получил патент на капитанский чин, а драгоценный перстень перешел с руки Каноля на палец Наноны не в виде награды за удовлетворенное честолюбие, а как залог счастливой любви.

V

История достаточно объясняет нам, почему Нанона Лартиг поселилась возле селения Мати-

фу. Мы уже сказали, что в Гиенне ненавидели герцога д'Эпернона. Ненавидели также Нанону, удостоив произвести ее в злые гении. Бунт выгнал их из Бордо и заставил бежать в Ажан, но и в Ажане тоже начались беспорядки. Один раз на мосту опрокинули золоченую карету, в которой Нанона ехала к герцогу. Нанона неизвестно каким образом упала в реку. Каноль спас ее. Другой раз ночью загорелся дом Наноны. Каноль вовремя пробрался в спальню Наноны и спас ее. Нанона подумала, что третья попытка, может быть, удастся жителям Ажана. Хотя Каноль удалялся от нее как можно реже, однако же не всегда мог быть при ней в минуту опасности. Она воспользовалась отъездом герцога и его конвоя в тысячу двести человек (между ними были и солдаты Навайльского полка) и выехала из Ажана вместе с герцогом. Из кареты она смеялась над народом, который охотно раздробил бы экипаж, но не смел.

Тогда герцог и Нанона выбрали, или, лучше сказать, Каноль тайно выбрал за них домик, и решили, что Нанона поживет в нем, пока отделают для нее дом в Либурне. Каноль получил отпуск, по-видимому, для окончания семейных дел, а в действительности для того, чтобы иметь право уехать из полка, стоявшего в Ажане, и не слишком удаляться от селения Матифу, в котором его спасительное присутствие было теперь нужнее, чем когда-нибудь. В самом деле, события начинали принимать грозный вид: принцы Конде, Конти и Лонгвиль, арестованные 17 января и заключенные в Венсенский замок, могли дать нескольким партиям, раздиравшим тогда Францию, повод к междоусобной войне. Ненависть к герцогу д'Эпернону (все знали, что он совершенно предан двору) беспрестанно увеличивалась, хотя можно было подумать, что она уже не может увеличиться. Все партии, сами не знавшие, что они делают в эту странную эпоху, ждали развязки, которая становилась необходимою. Нанона, как птичка, предчувствующая бурю, исчезла с горизонта и скрылась в своем зеленом гнездышке, ожидая там, безмолвно и в неизвестности, развязки событий.

Она выдавала себя за вдову, ищущую уединения. Так называл ее и сам Бискарро.

Накануне герцог д'Эпернон виделся с прелестною затворницею и объявил ей, что уедет на неделю ревизовать провинцию. Тотчас после его отъезда Нанона послала через сборщика податей письмо к Каноль, который, пользуясь отпуском, жил в окрестностях Матифу. Только, как мы уже рассказывали, подлинная записка исчезла, и Ковиньяк вместо нее послал копию. На это приглашение и ехал беспечный капитан, когда виконт де Канб остановил его шагах в четырехстах от цели.

Остальное мы знаем.

Нанона ждала Каноля, как ждет влюбленная женщина, то есть десять раз в минуту смотрела на часы, беспрестанно подходила к окну, прислушивалась ко всякому стуку, посматривала на красное и великолепное солнце, которое скрывалось за горою и уступало место сумраку. Сначала постучались в парадную дверь. Нанона выслала Франсинетту. Но то был мнимый поваренок, который принес ужин. Нанона выглянула в переднюю и увидела фальшивого посланного, а тот заглянул в спальню и увидел там накрытый столик с двумя приборами. Нанона приказала Франсинетте разогревать ужин, печально притворила дверь и воротилась к окну, из которого даже при темноте ночной она могла видеть, что на дороге никого нет.

Другие удары, не похожие на первый, раздались у задних ворот домика. Нанона вскрикнула: «Вот он!» Но боясь, что и это не он, она молча и неподвижно стояла в своей комнате. Через минуту дверь отворилась и на пороге появилась Франсинетта, печальная, смущенная, с запиской в руках. Нанона увидела бумагу, бросилась, вырвала ее из рук служанки, распечатала и прочла со страхом.

Письмо поразило Нанону как громом. Она очень любила Каноля, но у ней честолюбие почти равнялось чувству любви. Лишаясь герцога д'Эпернона, она лишалась будущего своего счастья и, может быть, даже прошедшего. Однако же она была женщина умная. Она тотчас погасила свечу, которая могла изменить ей, и подбежала к окну. Она выглянула вовремя: четыре человека подходили к домику и были уже близко, не более как в двадцати шагах. Человек в плаще шел впереди, в нем Нанона тотчас узнала герцога д'Эпернона. В эту минуту в комнату вошла Франсинетта со свечой. Нанона с отчаянием взглянула на приготовленный стол, на два прибора, на два кресла, наконец, на свой изысканный наряд, гармонирующий превосходно со всеми этими приготовлениями.

«Я погибла», – подумала она.

Но почти в ту же минуту ее быстрый, находчивый ум воротился к ней, она улыбнулась. С быстротою молнии она схватила простой стакан, приготовленный для Каноля, и бросила его в сад, вынула из футляра золотой бокал с гербом герцога, поставила его прибор возле своего. Потом, дрожа от страха, но с улыбкою на лице пошла по лестнице и пришла к двери в ту самую минуту, как раздался громкий и торжественный удар.

Франсинетта хотела отпереть. Нанона схватила ее за руку, оттолкнула и с быстрым взглядом, который у пойманных женщин так хорошо дополняет мысль, сказала:

– Я ждала герцога д'Эпернона, а не Каноля. Подавай ужин скорей!

Потом она сама отперла и, бросившись обнимать человека с белым пером, который старался казаться суровым, закричала:

– А, стало быть, сон не обманул меня! Пожалуйте, герцог, все готово, мы будем ужинать.

Герцог стоял в недоумении, но ласки хорошенькой женщины всегда приятны, поэтому он позволил ей поцеловать себя.

Но, вспомнив тотчас, что имеет в руках неотразимые доказательства, он отвечал:

– Позвольте, сударыня, прежде ужина нам непременно нужно объясниться.

Он рукою подал знак своим товарищам, которые почтительно отошли, однако же, недалеко, сам он вошел в дом тяжелыми шагами.

– Что с вами, милый герцог? – спросила Нанона с веселостию, разумеется, притворною, но очень похожею на настоящую. – Не забыли ль вы чего-нибудь здесь, что так внимательно осматриваете комнату?

– Да, я забыл сказать вам, что я не дурак, не Жеронт, каких выставляет Бержерон в своих комедиях. Забыв сказать вам про это, я лично являюсь доказать вам, что я не дурак.

– Я вас не понимаю, герцог, – сказала Нанона очень спокойно и простодушно. – Объяснитесь, прошу вас.

Герцог поглядел на два стула, со стульев взгляд его перешел на два прибора. Тут взгляд его остановился довольно долго.

Герцог покраснел от гнева.

Нанона предвидела все это и ждала последствий осмотра с улыбкой, которая показывала ее зубы, белые, как жемчужины. Только эта улыбка отзывалась чем-то болезненным, и белые зубки ее верно бы скрежетали, если бы от страха не примкнули один к другому.

Герцог посмотрел на нее грозно.

– Я вас жду, – сказала Нанона с прелестным поклоном. – Что вы хотели знать?

– Я хотел знать, зачем вы приготовили ужин?

– Я уже вам сказала, что видела сон. Видела, что вы будете ко мне сегодня, хотя и приезжали вчера. А сны никогда не обманывают меня. Я приказала приготовить ужин для вас.

Герцог сделал гримасу, которую хотел выдать за насмешливую улыбку.

– А ваш очаровательный наряд, сударыня? А эти благовония, духи?

– Одета я, как и всегда, когда принимаю вас, герцог. Духи всегда и во всех моих шкафах, потому что вы сами говорили мне, что очень любите их.

– Так вы ждали меня? – спросил герцог с усмешкой, полной иронии.

– Что такое? – сказала Нанона, тоже нахмурив брови. – Кажется, вы намереваетесь осматривать мои шкафы? Уж не ревнивы ли вы, сударь?

Нанона расхохоталась.

Герцог принял величественный вид.

– Я ревнив! О нет! Слава Богу, в этом отношении не могут посмеяться надо мною. Я стар и богат, стало быть, я создан для того, чтобы быть обманутым. Но тем, кто меня обманывает, я хочу по крайней мере доказать, что я не дурак.

– А как вы это докажете им? – спросила Нанона. – Мне любопытно знать.

– О, это совсем не трудно. Я покажу им только вот эту бумажку.

Герцог вынул из кармана письмо.

– Мне уже ничего не снится, – сказал он, – в мои лета не бывает сновидений, но я получаю

письма. Прочтите вот это, оно очень любопытно.

Нанона в страхе взяла письмо и задрожала, увидав почерк, но трепета ее нельзя было заметить, и она прочла:

«Герцога д'Эпернона сим извещают, что сегодня вечером один человек, находящийся уже с полгода в коротких отношениях с госпожой Лартиг, придет к ней и останется у ней ужинать.

Желая сообщить герцогу полные сведения, уведомляют, что счастливый соперник – барон де Каноль».

Нанона побледнела: этот удар поразил ее прямо в сердце.

– Ах, Ролан, Ролан! – прошептала она. – Я думала, что навсегда от тебя избавилась!

– Что? – спросил герцог с торжеством.

– Неправда! – отвечала Нанона. – Если ваша политическая полиция не лучше любовной, то я жалею вас.

– Вы жалеете меня?

– Да, потому что здесь нет этого барона Каноль, которому вы напрасно приписываете честь быть вашим соперником. Притом же, вы можете подождать и увидите, что он не придет.

– Он уже был!

– Неправда! – вскричала Нанона.

На этот раз истина звучала в восклицании обвиненной красавицы.

– Я хотел сказать, что он уже был здесь в нескольких стах шагов и, к счастью своему, оставился в гостинице «Золотого Тельца».

Нанона поняла, что герцог знает не все и менее того, что она думала. Она пожала плечами, потом новая мысль, внушенная ей письмом, которое она вертела и мяла в руках, созрела в ее голове.

– Можно ли вообразить, – сказала она, – что человек гениальный, славнейший политик Франции верит безымянным письмам?

– Пожалуй, письмо безымянное, но как вы объясните его?

– О, объяснить его нетрудно: оно есть продолжение козней наших доброжелателей в Ажане. Барон де Каноль по домашним обстоятельствам просил у вас отпуск, вы отпустили его. Узнали, что он едет через Матифу и на путешествии его построили это смешное обвинение.

Нанона заметила, что лицо герцога не только не развеселилось, но даже еще более нахмурилось.

– Объяснение было бы очень хорошо, – сказал он, – если бы в знаменитом письме, которое вы сваливаете на ваших доброжелателей, не было приписки... В смущении вы забыли прочесть ее.

Смертельная дрожь пробежала по всему телу несчастной женщины. Она чувствовала, что не в силах выдержать борьбы, если случай не поможет ей.

– Приписка! – повторила она.

– Да, прочтите ее, – сказал герцог, – письмо у вас в руках.

Нанона пыталась улыбнуться, но сама чувствовала, что лицо ее не может изобразить спокойной улыбки. Она удовольствовалась тем, что начала читать довольно твердым голосом:

«В моих руках письмо госпожи Лартиг к барону Каноль, в этом письме свидание назначено сегодня вечером. Я отдам письмо за бланк герцога, если герцогу угодно будет передать мне его посредством человека, который должен быть один, в лодке, на Дордони, против Сен-Мишеля, в шесть часов вечера».

– И вы имели неосторожность... – начала Нанона.

– Почерк руки вашей так мне дорог, что я готов все заплатить за одно письмо ваше.

– Поручать такую тайну какому-нибудь неверному наперснику!.. Ах, герцог!

– Такие тайны узнаются лично, и я так и сделал. Я сам отправился в лодке.

– Так у вас мое письмо?

– Вот оно.

Нанона собрала все усилия памяти и старалась вспомнить текст письма, но никак не могла, потому что совершенно растерялась.

Она была принуждена взять собственное свое письмо и прочесть его, в нем было только три

строчки: Нанона в одну секунду прочла их глазами и с невыразимою радостью увидела, что письмо не вполне губит ее.

– Читайте вслух, – сказал герцог, – я так же, как вы, забыл содержание письма.

Нанона могла улыбнуться и по приглашению герцога прочла:

«Я ужинаю в восемь часов. Будете ли вы свободны? Я свободна. Будьте аккуратны, любезный Каноль, и не бойтесь за нашу тайну».

– Вот это довольно ясно, кажется! – закричал герцог, побледнев от бешенства.

«Это спасает меня», – подумала Нанона.

– Ага, – продолжал герцог, – у вас с Канолем есть тайны!

VI

Нанона поняла, что одна минута нерешимости может погубить ее. Притом же она успела уже обдумать весь план, всю мысль, внушенную ей безымянным письмом.

– Да, правда, – сказала она, пристально поглядывая на герцога, у меня есть тайна с капитаном.

– Вы сами признаетесь! – закричал герцог.

– Поневоле признаешься, когда от вас ничего нельзя скрыть.

– О, – прошептал герцог сквозь зубы.

– Да, я ждала барона Каноль, – спокойно продолжала госпожа Лартиг.

– Вы ждали его?

– Ждала.

– И смеееете признаться?..

– Смею. Знаете ли вы, кто такой Каноль?

– Хвастун, которого я жестоко накажу за его дерзость.

– Нет, он добрый и честный дворянин, и вы станете по-прежнему покровительствовать ему.

– Ого! Ну, этого-то не будет! Клянусь.

– Не клянитесь, герцог, по крайней мере до тех пор, пока не выслушаете меня, – сказала Нанона с улыбкою.

– Говорите же, но скорей.

– Вы, все знающий, все замечающий, неужели вы не заметили, что я беспрестанно занималась Канолем, беспрестанно просила вас за него, выпросила ему капитанский чин, денежное пособие на поездку в Бретань с господином Мельерэ и потом еще отпуск? Неужели вы не заметили, что я беспрестанно заботилась о нем?

– Сударыня, это уж чересчур!

– Позвольте, герцог, подождите до конца.

– Чего мне еще ждать? Что вы можете еще прибавить?

– Что я принимаю в бароне Каноле самое нежное участие.

– Я знаю!

– Что я предана ему и телом и душою.

– Сударыня, вы употребляете во зло...

– Что буду служить ему до самой смерти, и все это потому...

– Потому что он ваш любовник, не трудно догадаться.

– Нет, – закричала Нанона, схватив дрожавшего герцога за руку, – потому что Каноль брат мой.

Руки герцога д'Эпернона опустились.

– Ваш брат! – прошептал он.

Нанона кивнула головою в знак согласия и улыбнулась с радостью.

Через минуту герцог вскричал:

– Однако же это требует объяснения!

– Извольте, я все объясню вам, – сказала Нанона. – Когда умер отец мой?

– Теперь уж месяцев восемь, – отвечал герцог, рассчитав время.

– А когда подписали вы патент на капитанский чин барону Канолью?

– Да в то же время.

– Две недели спустя, – сказала Нанона.

– Очень может быть...

– Мне очень неприятно, – продолжала Нанона, – рассказывать про бесчестие другой женщины, разглашать тайну, которая становится нашею тайною, слышите ли? Но ваша странная ревность принуждает меня, ваше поведение заставляет меня говорить... Я подражаю вам герцог: во мне нет великодушия.

– Продолжайте, продолжайте! – вскричал герцог, который начинал уж верить выдумкам прелестной гасконки.

– Извольте... Отец мой был известный адвокат, имя его славилось. Назад тому двадцать лет отец мой был еще молод, он всегда был очень хорош лицом. Он любил еще до своего брака мать барона Каноль, ее не отдали за него, потому что она дворянка, а он – выслужившийся чиновник. Любовь взяла на себя труд, как часто случается, поправить ошибку природы, и один раз, когда барон Каноль отправился в путешествие... Ну, теперь вы понимаете?

– Понимаю, но каким образом дружба ваша с Канолем началась так поздно?

– Очень просто: только по смерти отца я узнала, какие узы связывают меня с Канолем. Вся тайна хранилась в письме, которое отдал мне сам барон, называя меня сестрою.

– А где это письмо?

– А разве вы забыли, что пожар истребил у меня все самые мои драгоценные вещи и все мои бумаги?

– Правда, – прошептал герцог.

– Двадцать раз я собиралась рассказать вам эту историю, будучи уверена, что вы сделаете все, что можно, для того, кого я потихоньку называю братом. Но он всегда удерживал меня, всегда упрашивал, умолял пощадить репутацию его матери, которая еще жива. Я повиновалась ему, потому что умела ценить его доводы.

– Так вот что! – сказал тронутый герцог. – Ах, бедный Каноль.

– А ведь он отказывался от счастья! – прибавила прелестная гасконка.

– У него прекрасная душа, – заметил герцог, – это делает ему честь.

– Я даже обещала ему с клятвою, что никогда никому не скажу ни слова про эту тайну. Но ваши подозрения заставили меня проговориться. О, горе мне! Я забыла клятву! Горе мне! Я изменила тайне моего брата!

Нанона зарыдала.

Герцог бросился перед ней на колени и целовал ее прелестные ручки. Она опустила их в отчаянии и, подняв глаза к небу, казалось, вымаливала себе прощение за клятвopеступление.

– Вы твердите: горе мне! – вскричал герцог. – Напротив того, счастье всем нам! Я хочу, чтобы милый Каноль воротил потерянное время. Я не знаю его, но хочу познакомиться с ним. Вы представите его мне, и я буду любить его, как сына.

– Скажите, как брата, – подхватила она с улыбкой.

Потом перешла к другой мысли.

– Несносные доносчики! – сказала она, сжимая письмо и показывая, будто бросает его в камин, но между тем тщательно спрятала его в карман, чтобы впоследствии отыскать доносчика.

– Но, кстати, – сказал герцог, – отчего не идет он сюда? Зачем откладывать наше знакомство? Я сейчас пошлю за ним в гостиницу.

– Хорошо! Чтобы он узнал, что я ничего не могу скрывать от вас, и что, забыв данную клятву, я все рассказала вам?

– Я все скрою.

– Теперь, герцог, я должна ссориться с вами, – сказала Нанона с улыбкою, которую демоны занимают у ангелов.

– А за что, красавица моя?

– За то, что прежде вы более дорожили свиданиями со мною наедине. Послушайте, теперь поужинаем. Успеем послать за Канолем и завтра.

«До завтра я успею предупредить его», – подумала Нанона.

– Пожалуй, – отвечал герцог, – сядем за стол.

В припадке подозрений он думал: «До завтрашнего утра я не расстанусь с нею, и она будет колдунья, если успеет предупредить его».

– Стало быть, – сказала Нанона, положив руку на плечо герцогу, – мне позволено будет просить моего друга в пользу моего брата?

– Разумеется, – отвечал герцог, – все, что вам угодно, начиная с денег...

– Ну, денег ему не нужно, – возразила Нанона, – он подарил мне бриллиантовый перстень, который вы заметили и который достался ему от его матери.

– Так чин...

– Да, дело в чине. Мы дадим ему чин полковника, не так ли?

– Произвести его в полковники! Ба! Как вы спешите! Ведь для этого нужно, чтобы он оказал какую-нибудь услугу королю.

– Он готов служить везде, где ему прикажут.

– О, – сказал герцог, поглядывая на Нанону. – Я мог бы дать ему тайное поручение ко двору...

– Поручение ко двору! – вскричала Нанона.

– Да, но оно разлучит вас.

Нанона поняла, что надобно уничтожить остатки недоверчивости.

– Не бойтесь этого, милый герцог. Что за дело до разлуки, если она послужит ему в пользу! Если мы будем вместе, я не могу хорошо служить ему, потому что вы ревнивы. Если он будет далеко, вы станете поддерживать его вашею могущественною рукою. Удалите его, вышлите из Франции, если нужно для его пользы, и обо мне не заботьтесь. Только бы вы любили меня, больше мне ничего не нужно.

– Хорошо, решено, – отвечал герцог. – Завтра утром я пошлю за ним и дам ему поручение. А теперь, – прибавил герцог, умильно взглянув на два кресла и на два прибора, – теперь поужинаем, несравненная красавица.

Оба сели за стол с такими веселыми лицами, что даже Франсинетта, привыкшая к обращению герцога и к характеру своей госпожи, подумала, что Нанона совершенно спокойна, а герцог совершенно убедился в ее невинности.

VII

Ришон поднялся в первый этаж гостиницы «Золотого Тельца» и сел ужинать с виконтом.

Его-то ждал с нетерпением виконт, когда сама судьба доставила ему случай видеть враждебные приготовления герцога д'Эпернона и оказать барону Канолью важную услугу, о которой мы уже рассказали.

Ришон выехал из Парижа уже с неделю. Из Бордо приехал в тот день, когда началась наша повесть. Стало быть, он привез самые свежие известия о запутанных делах, происходивших в то время между Парижем и Бордо. Когда он говорил о заключении принцев, важнейшем тогдашнем событии, или о Бордосском парламенте, который овладел всею провинциею, или о кардинале Мазарини, который был истинным королем в то время, виконт молча смотрел на его мужественное и загорелое лицо, на его пронизательные и самоуверенные глаза, на его острые и белые зубы, составлявшиеся из-под черных усов. По всем этим признакам в Ришоне можно было узнать выслужившегося офицера.

– Так вы говорите, – спросил, наконец, виконт, – что принцесса теперь в Шантильи?

Известно, что принцессами в то время называли герцогинь Конде, только к имени старшей из них всегда прибавляли: вдовствующая.

– Да, – отвечал Ришон, – там она ждет вас.

– А в каком она положении?

– В совершенном изгнании: за нею и за матерью ее мужа наблюдают с величайшим вниманием, потому что при дворе знают, что они не довольствуются одними просьбами Парламенту и

замышляют что-нибудь подейственнее в пользу принцев. К несчастью, как и всегда, денежные обстоятельства... Кстати, о деньгах, получили ли вы ту сумму, которую хотели добыть здесь? Мне особенно поручили узнать об этом.

Виконт отвечал:

– Я с трудом собрал тысяч двадцать золотом, вот они здесь. Только!

– Только! Какие у вас понятия, виконт! Видно, что вы миллионер: говорите с таким презрением о такой сумме в такую минуту! Двадцать тысяч! Мы будем беднее кардинала Мазарини, но богаче короля.

– Так вы думаете, Ришон, что принцесса примет мое посильное приношение?

– С благодарностью: вы дадите ей средство платить жалованье целой армии.

– А разве нам она нужна?

– Армия-то? Разумеется, и мы уже занимаемся и сбором ее. Ларошфуко набрал четыреста дворян под предлогом того, что они будут присутствовать при похоронах его отца. Герцог де Бульон отправится в Гиенну с таким же отрядом, а может быть, и больше. Тюрен обещает напасть на Париж с целью захватить Венсен врасплох и вырвать оттуда принцев: у него будет тридцать тысяч человек, всю северную армию оттянет он от службы короля. О! Дела идут очень порядочно, – прибавил Ришон, – будьте спокойны. Не знаю, достигнем ли мы цели, но, наверное, много нашьумим.

– Не встретили ли вы герцога д'Эпернона? – спросил виконт, глаза которого заблестели от радости при исчислении армии, обещавшей победу его партии.

– Герцога д'Эпернона? – повторил капитан в удивлении. – Да где же мог я встретиться с ним? Ведь я приехал не из Ажана, а из Бордо.

– Вы могли встретить его в нескольких шагах отсюда, – сказал виконт с улыбкой.

– Да, правда, кажется, здесь близко живет прелестная Нанона Лартиг?

– На два выстрела от нашей гостиницы.

– Хорошо! Это объясняет мне, почему я встретил здесь барона Каноля.

– Вы знаете его?

– Кого? Барона? Знаю. Я мог бы даже сказать, что я его друг, если бы он был не старинный дворянин, а я не выслужившийся офицер.

– Такие офицеры, как вы, Ришон, в настоящем положении дел стоят всяких князей. Вы, впрочем, знаете, что я спас его от палок, а может быть, и от чего-нибудь худшего?

– Да, он говорил мне об этом, но я невнимательно слушал его, мне так хотелось поскорее повидаться с вами. Вы уверены, что он не узнал вас?

– Плохо знаешь тех, кого никогда не знал.

– Да, я должен был употребить другое выражение и сказать: не угадал ли он вас?

– В самом деле, – отвечал виконт, – он рассматривал меня пристально.

Ришон улыбнулся.

– Как не смотреть пристально! – сказал он. – Не всякий день встречаются виконты вашего рода.

– Барон, кажется мне, превеселый человек, – начал виконт, помолчав несколько секунд.

– Превеселый и предобрый, очень умный и притом великодушный. Гасконцы, как вы знаете, люди, не знающие середины: они или очень хороши, или очень дурны. Барон принадлежит к числу первых. В любви и на войне он франт и бесстрашный воин, мне очень жаль, что он против нашей партии. Знаете ли... Случай свел вас с ним, так вы должны были бы постараться привлечь его на нашу сторону.

Яркая краска покрыла бледные щеки виконта и тотчас исчезла.

– Боже мой, – сказал Ришон с раздумьем, которое часто встречается в людях хорошей организации, – а мы разве серьезные и разумные, мы, решившиеся неосторожными руками зажечь пламенный междоусобной войны? Разве коадьютор – человек серьезный? А он одним словом может усмирить или поднять Париж! Разве герцог де Бофор – человек серьезный? А он имеет такое влияние в Париже, что его прозвали королем! Разве герцогиня де Шеврез – серьезная женщина? А она назначает и отставляет министров! Разве герцогиня де Лонгвилль – серьезная женщина? А она

три месяца царствовала в Парижской ратуше. Разве и сама принцесса Конде – серьезная женщина, ведь она еще вчера занималась только платьями, нарядами и бриллиантами. Разве герцог Энгиенский – серьезный начальник партии, когда он посреди своих мамок играет еще в куклы? Наконец, и я,

– если вы позволите мне поставить мое имя после этих знаменитых имен,

– разве я важный человек, я, сын ангулемского мельника, бывший слуга герцога Ларошфуко?

Один раз господин мой дал мне вместо щетки шпагу, я храбро надел ее и начал выдавать себя за воина! Однако же сын ангулемского мельника, прежний камердинер Ларошфуко, стал капитаном, составляет отряд, собирает четыреста или пятьсот человек и будет в свою очередь играть их жизнью, как будто судьба дала ему право на это. Вот он идет по пути к почестям, скоро произведут его в полковники, назначат комендантом крепости... Кто знает, может быть, и ему придется в течение десяти минут, часа или целого дня располагать судьбою Франции? Видите, все это очень похоже на сон; однако же я буду почитать его действительностью до тех пор, пока меня не разбудит какая-нибудь великая катастрофа...

– И тогда, – прибавил виконт, – горе тем, кто вас разбудит, Ришон, потому что вы будете героем...

– Героем или изменником, смотря по тому, что мы тогда будем – слабейшие или сильнейшие. При том кардинале, при Ришелье, я подумал бы об этом хорошенько, потому что жертвовал бы голову.

– Помилуйте, Ришон, неужели подобные причины могут удержать вас? Вас, которого называют храбрейшим воином во всей французской армии...

– Ах, разумеется, – сказал Ришон, выразительно пожав плечами, – я был храбр, когда король Людовик XIII, бледный, с черными блестящими глазами и голубою лентою, кричал звонким голосом, закручивая усы: «Король смотрит на вас, вперед, господа!» Но мне придется увидеть на груди сына ту же ленту, какую я видел на груди отца, и кричать солдатам: «Стреляй по королю французскому!» Ну, виконт, – продолжал Ришон, покачивая головою, – я боюсь, что струшу в эту минуту и выстрелю мимо.

– Что с вами сегодня сделалось? Зачем вы толкуете только о том, что может быть худшего? Любезный Ришон, междоусобная война страшное зло, но иногда необходима.

– Да, как чума, как желтая лихорадка, как черная лихорадка, как лихорадки всех цветов. Например, виконт, не думаете ли вы, что мне очень нужно завтра убить Канюля, когда я так дружески и с таким удовольствием пожал ему руку сегодня... И почему? Потому что я служу принцессе Конде, которая смеется надо мною, а он служит кардиналу Мазарини, над которым сам смеется? Однако же это дело очень возможное...

Виконт вздрогнул от ужаса.

– Или, может быть, – продолжал Ришон, – я ошибаюсь, и он как-нибудь проткнет мне грудь. О, вы не понимаете войны, вы видите только море интриг и бросаетесь в него, как в свою родную стихию. Третьего дня я говорил принцессе, и она согласилась со мною, что в той высокой сфере, где вы живете, ружейные выстрелы, которые нас убивают, кажутся вам простым потешным огнем.

– Право, Ришон, – сказал виконт, – вы пугаете меня, и если бы я не был уверен, что вы должны охранять меня, так не смел бы пуститься в дорогу. Но под вашей защитой, – прибавил юноша, подавая маленькую ручку свою партизану, – я ничего не боюсь.

– Под моей защитой! – повторил Ришон. – Да, вы заставили меня вспомнить об этом. Надобно вам будет обойтись без моей защиты, виконт, предположения наши изменились.

– Разве вы не поедете со мною в Шантильи?

– Я должен был вернуться туда в том случае, если бы не был нужен здесь. Но, как я уже сказал вам, я стал таким важным человеком, что принцесса решительно запретила мне удаляться из крепости. Кажется, хотят отнять ее у нас.

Виконт вскрикнул от страха.

– Как! Я должен ехать без вас! Ехать с одним Помпеем, который в тысячу раз еще трусливее меня? Проехать пол-Франции одному или почти одному? О! Нет, я не поеду, клянусь вам, я умру от страха прежде, чем доеду.

- Ах, виконт! – вскричал Ришон с громким хохотом. – Вы, стало быть, забыли, что на вас висит шпага!
- Хохочите сколько угодно, а я все-таки не поеду. Принцесса обещала мне, что вы проводите меня, и я согласился ехать только на этом условии.
- Делайте, что вам угодно, виконт, – отвечал Ришон с притворною важностью. – Во всяком случае, в Шантильи надеются на вас. Берегитесь, у принцев немного терпения, особенно когда они ждут денег.
- И к величайшему моему несчастью, – сказал виконт, – я должен выехать ночью...
- Тем лучше, – отвечал Ришон с хохотом, – никто не увидит, что вы боитесь, и вы встретите людей еще трусливее вас, и обратите их в бегство.
- Не может быть! – возразил виконт, нимало не успокоенный этим предсказанием.
- Притом, есть средство уладить дело, – сказал Ришон. – Ведь вы боитесь за деньги, не так ли? Оставьте их у меня, я перешлю их с тремя или четырьмя верными солдатами. Впрочем, самое верное средство доставить деньги в целости – отвезти их вам лично...
- Вы правы, я поеду, Ришон, надобно быть вполне храбрым, и сам повезу деньги. Думаю, судя по словам вашим, что принцессе теперь гораздо нужнее золото, чем моя особа. Может быть, меня дурно примут, если я приеду без денег?
- Ведь я сказал вам, что вы похожи на героя, притом же по дороге везде королевские солдаты, и война еще не началась. Однако же не очень доверяйте им и прикажите Помпею зарядить пистолеты.
- Зачем вы говорите мне все это? Думаете успокоить меня?
- Разумеется, кто знает опасность, тот не допустит захватить себя врасплох. Так поезжайте, – сказал Ришон, вставая, – ночь будет прекрасная, и до рассвета вы приедете в Монлье.
- А наш барон не ждет ли моего отъезда?
- О, теперь он занят тем же, чем мы занимались, то есть он ужинает, и если его ужин хоть несколько похож на наш, то он, как умный обжора, не встанет из-за стола без особенно важной причины. Впрочем, я зайду к нему и удержу его.
- Так извините меня перед ним за мою неучтивость. Я не хочу, чтобы он ссорился со мною, если встретит меня в дурном расположении духа. Впрочем, ваш барон должен быть предобрый малый.
- Именно так, и он готов бежать за вами на конец света, чтобы иметь удовольствие подраться с вами на шпагах. Но будьте спокойны, я поклонюсь ему от вашего имени.
- Только подождите, дайте мне уехать.
- Разумеется.
- Нет ли каких поручений к принцессе?
- Непременно есть: вы напомнили мне о самом важном.
- Вы уже написали ей?
- Писать не надобно, нужно передать ей только два слова.
- Что такое?
- Бордо – да.
- И она поймет?
- Совершенно! Основываясь на этих двух словах, она может спокойно отправиться в дорогу. Скажите ей, что я за все отвечаю.
- Ну, Помпей, – сказал виконт старому своему слуге, который в эту минуту показался в дверях, – ну, друг мой, надобно ехать!
- Ого, ехать! – отвечал Помпей. – Помилуйте, виконт! Да ведь буря страшная!
- Что ты говоришь, Помпей? – возразил Ришон. – На небе нет ни одного облачка.
- Однако же ночью мы можем заблудиться.
- Ну, заблудиться трудно, вам надобно только не съезжать с большой дороги. Притом же теперь превосходная лунная ночь.
- Лунная ночь! Лунная ночь! – прошептал Помпей. – Вы понимаете, господин Ришон, я говорю все это не для себя.

– Разумеется, – отвечал Ришон, – ведь ты старый солдат!

– Кто сражался с испанцами и был ранен в битве при Корбии... – продолжал Помпей, приосаниваясь.

– Тот ничего не боится, не так ли? Ну это очень кстати, потому что виконт не совсем спокоен. Слышишь ли? Предупреждаю тебя...

– Ого! – пробормотал Помпей, побледнев. – Вы боитесь?

– С тобой не буду бояться, храбрый мой Помпей, – отвечал виконт. – Я знаю тебя и уверен, что ты готов умереть, защищая меня.

– Разумеется, разумеется, – отвечал Помпей, – однако же, если вы очень боитесь, так лучше подождать до утра.

– Никак нельзя, добрый мой Помпей. На, спрячь это золото как-нибудь на твоей лошади, я сейчас же сойду к тебе.

– Тут много денег и не следовало бы ночью рисковать ими, – сказал Помпей, взвешивая мешок.

– Опасности нет никакой, по крайней мере, так уверяет Ришон. Ну, всё ли на месте, пистолеты, шпаги и мушкетон?

– Вы забываете, – отвечал старый слуга, выпрямляясь, – что человек осторожен, когда всю жизнь свою служил солдатом. Да, виконт, все оружие в исправности.

– Видите, – сказал Ришон, – можно ли чего-нибудь бояться с таким товарищем? Счастливого пути, виконт!

– Благодарю за пожелание, но путь далек, – сказал виконт с некоторым страхом, которого не мог прогнать воинственный вид Помпея.

– Ба, – сказал Ришон, – у всякого пути есть начало и конец. Отвезите нижайший поклон от меня принцессе, скажите ей, что я готов до последней капли крови служить ей и герцогу Ларош-фуко. Особенно не забудьте этих двух слов: Бордо – да. А я пойду опять к Каноль.

– Послушайте, Ришон, – сказал виконт, останавливая капитана за руку, когда тот уже начал сходить с лестницы, – если Каноль такой храбрый офицер и честный человек, как вы говорите, почему не пытаться вам привлечь его к нашей партии? Он мог бы догнать меня на дороге или приехать к нам в Шантильи. Зная его несколько, я представил бы его принцессе.

Ришон посмотрел на виконта с такою странною улыбкою, что юноша, вероятно, по лицу его угадал все, что происходило в душе партизана, и поспешно сказал:

– Впрочем, Ришон, не обращайте внимания на мои слова и делайте, как знаете. Прощайте!

Протянув руку, он поспешно воротился в свою комнату, может быть, боясь, что Ришон заметит его смущение, или может быть потому, что опасался, чтобы не услышал его Каноль, которого громкий разговор долетал до первого этажа.

Партизан спустился с лестницы. За ним сошел и Помпей. Он беспечно нес мешок, чтобы не показать, что там есть деньги.

Через несколько минут виконт торопливо осмотрел себя, чтобы убедиться, что он ничего не забыл, погасил свечи, сбежал осторожно с лестницы, решил заглянуть через щелочку в нижний этаж. Потом, завернувшись в широкий плащ, поданный ему Помпеем, поставил маленькую ножку на руку слуги, легко вспрыгнул на лошадь, пожурил с улыбкою старого солдата за медлительность и исчез в сумраке.

Когда Ришон вошел в комнату Каноль, которого он должен был занимать, пока виконт будет готовиться к отъезду, веселый хохот показал, что барон не злопамятен.

На столе между двумя прозрачными бутылками, которые были прежде полны, возвышалась толстая бутылка, покрытая камышом. В ней хранилось превосходное старое коллиурское вино, бесценное для рта, уже отведававшего много вин. Около нее лежали сухие винные ягоды, миндаль, бисквиты, сыры разных сортов, варенье из винограда и показывали, что трактирщик не ошибся в расчете. Верность его расчета подтверждалась двумя совершенно пустыми бутылками и третью полупустою. В самом деле, кто ни прикоснулся бы к этому десерту, тот должен был бы, при всей своей умеренности, много выпить вина.

А Каноль вовсе не подумал быть воздержанным. Притом же, как гугенот (он происходил от

протестантской фамилии и не расставался с религиею предков), как гугенот, говорим мы, Каноль не считал грехом много попить и хорошо поесть. Был ли он печален или даже влюблен, он всегда был равнодушен к сладкому запаху хорошего обеда и к бутылкам особенной формы с красными, желтыми или зелеными печатями, которые держат в плену настоящее гасконское, шампанское или бургонское вино. И в настоящем случае Каноль, по обыкновению, уступил соблазну – сначала посмотрел, потом понюхал, наконец попробовал. Из пяти чувств, данных ему доброю общою матерью природой, три были совершенно довольны, поэтому два остальные сносили терпеливо и ждали своей очереди с удивительным спокойствием.

В эту минуту вошел Ришон и увидел, что Каноль качается на стуле.

– Ах, любезный Ришон, вы пришли кстати! – вскричал он. – Мне хотелось кому-нибудь похвалить трактирщика нашего Бискарро, и приходилось уже хвалить его моему дрянному Касторину, который не знает, что значит пить, и которого я никак не мог научить есть. Ну посмотрите сюда, милый друг, взгляните на этот стол, за который я прошу вас сесть. Хозяин «Золотого Тельца» истинный артист, человек, которого я хочу рекомендовать другу моему, герцогу д'Эпернону. Выслушайте, что у меня было за ужином: чудесный суп, холодное с маринованными устрицами, с анчоусами и ножками, каплун с оливками (при нем бутылка медака, которой остов вот здесь), куропатка с трюфелями, горошек сладкий и желе (при нем бутылка шамбертен, которая стоит вот тут); наконец, этот десерт и бутылочка коллиурского, которая пытается защищаться, но погибнет, как и прочие, особенно если мы вдвоем пойдем против нее. Черт возьми! Я в превосходном расположении духа, и Бискарро чудесный мастер! Сядьте сюда, Ришон, вы уже поужинали, но все равно. Я тоже поужинал, но это не беда, мы начнем снова.

– Благодарю, барон, – сказал Ришон с улыбкой, – мне уже не хочется есть.

– Согласен, можно не хотеть есть, но всегда должно хотеть пить. Попробуйте этого винца.

Ришон подставил свой стакан.

– Так вы уже поужинали, – продолжал Каноль, – поужинали с этим дрянным виконтом. Ах, извините, Ришон, я ошибаюсь. Он премилый малый, напротив, я обязан ему тем, что наслаждаюсь благами жизни, а без него я выпускал бы дух двумя или тремя ранами, которые хотел нанести мне почтенный герцог д'Эпернон. Поэтому я благодарен хорошенькому виконту, прелестному Ганимеду. Ах, Ришон! Вы кажетесь мне именно тем, чем вас считают, то есть преданнейшим слугою принца Конде.

– Что вы, барон! – возразил Ришон, захохотав во все горло. – С чего вы это взяли! Вы уморите меня!

– Ну, все равно, я все-таки ненавижу вашего мальчишку виконта. Принимать участие в первом проезде дворянине! На что это похоже?

Каноль растянулся в кресле, захохотал и принялся крутить усы с таким непритворным смехом, что и Ришон увлекся его примером.

– Итак, любезный Ришон, говоря серьезно, вы пустились в интриги? В политику?

Ришон продолжал хохотать, но уже не так весело.

– Знаете ли, мне очень хотелось арестовать вас, вас и вашего маленького виконта! Черт возьми! Это было бы очень смешно и притом легко. Мне могли помочь оруженосцы приятеля моего, герцога д'Эпернона. Ха! Ха! Ришон под караулом вместе с этим мальчишкой! Было бы над чем похотать!

В эту минуту послышался топот двух удалявшихся лошадей.

– Что это такое, Ришон? – спросил Каноль, прислушиваясь. – Не знаете ли, что это такое?

– Не знаю, а догадываюсь.

– Так скажите.

– Виконт уехал.

– Не простясь со мною! – закричал Каноль. – Ну, он решительно дрянь!

– О, нет, любезный барон, он просто спешит.

Каноль нахмурил брови.

– Какое странное поведение! – сказал он. – Где воспитали этого мальчика? Ришон, друг мой, уверяю, что он вредит вам. Нельзя между дворянами вести себя таким образом. Черт возьми! Если

бы я мог догнать его, так пощупал бы ему уши! Черт возьми его глупого отца, который по скупости, вероятно, не дал ему учителя!

– Не сердитесь, барон, – отвечал Ришон с улыбкой, – виконт не так дурно воспитан, как вы воображаете, он, уезжая, поручил мне сказать вам, что он извиняется перед вами и низко кланяется.

– Хорошо, хорошо! – сказал Каноль. – Таким образом он превращает непростительную дерзость в маленькую неучтивость. Черт возьми! Я ужасно сердит. Поссорьтесь-ка со мною, Ришон. Что, не хотите? Позвольте... Ришон, друг мой, вы очень безобразны!

Ришон засмеялся.

– В таком расположении духа, барон, вы могли бы выиграть у меня сегодня вечером сто пистолей, если бы мы вздумали играть. Игра, как вам известно, покровительствует горю.

Ришон знал Каноль, знал, что отводит гнев барона, предлагая ему играть.

– Играть! – вскричал Каноль. – Именно так, давайте играть! Друг мой, ваше предложение мирит меня с вами. Ришон, вы человек предприятный! Ришон, вы хороши, как Адонис, и я прощаю виконту Канбу. Касторин, дай нам карты!

Явился Касторин вместе с Бискалло, они поставили стол, и два друга сели играть. Касторин, уже двадцать лет изучавший игру, и Бискалло, жадно посматривавший на деньги, стали по сторонам стола и смотрели. Менее чем за час, несмотря на свое предсказание, Ришон выиграл у Каноль восемьдесят пистолей.

У Каноль в кошельке не было больше денег, он приказал Касторину достать еще из чемодана.

– Не нужно, – сказал Ришон, слышавший это приказание, – у меня нет времени дать вам реванш.

– Как! Нет времени?

– Теперь одиннадцать часов, а в двенадцать я непременно должен быть в карауле.

– Вы, верно, шутите? – спросил Каноль.

– Барон, – серьезно отвечал Ришон, – вы сами человек военный, стало быть, знаете дисциплину.

– Так что же вы не уехали прежде, чем выиграли у меня деньги? – сказал Каноль со смехом и с досадой.

– Уж не упрекаете ли вы меня за то, что я поучил вас? – спросил Ришон.

– Помилуйте, что вы! Однако же подумаем. Мне совсем не хочется спать, и мне будет чрезвычайно скучно. Если я предложу проводить вас, Ришон?

– Отказываюсь от этой чести, барон. Поручение, которое мне дано, должно быть исполнено без свидетелей.

– Хорошо! Но в какую сторону вы поедете?

– Я только что хотел просить вас не предлагать мне этого вопроса.

– А виконт куда поехал?

– Я должен ответить вам, что не знаю.

Каноль должен был посмотреть на Ришона, чтобы убедиться, что в этих неучтивых ответах вовсе нет желания оскорбить его. Его обезоружили добрый взгляд и откровенная улыбка верского коменданта.

– Что делать? – сказал Каноль. – Вы сегодня превратились с ног до головы в тайну, любезный Ришон, но каждому дается полная свобода. Мне самому часа три тому назад было бы очень неприятно, если бы меня преследовали, хотя мой преследователь был бы, наконец, столько же удивлен и раздосадован, сколько я сам. Ну, последний стакан вина, и доброго пути вам!

Каноль налил стаканы, Ришон, чокнувшись и выпив за здоровье барона, вышел, между тем как барону даже не пришло в голову узнать, по какой дороге он поедет.

Барон остался один между полусгоревшими свечами, пустыми бутылками, разбросанными картами и почувствовал печаль, которую можно понять, только испытав ее. Вся веселость его в тот вечер основывалась на обманутой надежде, в потере которой он тщетно старался утешиться.

Он дотащился до своей спальни, посматривая сквозь окна коридора с сожалением и гневом

на уединенный домик, в котором освещенное окно и тени, мелькавшие в нем, наглядно показывали, что Нанона Лартиг проводит вечер не так уединенно, как барон.

На первой ступеньке лестницы барон наступил на что-то. Он наклонился и поднял серенькую перчатку виконта, которую тот, спешно уезжая, уронил и не вздумал поднять, не считая ее драгоценностью.

Как ни были тяжелы мысли Каноя, простительные в минуту мизантропии, порожденной любовною неудачею в уединенном домике, положение Наноны было еще тяжелее.

Нанона беспокоилась и волновалась всю ночь, придумывая тысячу планов, как бы предупредить Каноя. Она употребила всю догадливость умной женщины, чтобы выпутаться из своего нестерпимого положения. Надобно было украсть у герцога одну минуту, чтобы переговорить с Франсинеттой, или две минуты, чтобы написать Канюю одну строчку на клочке бумажки.

Но, казалось, герцог угадал ее мысли и прочел все беспокойство ее ума сквозь веселую маску, которою она прикрыла свое лицо, и поклялся не давать ей этой свободной минуты, которая, однако же, была ей так нужна.

У Наноны началась мигрень, герцог не позволил ей встать, встал сам и принес флакончик со спиртом.

Нанона уколола палец и хотела сама взять из своей шкатулки кусок розового пластыря, который начинал входить в славу уже в то время. Герцог, не устававший служить ей, встал, отрезал кусочек тафты с ловкостью, приводившею Нанону в отчаяние, и запер шкатулку ключом.

Тут Нанона притворилась, что спит крепким сном. Почти в то же время герцог захрапел. Нанона раскрыла глаза и при свете ночника, стоявшего на столике в алебастровой вазе, старалась вынуть записные таблетки герцога из его камзола, лежавшего возле постели и почти у ней под рукою. Но когда она взялась за карандаш и оторвала уже листок, герцог раскрыл глаза.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Я искала, нет ли календаря в ваших таблетках, — отвечала Нанона.

— А зачем?

— Мне хотелось знать, когда день ваших именин.

— Меня зовут Луи, и я именинник 24 августа, как вы знаете, стало быть, вы еще успеете приготовиться к этому дню, красавица моя.

Он взял таблетки из ее рук и положил их сам в камзол.

По крайней мере, Нанона при этом удобном случае выиграла карандаш и бумагу. Она спрятала и то и другое под подушку и весьма ловко опрокинула ночник, надеясь, что можно будет писать письмо в темноте. Но герцог тотчас позвонил и громко позвал Франсинетту, уверяя, что не может спать без огня. Франсинетта прибежала прежде, чем Нанона успела написать половину фразы. Герцог, опасаясь, чтобы подобная беда не случилась во второй раз, приказал Франсинетте зажечь две свечи на камине. Тут Нанона объявила, что решительно не может спать при огне, и в лихорадочном раздражении повернулась к стене, ожидая дня с трепетом, который читатель легко поймет.

Свет, ожидаемый с таким трепетом, разлился, наконец, по верхушкам тополей. Герцог д'Эпернон, чванившийся тем, что живет по всем правилам военной жизни, встал, увидав первый луч солнца, оделся один, чтобы ни на минуту не расставаться с милою своею Наноною, надел халат и позвонил, желая узнать, нет ли чего нового.

Франсинетта отвечала на его вопрос кучею депеш, которые ночью привез Куртово, любимый егерь герцога.

Герцог распечатал их и принялся читать одним глазом, а другим, которому старался придать как можно более нежности, беспрестанно смотрел на прелестную Нанону.

Нанона охотно растерзала бы герцога на куски.

— Знаете ли, — сказал герцог, прочтя несколько депеш, — что вы должны бы сделать?

— Нет, ваша светлость, — отвечала Нанона, — но если вы прикажете, так все будет исполнено.

— Вы послали бы за вашим братом, — продолжал герцог. — Я, кстати, получил из Бордо важные известия, и он мог бы тотчас же отправиться с депешою в Париж. После возвращения я мог бы дать ему чин, о котором вы просите.

Лицо герцога выражало самую непритворную, искреннюю нежность.

«Ну, надобно не бояться! – подумала Нанона. – Может быть, Каноль по глазам моим догадается или поймет мои намеки».

Потом сказала громко:

– Пошлите за ним сами, любезный герцог.

Она понимала, что если она сама вздумает исполнить это поручение, то герцог не допустит ее послать письмо к Канолью.

Д'Эпернон позвал Франсинетту и послал ее в гостиницу «Золотого Тельца», сказав ей только:

– Скажи барону Канолью, что Нанона Лартиг ждет его к завтраку.

Нанона пристально посмотрела на служанку, но, хотя взгляд ее был очень красноречив, однако же, Франсинетта не могла прочесть в нем целой фразы: «Скажи Канолью, что я сестра его».

Франсинетта вышла, поняв, что тут есть что-то неладное, даже очень опасное.

Между тем Нанона стала за стулом герцога так, что первым взглядом могла показать Канолью, что надобно остерегаться, и занялась приготовлением хитрой фразы, которая могла бы высказать вдруг барону все, что ему нужно знать, чтобы не испортить предстоящего семейного трио.

Она могла видеть всю дорогу до того угла, где накануне герцог прятался со своими людьми.

– А, – сказал вдруг герцог, – вот возвращается наша Франсинетта.

И уставил глаза на Нанону. Она принуждена была отвернуться от окна и отвечать на вопрошительный взгляд герцога.

Сердце Наноны билось так сильно, что грудь у ней заболела, она видела только Франсинетту, а ей хотелось видеть Канолья и прочесть на лице его что-нибудь успокоительное.

Раздались шаги на лестнице: герцог приготовил улыбку гордую и вместе с тем дружескую. Нанона старалась не покраснеть и приготовилась к битве.

Франсинетта постучала в дверь.

– Войдите! – сказал герцог.

Нанона приготовила знаменитую фразу, которою хотела приветствовать Канолья.

Дверь отворилась, Франсинетта вошла одна. Нанона заглядывала в переднюю жадными взорами, в передней никого не было.

– Сударыня, – сказала Франсинетта с непоколебимою ловкостью сценической субретки, – барона Канолья уже нет в «Золотом Тельце».

Герцог нахмурил брови.

Нанона подняла голову и вздохнула.

– Как, – сказал он, – барона Канолья уже нет в гостинице «Золотого Тельца»?

– Ты, верно, ошибаешься, – прибавила Нанона.

– Сударыня, – отвечала Франсинетта, – я повторяю вам слова самого Бискалло.

– Он верно все угадал, милый Каноль! – прошептала Нанона. – Он так же умен, так же ловок, как храбр и красив лицом.

– Сейчас же позвать сюда этого Бискалло! – закричал герцог с досадой.

– Я думаю, – поспешно прибавила Нанона, – он узнал, что вы здесь, и не хотел беспокоить вас. Он так скромен, бедный Каноль.

– Он скромен! – возразил герцог. – Но, кажется, ему создали не такую репутацию.

– Нет, сударыня, – осмелилась прибавить служанка, – барон действительно уехал.

– Но позвольте спросить, – сказал д'Эпернон, – каким образом барон мог испугаться меня, когда Франсинетте поручено было пригласить его от вашего имени? Ты, стало быть, сказала ему, что я здесь? Да отвечай же, Франсинетта!

– Я ничего не могла сказать ему, ваша светлость, потому что его там не было.

Несмотря на этот ответ Франсинетты, высказанный с быстротою откровенности и истины, герцог, по-видимому, стал подозревать еще более. Нанона не могла уже говорить от радости.

– Прикажите мне идти за Бискалло? – спросила служанка.

– Разумеется, непременно, – отвечал герцог грубым голосом. – Или нет, погоди. Ты останешься здесь, потому что, может статься, понадобишься своей госпоже, а я пошлю туда Куртово.

Франсинетта вышла. Через пять минут Куртово постучался в дверь.

– Ступай к хозяину «Золотого Тельца», – сказал герцог, – и приведи его сюда, мне нужно переговорить с ним. Скажи, чтобы он захватил с собою карту завтрака. Дай ему эти десять луи, чтобы завтрак был получше. Ступай!

Куртово подставил полу платья, получил деньги и тотчас вышел для исполнения полученного приказания.

Он был лакей, всегда живший в хороших домах и знавший свое ремесло превосходно. Он пошел к Бискарро и сказал ему:

– Я уговорил герцога заказать вам лучший завтрак, он дал мне восемь луидоров. Естественно, я оставлю два себе за комиссию, а вот вам остальные шесть. Пойдемте поскорее.

Бискарро, дрожа от радости, перепоясал чистый фартук, положил шесть луидоров в карман и, пожав руку Куртово, отправился вслед за егерем, который повел его скорым маршем к уединенному домику.

На этот раз Нанона перестала трусить: уверенность Франсинетты совершенно успокоила ее, ей даже очень хотелось потолковать с Бискарро.

Его ввели в комнату тотчас, как он пришел.

Бискарро вошел, франтовски засунув фартук за пояс, с колпаком в руке.

– У вас вчера остановился молодой дворянин, барон де Каноль, – спросила Нанона. – Где он?

– Да, где он? – прибавил герцог.

Бискарро начал беспокоиться, потому что шесть луидоров, данные ему егерем, заставляли его догадываться, что он имеет дело с важным вельможею. Поэтому он сначала отвечал с замешательством:

– Он уехал.

– Уехал? – повторил герцог. – В самом деле, уехал?

– Точно уехал.

– А куда? – спросила Нанона.

– Этого я не могу сказать вам, сударыня, потому что, право, сам не знаю.

– Вы, по крайней мере, знаете, по какой дороге он поехал?

– По Парижской.

– А в котором часу выехал он? – спросил герцог.

– В полночь.

– И ничего не приказывал? – боязливо спросила Нанона.

– Ничего, он только оставил письмо, поручив мне отдать его Франсинетте.

– А отчего не отдал ты этого письма, дурак? Так-то ты уважаешь приказание дворянина.

– Я уже отдал, давно отдал.

– Франсинетта! – закричал герцог с гневом.

Франсинетта, слушавшая у дверей, одним прыжком перелетела из передней в спальню.

– Почему ты не отдала госпоже своей письмо, которое оставил ей барон Каноль?

– Я думала... ваша светлость... – шептала горничная в страхе.

«Ваша светлость! – подумал испуганный Бискарро, скрываясь в угол спальни. – Ваша светлость... Это, верно, какой-нибудь переодетый принц».

– Да я у ней не успела спросить его, – возразила Нанона побледнев.

– Дай! – закричал герцог, протягивая руку.

Бедная Франсинетта медленно подала письмо, обращаясь к госпоже своей со взглядом, который хотел сказать: «Вы сами видите, я ни в чем не виновата, дурак Бискарро все испортил».

Молнии заблестали в глазах Наноны и полетели к Бискарро.

Несчастный потел страшно и отдал бы все шесть луидоров за то, чтобы стоять у своей печи и держать в руках какую-нибудь кастрюлю.

Между тем герцог взял письмо, развернул и прочитал его. Пока он читал, Нанона стояла бледная и холодная, как мрамор, она чувствовала, что в ней живо только одно сердце.

– Что значит это маранье? – спросил герцог.

Из этих слов Нанона поняла, что письмо не может повредить ей.

– Прочтите вслух. Может быть, я могу объяснить вам его, – сказала она.

Герцог прочел:

«Милая Нанона!» Тут он повернулся к ней, она оправилась от испуга и могла вынести его взгляд с удивительною храбростию.

Герцог продолжал.

«Милая Нанона!

Пользуясь отпуском, которым обязан вам, я для развлечения поскачу в Париж. До свидания, прошу не забыть похлопотать о моем счастье».

– Да он сумасшедший, этот Каноль!

– Почему же? – спросила Нанона.

– Разве можно уезжать так, в полночь, без всякой причины? – сказал герцог.

«Да, правда», – подумала Нанона.

– Ну, объясните же мне его отъезд?

– Ах, Боже мой, – отвечала Нанона с очаровательною улыбкою, – нет ничего легче, ваша светлость.

– И она называет его светостью! – прошептал Бискарро. – Решительно, он принц.

– Что же? Говорите!

– Вы сами не догадываетесь?

– Нет, нимало!

– Ведь Канолью только двадцать семь лет, он молод, хорош и беспечен. Какой глупости дает он предпочтение? Разумеется, любви. Он, верно, видел у Бискарро какую-нибудь хорошенькую путешественницу и тотчас поскакал за нею.

– Влюблен! Вы так думаете? – вскричал герцог в восторге от мысли, что если Каноль влюблен в другую, так верно не влюблен в Нанону.

– Да, разумеется, он влюблен. Не так ли, Бискарро? – сказала Нанона, радуясь, что герцог соглашается с ее мыслью. – Ну, отвечайте откровенно: не так ли, я угадала правду?

Бискарро вообразил, что настала благоприятная минута подслужиться молодой даме, поддакивая ей. Он улыбнулся, разинув огромный рот, и сказал:

– Действительно, вы, может быть, правы.

Нанона подвинулась на шаг к трактирщику и невольно вздрогнула.

– Не так ли? – сказала она.

– Кажется, сударыня, что именно так. Да, сударыня, вы раскрыли мне глаза.

– Ах, расскажите нам все это, господин Бискарро! – вскричала Нанона, предаваясь первым подозрениям ревности, – говорите, какие путешественницы останавливались вчера в вашей гостинице?

– Рассказывайте, – прибавил герцог, разваливаясь в кресле и протягивая ноги.

– Путешественниц не было, – сказал Бискарро.

Нанона вздохнула.

– Останавливался, – продолжал трактирщик, не подозревая, что каждое его слово падало как свинец на сердце Наноны, – останавливался только молодой дворянин, белокурый, хорошенький, полный, который не ел, не пил и боялся ехать ночью... Дворянин боялся ехать ночью, – прибавил Бискарро, лукаво покачивая головою, – вы изволите понимать...

– Ха! Ха! Ха! Прекрасно! – закричал герцог.

Нанона отвечала на его хохот скрежетом зубов.

– Продолжайте, – сказала она трактирщику. – Вероятно, дворянчик ждал Каноль?

– Нет, он ждал к ужину высокого господина с усами и даже довольно грубо обошелся с бароном Канолем, когда этот хотел ужинать с ним, но храбрый барон не струсил от такой малости. Он, кажется, отчаянный человек, после отъезда высокого господина, поехавшего направо, он поскакал за маленьким, уехавшим налево.

При этом странном заключении Бискарро, видя веселое лицо герцога, позволил себе начать такой громкий смех, что стекла в окнах задрожали.

Герцог, совершенно успокоенный, верно, поцеловал бы почтенного Бискарро, если бы трак-

тирщик был из дворян. Между тем, бледная Нанона с судорожною и холодною улыбкою слушала каждое слово Бискалло с тем страшным вниманием, которое заставляет ревнивых выпить чашу яда до дна.

Наконец она спросила:

– Что заставляет вас думать, что этот дворянин – переодетая женщина, что барон Каноль влюблен в нее и что он поехал в Париж не для одного развлечения, не от одной скуки?

– Что заставляет меня думать? – повторил Бискалло, непременно хотевший передать свое убеждение слушателям. – Позвольте, сейчас скажу.

– Говорите, говорите, любезный друг, – сказал герцог, – вы в самом деле очень забавны.

– Ваша светлость слишком добры, – отвечал Бискалло. – Извольте послушать.

Герцог превратился в слух.

Нанона сжала кулаки.

– Я ничего не подозревал и просто принял белокурого дворянина за мужчину, как вдруг встретил барона Каноль на лестнице. Левою рукою он держал свечу, а правою – перчатку и смотрел, и нюхал ее с любовью.

– Ха! Ха! Ха! Чудо, чудо! – закричал герцог, становившийся все веселее по мере того, как переставал бояться за себя.

– Перчатку! – повторила Нанона, стараясь вспомнить, не оставила ли она подобного залога любви в руках своего друга. – Какая перчатка? Не такая ли?

– Нет, – отвечал Бискалло, – перчатка была мужская.

– Мужская! Станет барон Каноль с любовью рассматривать мужскую перчатку! Ах, Бискалло, вы сошли с ума!

– Нет, перчатка принадлежала белокурому господину, который не ел, не пил и боялся ехать ночью, премаленькая перчатка, куда едва ли вошла бы ваша ручка, сударыня, хотя ручка у вас крошечная.

Нанона простонала, как будто ей нанесли невидимую рану.

– Надеюсь, – сказала она с чрезвычайным усилием, – что теперь вы довольны, и ваша светлость знает все, что хотел знать.

Стиснув зубы, с дрожащими губами, она указала пальцем на дверь, но изумленный Бискалло, заметив гнев на лице молодой женщины, ничего не понимал и оставался на одном месте, раскрыв глаза и рот.

Он подумал:

«Если отсутствие барона доставляет им такое неудовольствие, то возвращение его покажется счастьем. Польщу этому благородному вельможе сладкой надеждой, чтобы у него аппетит был лучше».

Вследствие такого соображения Бискалло принял самый грациозный вид и, ловко выставив правую ногу вперед, сказал:

– Барон уехал, но ежеминутно может воротиться.

Герцог улыбнулся при этом открытии.

– Правда, – сказал он, – точно правда? Может быть, он даже воротился. Подите-ка, посмотрите, господин Бискалло, и дайте мне ответ.

– А завтрак-то, – сказала Нанона. – Мне очень хочется есть, я голодна.

– Дело, – отвечал герцог, – я пошлю туда Куртово. Гей, Куртово, ступай в гостиницу господина Бискалло и осведомся, не воротился ли барон де Каноль. Если его там нет, так разузнай и поищи в окрестностях. Мне очень хочется завтракать с ним, ступай!

Куртово ушел, а Бискалло, заметив беспокойное молчание обоих хозяев дома, хотел было опять начать говорить.

– Разве вы не видите, что госпожа моя дает вам знак уйти? – сказала ему Франсинетта.

– Позвольте, позвольте! – вскричал герцог. – Вот и вы, Нанона, теряетесь в свою очередь! А где же завтрак! Мне так же хочется есть, как и вам, меня мучит голод. Подойдите, господин Бискалло, прибавьте вот эти шесть луи к прежним: они даются вам за приятную историю, которую вы нам рассказали.

Потом он приказал историку превратиться в повара. Поспешим сказать, что Бискарро столько же отличился во второй должности, сколько и в первой.

Между тем Нанона обдумала и рассмотрела положение, в которое ее поставило известие почтенного Бискарро. Во-первых, верно ли это известие? А во-вторых, если оно даже верно, не следует ли извинить Каноль? В самом деле, какая жестокая обида ему, храброму дворянину, это несостоявшееся свидание! Какая ему обида – шпионство герцога д'Эпернона и необходимость присутствовать при торжестве соперника! Нанона была так влюблена, что приписывала его бегство припадку ревности и не только извиняла Каноль, но даже жалела о нем; она даже радовалась, что он любит ее так сильно, что решился на маленькое мщение. Но, однако же, надо вырвать зло с корнем, остановить эту любовь в самом ее начале.

Но тут страшная мысль поразила Нанону, как громом.

Что, если встреча Каноль и переодетой дамы просто свидание!

Но нет, она тотчас успокоилась: переодетая дама ждала высокого мужчину с усами, грубо обошлась с Канолем, да и сам Каноль узнал, какого пола незнакомец, только по маленькой перчатке, найденной случайно.

Все равно, все-таки надобно остановить Каноль.

Тут, вооружась всем своим мужеством, она воротилась к герцогу, который только что отпустил Бискарро, осыпав его похвалами и наделив приказаниями.

– Как жаль, – сказала она, – что ветренность несносного Каноль помешает ему воспользоваться честью, которой вы хотели удостоить его! Если бы он был здесь, вся его будущность устроилась бы, но его нет, и он может потерять всю карьеру.

– Но, – возразил герцог, – если мы его отыщем...

– О, этого не может быть, ведь дело идет о женщине. Он не вернется.

– Что же прикажете мне делать? Как помочь горю? – отвечал герцог.

– Молодые люди ищут веселья, он молод и веселится.

– Но я постарше его и порассудительнее, и полагаю, что следовало бы оторвать его от этого несвоевременного веселья.

– Какая сердитая сестрица!

– В первую минуту он может сетовать на меня, – продолжала Нанона,

– но впоследствии уж верно будет благодарить.

– Ну, так говорите, что вы хотите делать? Если у вас есть какой-нибудь план, так я готов исполнить его, говорите!

– Разумеется, есть.

– Так говорите.

– Вы хотели послать его к королеве с важным известием?

– Хотел, но ведь его нет.

– Пошлите за ним вдогонку, он едет по Парижской дороге, тут уж половина дела сделана.

– Вы совершенно правы.

– Поручите все дело мне, и Каноль получит ваши приказания сегодня вечером или завтра утром, не позже. Отвечаю вам за успех.

– Но кого послать?

– Вам нужен Куртово?

– Нисколько.

– Так отдайте мне его, и я его отправлю к Канолю с моим поручением.

– Какая дипломатическая голова! Вы далеко пойдете, Нанона! – сказал герцог.

– Только бы вечно учиться у такого превосходного учителя, больше я ничего не желаю.

Она обняла старого герцога, а тот вздрогнул от радости.

– Какую чудесную шутку сыграем мы с нашим селадонем! – сказала она.

– И рассказывать будет весело!

– Я сама хотела бы поехать за ним, чтобы видеть, как он примет посланного.

– К несчастью, или лучше сказать, к счастью, это невозможно, и вам надобно остаться со мною.

– Пожалуй, но не будем терять времени. Извольте писать вашу депешу, герцог, и отдавайте Куртово в мое распоряжение.

Герцог взял перо и на листочке бумаги написал только эти два слова:

«Бордо – нет».

Потом подписал свое имя.

На конверте этой лаконической депеши он надписал:

«Ее величеству королеве Анне Австрийской, правительнице Франции».

В то же время Нанона написала две строчки и показала их герцогу.

Вот они:

«Любезный барон!

Вы видите здесь депешу к королеве. Отдайте немедленно, дело идет о спасении отечества.

Ваша преданная сестра Нанона».

Нанона складывала записку, когда на лестнице послышались быстрые шаги. Куртово отворил дверь с веселым лицом человека, который принес нетерпеливо ожидаемое известие.

– Вот барон Каноль, я встретил его очень близко отсюда, – сказал егерь.

Герцог вскрикнул от приятного изумления.

Нанона побледнела, бросилась в дверь и прошептала:

– Верно, такова уж моя судьба!

В эту минуту в дверях показалось новое лицо, одетое в великолепный костюм, со шляпою в руках и улыбавшееся с самодовольным видом.

VIII

Если бы гром разразился над Наноною, это не столько бы поразило ее, сколько удивило это неожиданное появление. Она невольно с глубокою горестью вскрикнула в испуге:

– Опять он!

– Да, я, милая моя сестрица, – отвечал гость нежным голосом. – Но извините, – прибавил он, увидав герцога, – может быть, я беспокою вас.

И он до земли поклонился гиеннскому губернатору, который отблагодарил его ласковым жестом.

– Ковиньяк! – прошептала Нанона так тихо, что слово это, казалось, вылетело из ее сердца, а не из уст.

– Добро пожаловать, барон де Каноль, – сказал герцог с веселою улыбкою, – ваша сестра и я говорим только о вас со вчерашнего вечера, и со вчерашнего вечера желаем видеть вас.

– А, вы желали видеть меня! В самом деле? – сказал Ковиньяк, обращая на Нанону взгляд, в котором выражались ирония и сомнение.

– Да, – отвечала Нанона, – герцогу захотелось, чтобы я представила вас ему.

– Только из опасения обеспокоить вас не добивался я этой чести раньше, – сказал Ковиньяк, низко кланяясь герцогу.

– Да, барон, – отвечал герцог, – я удивлялся вашей деликатности, но все-таки упрекаю вас за нее.

– Меня, герцог, меня хотите упрекать за деликатность!

– Да, если бы ваша добрая сестра не занялась вашими делами...

– А... – сказал Ковиньяк, с красноречивым упреком взглянув на сестру. – А, сестра моя занялась делами...

– Да, делами брата, – подхватила Нанона, – что же тут особенно удивительного?

– И сегодня кому обязан я удовольствием видеть вас? – спросил герцог.

– Да, – подхватил Ковиньяк, – кому ваша светлость обязаны удовольствием видеть меня?

– Кому? Разумеется, одному случаю, только случаю, который воротил вас.

«Ага, – подумал Ковиньяк, – я, должно быть, уезжал».

– Да, вы уехали, несносный брат, – сказала Нанона, – и написали мне две строчки, они еще более увеличили мое беспокойство.

– Что же делать, милая Нанона? сказал герцог. – Надобно прощать влюбленных.

«Ого, дело запутывается! – подумал Ковиньяк. – Я, должно быть, влюблен».

– Ну, – сказала Нанона, – признавайтесь, что вы влюблены.

– Пожалуй, не отказываюсь, – отвечал Ковиньяк с глупой улыбкой и стараясь узнать сколько-нибудь правды, чтобы сказать потом большую ложь.

– Хорошо, хорошо, – прервал герцог, – однако же, пора завтракать. Вы расскажете нам, барон, про ваши интриги за завтраком. Франсинетта, подай прибор барону Канолью. Вы еще не завтракали, капитан, надеюсь?

– Нет еще, ваша светлость, и должен даже признаться, что утренний воздух придал мне удивительный аппетит.

– Скажите лучше, ночной воздух, потому что вы всю ночь провели на большой дороге.

«Черт возьми! – подумал Ковиньяк. – Мой зять на этот раз угадал чудесно».

Потом прибавил вслух:

– Пожалуй, извольте, соглашусь, воздух ночной...

– Пойдемте же, – сказал герцог, подавая руку Наноне и переходя в столовую с Ковиньяком. – Вот тут довольно работы для вашего желудка, как бы он ни был взыскателен.

Действительно, Бискарро превзошел самого себя: блюд было немного, но все они были отборные и приготовлены превосходно. Белое гиеннское вино и красное бургонское выливалось из бутылок, как жемчуг и как рубин.

Ковиньяк ел за четверых.

– Брат ваш ест чудесно! – сказал герцог. – А вы не кушаете, Нанона?

– Мне уже не хочется есть.

– Милая сестрица! – вскричал Ковиньяк. – Ведь удовольствие видеть меня отняло у ней аппетит. Право, мне досадно, что она так любит меня!

– Возьмите кусочек рябчика, Нанона, – сказал герцог.

– Отдайте его моему брату, герцог, – отвечала Нанона. Она заметила, что тарелка Ковиньяка быстро пустеет, и боялась, что он опять начнет смеяться, когда кушанье исчезнет.

Ковиньяк подставил тарелку и улыбнулся самым благодарным образом. Герцог положил ему на тарелку кусок рябчика, а Ковиньяк поставил перед собою тарелку.

– Ну, что же вы поделяваете, Каноль? – спросил герцог с такою милостивою короткостью, которая показалась Ковиньяку чудесным предзнаменованием. – Разумеется, я говорю не о любовных делах.

– Напротив того, говорите о них, ваша светлость, говорите, сколько вам угодно, не церемоньтесь, – отвечал Ковиньяк, которому частые приемы медака и шамбертена развязали язык. Впрочем, он не боялся появления барона Канолья, что редко случается с теми, кто принимает на себя чужое имя.

– Ах, герцог, – сказала Нанона, – он очень хорошо понимает шутку!

– Так мы можем потолковать с ним об этом молоденьком дворянине, – сказал герцог.

– Да, о том мальчике, которого вы встретили вчера, братец, – прибавила Нанона.

– Да, на дороге, – сказал Ковиньяк.

– И потом в гостинице Бискарро, – прибавил герцог д'Эпернон.

– Да, потом в гостинице Бискарро, – сказал Ковиньяк, – это сущая правда.

– Так вы в самом деле с ним встретились? – спросила Нанона.

– С мальчиком?

– Да.

– Каков он был? Ну, говорите откровенно, – сказал герцог.

– По правде сказать вам, – отвечал Ковиньяк, – он был премилый малый: белокурый, стройный, прелестный, ехал с каким-то конюхом.

– Именно так, – сказала Нанона, кусая губы.

– И вы влюблены в него?

– В кого?

– В этого премилого малого, белокурого, стройного и прелестного?

- Что это значит, ваша светлость? – спросил Ковиньяк, готовясь рассердиться. – Что хотите вы сказать?
- Что? У вас до сих пор хранится на сердце серенькая перчатка? – спросил герцог, лукаво улыбаясь.
- Серенькая перчатка?
- Да, та самая, которую вы так страстно нюхали и целовали вчера вечером. Ковиньяк уже ничего не понимал.
- Та перчатка, которая заставила вас догадаться, понять пре-вра-ще-ние... – продолжал герцог, останавливаясь на каждом слове.
- Ковиньяк по одному этому слову понял все.
- А, этот мальчик был дама? – вскричал он. – Ну, даю вам честное слово, что я угадал эту шутку!
- Теперь уже нет сомнения, – прошептала Нанона.
- Налейте мне вина, сестрица, – сказал Ковиньяк. – Не знаю, кто опустошил бутылку, которая стояла возле меня, но в ней уже нет ничего.
- Хорошо, хорошо! – сказал герцог. – Есть еще возможность вылечить его, если любовь не мешает ему ни есть, ни пить. Государственные дела не пострадают от такой любви.
- Как! Чтобы от любви моей пострадали дела короля? Никогда! Дела короля прежде всего! Дела короля – вещь священная! Не угодно ли за здоровье короля, ваша светлость!
- Можно надеяться на вашу преданность, барон?
- На мою преданность?
- Да.
- Разумеется, можно. Иногда я готов позволить изрезать себя на куски...
- И это очень просто, – перебила Нанона, боясь, что в восторге от медака и шамбертена Ковиньяк забудет свою роль и воротится к своей личности. – И это очень просто. Разве вы не капитан войск его королевского величества по милости герцога?
- И никогда этого не забуду, – отвечал Ковиньяк с изумительным душевным волнением, положив руку на сердце.
- Мы и не то сделаем после, – сказал герцог, – а что-нибудь побольше.
- Покорнейше благодарю!
- И мы уже начали.
- В самом деле?
- Да. Вы слишком скромны, друг мой, – возразил герцог д'Эпернон. – Когда вам нужна будет протекция, надобно обратиться ко мне. Теперь, когда вам не нужно ходить окольной дорожкой, когда вам уже не нужно скрываться, когда я знаю, что вы брат Наноны...
- Теперь, – вскричал Ковиньяк, – я всегда буду относиться прямо к вашей светлости!
- Вы обещаете?
- Даю слово.
- Прекрасно сделаете. Между тем сестра объяснит вам, о чем мы теперь хлопочем: она должна отдать вам письмо от меня. Может быть, все счастье ваше зависит от поручения, которое я даю вам по ее просьбе. Попросите совета у сестры вашей, молодой человек, попросите у нее совета: она умна, осторожна и чрезвычайно добра. Любите сестру вашу, барон, и будьте уверены, что я всегда буду к вам милостив.
- Ваша светлость, – вскричал Ковиньяк с непритворною радостью, – сестра моя знает, как я люблю ее, как я желаю видеть ее счастливою, славною и особенно... богатою!
- Ваш пыл нравится мне, – сказал герцог, – так оставайтесь с Наноной, а я пойду и займусь одним мерзавцем. Но, кстати, барон, – прибавил герцог, – может статься, вы можете дать мне какие-нибудь сведения об этом бандите?
- Охотно, – отвечал Ковиньяк. – Только мне надобно знать, о каком бандите вы говорите. В наше время их очень много и они разных сортов.
- Вы совершенно правы, этот чрезвычайно дерзок, подобного я еще не видывал.
- В самом деле!

- Представьте, этот мерзавец взамен письма, которое писала вам вчера сестра и которое он достал гнусным убийством, выманил у меня бланк.
- Бланк, в самом деле?
- Потом Ковиньяк прибавил простодушно:
- Но зачем же вам было нужно это письмо, посланное сестрою к брату?
- Да я не знал родства.
- Это другое дело.
- И притом имел глупость, – простите ли меня, милая Нанона, – прибавил герцог, подавая ей руку, – имел глупость ревновать вас.
- Вы ревновали? В самом деле? Ах, ваша светлость! Как вам не стыдно!
- Так я хотел спросить у вас, не знаете ли вы, кто был доносчик в этом деле?
- Нет, право, не знаю... Но ваша светлость понимает, что подобные дела не остаются без наказания и что вы со временем узнаете преступника.
- Да, разумеется, узнаю со временем, – отвечал герцог, – и для этого я принял свои меры, но мне было бы гораздо приятнее узнать теперь.
- Так вы приняли меры? – спросил Ковиньяк, слушая обоими ушами. – Вы приняли меры?
- Да, да, – продолжал герцог, – и мерзавец будет очень счастлив, если его не повесят за его бланк.
- Ого! – сказал Ковиньяк. – А каким образом узнаете вы этот бланк от прочих бланков, которые вы даете, ваша светлость?
- На этом сделана заметка.
- Какая?
- Для всех незаметная, но я узнаю ее посредством химической операции.
- Чудесно! – сказал Ковиньяк. – Вы поступили чрезвычайно остроумно в этом случае, но смотрите, остерегитесь, он, может быть, догадается.
- О, этого нельзя опасаться. Кто может сказать ему об этой заметке?
- И то правда, – отвечал Ковиньяк, – Нанона не скажет, я тоже не скажу.
- И я тоже, – прибавил герцог.
- И вы не скажете. Вы совершенно правы: когда-нибудь вы узнаете имя человека и тогда...
- И тогда, так как я буду уже квит с ним, потому что он получит за бланк все, чего пожелает, тогда я прикажу повесить его.
- Прекрасно! – вскричал Ковиньяк.
- А теперь, – продолжал герцог, – если вы не можете дать мне сведения о нем...
- Нет, право, не могу.
- Так я оставлю вас с сестрою. Нанона, растолкуйте ему мое поручение хорошенько, особенно постарайтесь, чтобы он не терял времени.
- Будьте спокойны.
- Прощайте!
- Герцог нежно простился рукою с Наноной, дружески кивнул ее брату и спустился с лестницы, обещая воротиться в тот же день.
- Черт возьми! – сказал Ковиньяк. – Добрый герцог хорошо сделал, что предупредил меня... Право, он не так глуп, как кажется. Но что буду я делать с его бланком? Попробую продать его как вексель...
- Нанона воротилась и заперла дверь.
- Теперь, – сказала она брату, – потолкуем, как исполнить приказание герцога д'Эпернона.
- Да, милая сестрица, – отвечал Ковиньяк, – потолкуем, ведь я только для этого и пришел сюда. Но чтобы удобнее разговаривать, надобно сесть. Сделайте одолжение, сядьте, прошу вас.
- Ковиньяк подвинул стул и показал Наноне, что стул готов для нее.
- Нанона села и нахмурила брови, что не предвещало ничего хорошего.
- Во-первых, – начала Нанона, – почему вы не там, где вам следует быть?
- Ах, милая сестрица, вот это совсем не любезно с вашей стороны. Если бы я был там, где мне следует быть, то не был бы здесь, и вы не имели бы удовольствия видеть меня.

- Ведь вы хотели поступить в аббаты?
- Нет, я не хотел. Скажите лучше, что особы, принимающие участие во мне, и особенно вы, желали этого. Но я лично никогда не чувствовал особенного влечения к этому званию.
- Однако же, вас так воспитывали.
- Да, и я воспользовался этим воспитанием.
- Не шутите так бессовестно!
- Я и не думаю шутить, прелестная сестрица. Я только рассказываю. Слушайте, вы отправили меня в Ангулем, в монастырь, чтобы я учился.
- И что же?
- Ну, я и выучился. Я знаю по-гречески, как Гомер, по-латыни, как Цицерон, а теологию, как Иоанн Гусс. Когда я все выучил, то перешел, все по вашему же желанию, к кармелитам в Руан.
- Вы забываете сказать, что я обещала вам ежегодную пенсию в сто пистолей и сдержала данное слово. Сто пистолей для кармелита, кажется, очень довольно.
- Совершенно согласен с вами, милая моя сестрица, но под предлогом, что я еще не кармелит, монахи постоянно получали пенсию вместо меня.
- Если это и правда, то ведь вы поклялись жить всегда в бедности?
- И поверьте мне, что я в точности исполнил клятву: трудно было найти человека беднее меня.
- Но вы ушли от кармелитов?
- О, да! Наука сгубила меня, я был слишком учен, милая моя сестрица.
- Что это значит?
- Между кармелитами, которые вовсе не слынут Эразмами и Декартами, я считался чудом, разумеется, чудом учености. Когда герцог Лонгвиль приехал в Руан просить город склониться на сторону парламента, меня отправили приветствовать герцога речью. Я исполнил поручение так красноречиво и удачно, что герцог был невыразимо доволен и спросил у меня, не хочу ли я быть его секретарем. Это случилось именно в ту минуту, как я хотел постричься.
- Да, я это помню, и даже под предлогом, что хотите проститься с миром, вы просили у меня сто пистолей, и я доставила вам их прямо в собственные ваши руки.
- И только эти сто пистолей я и видел, клянусь вам честью дворянина.
- Но вы должны были отказаться от света.
- Да, я точно хотел отказаться, но судьба распорядилась иначе: она, верно, хотела определить мне другое поприще, послав мне предложение герцога Лонгвиля. Я покорился решению судьбы и, признаюсь вам, до сих пор не раскаиваюсь.
- Так вы уже не кармелит?
- Нет, по крайней мере, теперь, милая сестрица. Не смею сказать вам, что никогда не ворочусь в монастырь, потому что какой человек может сказать вечером: я сделаю завтра то-то. Господин Ренсе основал орден Трапистов. Может быть, я последую его примеру и изобрету что-нибудь новенькое. Но теперь я попробовал военное ремесло. Оно сделало меня человеком светским и нечистым, но при первом удобном случае я постараюсь очиститься.
- Вы военный! – сказала Нанона, пожав плечами.
- Почему же нет? Не скажу вам, что я Дюнуа, Дюгесклен, Баяр, рыцарь без страха и упрека. Нет, я не так горд, сознаюсь, что заслуживаю кое-какие упреки, и не спрошу, как знаменитый Сфорца, что такое страх. Я человек, и как говорит Плавт: Homo sum, et nihil humanum a me alienum puto, то есть я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Поэтому я трус, сколько человеку позволяется быть трусом, что не мешает мне при случае быть очень храбрым. Когда меня принуждают, я довольно порядочно действую шпагой и пистолетом. Но по природе истинное мое призвание – дипломатическое поприще. Или я очень ошибаюсь, милая Нанона, или я буду великим политиком. Политическое поприще прекрасно. Посмотрите на Мазарини: он пойдет далеко, если его не повесят. Видите ли, я то же самое, что Мазарини. Зато и боюсь только одного: чтобы меня не повесили. По счастью, я могу надеяться на вас, милая Нанона, и эта мысль придает мне бодрости и отваги.
- Так вы военный?

- И кроме того, придворный в случае нужды. Ах! Мое пребывание у герцога Лонгвиля много послужило мне в пользу.
- Чему же вы там учились?
- Тому, чему можно выучиться у такого человека: выучиться воевать, интриговать, изменять.
- И к чему это привело вас?
- К самому блестящему положению.
- Которое вы не умели удержать за собою?
- Что ж делать? Ведь даже и принц Конде потерял свое место. Нельзя управлять событиями.
- Милая сестрица! Каков бы я ни был, я управлял Парижем!
- Вы?
- Да, я.
- Сколько времени?
- Час и три четверти, по самому верному счету.
- Вы управляли Парижем?
- Как настоящий король.
- Как это случилось?
- Очень просто. Вы знаете, что коадьютор господин Гонди, то есть аббат Гонди...
- Знаю, знаю!
- Был полным властелином столицы. В это самое время я служил герцогу д'Эльбефу. Он лотарингский принц, и нет стыда служить принцу. Ну, в то время герцог был во вражде с коадьютором. Поэтому я произвел восстание и взял в плен...
- Кого? Кoadьютора?
- Нет не его, я не знал бы, что с ним делать, и был бы в большом затруднении. Нет, я взял в плен его приятельницу герцогиню де Шеврез.
- Какой ужас! – вскричала Нанона.
- Не правда ли, какой ужас! У аббата Гонди приятельница! И я подумал то же самое. Поэтому я решился похитить ее и отвезти так далеко, чтобы он никогда не мог видаться с ней. Я сообщил ему свое намерение, но у этого человека всегда такие доводы, что против них никак не устоишь. Он предложил мне тысячу пистолей.
- Бедная женщина! За нее торговались!
- Помилуйте! Напротив, это должно быть ей очень приятно. Это доказало ей, как ее любит господин Гонди.
- Так вы богаты?
- Богат ли я?
- Да, можно разбогатеть таким грабежом.
- Ах, не говорите мне об этом, Нанона, мне как-то не везет! Служанка герцогини, которую никто не думал выкупать, и которая поэтому осталась у меня, растратила все мои деньги.
- По крайней мере, надеюсь, вы сохранили дружбу тех, кому служили против коадьютора?
- Ах! Нанона, как видно, вы еще вовсе не знаете людей! Герцог д'Эльбеф помирился с аббатом Гонди. В договоре, который они заключили между собой, мною пожертвовали. Поэтому я нашел вынужденным брать жалованье от Мазарини, но Мазарини величайший скаред. Он не соразмерял наград с моими услугами, и я был принужден предпринять новое восстание в честь советника Брюсселя, имевшее целью истребить канцлера Сегье. Но мои люди, неловкие дураки, истребили его только наполовину. В этой схватке я подвергался самой страшной опасности, какой не видывал во всю жизнь. Маршал Мельере выстрелил в меня из пистолета в двух шагах. Посчастливо, я успел наклониться, пуля просвистела над моею головою и знаменитый маршал убил какую-то старуху.
- Какая куча подлостей!
- Нет, милая сестрица, это уже необходимая принадлежность междоусобной войны.
- Теперь все понимаю: человек, способный на такие подвиги, мог сделать то, что вы сделали вчера.
- Что же я сделал? – спросил Ковиньяк с самым невинным видом.

– Вы осмелились лично обманывать такого важного человека, как герцог д'Эпернон! Но вот чего я не понимаю, вот чего не могу представить себе: чтобы брат, осыпанный моими благодеяниями, мог хладнокровно задумать погубить сестру свою.

– Я хотел погубить сестру?.. Я хотел?.. – спросил Ковиньяк.

– Да, вы, – отвечала Нанона. – Мне не нужно было ваших рассказов, которые показывают, что вы на все способны: я и без них узнала почерк письма. Вот, смотрите: не станете ли уверять, что не вы писали эту безымянную записку?

Раздраженная Нанона показала брату донос, который герцог отдал ей накануне.

Ковиньяк прочел его не смущаясь.

– Ну, что же, – сказал он, – почему вы не довольны этим письмом? Неужели вам кажется, что оно нехорошо сочинено? В таком случае, мне жаль вас, видно, что вы не занимаетесь литературою.

– Дело идет не о слоге письма, а о его содержании. Вы или не вы писали его?

– Разумеется, я. Если бы я хотел скрываться, так изменил бы свой почерк. Но это было совершенно бесполезно: я никогда не имел намерений прятаться от вас. Я даже очень желал, чтоб вы узнали, что письмо писано мною.

– О, – прошептала Нанона с видимым отвращением, – вы сознаетесь!

– Да, милая сестрица, я должен сказать вам, что меня подстрекала месть.

– Месть!

– И самая естественная.

– Мстить мне, несчастный! Да подумайте хорошенько о том, что вы говорите! Что я вам делала, какое зло? Как мысль мстить мне могла прийти вам в голову?

– Что вы мне сделали? Ах, Нанона, поставьте себя на мое место! Я оставляю Париж, потому что у меня было там много врагов: такое несчастье случается со всеми политическими людьми. Я адресуюсь к вам, молю о помощи. Что, не помните? Вы получили три письма. Вы скажете, что не узнали моего почерка, он совершенно похож на ту руку, которою писана безымянная записка, притом же все три письма были подписаны мною. Я пишу к вам три письма и прошу в каждом сто несчастных пистолей! Только сто пистолей, а у вас миллионы! Это сущая безделица, но вы знаете, сто пистолей моя обыкновенная цифра. И что же? Сестра отказывает мне. Я сам лично являюсь, сестра не принимает меня. Разумеется, я стараюсь разведать, что это значит. Может быть, думаю я, она сама находится в затруднительном положении, настала минута доказать ей, что ее благодеяния пали не на бесплодную землю. Может быть даже, она не свободна, в таком случае следует простить ей. Видите, сердце мое искало средств извинить вас, и тут-то узнал я, что сестра моя свободна, счастлива, богата, миллионерша и что барон Каноль, чужой человек, пользуется моими правами и получает покровительство вместо меня. Тут зависть свела меня с ума.

– Скажите лучше, жадность к деньгам. Вы продали меня герцогу д'Эпернону, как продали герцогиню де Шеврез коадьютору. Какое вам дело, спрашиваю вас, заботиться, в каких отношениях с бароном Канолем?

– Мне? Ровно никакого! И я не подумал бы беспокоить вас, если бы вы продолжали хоть какие-нибудь сношения со мною.

– Знаете ли, что вы погибнете, если я скажу герцогу одно слово, если поговорю с ним откровенно?

– Знаю.

– Вы сейчас сами слушали от него самого, какую участь он готовит тому, кто выманил у него этот бланк.

– Не говорите мне об этом, я весь дрожал, и мне нужно было употребить всю мою душевную силу, чтобы не показать, до какой степени я смутился.

– И вы не опасаетесь?

– Нет, ничего не опасаясь. Откровенное признание показало бы, что барон Каноль не брат ваш, и слова вашей записки, писанные не постороннему человеку, получают не совсем чистое значение, какое вы теперь им придали, неблагодарная сестра, не смею сказать слепая, потому что хорошо знаю вас. Подумайте только, как много выгод выходит из этой минутной распри с герцогом,

которая приготовлена моими трудами. Во-первых, вы находились в страшном затруднении и дрожали при мысли, что явится барон Каноль, который, не будучи предупрежден, страшно испортил бы вам семейный роман. Напротив, я явился и все спас. Теперь брат ваш не тайна. Герцог д'Эпернон усыновил его, и, надобно признаться, самым нежным образом. Теперь брату вашему уже не нужно прятаться, он принадлежит к семейству, теперь вы можете переписываться, видаться с ним вне дома и даже у себя в доме. Только смотрите, предупредите брата вашего с черными глазами и волосами, чтобы герцог д'Эпернон никогда не видал его лицо. Ведь все плащи схожи между собою, и когда герцог увидит, что от вас выходит плащ, кто скажет ему, чей это плащ, – брата или постороннего человека? Теперь вы свободны, как воздух. Только, желая услужить вам, я переменил имя. Вы должны бы поблагодарить меня!

Изумленная Нанона не знала, как возражать на этот поток слов, выражение самого страшного бесстыдства.

Зато Ковиньяк, пользуясь своею победою, продолжал не останавливаясь:

– Даже, любезная сестрица, теперь, когда мы соединились после долгой разлуки, когда после многих переворотов вы нашли настоящего брата, признайтесь, что с этой минуты вы будете спать спокойно под щитом, которым любовь прикроет вас. Вы будете спать так спокойно, как будто вся Гиенна обожает вас, когда вы знаете, напротив, что здесь вас не терпят, но здешняя провинция поневоле покорится тому, чего мы захотим. В самом деле, я буду жить у вашего порога, герцог произведет меня в полковники, вместо шести человек у меня будет их две тысячи. С этими двумя тысячами я возобновлю воспоминание о двенадцати подвигах Геркулеса. Меня назначат герцогом и пэром, герцогиня д'Эпернон умирает, герцог женится на вас.

– Но прежде всего этого – два условия, – сказала Нанона строгим голосом.

– Какие, милая сестрица! Извольте говорить, я готов слушать вас.

– Во-первых, вы возвратите герцогу бланк, потому что эта бумага может погубить вас. Вы слышали: он сам своими устами произнес приговор. Во-вторых, вы сейчас же уйдете отсюда, потому что можете погубить меня, что для вас ничего не значит, но и вы погибнете вместе со мною. Хоть это, может быть, побудит вас подумать о моей гибели.

– Даю ответ на каждый пункт: бланк принадлежит мне, как неотъемлемая собственность, и вы не можете запретить мне идти на виселицу, если мне так заблагорассудится.

– Как хотите!

– Покорно благодарю. Но будьте спокойны: этого никак не будет. Я сейчас говорил вам, какое отвращение чувствую к такому роду смерти. Стало быть, бланк останется у меня, но, может быть, вам угодно купить его, в таком случае мы можем переговорить и поторговаться.

– Он мне не нужен! Важная вещь бланк! Я сама выдаю их!

– Счастливая Нанона!

– Так вы оставляете его?

– Непременно.

– Не боясь ничего?

– Не беспокойтесь, я знаю, как сбыть его с рук. Что же касается приказанья выйти отсюда, – я не решусь на такую ошибку, потому что я здесь по приказу герцога. Скажу еще, что, желая избавиться от меня поскорее, вы забываете самое важное.

– Что такое?

– То важное поручение, о котором говорил мне герцог, и которое должно осчастливить меня. Нанона побледнела.

– Несчастный, – сказала она, – ведь вы знаете, что не вы должны исполнить это поручение. Вы знаете, что употребить ваше положение во зло, значит совершить преступление, такое преступление, которое рано или поздно навлечет на вас казнь.

– Да я и не хочу употреблять его во зло, хочу только воспользоваться им.

– Притом же, в депеше написано, что оно поручается барону Канолью.

– А меня разве зовут не так?

– Да, но при дворе знают не только его имя, но и его лицо. Каноль часто бывал при дворе.

– Ну, согласен, вот это замечание дельное. С тех пор, как мы толкуем, в первый раз вы пра-

вы, и видите, я тотчас соглашаюсь с вами.

– Притом же вы найдете там ваших политических врагов, – прибавила Нанона. – Да, может быть, и ваше лицо там столько же известно, сколько и лицо Каноля, только в другом смысле.

– О, это бы ничего не значило, если бы поручение, как уверял герцог, действительно имело целью спасение Франции. Поручение избавило бы посланного от бед. Такая важная услуга влечет за собою помилование, и прощение за прошедшее есть всегда первое условие всякого политического превращения. Итак, поверьте мне, милая сестрица, не вы можете предлагать мне условия, а я вам.

– Что же это за условия?

– Во-первых, как я вам сейчас говорил, первое условие всякого трактата – всепрощение.

– А еще?

– Уплата по счетам.

– Так я вам еще должна?

– Вы должны мне сто пистолей, который я просил у вас, и в которых вы изволили отказать мне так бесчеловечно.

– Вот вам двести.

– Бесподобно! Теперь я узнаю вас, Нанона.

– Но с условием.

– Что такое?

– Вы поправите зло, которое сделали.

– Совершенно справедливо. Что же я должен делать?

– Сейчас садитесь на лошадь и отправляйтесь по Парижской дороге, и скачите без отдыха, пока не догоните барона Каноля.

– И тогда я расстанусь с баронским титулом?

– Возвратите его барону.

– А что сказать ему?

– Отдайте ему вот эту депешу и уверьтесь, что он поехал в Париж.

– Все тут?

– Больше ничего.

– Нужно ли ему знать, кто я?

– Напротив, очень нужно, чтобы он этого не знал.

– Ах! Нанона, неужели вам стыдно за брата?

Нанона не отвечала. Она задумалась.

– Но, – сказала она через несколько времени, – каким образом могу я увериться, что вы исполните мое поручение в точности? Если бы вы считали что-нибудь священным, так я попросила бы клятвы.

– Сделайте лучше.

– Что такое?

– Обещайте мне сто пистолей, если я в точности исполню ваше поручение.

Нанона пожала плечами.

– Согласна, – сказала она.

– Посмотрите, – отвечал Ковиньяк. – Я не требую с вас никакой клятвы, довольствуюсь одним вашим словом. Так мы условливаемся, что вы отдадите сто пистолей тому, кто доставит вам расписку Каноля, разумеется, от моего имени?

– Хорошо, но вы говорите о третьем лице: неужели вы не хотите сами воротиться?

– Как знать будущее? Важное дело призывает меня самого в окрестности Парижа.

Нанона не могла скрыть движения радости, которое вырвалось у ней невольно.

– А вот это совсем не мило, – сказал Ковиньяк, засмеявшись. – Но мне все равно, милая сестрица. Мы расстаемся друзьями?

– Друзьями. Но поезжайте скорей!

– Сейчас же отправлюсь в путь. Только позвольте выпить стакан вина на дорогу.

Ковиньяк вылил в свой стакан последнее вино из бутылки шамбертена, выпил, поклонился

сестре чрезвычайно почтительно, вскочил на лошадь и через минуту исчез в облаке пыли.

IX

Луна выходила на горизонт, когда виконт в сопровождении верного своего Помпея выехал из гостиницы почтенного Бискарро и пустился скакать по Парижской дороге.

Около четверти часа виконт предавался своим мыслям. В это время проехали почти полторы мили. Наконец виконт повернулся к своему конюху, который шагах в трех сзади ехал вслед за своим господином.

– Помпей, – сказал он, – не к тебе ли как-нибудь попала моя перчатка с правой руки?

– Кажется, нет.

– Что ты делаешь там с чемоданом?

– Смотрю, крепко ли он привязан, и затягиваю ремни, чтобы золото в нем не стучало. Звуки золота не доводят до добра, сударь, и притягивают неприятные знакомства, особенно ночью.

– Ты прекрасно делаешь, Помпей. Я радуюсь, видя твое старание и благоразумие.

– Это очень простые достоинства в старом солдате, виконт, и они очень хорошо идут к храбрости. Однако же, не считая храбрости безрассудною отвагою, признаюсь, очень жалею, что господин Ришон не мог проводить нас: ведь трудно уберечь двадцать тысяч ливров, особенно в наше бурное время.

– Ты говоришь очень благоразумно, Помпей, – отвечал виконт, – и я совершенно с тобою согласен.

– Осмелюсь даже прибавить, – продолжал Помпей, видя, что виконт поощряет его трусость, – осмелюсь прибавить, что неблагоразумно так отваживаться, как мы. Позвольте мне подъехать к вам и осмотреть мой мушкетон.

– Ну, Помпей?..

– Мушкетон в порядке, и кто осмелится остановить нас, тому будет плохо. Ого, что там такое!

– Где?

– Да перед нами, шагах в ста, тут, направо...

– Что-то белое.

– Ого, – сказал Помпей, – что-то белое! Верно, перевязь! Мне очень хочется отправиться сюда налево, за забор, говоря военным термином, занять позицию. Не занять ли нам позиции, виконт?

– Если это перевязи, Помпей, так нет беды, ведь перевязи носят только королевскими солдатами, а королевские солдаты не грабят.

– Извините, виконт, вы очень ошибаетесь. Напротив, везде рассказывают о мерзавцах, которые прикрываются мундиром королевских войск и совершают множество преступлений. Недавно еще в Бордо четвертовали двух конноегерей, которые... Мне кажется, я узнаю конноегерский мундир...

– Помилуй, помилуй, у конноегерей мундир синий, а мы видим что-то белое.

– Точно так, но часто они надевают белые блузы сверх мундира. Так сделали и разбойники, четвертованные в Бордо... Вот эти что-то сильно размахивают руками и грозят... Такая уж у них тактика, виконт: они становятся на большой дороге и издали, с карабином в руках, принуждают несчастного путешественника бросать им кошелек.

– Но, добрый мой Помпей, – возразил виконт, который сохранил еще присутствие духа, хотя сам порядочно испугался, – если они грозят издали карабином, так и ты погрози им.

– Да, но они не видят меня, – отвечал Помпей, – стало быть, моя угроза бесполезна.

– Но если они тебя не видят, так не могут и грозить тебе. Так мне кажется.

– Вы ровно ничего не понимаете в военном деле, – сказал Помпей с заметной досадой. – Вот здесь будет со мною то же самое, что случилось в Корбии.

– Надеюсь, что нет, Помпей. Ведь, кажется, при Корбии тебя ранили?

– Точно так, и ранили страшно. Я ехал тогда с господином Канбом, бесстрашным человеком.

Мы пустились в ночные разъезды для рекогносцировки поля, где намеревались дать сражение. Мы издали увидели перевязи. Я прошу его не предаваться бесполезной отваге, а он идет прямо на перевязи. С досады я повернулся спиной. В эту минуту проклятая пуля... Ах, виконт, прошу вас, будем благоразумны!

– Пожалуй, Помпей, будем благоразумны. Я вполне с тобою согласен. Однако же, мне кажется, что перевязи вовсе не двигаются.

– Они чувствуют добычу. Подождем.

По счастью, путешественники ждали недолго. Через минуту луна вышла из-за черной тучи и великолепно осветила шагах в пятидесяти от виконта две или три рубашки, которые сушились на заборе с растянутыми рукавами.

В этом-то заключались перевязи, напоминавшие Помпею его бедствие при Корбии.

Виконт громко захохотал и пустил лошадь в галоп. Помпей поскакал за ним, приговаривая:

– Какое счастье, что я не исполнил первой моей мысли – я хотел выстрелить в эту сторону и был бы похож на Дон-Кихота. Видите, виконт, как полезны благоразумие и знание войны!

После сильного волнения человек всегда успокаивается на некоторое время. Проскакав мимо рубашек, путешественники наши проехали два лье довольно спокойно. Погода была бесподобная, широкая и черная тень падала от леса на одну сторону дороги.

– Решительно я не люблю лунного света, – сказал Помпей. – Когда человек виден издалека, его легко поймать врасплох. Я всегда слышал от старых солдат, что если два человека ищут один другого, то луна покровительствует только одному. Мы в большом, самом ярком свете, виконт, это неблагоразумно.

– Так поедem в тени.

– Да, но если воры спрятались на опушке леса, так мы сами бросимся в их пасть... Во время похода никогда не подходят к лесу, не разведав его.

– По несчастью, у нас нет передового отряда. Не так ли называют тех, кто разузнает дорогу, мой добрый и храбрый Помпей?

– Точно так, точно так, – шептал старый слуга. – Ах, зачем Ришон не поехал с нами? Мы послали бы его вместо авангарда, а сами составили бы главный корпус.

– Ну, что же, Помпей, на что мы решились? Останемся ли на лунном свете? Или переберемся в тень?

– Переедем в тень, виконт. Это кажется мне самым благоразумным.

– Пожалуй.

– Вы боитесь, виконт?

– Нет, любезный Помпей, уверяю тебя, нет.

– И напрасно бы стали вы бояться, ведь я здесь и берегу вас. Если бы я был один, вы понимаете, так ничего бы не опасался. Старый солдат и черта не боится. Но вы такой товарищ, которого уберечь еще труднее, чем сокровище, лежащее у меня за седлом. Эта двойная ответственность пугает меня. Ага! Что там за черная тень? Ну, ясно, что она движется!

– Не спорю, – сказал виконт.

– Видите ли, что значит быть в тени: мы видим врага, а он нас не видит. Не кажется ли вам, что этот злодей несет ружье?

– Да. Но этот человек один, а нас двое.

– Виконт, кто ходит один, тот еще страшнее: уединение показывает решительность характера. Знаменитый барон Дезадре ходил всегда один... Ай, смотрите, он, кажется, целится в нас... Он сейчас выстрелит, наклонитесь!

– Да, нет, Помпей, он только переложил мушкет с одного плеча на другое.

– Все равно наклонимся, выдержим выстрел, припав к луке, уж так принято.

– Но ты видишь, что он не стреляет.

– А, он не стреляет, – сказал Помпей, приподнимая голову. – Хорошо! Он, верно, испугался, увидав наши решительные лица. Ага! Он боится. Так позвольте мне переговорить с ним, а потом вы начнете говорить, только густым басом.

Тень приближалась.

Помпей громко закричал:

– Гей, дружище! Кто ты?

Тень остановилась в видимом испуге.

– Ну, теперь вы извольте кричать, – сказал Помпей.

– Зачем? – спросил виконт. – Разве ты не видишь, что бедняк дрожит?

– А, он боится! – вскричал Помпей и бросился вперед, приподняв карабин.

– Помилуйте, сжальтесь! – вскричал незнакомец, становясь на колени. – Сжальтесь! Я бедный деревенский разносчик. Вот уже более недели, как я не продал ни одного платка, и при мне вовсе нет денег!

Аршин, которым бедный разносчик мерил товары, показался Помпею мушкетом.

– Узнай, друг мой, – величественно сказал Помпей, – что мы не грабители, а люди военные, и путешествуем ночью, потому что ничего не боимся. Ступай, ты свободен.

– Вот, друг мой, – прибавил виконт ласковым своим голосом, – вот тебе полпистоля за то, что мы напугали тебя, и желаю счастливого пути!

Виконт белою маленькою ручкою подал деньги бедняку, который ушел, благодаря небо за такую счастливую встречу.

– Вы напрасно это сделали, виконт. Да, напрасно вы это сделали, – сказал Помпей минут через двадцать.

– Да что такое?

– Зачем дали вы денег этому человеку? Ночью никогда не должно показывать, что у вас есть деньги. Помните, этот трус прежде всего закричал, что при нем вовсе нет денег?

– Правда, помню, – сказал виконт с улыбкой. – Но ведь он трус, как ты говоришь, а мы напротив того, как ты видишь, храбрые, военные люди и ничего не боимся.

– Между «бояться» и «быть осторожным», виконт, такое же огромное расстояние, какое между трусостью и неблагоразумием. Извольте видеть, повторяю, неблагоразумно показывать незнакомому человеку, встретившемуся на большой дороге, что у вас есть деньги.

– Но когда незнакомец один и без оружия?

– Он может принадлежать к вооруженной шайке, он может быть шпионом, посланным вперед для разузнания местности, он может вернуться с целой толпой. А что могут сделать два человека, как бы они не были храбры, против толпы?

Виконт на этот раз признал упреки Помпея справедливыми или, чтобы скорее избавиться от упреков, согласился с ним. В это время они приехали к речке Се близ Сен-Жене.

Моста не было, следовало переправиться вброд.

Помпей при этом случае мастерски изложил виконту теорию переправы через реки. Но теория не мост, и все-таки следовало переправиться вброд.

По счастью, река была не глубока и это новое обстоятельство показало виконту, что препятствия, на которые смотришь издали и ночью, кажутся не такими страшными, когда посмотришь на них вблизи.

Виконт начинал совершенно успокаиваться, потому что дело подходило к рассвету, как вдруг наши путешественники остановились, проехав половину леса, окружающего Марзас. Они услышали за собою очень явственно топот нескольких лошадей.

В это же время их собственные лошади подняли головы и одна из них заржала.

– На этот раз, – сказал Помпей дрожащим голосом, хватая лошадь виконта за узду, – на этот раз, надеюсь, вы послушаетесь меня и вполне предоставите распоряжаться старому опытному солдату. Я слышу топот конного отряда: нас преследуют. И видите ли, это верно шайка вашего ложного разносчика: я говорил вам это, вам, неосторожный! Теперь не нужно излишней отваги, спасем жизнь и деньги. Бегство часто единственный путь к победе. Гораций притворился, что он бежит...

– Так обратимся в бегство скорей, – сказал виконт, дрожа всем телом.

Помпей сильно пришпорил свою лошадь, превосходного руанского коня. Конь рванулся вперед с усердием, которое увлекло лошадь виконта, копыта их гремели по мостовой и выбивали искры из камней.

Так скакали они с полчаса, но путешественникам казалось, что враги все приближаются.

Вдруг в темноте раздался голос. Соединясь со свистом вихря, производимого бегом коней наших всадников, он казался зловещею угрозою злого духа.

От этого голоса седые волосы Помпея стали дыбом.

– Они кричат: стой! – прошептал он. – Слышите, они кричат нам: стой!

– Ну что же, надобно ли останавливаться? – спросил виконт.

– Как можно! – вскричал Помпей. – Поскачем вдвое скорее, если можно. Вперед! Вперед!

– Да, да, вперед, скорей, скорей! – кричал виконт, на этот раз столько же испугавшийся, сколько и его вожатый.

– Они приближаются, приближаются! – сказал Помпей. – Что, слышите?

– Да, да!

– Их более тридцати! Чу, они опять зовут нас. Ну, мы решительно погибли!

– Замучим лошадей, если нужно, – сказал виконт, едва переводя дыхание.

– Виконт! Виконт! – кричал голос. – Остановитесь! Остановитесь! Остановись, старый дурак!

– Ах, они знают нас, они знают, что мы возем деньги к принцессе, они знают, что мы участвуем в заговоре: нас будут колесовать живых!

– Остановите! Остановите! – кричал голос.

– Они кричат, чтобы нас остановили! – продолжал Помпей. – У них впереди есть сообщники, мы окружены со всех сторон!

– А если мы бросимся в сторону, в поле, и они проскачут мимо нас?

– Превосходная мысль! – сказал Помпей. – В сторону!

Оба всадника повернули лошадей влево. Лошадь виконта удачно перескочила через ров, но тяжелый конь Помпея стал на край рва, земля не выдержала его тяжести, и он рухнул вместе со всадником. Бедный Помпей отчаянно закричал.

Виконт, уже отскакавший шагов на пятьдесят, услышал стоны слуги и, хотя сам дрожал всем телом, повернул лошадь и поспешил на помощь товарищу.

– Прошу пощады! – кричал Помпей. – Сдаюсь военнопленным. Я принадлежу виконту де Канб.

Громкий хохот отвечал на эти жалобные вопли. Виконт, подъехав к Помпею в эту минуту, увидел, что храбрец целует стремя победителя, который старался успокоить несчастного голосом ласковым, сколько позволял ему хохот.

– Барон де Каноль! – закричал виконт.

– Да, разумеется я сам. Нехорошо, виконт, заставлять так скакать людей, которые вас ищут.

– Барон де Каноль! – повторил Помпей, сомневаясь еще в своем счастье. – Барон де Каноль и господин Касторин!

– Разумеется, мы, господин Помпей, – отвечал Касторин, приподнимаясь на стремях и поглядывая через плечо своего господина, который от хохота наклонился к луке. – Да что вы делали во рву?

– Вы видите! – отвечал Помпей. – Лошадь моя упала в ту самую минуту, как я хотел укрепиться и, принимая вас за врагов, намеревался сразиться с вами отчаянно!

Встав и отряхнувшись, Помпей прибавил:

– Ведь это барон Каноль, виконт!

– Как, вы здесь, барон? – спросил виконт с радостью, которая против его воли выражалась в его голосе.

– Да, я здесь, – отвечал барон, не сводя глаз с виконта. (Это упорство объясняется найденною в гостинице перчаткою.) Мне стало до смерти скучно в трактире, Ришон уехал от меня, выиграв мои деньги. Я знал, что вы поехали по Парижской дороге. По счастью, у меня в Париже есть дела, и я поскакал догонять вас. Я никак не воображал, что мне придется так измучиться. Черт возьми, виконт, вы удивительно ездите верхом!

Виконт улыбнулся и прошептал два-три слова.

– Касторин, – продолжал Каноль, – помоги Помпею сесть на лошадь. Ты видишь, что он ни-

как не может сесть, несмотря на всю свою ловкость.

Касторин сошел с лошади и подал руку Помпею, который наконец попал в седло.

– Ну, теперь поедem, – сказал виконт.

– Позвольте, только одну минуту, – начал Помпей с заметным смущением, – мне кажется, у меня чего-то не достает.

– Да, и мне тоже кажется, – сказал виконт, – у тебя не достает чемодана.

– Ах! Боже мой! – прошептал Помпей, притворяясь очень удивленным.

– Несчастный! – вскричал виконт. – Неужели ты потерял...

– Он недалеко, – отвечал Помпей.

– Да вот не он ли? – спросил Касторин, поднимая чемодан с трудом.

– Да, да! – вскричал виконт.

– Да, да! – повторил Помпей.

– Но он не виноват, – сказал Каноль, желая приобрести дружбу старого слуги, – во время падения ремни оборвались и чемодан свалился.

– Ремни не оборвались, а отрезаны, – возразил Касторин. – Извольте посмотреть.

– Ага, Помпей! Что это значит? – спросил Каноль.

– Это значит, – сказал виконт строгим голосом, – что Помпей, опасаясь преследования воров, ловко отрезал ремни, чтобы избавиться от ответственности за казначейство. Каким военным термином называется такая хитрость, Помпей?

Помпей оправдывался тем, что неосторожно вынул охотничий нож. Но поскольку он не мог дать удовлетворительного объяснения, то остался в сильном подозрении, будто хотел пожертвовать чемоданом ради собственной безопасности.

Каноль показал себя не столь строгим.

– Хорошо, хорошо, – сказал он, – подобные вещи часто случаются, но привяжите-ка чемодан. Гей, Касторин, помоги Помпею. Ты был совершенно прав, Помпей, когда боялся воров, чемодан у вас полновесный, и от него никто бы не отказался.

– Не шутите, сударь, – сказал Помпей, вздрогнув, – всякая ночная шутка приносит беду.

– Ты совершенно прав, Помпей, всегда прав, поэтому-то я хочу проводить виконта и тебя: конвой из двух человек не покажется вам лишним!

– Разумеется, нет! – вскричал Помпей. – Чем больше людей, тем безопаснее.

– А вы, виконт, что думаете о моем предложении? – спросил Каноль, замечая, что виконт не так ласково, как его слуга, принимает учтливое предложение барона.

– Я вижу, – отвечал виконт, – ваше обычное благорасположение и от души благодарю вас. Но мы едем не по одной дороге, и я боюсь, что обеспокою вас, если приму предложение.

– Как? – сказал смущенный Каноль, видя, что спор, начатый в гостинице, продолжится и на большой дороге. – Как, мы едем не по одной дороге? Разве вы едете не...

– В Шантильи! – поспешно отвечал Помпей, задрожав при мысли, что ему может быть придется продолжать путь одному с виконтом.

Что же касается до виконта, то он вздрогнул с досады, и если бы было светло, то на лице его увидели бы краску гнева.

– Очень хорошо! – сказал Каноль, притворяясь, что не замечает гневных взглядов, которые виконт бросал на бедного Помпея. – Очень хорошо, ведь и я тоже еду в Шантильи. Я еду в Париж или, лучше сказать, – прибавил он с улыбкой, обращаясь к виконту, – мне нечего делать, и я сам не знаю, куда еду. Если вы едете в Париж, так и я в Париж. Если вы едете в Лион, так и я поеду в Лион. Если вы едете в Марсель, мне очень давно хочется посмотреть Прованс, так и я поеду в Марсель. Если вы едете в Стене, где стоит армия его величества короля, поедem в Стене. Хотя я родился на юге, но всегда особенно любил север.

– Милостивый государь, – отвечал виконт с твердостью, которой, вероятно, был обязан своей досаде, – говорить ли вам откровенно? Я путешествую один, по собственным делам величайшей важности, по причинам чрезвычайно серьезным, и простите меня, если вы будете настаивать в просьбе, я буду принужден сказать вам, что вы мне мешаете.

Только воспоминание о перчатке, которую Каноль спрятал на груди между камзолом и со-

рочкою, могло удержать барона, вспыльчивого и пылкого, но он не показал досады.

– Милостивый государь, – возразил он серьезно, – мне никто никогда не сказывал, что большая дорога принадлежит одному человеку, а не всем. Ее называют даже, если я не ошибаюсь, королевским путем, в доказательство, что все подданные его величества равно могут ею пользоваться. Стало быть, я нахожусь на королевском пути вовсе без намерения мешать вам: я даже могу помочь вам, потому что вы молоды, слабы и почти без всякой защиты. Мне кажется, я вовсе не похож на вора. Но если вы думаете обо мне иначе, я должен пожалеть о моем несчастном лице. Простите, что я обеспокоил вас, милостивый государь. Честь имею раскланяться! Доброго пути!

Каноль, поворотив лошадь на другую сторону дороги, поклонился виконту. Касторин поехал за ним. Помпей всею душою желал быть с ними.

Каноль разыграл эту сцену с такою грациозною учтивостью, так ловко надел широкую свою шляпу на красивый лоб, окаймленный черными лоснящимися волосами, что виконт был поражен его благородным поступком и еще более его красотою.

Каноль переехал на другую сторону дороги, как мы уже сказали. Касторин отправился за ним. Помпей, оставшись наедине с виконтом, вздыхал так, что мог бы растрогать камни на дороге. Наконец, виконт, много думавший, поехал в ту же сторону и, подъехав к Канолу, который приотворился, что не видит и не слышит его, сказал едва слышным голосом только эти два слова:

– Барон Каноль!

Каноль вздрогнул и обернулся: радость разлилась по его жилам; ему казалось, что все гармонические звуки неземных областей соединились и дают ему концерт.

– Виконт! – сказал он в свою очередь.

– Послушайте, милостивый государь, – начал виконт ласковым и сладким голосом, – я боюсь, что был очень неучтив с таким достойным вельможею, как вы, простите мою застенчивость. Я воспитывался у родителей, которые из нежной любви ко мне боялись за меня беспрестанно. Повторяю вам, простите меня, я вовсе не имел намерения оскорбить вас, а в доказательство искреннего нашего примирения позвольте мне ехать возле вас.

– Помилуйте, – вскричал Каноль, – не только позволяю, но даже прошу... Я не злопамятен, виконт, и в доказательство...

Он подал ему руку, в которую упала мягкая, нежная ручка виконта.

Остальную часть ночи провели в веселом разговоре. Барон говорил, виконт постоянно слушал и иногда улыбался.

Лакеи ехали позади. Помпей объяснял Касторину, почему Корбийское сражение было потеряно, между тем как его можно было выиграть, если бы не забыли позвать Помпея на военный совет, который собирался в тот день утром.

– Кстати, – сказал виконт Канолу, когда показались первые лучи солнца, – каким образом кончили вы дело с герцогом д'Эперноном?

– Дело было нетрудное, – отвечал Каноль. – Судя по словам вашим, виконт, он имел дело ко мне, а я не имел к нему никакого дела. Он или соскучился ждать меня и уехал, или упорствует в своем намерении и теперь еще ждет меня.

– А Нанона Лартиг? – спросил виконт нерешительно.

– Нанона не может быть вдруг и дома с герцогом д'Эперноном, и в гостинице «Золотого Тельца» со мною. От женщин нельзя требовать невозможного.

– Это не ответ, барон. Я спрашиваю, как вы, до безумия влюбленный в госпожу Лартиг, могли расстаться с нею?

Каноль взглянул на виконта и видел его очень ясно, потому что было уже светло, но на лице молодого человека уже не было видно досады.

Тут барону очень хотелось отвечать искренно, от души, но его удержало присутствие Помпея и Касторина и важный взгляд виконта. Притом его останавливало и сомнение, он думал:

«Ну, если я ошибаюсь... если, несмотря на перчатку и маленькую ручку, это мужчина? Придется умереть со стыда в случае ошибки».

Поэтому он удержался и отвечал на вопрос виконта одною из тех улыбок, которые на все отвечают.

Остановились в Барбзие позавтракать и дать лошадям отдых. На этот раз Каноль завтракал с виконтом и за завтраком восхищался тою ручкою, с которой надушенная перчатка привела его в такое сильное волнение. Кроме того, сядя за стол, виконт поневоле должен был снять шляпу и показать такие гладкие волосы, что всякий человек угадал бы, кто такой виконт. Всякий человек, говорим мы, кроме человека влюбленного, потому что влюбленные слепы. Но Каноль ужасно боялся проснуться и прекратить очаровательный сон свой. Он находил что-то прелестное в переодевании виконта. Это допускало его до самой приятной короткости, которая тотчас бы прекратилась, если бы последовало искреннее признание. Поэтому он не сказал виконту даже слова, которое могло бы показать, что его тайна открыта.

После завтрака опять пустились в дорогу и не сходили с лошадей до обеда. По временам усталость, которой виконт не мог уже сносить, выводила на лицо его синеватую бледность или заставляла его дрожать всем телом. В таких случаях Каноль дружески спрашивал, что с ним делается. Виконт де Канб тотчас поправлялся, улыбался. Казалось, переставал страдать, предлагал даже ехать скорее, но Каноль на это не соглашался под предлогом, что путь далек и что необходимо беречь лошадей.

После обеда виконт едва мог встать с места. Каноль бросился и помог ему.

– Вам непременно нужно отдохнуть, молодой друг мой, – сказал Каноль. – Если мы таким образом будем продолжать, то вы умрете на третьей станции. В эту ночь мы остановимся и отдохнем. Я хочу, чтобы вы спали спокойно, лучшая комната в гостинице будет отдана вам, уверяю вас жизнью.

Виконт с таким смущением смотрел на Каноля, что барон едва не расхохотался.

– Когда предпринимается такое долгое путешествие, как наше, – сказал Помпей, – то следовало бы брать по палатке на человека.

– Или по палатке на двоих, – сказал Каноль очень просто, – этого было бы достаточно.

Виконт задрожал.

Удар поразил метко, и Каноль заметил это: мимоходом он успел подсмотреть знак, поданный виконтом Помпею.

Помпей подошел к своему господину. Виконт сказал ему несколько слов на ухо, и скоро Помпей под каким-то предлогом поскакал вперед и исчез.

Часа через полтора после этой проделки, объяснения которой Каноль не думал спрашивать, путешественники наши, въехав в богатое селение, увидели Помпея на пороге порядочной гостиницы.

– А, – сказал Каноль, – кажется, мы здесь проведем ночь?

– Да, если вам угодно, барон.

– Помилуйте! Я согласен на все, что вам угодно. Я уже сказал вам, я путешествую просто для удовольствия, а вы, напротив, как изволили говорить мне, путешествуете по важным делам. Только я боюсь, что вам будет нехорошо в этом дрянном трактире.

– О, – возразил виконт, – ночь скоро пройдет!

Остановились. Помпей предупредил Каноля и помог своему господину сойти с лошади, при том же Каноль подумал, что такая услужливость мужчины перед мужчиной может показаться смешною.

– Ну, скорей, где моя комната? – спросил виконт.

Потом, повернувшись к Канолу, прибавил:

– Вы совершенно правы, барон, я чрезвычайно устал.

– Вот ваша комната, сударь, – сказала трактирщица, указывая на довольно просторную комнату в нижнем этаже, выходившую окнами на двор. Окна были с решетками, а над комнатою красовались чердаки.

– А где же поместите меня? – спросил Каноль.

Он с жадностью посмотрел на дверь в соседнюю комнату, которая отделялась от комнаты виконта только тоненькою перегородкою, слабою преградою против такого сильного любопытства, какое испытывал барон Каноль.

– Ваша здесь, – отвечала трактирщица, – позвольте, я вас сейчас проведу туда.

И тотчас, не замечая неудовольствие Каноля, она повела его на конец коридора, в котором находилось множество дверей. Комната барона отделялась от комнаты виконта всем двором.

Виконт следил за ними глазами, стоя на пороге своей комнаты.

– Ну, теперь уж я не сомневаюсь в своем предположении, – подумал Каноль. – Я поступил как дурак, но если покажу неудовольствие, то погибну безвозвратно. Постараемся быть как можно учтивее.

И выйдя на конец коридора, он сказал:

– Прощайте, милый виконт, спите хорошенько, вы в самом деле нуждаетесь в покое. Угодно, я разбужу вас завтра? Не угодно, так вы разбудите меня, когда встанете. Желаю вам доброй ночи!

– Прощайте, барон! – отвечал виконт.

– Кстати, – продолжал Каноль, – не нужно ли вам чего-нибудь? Хотите, я пришлю вам Касторина, он поможет вам раздеться.

– Покорно благодарю, у меня есть Помпей, он спит возле моей комнаты, по соседству.

– Прекрасная предосторожность, я то же сделаю с Касторином. Преблагоразумная мера, не так ли, Помпей? Чем осторожнее в гостинице, тем лучше. Спокойной ночи, виконт.

Виконт отвечал таким же точно пожеланием, и дверь затворилась.

– Хорошо, хорошо, виконт, – прошептал Каноль, – завтра придет моя очередь готовить квартиры, и я отмишу вам. Хорошо, – продолжал он,

– он задергивает даже занавески, вешает за ними какую-то простыню, чтобы даже не видно было его тени. Черт возьми! Какая изумительная скромность! Но все равно, до завтра!

Каноль в дурном расположении духа вошел в свою комнату, лег спать с досадой и видел во сне, что Нанона нашла у него в кармане серенькую перчатку виконта.

Х

На другой день Каноль казался еще веселее, чем накануне. С другой стороны, и виконт де Канб предавался откровенной веселости. Даже Помпей смеялся, рассказывая свои походы Касторину. Все утро прошло как нельзя лучше.

За завтраком Каноль извинился и просил позволения расстаться на минуту с виконтом: ему нужно было написать длинное письмо одному из его друзей, жившему в окрестностях. В то же время Каноль объявил, что должен заехать к одному из своих приятелей, которого дом находится очень близко от Пуатье, почти на большой дороге.

Каноль спросил об этом доме у трактирщика. Ему отвечали, что он увидит этот дом возле селения Жоне и узнает его по двум башенкам.

В таких обстоятельствах Касторин должен был расстаться с обществом, чтобы отвезти письмо, а Каноль принужден был сам ехать вперед, поэтому виконта просили сказать наперед, где намерен он ужинать. Виконт взял дорожную карту, которую вез Помпей, и предложил селение Жоне. Каноль вовсе не противился этому предложению и был так коварен, что даже прибавил:

– Помпей, если тебя как вчера пошлют квартирмейстером, так постарайся, если можно, занять для меня комнату возле комнаты твоего господина, чтобы мы могли поговорить.

Хитрый Помпей взглянул на виконта и улыбнулся, решившись ни в коем случае не исполнять просьбы барона. Касторин, наперед уже принявший наставления, пришел за письмом и получил приказание быть вечером в Жоне.

Нельзя было ошибиться в гостинице: в Жоне была только одна гостиница «Великого Карла Мартела».

Пустились в дорогу. Шагах в пятистах от Пуатье, где обедали, Касторин поехал по проселочной дороге вправо. Потом еще два часа ехали дальше, наконец, по несомненным признакам, Каноль узнал дом своего друга, показал его виконту, простился с юным другом, повторил Помпею приказание о своей комнате и поехал по проселочной дороге налево.

Виконт совершенно успокоился, о вчерашней разлуке не было сказано ни слова и весь день прошел без малейших намеков, стало быть, виконт уже не боялся, что Каноль станет противиться его желаниям. А с той минуты, как барон становился для него просто спутником, добрым, весе-

лым и умным, виконт очень желал доехать вместе с ним до Парижа. Поэтому он или не считал нужным принимать меры осторожности, или не хотел расстаться с Помпеем и остаться один на большой дороге, но только он послал Помпея готовить квартиры.

В Жоне приехали ночью, лил проливной дождь. По счастью, одну комнату топили. Виконт, желая тотчас переменить платье, занял ее и приказал Помпею занять другую комнату для барона.

– Это дело уж кончено, – сказал эгоист Помпей, очень хотевший заснуть поскорее, – хозяйка гостиницы обещала заняться.

– Хорошо. Где мой ящик?

– Вот он.

– Мои флаконы?

– Вот они.

– Где ты ляжешь, Помпей?

– В конце коридора.

– А если мне понадобится позвать тебя?

– Вот колокольчик. Трактирщица тотчас явится.

– Хорошо. Дверь запирается крепко?

– Сами изволите видеть.

– Нет задвижки!

– Есть замок.

– Хорошо. Я запру отсюда. В эту комнату нет другого входа?

– Кажется, нет.

Помпей взял свечку и осмотрел комнату.

– Посмотри, крепки ли ставни?

– Крепки, с крючками.

– Хорошо. Прощай, Помпей.

Помпей вышел.

Виконт запер комнату.

Через час Касторин, который прежде приехал в гостиницу и поместился в комнате возле Помпея (чего Помпей вовсе не подозревал), вышел на цыпочках и отворил дверь Канолью.

Каноль, дрожа от нетерпения, пробрался в гостиницу, заставив Касторина запереть дверь. Велел показать себе комнату виконта и пошел в свою.

Виконт ложился в постель, когда услышал шаги в коридоре. Виконт, как мы уже заметили, боялся всего. Поэтому он вздрогнул, услышав шаги, и начал прислушиваться внимательно.

Шаги замолкли перед дверью.

Потом кто-то постучался в дверь.

– Кто там? – спросил виконт таким испуганным голосом, что Каноль не узнал бы его, если бы не изучил его во всех его видоизменениях.

– Я, – отвечал Каноль.

– Как, вы? – отвечал голос, выражая явный ужас.

– Да, я. Представьте, виконт, что во всей гостинице нет ни одной свободной комнаты, все занято. Ваш глупый Помпей вовсе забыл обо мне. Во всем селении нет другой гостиницы, а в вашей комнате стоят две кровати...

Виконт с невыразимым ужасом взглянул на две кровати, стоявшие в его комнате рядом, их разделял только стол.

– Вы понимаете, – продолжал Каноль, – я пришел просить у вас ночлега, сделайте одолжение, отворите скорее, или я умру от холода.

Тут в комнате виконта послышался страшный стук, шорох платья и быстрые шаги.

– Хорошо, сейчас, барон, – кричал виконт совершенно изменившимся голосом, – позвольте, сейчас, через минуту отопру!

– Я подожду, но сделайте милость, друг мой, отоприте скорей, если не хотите, чтобы я замерз.

– Извините, но я ведь уже спал.

– Ба, а мне показалось, что у вас огонь...

– Нет, вы ошиблись.

Огонь тотчас погасили.

Каноль не жалел об этом.

– Я ищу, но никак не могу найти двери, – сказал виконт.

– Я в этом не сомневаюсь, – отвечал Каноль. – Так должно быть, я слышу ваш голос на другом конце комнаты... Сюда, сюда.

– Постойте, я ищу колокольчик... Хочу позвать Помпея.

– Помпей на том конце коридора и не услышит вас. Я хотел разбудить его, но никак не мог. Он спит, как убитый.

– Так я позову трактирщицу.

– Нельзя, трактирщица уступила свою постель какому-то путешественнику и отправилась спать на чердак. Стало быть, никто не придет, друг мой. Притом же, зачем звать людей? Мне не нужно никого.

– Но как же быть?

– Вы откройте мне дверь, я поблагодарю вас, потом я ощупью найду кровать, лягу спать, и все будет кончено. Откройте же, прошу вас.

– Но, – возразил виконт в отчаянии, – верно, есть какие-нибудь другие комнаты, хоть бы даже без кроватей. Не может быть, чтобы не было другой комнаты. Позовем людей, поищем...

– Но, любезный виконт, пробило одиннадцать часов. Вы поднимите на ноги всю гостиницу, подумают, что у вас пожар. После этой суматохи мы не заснем всю ночь, а это будет очень жалко, потому что я едва держусь на ногах, так мне хочется спать!

Эти последние слова несколько успокоили виконта. Легкие шаги раздались у двери.

Дверь открылась.

Каноль вошел и запер за собою дверь.

Виконт, отперев дверь, поспешил отбежать от нее.

Барон увидел себя в комнате, почти темной, потому что последние уголья в камине потухли. Атмосфера была тепла и наполнена всеми благоуханиями, которые показывают крайнюю заботливость о туалете.

– Покорно вас благодарю, виконт, – сказал Каноль, – признаюсь, здесь гораздо лучше, чем в коридоре.

– Вам хочется спать? – спросил виконт.

– Разумеется. Укажите мне мою постель, ведь вы знаете комнату, или позвольте мне зажечь свечку.

– Нет-нет, не нужно! – вскричал виконт. – Ваша постель здесь, налево.

Конечно, левая сторона виконта приходилась на правой стороне барона, барон пошел направо, наткнулся на окно, возле окна встретился со столом, а на столе ощупал колокольчик, который виконт искал так старательно. На всякий случай Каноль положил колокольчик в карман.

– Да что же вы мне говорите, виконт? – сказал он. – Мы, верно, играем в жмурки? Но чего ищете вы там впотьмах?

– Ищу колокольчик... Позвать Помпея.

– Да зачем он вам?

– Я хочу, чтобы он приготовил постель.

– Кому?

– Себе.

– Ему постель! Что вы такое рассказываете, виконт? Лакей будет спать в вашей комнате! Вы точно трусливая девочка! Фи! Ведь мы не дети, и сами можем защитить себя в случае нужды. Нет, дайте мне только одну руку и доведите меня только до постели, которую я никак не мог найти... Или, лучше всего... позвольте зажечь свечку.

– Нет! Нет! Нет! – вскричал виконт.

– Если вы не хотите дать мне руку, так по крайней мере дали бы мне какую-нибудь путеводную нить, ведь я здесь точно как в лабиринте.

Он пошел, протянув руки вперед, к тому месту, откуда раздавался голос виконта, но мимо него пролетела какая-то тень, и пронеслось благоухание. Он свел руки, но подобно виргильевскому Орфею, обнял только воздух.

– Тут! Тут! – сказал виконт из другого угла комнаты, – вы перед вашей постелью, барон.

– Которая из двух моя?

– Берите какую угодно, я не лягу.

– Как! Вы не хотите спать? – спросил Каноль, оборачиваясь при этом неосторожным словом. – Так что же вы намерены делать?

– Посажу на стуле.

– Что вы! – вскричал Каноль. – Разве я позволю вам так ребячиться. Извольте ложиться спать.

Каноль при последней вспышке угольев в камине увидел, что виконт стоит в углу между окном и комодом и закрывается плащом.

Свет камина блеснул на минуту, но и этого было довольно. Виконт понял, что ему нет спасения. Каноль пошел прямо к нему, и хотя в комнате стало темно по-прежнему, но бедный виконт ясно видел, что нельзя уйти от преследователя.

– Барон, барон, – шептал виконт, – остановитесь, умоляю вас! Барон, не сходите с места, стойте там, где вы теперь! Ни шагу вперед, если вы дворянин!

Каноль остановился. Виконт стоял так близко от него, что он слышал биение его сердца и чувствовал его теплое дыхание, в то же время барона обдало благоуханием невыразимым, необъяснимым, тем благоуханием, которое всегда сопровождает молодость и красоту.

Барон простоял с минуту на одном месте, простирая руки к тем рукам, которые уже отталкивали его. Он видел, что ему остается сделать один шаг, чтобы стоять возле прелестного создания, которым он столько восхищался в продолжение двух дней.

– Сжальтесь, сжальтесь! – прошептал виконт голосом, в котором нежность смешивалась с трепетом. – Сжальтесь надо мною!

Голос замер на его устах. Он стал на колени.

Барон перевел дух, в голосе слышались ему звуки, показывавшие, что победа на его стороне.

Он сделал шаг вперед, протянул руки и встретил две сложенные, умоляющие ручки. Тотчас послышался не крик, а болезненный, печальный, грустный вздох.

В ту же минуту под окном раздался конский топот, сильные удары посыпались в дверь гостиницы, за ударами послышались крики. Кто-то стучал и кричал.

– Здесь ли барон? – закричал голос за дверью.

– О, я спасен! – вскрикнул виконт.

– Черт возьми этого дурака! – пробормотал Каноль. – Не мог он прийти завтра?

– Барон Каноль! Барон Каноль! – кричал голос за дверью. – Барон Каноль! Мне непременно нужно переговорить с вами сейчас же!

– Ну что такое? – спросил барон, подходя к двери.

– Вас спрашивают, сударь, – отвечал Касторин из-за двери, – вас ищут.

– Да кто ищет?

– Курьер.

– От кого?

– От герцога д'Эпернона.

– Зачем?

– По королевским делам.

При этом магическом слове, которому нельзя было не повиноваться, Каноль с досадой отворил дверь и пошел с лестницы.

Можно было слышать, как храпел Помпей.

Курьер между тем вошел в гостиницу и ждал в зале.

Каноль вышел к нему и, бледнея, прочел письмо Наноны.

Читатель уже догадался, что курьер был Куртово, который уехал часов на десять позже Каноль и при всем своем усердии, мог догнать его не прежде, как на втором этапе.

Каноль предложил курьеру несколько вопросов и убедился, что непременно нужно спешить с доставкой депеши. Он во второй раз прочел письмо Нанона и окончание его, где она называет себя сестрою барона, заставило его понять все, что случилось, то есть, что госпожа Лартиг выпуталась из дела, выдав Каноль за своего брата.

Каноль несколько раз слышал, как Нанона говорила не в очень лестных выражениях об этом брате, которого место он теперь занимал. Это еще более увеличило досаду, с которою он принял поручение герцога д'Эпернона.

– Хорошо, – сказал он удивленному Куртово, не открывая ему кредита в гостинице и не вручая ему своего кошелька, что он непременно сделал бы во всяком другом случае. – Хорошо, скажи своему господину, что ты успел догнать меня и что я тотчас повиновался его приказаниям.

– А что прикажете сказать госпоже Лартиг?

– Скажи ей, что брат ее ценит чувство, по которому она действовала, и много обязан ей. Касторин, седлай лошадей!

И не сказав более ни слова посланному, который стоял в изумлении от такого грубого приема, Каноль пошел наверх, где нашел виконта, бледного, трепещущего и уже одетого. Молодой человек следил за его взглядом с чувством стыдливости и весь покраснел.

– Будьте довольны, виконт, – сказал Каноль. – Теперь вы избавитесь от меня на все остальное время вашего путешествия. – Я сейчас еду на почтовых по королевским делам.

– Когда вы едете? – спросил виконт голосом, еще не совсем твердым.

– Сейчас, я еду в Мант, где теперь, по-видимому, находится двор.

– Прощайте! – едва мог отвечать молодой человек и опустил в кресло, не смея поднять глаз на своего товарища.

Каноль подошел к нему.

– Я уже верно не увижусь больше с вами! – сказал он дрожащим голосом.

– Почему знать? – отвечал виконт, стараясь улыбнуться.

– Дайте одно обещание человеку, который вечно будет помнить вас, – сказал Каноль, положив руку на сердце, таким сладким и нежным голосом, что нельзя было сомневаться в его искренности и любви.

– Какое?

– Что вы будете иногда обо мне думать.

– Обещаю.

– Без... гнева?

– Извольте!

– А где доказательство? – спросил Каноль.

Виконт подал ему руку.

Каноль взял дрожавшую ручку с намерением только пожать ее, но невольно с жаром прижал ее к губам и выбежал из комнаты как безумный, прошептав:

– Ах, Нанона! Неужели ты когда-нибудь можешь вознаградить меня за то, что я теперь теряю.

XI

Теперь, если мы последуем за принцессами Конде в место изгнания их, в Шантильи, о котором Ришон говорил барону Каноль с таким отвращением, вот что мы увидим.

На аллеях под красивыми каштановыми деревьями, усыпанными как снегом белыми цветами, на зеленых лугах, лежащих около синих прудов, гуляет беспрестанно толпа, смеется, разговаривает и поет. Кое-где в высокой траве являются фигуры людей, любящих чтение, фигуры, утопающие в зелени, из которой выглядывают только чистенькие книжки – «Клеопатра» Вальпренета, «Астрея» д'Юрже или «Великий Кир» девицы Слюдери. В беседках из роз и жасминов раздаются звуки лютни и невидимых голосов. Наконец по большой аллее, которая ведет к замку, иногда несется с быстротою молнии всадник, доставляющий какое-нибудь приказание.

В это самое время на террасе три дамы, одетые в шелковые платья, с молчаливыми и почти-

тельными шталмейстерами медленно прогуливаются с надменностью и величием.

В середине группы самая старшая дама лет пятидесяти семи важно рассуждает о государственных делах. Направо высокая молодая женщина с важным видом слушает, нахмутив брови, ученую теорию своей соседки. Налево другая старуха, менее всех знаменитая, говорит, слушает и размышляет одновременно.

В середине группы находится вдовствующая принцесса Конде, мать того Конде, который остался победителем при Локруа, Нордлингене и Лане, которого начинают с тех пор, как его гонят, называть «Великим», именем, которое будет оставлено за ним потомством. Эта принцесса, в которой можно еще видеть красавицу, пленившую Генриха IV, недавно еще была поражена и как мать, и как гордая женщина, одним итальянским *facchino*, которого звали Мазарини, когда он был слугою у кардинала Бентивольо, и которого зовут теперь кардиналом Мазарини с тех пор, как он подружился с Анною Австрийскою и стал первым министром Франции.

Он-то осмелился посадить великого Конде в тюрьму и сослать в Шантильи мать и жену благородного пленника.

Другая дама, помоложе – Клара Клеменция де Малье, принцесса Конде, которую по тогдашней аристократической привычке называли просто принцессой. Она всегда была горда, но с тех пор, как ее стали преследовать, ее гордость еще возросла, и принцесса стала надменною. С тех пор, как Конде в тюрьме, она стала героиней; стала жалъче вдовы, а сын ее, герцог Энгиенский, которому скоро будет семь лет, возбуждает сострадание более всякого сироты. На нее все смотрят, и если бы она не боялась насмешек, то надела бы траур. С той минуты, как Анна Австрийская отравила обеих принцесс в ссылку, пронзительные крики их превратились в глухие угрозы: из угнетенных они скоро превратятся в непокорных. У принцессы, у этого Фемистокла в чепце, есть свой Мильтиад в юбке, и успехи герцогини Лонгвиль, несколько времени владевшей Парижем, мешают ей спать.

Дама с левой стороны – маркиза Турвиль, она не смеет писать романов, но сочиняет в политике. Она не сражалась лично, как храбрый Помпей, и подобно ему не получала раны в битве при Корбии, зато муж ее, довольно уважаемый полководец, был ранен при Ла-Рошели и убит при Фрибуре. Получив в наследство его родовое имение, маркиза Турвиль воображала, что в то же время получила в наследство его военный гений. С тех пор, как она приехала к принцессам в Шантильи, она составила уже три плана кампании, которые поочередно возбудили восторг в придворных дамах и были не то что брошены, а, так сказать, отложены до той минуты, когда обнажат шпагу и бросят ножны. Маркиза Турвиль не смеет надеть мундир мужа, хотя ей очень хочется этого; но его меч висит в ее комнате над изголовьем ее постели, и иногда, когда маркиза бывает одна, она вынимает его из ножен с самым воинственным видом.

Шантильи, несмотря на свою внешность, может быть, в самом-то деле, огромная казарма, если поискать хорошенько, то найдешь там порох в погребах и штыки в чаще деревьев.

Все три дамы во время печальной прогулки при каждом повороте подходят к главным воротам, и, кажется, поджидают появления какого-то важного посланного; уже несколько раз вдовствующая принцесса сказала, покачивая головою и вздыхая:

– Нам не будет удачи, дочь моя, мы только осраим себя.

– Надобно хоть чем-нибудь платить за великую славу, – возразила маркиза Турвиль со своим обычным неприятным выражением. – Нет победы без борьбы!

– Если нам не удастся, если мы будем побеждены, – сказала молодая принцесса, – мы отмстим за себя.

– Никто ничего не пишет нам, – продолжала вдовствующая принцесса,

– ни Тюрен, ни Ларошфуко, ни Бульон! Все замолкли разом!

– Нет и денег! – прибавила маркиза Турвиль.

– И на кого надеяться, – сказала принцесса, – если даже Клара забыла нас?

– Да кто же сказал вам, дочь моя, что виконтесса де Канб забыла вас?

– Она не едет!

– Может быть, ее задержали; на всех дорогах рассеяна армия господина де Сент-Эньяна, вы сами это знаете.

– Так она могла бы написать.

– Как может доверить она бумаге такую важную тайну: переход такого большого города, как Бордо, на сторону принцев!.. Нет, не это беспокоит меня более всего.

– Притом же, – прибавила маркиза, – в одном из трех планов, которые я имела счастье представить на рассмотрение вашего высочества, предполагалось возмутить всю Гиенну.

– Да, да, и мы воспользуемся им, если будет нужно, – отвечала принцесса. – Но я соглашаюсь с мнением матушки и начинаю думать, что с Кларой что-нибудь случилось, иначе она была бы уже здесь. Может быть, ее фермеры не сдержали слова, эти дрянные люди всегда пользуются случаем не платить денег, иногда случай представляется сам собою. Притом как знать, что сделали гиеннцы, несмотря на все свои обещания?.. Ведь они гасконцы!

– Болтуны! – прибавила маркиза Турвиль. – Лично они очень храбры, это правда, но предурные солдаты, годные только на то, чтобы кричать «Да здравствует принц!», когда они боятся испанца...

– Однако же, они очень ненавидели герцога д'Эпернона, – сказала вдовствующая принцесса. – Они повесили портрет его в Ажане и обещали повесить его особу в Бордо, если он туда ворвется.

– А он, верно, воротился и повесил их самих, – возразила принцесса с досадой.

– И во всем этом виноват, – прибавила маркиза, – господин Лене, этот упрямый советник, которого вам непременно угодно держать при себе, а он только мешает исполнению наших намерений. Если бы он не отвергнул второго моего плана, который имел целью, как вы изволите помнить, внезапное занятие замка Вера, острова Сен-Жоржа и крепости Бле, то мы держали бы теперь Бордо в осаде, и город принужден был бы сдаться.

– А по-моему, не вопреки мнению их высочеств, будет гораздо лучше, если Бордо сам отдаст себя в наше распоряжение, – сказал за маркизою Турвиль голос, в котором уважение смешивалось с иронией. – Город, сдающийся на капитуляцию, уступает мне, и ничем не обязывает себя. Город, который отдается добровольно, должен поневоле быть верным до конца тому, на чью сторону перешел.

Все три дамы обернулись и увидели Пьера Лене, который подошел к ним сзади, когда они шли к главным воротам.

Слова маркизы Турвиль были отчасти справедливы. Пьер Лене, советник принца Конде, человек холодный, ученый и серьезный, получил от заключенного принца поручение наблюдать за друзьями и врагами. И надобно признаться, ему было труднее удерживать безрассудное усердие приверженцев принца, чем отражать злые замыслы врагов его. Но он был ловок и предусмотрителен, как адвокат, привык к приказным крючкам и хитростям. Он обыкновенно побеждал их каким-нибудь ловким обманом или своею непоколебимою твердостью.

Впрочем, лучшие и упорнейшие битвы приходилось ему выдерживать в самом Шантильи. Самолюбие маркизы Турвиль, нетерпение принцессы равнялось с хитростью Мазарини, с хитростью и с нерешительностью парламента.

Лене, которому принцы поручили всю корреспонденцию, принял за правило сообщать принцессам новости только в необходимое время и назначил себя самого судьей этой необходимости. Несколько планов Лене были выболтаны друзьями его врагам, потому что женская дипломатия не всегда основана на тайне, на первейшем правиле дипломатии мужчин.

Обе принцессы, признававшие усердие и особенно пользу Пьера Лене, несмотря на частые его противоречия, встретили советника дружеским жестом. На устах старушки показалась даже улыбка.

– Ну, любезный Лене, – сказала она, – вы слушали, маркиза Турвиль жаловалась или, лучше сказать, жалела о нас: все идет у нас хуже и хуже... Ах! Наши дела, любезный Лене, наши дела!

– Обстоятельства представляются мне не такими мрачными, как кажутся вашему высочеству, – отвечал Лене, – Я очень надеюсь на время и на изменение счастья. Вы изволите знать погоду: «Кто умеет ждать, тому все приходит вовремя».

– Время, перемена счастья – все это философия, Лене, а не политика, – сказала принцесса.

Лене улыбнулся.

- Философия всегда и везде полезна, – отвечал он, – и особенно в политике. Она научает не гордиться при успехе и не падать духом в бедствии.
- Все равно, – возразила маркиза Турвиль, – по-моему, лучше бы видеть курьера, чем слушать ваши истины. Не так ли, ваше высочество?
- Да, согласна.
- Так ваше высочество будете довольны, потому что увидите сегодня трех посланных, – сказал Пьер Лене с прежним хладнокровием.
- Как? Трех!
- Точно так, ваше высочество. Первого видели на дороге из Бордо, второй едет от Стене, а третий от Ларошфуко.
- Обе принцессы вскрикнули от радостного удивления. Маркиза закусила губы.
- Мне кажется, любезный господин Лене, – сказала она с ужимками, желая скрыть досаду и позолотить колкие слова свои, – такой искусный колдун, как вы, не должен останавливаться на половине пути. Сказав нам, что курьеры скачут, он должен бы в то же время рассказать нам, что содержится в депешах.
- Мое колдовство, – скромно отвечал он, – не простирается так далеко и ограничивается желанием служить усердно. Я докладываю, но не угадываю.
- В ту же минуту (как будто какой дух служил Пьеру Лене) показались два всадника, скакавшие около решетки сада. Тотчас толпа любопытных, оставив цветники и луга, бросилась к решеткам, чтобы получить свою долю новостей.
- Оба всадника сошли с лошадей. Первый, бросив поводья лошади второму, который казался его лакеем, подбежал к принцессам, шедшим к нему навстречу.
- Клара! – вскричала принцесса.
- Да, я, ваше высочество, позвольте поцеловать вашу руку.
- Упав на колени, он хотел почтительно взять руку супруги Конде.
- Нет! Нет! В мои объятия, милая виконтесса! В мои объятия! – воскликнула принцесса, поднимая Клару.
- Когда принцесса расцеловала всадника, он с величайшим почтением повернулся к вдовствующей принцессе и низко поклонился ей.
- Говорите скорей, милая Клара, – сказала она.
- Да, говори, – прибавила принцесса Конде. – Виделась ли ты с Ришоном?
- Виделась, и он дал мне поручение к вашему высочеству.
- Приятное?
- Сама не знаю, всего два слова.
- Что такое? Скорей, скорей!
- Самое живое любопытство выразилось на лицах обеих принцесс.
- Бордо – да! – произнесла Клара со смущением, не зная, какое действие произведут слова ее.
- Но она скоро успокоилась: на эти два слова принцессы отвечали радостным криком. Услышав его, Лене тотчас прибежал.
- Лене! Лене! Подите сюда! – кричала молодая принцесса. – Вы не знаете, какую новость привезла нам наша добрая Клара?
- Знаю, – отвечал Лене улыбаясь, – знаю. Вот почему я не спешил сюда.
- Как! Вы знали?
- Бордо – да! Не правда ли, вот ответ? – сказал Лене.
- Ну, вы в самом деле колдун! – вскричала вдовствующая принцесса.
- Но если вы знали эту новость, Лене, – сказала молодая принцесса с упреком, – почему же вы не вывели нас из томительного беспокойства этими двумя словами?
- Я хотел оставить виконтессе де Канб награду за ее труды, – отвечал Лене, кланяясь взволнованной Кларе. – Притом же, я боялся, что на террасе вы станете радоваться при всех.
- Вы всегда правы, всегда правы, мой добрый Пьер, – сказала принцесса. – Довольно об этом!

– И всем этим обязаны мы верному Ришону, – начала вдовствующая принцесса. – Вы довольны им, он превосходно действовал, не так ли, кум?

Старушка употребляла слово кум вместо ласки, она выучилась этому слову от Генриха IV, который очень часто употреблял его.

– Ришон человек умный и притом в высшей степени исполнительный, – отвечал Лене. – Верьте мне, ваше высочество, если бы я не был уверен в нем, как в самом себе, то не рекомендовал бы вам его.

– Чем наградить его? – спросила принцесса.

– Надобно поручить ему какое-нибудь важное место, – отвечала старушка.

– Важное место! – повторила маркиза Турвиль. – Помилуйте, ваше высочество, Ришон не дворянин.

– Да ведь и я тоже не дворянин, – возразил Лене, – а все-таки принц оказывал мне полное доверие. Разумеется, я особенно уважаю французское дворянство, но бывают обстоятельства, в которых я осмелюсь сказать, великая душа лучше старого герба.

– А зачем сам он не приехал с этою дорогою новостью? – спросила принцесса.

– Он остался в Гиенне с целью набрать несколько сот человек. Он сказывал мне, что может уже надеяться на триста солдат. Только он говорил, что они, по недостатку времени, будут плохие рекруты и что ему хотелось бы получить место коменданта какой-нибудь крепости, например, в Вере или на острове Сен-Жорж. «Там, – говорил он мне, – я уверен, что буду полезен их высочествам».

– Но каким образом исполнить его желание? – спросила принцесса. – Нас так не любят при дворе, что мы никого не можем рекомендовать, а если кого рекомендуем, то он в ту же минуту станет человеком подозрительным.

– Может быть, – сказала виконтесса, есть средство, о котором говорил мне сам Ришон.

– Что такое?

Виконтесса отвечала, покраснев:

– Герцог д'Эпернон, говорят, влюблен в какую-то барышню.

– Да, в красавицу Нанону, – перебила принцесса с презрением, – мы это знаем.

– Говорят, что герцог д'Эпернон ни в чем не отказывает этой женщине, а эта женщина продает все, что угодно. Нельзя ли купить у ней место для Ришона?

– Это были бы не потерянные деньги, – сказал Лене.

– Да, правда, но наша касса пуста, вы это знаете, господин советник, – заметила маркиза Турвиль.

Лене с улыбкою повернулся к Кларе.

– Теперь вы можете, виконтесса, показать их высочествам, что вы обо всем позаботились.

– Что вы хотите сказать, Лене?

– Вот, что хочет он сказать: я так счастлива, что могу предложить вашему высочеству небольшую сумму, которую я с трудом добыла от моих фермеров; приношение очень скромно, но я не могла достать больше. Двадцать тысяч ливров! – прибавила виконтесса, покраснев и нерешительно, стыдясь, что предлагает такую неважную сумму важнейшим принцессам после королевы.

– Двадцать тысяч! – повторили обе принцессы.

– Но это просто богатство в наше время! – продолжала старушка с радостью.

– Милая Клара! – вскричала молодая принцесса. – Как мы заплатим тебе за усердие... Чем?

– Ваше высочество подумаете об этом после.

– А где деньги? – спросила маркиза Турвиль.

– В комнате ее высочества, куда отнес их верный слуга мой Помпей.

– Лене, – сказала принцесса, – вы не забудете, что мы должны двадцать тысяч ливров виконтессе де Канб?

– Они уже записаны между нашими долгами, – отвечал Лене, вынимая записную книжку и показывая, что эти 20000 ливров стоят уже в длинном ряду цифр, который, вероятно, несколько испугал бы принцесс, если бы они вздумали сложить его.

– Но как могла ты пробраться сюда? – спросила принцесса у Клары. – Здесь говорят, что

Сент-Эньян занял дорогу, осматривает людей и пожитки, точно как таможенный сторож.

– Благодаря благоразумию моего Помпея, мы избегали этой опасности. Мы пустились в объезд, это задержало нас в дороге лишних полтора дня, но обеспечило нашу поездку. Без этого объезда я уже вчера имела бы счастье видеть ваше высочество.

– Успокойтесь, виконтесса, время не потеряно, стоит только хорошенько употребить нынешний день и завтрашний. Сегодня, извольте не забыть, мы ждем трех курьеров. – Один приехал, остаются еще два.

– А нельзя ли узнать имена этих двух курьеров? – спросила маркиза Турвиль, надеясь как-нибудь поймать советника, с которым она воевала, хотя между ними не было явной распри.

– Прежде, если расчеты не обманут меня, – отвечал Лене, – приедет Гурвиль от герцога Ларошфуко.

– То есть, от князя Марсильяка, хотите вы сказать? – перебила маркиза.

– Князь Марсильяк теперь называется уже герцогом Ларошфуко.

– Стало быть, отец его умер?

– Уже с неделю.

– Где?

– В Версале.

– А второй курьер? – спросила принцесса.

– Второй курьер, – капитан телохранителей принца, господин Бланшфорт. Он приедет из Стене, его пришлет маршал Тюрен.

– В таком случае, думаю, – сказала маркиза Турвиль, – чтобы не терять времени, можно бы исполнить первый мой план на случай покорения Бордо и соединения господ Тюрена и Марсильяка.

Лене улыбнулся по обыкновению.

– Извините, маркиза, – сказал он чрезвычайно учтиво, – но планы, составленные принцем, теперь исполняются и обещают полный успех.

– Планы, составленные принцем! – грубо повторила маркиза Турвиль.

– Принцем!.. Когда он сидит в Венсенской тюрьме и ни с кем не может говорить!

– А вот приказания его высочества, писанные его собственною рукою и подписанные вчера, – возразил Лене, вынимая из карманов письмо принца Конде. – Я получил его сегодня утром. Мы находимся в постоянной переписке.

Обе принцессы почти вырвали бумагу из рук советника и прочли со слезами радости все, что было на ней написано.

– О, в карманах Лене найдешь всю Францию! – сказала с улыбкой вдовствующая принцесса.

– Нет еще, ваше высочество, нет еще, – отвечал советник, – но с Божьей помощью, может стать, это и будет. А теперь, – прибавил он, значительно указывая на виконтессу Клару, – теперь виконтесса, верно, нуждается в покое...

Виконтесса поняла, что Лене хочет остаться наедине с принцессами, и, увидав на лице принцессы улыбку, которая это подтверждавала, поклонилась и вышла.

Маркиза Турвиль осталась и ожидала целый запас самых свежих известий, но вдовствующая принцесса подала знак молодой, и обе в одно время церемонно поклонились по всем правилам этикета, что и показало маркизе Турвиль, что уже кончилось политическое заседание, на которое ее призывали.

Маркиза, любительница теорий, очень хорошо поняла значение этих поклонов, поклонилась еще ниже и еще преданнее и ушла, рассуждая про себя о неблагодарности обеих принцесс.

Между тем старушка и молодая принцесса прошли в свой рабочий кабинет.

Лене вошел за ними.

Убедившись, что дверь крепко заперта, он начал:

– Если вашим высочествам угодно принять Гурвиля, то я скажу, что он сейчас приехал и теперь переодевается, потому что не смеет показаться в дорожном платье.

– А что он привез?

– Важное известие: герцог Ларошфуко будет здесь завтра или, может быть, даже сегодня ве-

чером, с пятьюстами дворянами.

– С пятьюстами дворянами! – вскричала принцесса. – Да это целая армия.

– Однако же это затруднит нам путь. По-моему, лучше бы человек пять-шесть, чем вся эта толпа. Мы легче бы скрылись от пронизательного Сент-Эньяна. Теперь почти невозможно выехать в Южную Францию без неприятностей.

– Тем лучше, тем лучше, пусть беспокоят нас! – вскричала принцесса Конде. – Если станут беспокоить нас, то мы будем сражаться и останемся, верно, победителями: дух принца Конде будет вести нас.

Лене взглянул на вдовствующую принцессу, как бы желая знать ее мнение. Но она, воспитанная междоусобными войнами царствования Людовика XIII, она, видевшая столько голов на эшафоте, потому что они не хотели нагнуться, – она печально провела рукою по лбу, отягченному самыми горькими воспоминаниями.

– Да, – сказала она, – вот до чего мы доведены: скрываться или сражаться... Страшное дело! Мы жили спокойно, со славою, которую Господь Бог послал нашему дому; мы хотели – надеюсь, что никто из нас не имел другого намерения – мы хотели только оставаться на том месте, где мы родились. И вот... вот события принуждают нас сражаться против общего нашего владетеля...

– О, я не так горько смотрю на эту необходимость! – возразила молодая принцесса Конде. – Мой муж и мой брат в заточении без всякой причины, а мой муж и мой брат – ваши дети; кроме того, ваша дочь в плену. Вот чем извиняются все наши замыслы, все, на какие мы вздумаем решиться.

– Да, – отвечала старушка с печалью, полною покорности судьбе, – да, я сношу бедствие лучше, чем вы, принцесса. Но, кажется, нам всем на роду написано быть пленниками или изгнанниками. Едва вышла я замуж за отца вашего мужа, как мне пришлось бежать из Франции, потому что меня преследовала любовь Генриха IV. Едва успели мы воротиться, как нас заключили в Венсен по ненависти, которую питал к нам Ришелье. Сын мой, который теперь сидит в тюрьме, через тридцать два года мог увидеть ту самую комнату, в которой родился. Отец вашего мужа недаром сказал после победы при Рокруа, глядя на залу, украшенную испанскими знаменами: «Не могу высказать, сколько я радуюсь этой победе сына моего. Но только помните слова мои: чем более дом наш приобретет славы, тем более подвергнется гонению. Если бы я не пользовался гербом Франции, которого бросать не намерен, я взял бы в герб свой ястреба с колокольчиками, которые везде извещают о нем, и в то же время помогают ловить его. С ястребом взял бы я и девиз: „Fama poscet“». Не согласны ли вы со мной, Лене?

– Ваше высочество правы, – отвечал Лене, опечаленный воспоминаниями, которые пробудила в нем старушка. – Но мы зашли так далеко, что теперь не можем воротиться назад. Скажу более: в таком положении, каково наше, надобно решиться на что-нибудь как можно скорее: не надобно скрывать опасности. Мы свободны только внешне. Королева подсматривает за нами, а Сент-Эньян держит нас в блокаде. В чем же дело? Надобно выехать из Шантильи, невзирая на присмотр королевы и на блокаду Сент-Эньяна.

– Уедем из Шантильи, но открыто! – вскричала молодая принцесса.

– Я согласна с этим предложением, – прибавила старушка. – Принцы Конде не испанцы и не умеют обманывать, они не итальянцы и не умеют хитрить, они действуют открыто, при дневном свете.

– Ваше высочество, – возразил Лене с убеждением, – Богом свидетельствую, что я первый готов исполнить всякое приказание ваше. Но чтобы выехать из Шантильи, как вам угодно, надобно сражаться. Вы, вероятно, в день битвы не покажетесь простыми женщинами, вы пойдете впереди ваших приверженцев и станете ободрять воинов вашим голосом. Но вы забываете, что возле ваших бесценных особ является особа, не менее бесценная: герцог Энгиенский, ваш сын, ваш внучек. Неужели вы решитесь сложить в одну могилу и настоящее и будущее вашей фамилии? Неужели вы думаете, что Мазарини не отомстит отцу за то, что будут предпринимать в пользу сына? Разве вы не знаете страшных тайн Венсенского замка, печально испытанных господином Вандомом, маршалом Орнаво и Пюн-Лораном? Разве вы забыли эту комнату, которая стоит приема мышьяка, как говорит госпожа Рамбулье? Нет, ваше высочество, – продолжал Лене, сложив ру-

ки, – нет, выслушаете совета вашего старого слуги, вы уедете из Шантильи, как следует женщинам, которых преследуют. Не забывайте, что самое сильное ваше оружие и ваша слабость, сын, лишенный отца, супруга, лишенная сына, бегут, как могут, от угрожающей опасности. Чтобы действовать и говорить открыто, погодите до тех пор, пока вырветесь из рук врага. Пока вы в плену, приверженцы ваши немые, когда вы освободитесь, они заговорят, перестанут бояться, что им предложат тяжкие условия за ваш выкуп. План наш составлен с помощью Гурвиля. Мы уверены, что у нас будет порядочный конвой, он защитит нас во время пути. Ведь теперь двадцать различных партий овладели дорогою и живут, собирая дань с друзей и врагов. Согласитесь на мое предложение, все готово.

– Уехать тайком! Бежать, как бегают преступники! – вскричала молодая принцесса. – О, что скажет принц, когда узнает, что его мать, жена и сын перенесли такой стыд и позор.

– Не знаю, что он скажет, но если вы будете действовать с успехом, он будет обязан вам своим освобождением. Если вам не удастся, вы не истощите ваших средств, а главное, не поставите себя в такое затруднительное положение, как при войне.

Старушка подумала с минуту и сказала с задумчивою грустью:

– Любезный Лене, убедите дочь мою, потому что я принуждена остаться здесь. Я до сих пор крепилась, но наконец изнемогаю. Болезнь, которую я скрываю, чтобы не отнять последней бодрости у наших приверженцев, уложит меня на одр страдания, где я, может быть, умру... Но вы сказали правду: прежде всего надобно спасти имя Конде. Дочь моя и внук мой уйдут из Шантильи, и, надеюсь, будут так умны, что станут сообразовываться с вашими советами, скажу более, с вашими приказаниями. Приказывайте, добрый Лене, все будет исполнено!

– Как вы побледнели! – вскричал Лене, поддерживая старушку.

Принцесса, прежде заметив ее бледность, уже приняла ее в свои объятия.

– Да, – сказала старушка, все более и более ослабевая, – да, добрые сегодняшние известия поразили меня более, чем все, что мы сносили в последнее время. Чувствую жестокою лихорадку. Но скроем мое положение. Такое открытие могло бы очень повредить нам в теперешнюю минуту.

– Нездоровье вашего высочества, – сказал Лене, – было бы небесною милостью, если бы только вы не страдали. Не сходите с постели, расскажите везде, что вы больны. А вы, – прибавил он, обращаясь к молодой принцессе, – прикажите послать за вашим доктором Бурдло. Нам понадобятся экипажи и лошади, поэтому извольте объявить, что вы намерены повеселить нас оленью травлею. Таким образом, никто не удивится, если увидит особенное движение людей, оружия и лошадей.

– Распорядитесь сами, Лене. Но как вы, осторожный человек, не предусмотрели, что всякий невольно удивится этой страшной травле, назначенной именно в ту минуту, как матушка почувствовала себя нездоровую?

– Все предусмотрено, ваше высочество. Послезавтра герцогу Энгиенскому минет семь лет. В этот день женщины должны сдать его на руки мужчинам.

– Так.

– Мы скажем, что травля назначается по случаю этого перехода маленького принца с дамской половины на мужскую, и что ее высочество настояли, чтобы болезнь ее не служила препятствием празднику. Мы должны были покориться ее желанию.

– Бесподобная мысль! – вскричала старушка в восторге от того, что ее внучек становится уже человеком. – Да, предлог превосходно придуман, и вы, Лене, удивительный советник.

– Но во время охоты герцог Энгиенский будет сидеть в карете? – спросила принцесса.

– Нет, он поедет верхом. О, не извольте пугаться! Я выдумал маленькое седло. Виалас, шталмейстер герцога, прикрепит к своему седлу это маленькое. Таким образом, все могут видеть герцога, и вечером мы можем ехать: никто не обеспокоит нас. Подумайте, в карете его остановят при первом препятствии, а верхом он везде проедет, не так ли?

– Так вы хотите ехать?

– Послезавтра вечером, если вашему высочеству не нужно откладывать отъезда.

– О, нет, нет! Убежим из нашей тюрьмы как можно скорее, Лене.

– А что вы станете делать, выбравшись из Шантильи? – спросила вдовствующая принцесса.

– Мы проберемся сквозь армию господина Сент-Эньяна и найдем средство отвести ему глаза. Соединимся с Ларошфуко и с его конвоем и приедем в Бордо, где нас ждут. Когда мы будем во второй столице королевства, в столице южной Франции, мы можем воевать или переговариваться о мире, как угодно будет вашим высочествам. Впрочем, имею честь уведомить вас, что даже и в Бордо мы продержимся весьма недолго, если не будет близко от нас какой-нибудь крепости, которая отвлечет внимание врагов наших. Две такие крепости для нас чрезвычайно важны: одна – Вер, властвует над Дордонью и пропускает жизненные припасы в Бордо; другая – остров Сен-Жорж, на который даже жители Бордо смотрят, как на ключ к своему городу. Но мы подумаем об этом после, в настоящую минуту нам надобно думать только о выходе отсюда.

– Это дело очень легкое, – сказала молодая принцесса. – Все-таки мы здесь одни и полные хозяева, что бы вы ни говорили.

– Не надейтесь ни на кого, пока мы не будем в Бордо. Ни в чем нельзя быть уверенным, если тебе противостоит дьявольский ум Мазарини. Например, я ждал, пока мы останемся наедине, чтобы сообщить вам план мой, но эта предосторожность ничего не значит, я принял ее так, для очистки совести: даже в эту минуту я боюсь за мой план, за план, изобретенный моею собственной головою и сообщенный только вам. Мазарини не узнает новости, а угадывает их.

– О, пусть попробует помешать нам, – возразила молодая принцесса.

– Но пособим матушке дойти до ее спальни. Сегодня же я стану рассказывать, что послезавтра у нас праздник и травля. Не забудьте написать приглашения, Лене.

– Не забуду.

Старушка пришла в свою спальню и слегла в постель. Тотчас позвали доктора принцев Конде и учителя герцога Энгийенского господина Бурдло. Весть об этой неожиданной болезни в ту же минуту распространилась по Шантильи и через четверть часа боскеты, галереи, цветники – все опустело. Гости спешили в приемную комнату, узнать о здоровье вдовствующей принцессы.

Лене провел весь день за письменным столом и в тот же вечер курьеры развезли более пятидесяти приглашений различным лицам и в различные стороны.

XII

На третий день, когда назначено было исполнить замыслы Лене, погода была чрезвычайно дурная, хотя в то время царствовала весна (как говорят в предании). Весна – самое неприятное время года, и особенно во Франции. Тонкий и частый дождь падал на цветники в Шантильи, он пробивал серый туман, покрывавший весь сад и парк. На огромных дворах пятьдесят оседланных лошадей, повесив уши, печально опутив головы, и нетерпеливо роя копытами землю, ждали минуты отъезда. Группы собак, соединенных дюжинами, зевали в ожидании роковой травли и старались увлечь за собою слугу, который отирал мокрые уши своих любимцев.

Охотники прохаживались тут же, забросив руки за спину. Несколько офицеров, привыкших к непогоде на бивуаках в Рокруа или в Лане, не боялись дождя и, желая развлечься, разговаривали на террасах или на главной лестнице.

Всем было известно, что в этот знаменательный день герцог Энгийенский выходит из рук женщин, поручается мужчинам и впервые будет травить оленя. Все офицеры, служившие принцу, все поклонники этого знаменитого дома, приглашенные циркулярами Лене, почли за обязанность явиться в Шантильи. Сначала они очень беспокоились о здоровье вдовствующей принцессы, но бюллетень доктора Бурдло успокоил их: вдовствующая принцесса после кровопускания в то же утро приняла рвотное лекарство, считавшееся в то время универсальным средством.

В десять часов все гости, лично приглашенные принцессою Конде, уже приехали: каждого приняли, когда он предъявил пригласительную записку, а кто забыл захватить с собою записку, того проводил сам Лене, показывая швейцару, что можно пустить гостя. Эти гости вместе со слугами дома могли составить отряд человек в восемьдесят или в девяносто. Почти все они стояли около белой лошади, которая имела честь нести на седле небольшое кресло, обитое бархатом, для герцога Энгийенского. Герцог должен был занять это кресло, когда шталмейстер его Виалас сядет на лошадь и займет свое место.

Однако же никто не говорил еще о начале травли, и, казалось, ждали еще кого-то.

В половине одиннадцатого три дворянина в сопровождении шести лакеев, вооруженных с ног до головы, с чемоданами, в которых поместилось бы все, что нужно для путешествия по Европе, въехали в замок. Увидев на дворе столбы, они хотели привязать к ним своих лошадей.

Тотчас человек, одетый в голубой мундир с серебряною перевязью, с алебардой в руках, подошел к приезжим, в которых легко можно было узнать путешественников, приехавших издалека, потому что они промокли до костей, а сапоги их были покрыты грязью.

– Откуда вы, господа? – спросил этот нового рода швейцар, опираясь на алебарду.

– С севера! – отвечал один из всадников.

– Куда едете?

– На похороны.

– Где доказательство?

– Вот наш креп.

Действительно, у всех трех дворян висел креп на руке.

– Извините меня, господа, – сказал швейцар, – пожалуйста в замок. Стол приготовлен, комнаты нагреты, лакеи ждут ваших приказаний. Что же касается до ваших слуг, то их будут угощать в людских комнатах.

Дворяне, истинная деревенщина, голодная и любопытная, поклонились, сошли с лошадей, отдали поводья своим лакеям, спросили, где столовая, и пошли туда. Камергер дожидался их у дверей и взялся провожать их и служить им руководителем.

Между тем лакеи принцессы взяли лошадей приезжих гостей, повели их в конюшню, принялись чистить, холить и поставили их перед яслями с овсом.

Едва приехавшие три дворянина успели сесть за стол, как на двор въехали новые шесть всадников, тоже с шестью вооруженными лакеями, и, видя столбы, хотели привязать к ним лошадей. Но швейцар с алебардой, которому даны были строгие приказания, подошел к ним и спросил:

– Откуда вы, господа?

– Из Пикардии. Мы Тюрешевские офицеры.

– Куда едете?

– На похороны.

– Где доказательство?

– Вот наш креп.

Подобно первым гостям, они указали на креп, висевший у них на шпагах.

И этих повели в столовую, как первых, так же занялись их лошадьми, которых вытерли и поставили в конюшню.

За ними явились еще четверо, и повторилась та же сцена.

От десяти часов до двенадцати таким образом приехало сто всадников. Они приезжали по двое, по четыре или по пяти разом, поодиночке или группами, некоторые были одеты весьма великолепно, некоторые очень бедно, но все были хорошо вооружены и на хороших лошадях. Всех их швейцар расспросил прежним порядком, все они отвечали, что едут на похороны, и показывали креп.

Когда все они отобедали и познакомились, когда люди их покушали порядочно и лошади их освежились, Лене вошел в столовую и сказал:

– Господа, принцесса Конде поручила мне благодарить вас за честь, которую вы ей сделали посещением, заехав к ней на пути к герцогу Ларошфуко. Вы отправляетесь на похороны его родителя. Считайте этот дворец вашим собственным домом и примите участие в травле, которая назначена сегодня после обеда по случаю нашего домашнего праздника: герцог Энгиенский сегодня переходит на руки мужчин.

Общая радость и самая искренняя благодарность встретили эту первую часть речи Лене, который, как искусный оратор, остановился на месте, долженствовавшем возбудить громкий восторг.

– После охоты, – прибавил он, – вы будете ужинать за столом принцессы, она хочет лично поблагодарить вас. Потом вам можно будет отправиться в путь.

Некоторые из всадников с особенным вниманием выслушали эту программу, которая несколько стесняла свободу их действий, но, верно, их предупредил уже герцог Ларошфуко, потому что ни один из них не возражал. Иные пошли смотреть своих лошадей, другие разложили чемоданы и начали наряжаться для предстоящего свидания с принцессой. Иные, наконец, остались за столом и разговаривали о тогдашних делах, имевших, по-видимому, некоторую связь с событиями этого дня.

Весьма многие прохаживались под главным балконом, на котором по окончании туалета должен был показаться герцог Энгиенский в последний раз в сопровождении женщин. Юный принц, сидевший в своих комнатах с кормилицами и няньками, не понимал, какую важную роль он играет. Но уже полный гордости, он нетерпеливо смотрел на богатый костюм, который наденут на него в первый раз. То было черное бархатное платье, шитое серебром, что придавало костюму вид траура. Мать принца непременно хотела прослыть вдовою и задумала уже вставить в свою речь эти значительные слова:

– Бедный мой сирота!

Но не один принц с восторгом поглядывал на богатое платье. Возле него стоял другой мальчик, постарше несколькими месяцами, с розовыми щеками, белокурыми волосами, дышавший здоровьем, силой и живостью. Он, так сказать, пожирал великолепие, окружавшее его счастливого товарища. Уже несколько раз, не имея сил удержать свое любопытство, он подходил к стулу, на котором лежали богатые наряды, и потихоньку ощупывал материю и шитье, в то же время как принц смотрел в другую сторону. Но случилось, что принц взглянул слишком рано, а Пьерро отнял руку слишком поздно.

– Смотри, осторожнее, – вскричал маленький принц с досадой, – говорю тебе, Пьерро, осторожнее! Ты, пожалуй, испортишь мне платье, ведь это шитый бархат, и он тотчас портится, как только до него дотронешься. Запрещаю тебе трогать его.

Пьерро спрятал преступную руку за спину, пожимая плечами, как всегда делают дети, когда они чем-нибудь недовольны.

– Не сердись, Луи, – сказала принцесса своему сыну, которого лицо обезобразилось довольно неприятной гримасой, – если Пьерро дотронется до твоего платья, мы прикажем высечь его.

Пьерро грозно отвечал:

– Он принц, да зато и я садовник. Если он не позволяет мне дотрагиваться до его платья, то я не позволю ему играть с моими курами. Да, ведь я посильнее его, он это знает...

Едва успел он выговорить эти неосторожные слова, как кормилица принца, мать Пьерро, схватила неосторожного мальчика за руку и сказала:

– Ты забываешь, Пьерро, что принцу принадлежит все – и замок, и все окрестности замка, и, стало быть, твои куры принадлежат тоже ему.

– Ну вот, – пробормотал Пьерро, – а я думал, что он мне брат.

– Да, брат по кормилице.

– Ну, если он мой брат, так мы все должны делить, и если мои куры принадлежат ему, так его платье принадлежит мне.

Кормилица хотела пуститься в пространные объяснения с сыном, но юный принц, желавший особенно удивить Пьерро и заставить его завидовать себе, прервал ее речь и сказал:

– Не бойся, Пьерро, я не сержусь на тебя. Ты сейчас меня увидишь на большой белой лошади и на маленьком моем седле, я поеду на охоту и сам убью оленя.

– Как бы не так! – возразил Пьерро с очевидною насмешкою. – Долго усидите вы на лошади! Вы третьего дня хотели поехать на моем осле, да и тот сбросил вас.

– Правда, – отвечал принц Энгиенский с возможною гордостью, – но сегодня я представляю принца Конде и, стало быть, не упаду, притом Виалас будет держать меня обеими руками.

– Довольно, довольно, – сказала принцесса, желая прекратить спор принца с Пьерро. – Пора одевать его высочество. Вот уже бьет час, а дворяне наши ждут с нетерпением. Лене, прикажите подать сигнал.

XIII

В ту же минуту на дворе раздался звук рогов и потом пронесся по комнатам. Гости побежали к своим коням, которые вполне успели отдохнуть, и спешили сесть на седла. Прежде всех появились егеря с собаками. Дворяне стали в два ряда, и герцог Энгийенский верхом на лошади, поддерживаемый Виаласом, явился в сопровождении придворных дам, конюших, дворян. За ним следовала его мать в роскошном туалете, на черной, как вороново крыло, лошади. Рядом с нею, тоже верхом на коне, которым она удивительно грациозно правила, ехала виконтесса Канб, очаровательная в своем женском наряде, который она, наконец, надела к своей великой радости.

Что касается госпожи Турвиль, то ее напрасно все искали глазами еще со вчерашнего дня. Она исчезла, она, словно Ахилл, ушла в свою палатку.

Блестящая кавалькада была встречена единодушными кликами. Все показывали друг другу, поднимаясь на стременах, принцессу и герцога Энгийенского, которых большинство придворных не знало в лицо, потому что никогда не появлялось при дворе и жило вдали от всего этого царственного великолепия. Мальчик приветствовал публику с очаровательной улыбкой, а принцесса с кротким величием. Это были жена и сын того, кого даже враги называли первым военачальником Европы. Этот воитель подвергся преследованиям, был посажен в тюрьму теми самими, кого он спас от врага при Лансе и защитил против мятежников в Сен-Жермене. Всего этого было более чем достаточно, чтобы вызвать энтузиазм, и он в самом деле достиг высшей степени.

Принцесса упивалась всеми этими свидетельствами своей популярности. Потом, после того, как Лене потихоньку шепнул ей несколько слов, она подала сигнал к отъезду. Скоро въехали в парк, все ворота которого охранялись солдатами полка принца Конде. Решетки были заперты вслед за въехавшими охотниками, но, казалось, и этой предосторожности было мало; все как будто еще боялись, чтоб к празднику не пристроился кто-нибудь чужой, и солдаты остались на часах у решетки, а около каждой двери был поставлен швейцар с алебардой, с приказанием отворять только для тех, кто ответит на три вопроса, служившие паролем.

Спустя минуту после того, как заперли решетку, звук рогов и свирепый лай собак дали знать о том, что олень был выпущен для травли.

Между тем с наружной стороны парка, против стены, построенной констеблем Монморанси, шесть всадников, услыша звуки рога и лай собак, остановились, поглаживая лошадей, и начали совещаться.

Глядя на их платья, совершенно новые, на упряжь, блестящую на их лошадях, на лоснящиеся плащи, которые спускались с их плеч даже на лошадей, глядя на роскошь их оружия, которое они ловко выказывали, нельзя было не удивиться, что такие красивые и великолепные вельможи едут одни в то время, как все окрестное дворянство собрано в замок Шантильи.

Впрочем, блеск этих вельмож бледнел перед роскошью их начальника или того, кто казался их начальником. Вот его костюм: шляпа с пером, золотистая перевязь, тонкие сапоги с золотыми шпорами, длинная шпага со сквозной ручкой и великолепный голубой испанский плащ.

— Черт возьми! — сказал он, подумав несколько минут, пока прочие всадники смотрели на него с некоторым замешательством. — Как входят в парк? В ворота или в калитки? Впрочем, подьдем к первым воротам или к первой калитке, и мы, верно, войдем. Таких молодцев, как мы, не оставят за воротами, когда туда впускают плохо одетых людей, каких мы встречаем с самого утра.

— Повторяю вам, Ковиньяк, — отвечал тот всадник, к которому начальник обратился с речью, — повторяю, что эти дурно одетые люди, похожие на черт знает кого, но теперь разгуливающие в парке, имели над нами важное преимущество: они знали пароль. Мы не знаем пароля и не попадем в парк.

— Ты так думаешь, Фергюзон? — спросил с уважением к мнению товарища тот всадник, в котором читатель узнал уже давнишнего нашего приятеля, являвшегося на первых страницах этого романа.

— Думаю! Нет, не только думаю, а даже совершенно уверен! Неужели вы думаете, что эти люди охотятся просто для охоты? Как бы не так! Они, верно, замышляют что-нибудь.

— Фергюзон прав, — сказал третий, — они, верно, замышляют что-нибудь и не впустят нас.

— Однако же, не худо позаняться травлею оленя, когда встретишься с нею на дороге.

– Особенно, когда травля людей надоела, не так ли, Барраба? – сказал Ковиньяк. – Ну, так не скажут же, что мы не сумели взглянуть на этого оленя. У нас есть все, что необходимо для появления на этом празднике, мы блестим, как новые червонцы. Если нужны солдаты герцогу Энгиенскому, где найдет он людей отчаяннее нас? Самый скромный из нас похож на капитана.

– А вас, Ковиньяк, – прибавил Барраба, – в случае нужды можно выдать за герцога и пэра. Фергюзон молчал и думал.

– По несчастии, – продолжал Ковиньяк с улыбкой, – Фергюзону не хочется охотиться сегодня.

– Ну вот, – сказал Фергюзон, – с чего вы это взяли! Охота – дворянское занятие, к которому я очень склонен. Поэтому я нимало не пренебрегаю ею и не отговариваю других от нее. Я только говорю, что парк, в котором охотятся, защищен решетками, а ворота для нас закрыты.

– Слышите! – закричал Ковиньяк. – Слышите! Трубы дают знать, что зверь показался.

– Но, – продолжал Фергюзон, – это не значит, что мы не будем охотиться сегодня.

– А как же мы будем охотиться, когда не можем войти в парк?

– Я не говорил, что мы не можем войти, – хладнокровно возразил Фергюзон.

– Да как же можем мы войти, когда решетки и ворота для нас закрыты?

– Да отчего бы, например, не пробить нам бреши в этой стенке, такой бреши, чтобы мы и лошади наши могли пробраться в парк? За этой стеной мы не найдем никого, никто не остановит нас.

– Уррра! – закричал Ковиньяк, от радости размахивая шляпой. – Прости меня, Фергюзон: ты между нами самый смысленный человек. Когда я посажу принца на место короля французского, я выпрошу для тебя место сеньора Мазарини. За работу, друзья, за работу!

Тут Ковиньяк спрыгнул с лошади и с помощью товарищей, из которых один остался у лошадей, принялся ломать стену, и без того уже разрушенную временем.

В одну минуту пятеро рабочих проломали проход в три или четыре фута шириною. Потом они сели на лошадей и под предводительством Ковиньяка въехали в крепость.

– Теперь, – сказал он, направляясь к тому месту, откуда неслись звуки рогов, – теперь будем учтивы и ласковы, и я приглашаю вас ужинать у герцога Энгиенского.

XIV

Мы уже сказали, что наши самозванцы-вельможи уехали на превосходных конях. Лошади их имели важное преимущество: они были свежее лошадей, явившихся утром с дворянами.

Они скоро примкнули к свите принцесс и без труда заняли место между охотниками. Гости съехались из разных провинций и не знали друг друга, стало быть, наши рыцари, забравшись в парк, могли прослыть за приглашенных.

Все прошло бы без беды, если бы они держались на своем месте, или даже если бы они опередили других и смешались с егермейстерами, но они поступили гораздо хуже. Через минуту Ковиньяку представилось, что травлю дают собственно для него. Он выхватил из рук слуги трубу, бросился вперед всех охотников, скакал куда попало, без усталости трубил, сам не разбирая, что трубит, давил собак, опрокидывал слуг, приветливо кланялся встречным дамам, кричал, бранился, выходил из себя и прискакал к оленю в ту самую минуту, как бедное животное выбилось из сил.

– Сюда! Сюда! – кричал Ковиньяк. – Наконец-то мы поймали оленя! Он здесь!

– Ковиньяк, – твердил ему Фергюзон, не отстававший от него, – Ковиньяк, из-за вас выгонят нас всех. Ради Бога, потише!

Но Ковиньяк ничего не слышал и, видя, что собаки не сладят с оленем, сошел с лошади, обнажил шпагу и кричал во все горло:

– Сюда! Сюда!

Товарищи его, все, кроме осторожного Фергюзона, ободренные его примером, готовились напасть на добычу, как вдруг главный егермейстер, отстранив Ковиньяка своим ножом, сказал:

– Потише, милостивый государь, сама принцесса управляет охотой, стало быть, она сама за колет оленя или предоставит эту честь кому заблагорассудит.

Ковиньяк пришел в себя от этого грубого замечания. Когда он неохотно отступал, прискакали все прочие отставшие охотники, и составили кружок около несчастного оленя, который лежал под дубом.

В ту же минуту в главной аллее показалась принцесса. За нею следовал герцог Энгиенский, вельможи и придворные дамы, желавшие иметь честь сопутствовать ее высочеству. Она вся горела, чувствуя, что начинает настоящую войну этим подобием войны.

Прискакав в середину круга, она остановилась, гордо оглянула всех присутствующих и заметила Ковиньяка и его товарищей, на которых злобно поглядывали охотники.

Егермейстер подошел к ней с ножом. Этот нож из превосходной стали и превосходно отделанный, обыкновенно служил принцу Конде.

– Ваше высочество изволите знать этого гостя? – спросил он тихим голосом, указывая глазами на Ковиньяка.

– Нет, – отвечала она, – но если он здесь, так верно кто-нибудь знает его.

– Его никто не знает, и все, кого я спрашивал, видят его в первый раз.

– Но он не мог въехать в ворота, не сказавши пароля.

– Разумеется, не мог, – отвечал егермейстер, – однако же осмеливаюсь доложить вашему высочеству, что его надобно остерегаться.

– Прежде всего, надобно узнать, кто он.

– Сейчас узнаем, – отвечал с обыкновенною своею улыбкою Лене, который ехал за принцессою. – Я послал к нему нормандца, пикардийца и бретонца, они порядочно порасспросят его. Но теперь не извольте обращать на него внимание, или он ускользнет от нас.

– Вы совершенно правы, Лене, займемся охотой.

– Ковиньяк, – сказал Фергюзон, – кажется, там разговаривают про нас. Не худо бы нам скрыться.

– Ты так думаешь? Тем хуже! – возразил Ковиньяк. – Я хочу видеть, как будут резать оленя. Что будет, то будет.

– Да, зрелище очень приятное, я знаю, – отвечал Фергюзон, – но мы можем заплатить здесь за места гораздо дороже, чем в театре.

– Ваше высочество, – сказал егермейстер, подавая принцессе нож, – кому угодно вам предоставить честь зарезать оленя?

– Беру эту обязанность на себя, – отвечала принцесса, – я должна привыкнуть к железу и крови.

– Намюр, – сказал егермейстер одному из стрелков, – смотри! На место!

Стрелок вышел из рядов и с ружьем в руках стал шагах в двадцати от оленя. Он должен был убить оленя, если бы тот вздумал броситься на принцессу, как это иногда случалось.

Принцесса сошла с лошади, взяла нож, глаза ее горели, щеки пылали, губы приоткрылись. Так пошла она к оленю, который лежал под собаками и, казалось, был покрыт разноцветным ковром. Вероятно, бедное животное не воображало, что смерть идет к нему в виде красавицы принцессы, из рук которой он много раз ел корм свой. Он хотел приподняться со слезой, которая всегда сопровождает агонию оленя, лани и дикой козы, но не успел. Лезвие ножа, отразив блеск солнца, исчезло в горле оленя. Кровь брызнула на лицо принцессы. Олень поднял голову и застонал, в последний раз с упреком взглянув на прелестную свою госпожу, повалился и околел.

В ту же минуту все трубы затрубили, тысячи голосов закричали: «Да здравствует ее высочество!», а маленький принц, припрыгивая на седле, с радостью бил в ладоши.

Принцесса вынула нож из горла оленя, гордо, как амазонка, осмотрелась кругом, отдала окровавленное оружие егермейстеру и села на лошадь.

Тут Лене подошел к ней.

– Не угодно ли, – сказал он с обыкновенною своею улыбкой, – не угодно ли, я скажу вашему высочеству, о ком вы думали, когда наносили удар бедному оленю?

– Скажите, Лене, я буду очень довольна.

– Вы думали о Мазарини и желали, чтобы он был на месте оленя.

– Да, – закричала принцесса, – именно так! Я убила бы его без жалости, как зверя. Но вы

настоящий колдун, любезный Лене.

Потом она оборотилась к гостям и сказала:

– Теперь, когда охота кончилась, господа, извольте идти за мной. Поздно уже травить другого оленя, притом, ужин ждет нас.

Ковиньяк отвечал на это приглашение самым грациозным поклоном.

– Что вы делаете, капитан? – спросил Фергюзон.

– Что? Принимаю приглашение. Разве ты не видишь, что принцесса пригласила нас к ужину, как я давеча обещал тебе?

– Ковиньяк, послушайте меня, на вашем месте я поспешил бы убраться домой.

– Фергюзон, друг мой, на этот раз твоя обыкновенная проницательность ошибается. Разве ты не заметил, как отдавал приказание этот черный господин, очень похожий на лисицу, когда он улыбается, и на хорька, когда он не смеется? Поверь мне, Фергюзон, у бреша уже поставлен караул, и идти в ту сторону, – значит, показать, что мы хотим выйти тем же путем, которым вошли сюда.

– Так что же с нами будет?

– Не беспокойся, я за все отвечаю.

Товарищи Ковиньяка, успокоенные его обещанием, смешались с дворянами и пошли вместе с ними по дороге ко дворцу.

Ковиньяк не ошибся: за ними наблюдали. Лене стоял близко от него, справа возле Лене шел главный егермейстер, а слева – главноуправляющий двором принца Конде.

– Вы точно уверены, что никто не знает этих кавалеров? – спросил Лене.

– Никто! Мы спрашивали уже человек у пятидесяти, ответ все тот же: не знаем!

Нормандец, пикардиец и бретонец воротились и ничего не могли сказать Лене. Только нормандец открыл брешь в стене парка и как человек предусмотрительный приказал стеречь ее.

– Ну, – сказал Лене, – мы прибегнем к самому действенному средству. Неужели для горсти шпионов должны мы распустить сотню честных дворян? Вы, господин управляющий, наблюдайте, чтобы никто не мог выйти из галереи, куда войдет вся свита; вы, господин егермейстер, когда затворят дверь галереи, поставьте на всякий случай караул, человек двенадцать с заряженными ружьями. Теперь ступайте, я не спущу с них глаз.

Впрочем, господину Лене нетрудно было исполнить дело, за которое он взялся. Ковиньяк и его товарищи вовсе не думали бежать. Ковиньяк шел в первом ряду и храбро крутил усы. Фергюзон следовал за ним, совершенно успокоенный его обещанием: он знал, что Ковиньяк не пошел бы в западню, если бы не был уверен, что из нее есть другой выход. Что же касается до Баррабы и других его товарищей, то они думали только о предстоящем превосходном ужине, они были люди чисто меркантильные и с совершенной беспечностью во всех делах, требовавших размышления, полагались на двух своих начальников, к которым имели полную и слепую доверенность.

Все случилось, как предвидел Лене, и исполнилось по его приказанию. Принцесса села в приемной комнате под балдахин на кресло, служившее ей престолом, возле нее стоял ее сын в том же костюме, о котором мы уже говорили.

Гости смотрели друг на друга: им обещали ужин, а очевидно, что их хотят угостить речью.

Действительно, принцесса встала и начала говорить. Речь ее была увлекательна. На этот раз принцесса перестала скрывать чувства и щадить Мазарини. Гости, подстрекаемые воспоминанием об обиде, нанесенной всему французскому дворянству в лице принцев, а еще более надеждою, что в случае успеха можно будет выговорить выгодные условия у Анны Австрийской, два или три раза прерывали речь принцессы, громко клянясь защищать дело знаменитого Дома Конде и помочь ему выйти из унижения, в которое ниспровергнул его кардинал Мазарини.

– Итак, господа, – сказала наконец принцесса, – сирота мой просит содействия вашей храбрости, просит жертвы вашей преданности. Вы наши друзья, по крайней мере, вы приехали сюда под этим именем. Что можете вы сделать для нас?

После минутного молчания, полного торжественности, началась следующая величественная и трогательная сцена.

Один из дворян подошел к принцессе, низко поклонился и сказал:

– Меня зовут Жерар де Монталан, я привел с собой четырех дворян, друзей моих. У всех у нас пять добрых шпаг и две тысячи пистолей, и то и другое приносим вашему высочеству от души. Вот наше рекомендательное письмо, подписанное герцогом Ларошфуко.

Принцесса в свою очередь поклонилась, приняла письмо из рук дворянина, передала его Лене и показала рукой, чтобы рекомендованные дворяне перешли на правую сторону.

Едва успели они занять показанное место, как встал другой дворянин.

– Меня зовут Клод Рауль де Рессак, граф де Клермон, – сказал он. – Я приехал с шестью дворянами, друзьями моими. У каждого из нас по тысяче пистолей, просим милостивого дозволения внести их в казну вашего высочества. Мы вооружены и имеем хороших лошадей и будем довольствоваться обыкновенным содержанием. Вот наше рекомендательное письмо, подписанное герцогом Бульонским.

– Перейдите на правую сторону, господа, – отвечала принцесса, приняв и прочитав письмо и потом передав его Лене. – Будьте уверены в совершенной моей признательности.

Дворяне поклонились и отошли.

– Я Луи Фердинанд де Лож, граф де Дюра, – сказал третий дворянин.

– Я приехал без друзей и без денег, богат и силен только моей шпагой: ею открыл я себе дорогу сквозь неприятельские ряды, потому что был осажден в Бельгарде. Вот мое письмо от виконта Тюрена.

– Хорошо, хорошо, – отвечала принцесса, одною рукою принимая письмо, а другую подавая ему для поцелуя. – Станьте возле меня, я назначаю вас бригадиром в моих войсках.

Прочие дворяне последовали этому примеру: они приходили с рекомендательными письмами от Ларошфуко, от герцога Бульонского или от виконта Тюрена. Каждый отдавал письмо и переходил на правую сторону. Когда правая сторона наполнилась, принцесса приказала им становиться на левую.

Таким образом, середина залы опустела. Там остались только Ковиньяк и его товарищи, они составляли отдельную группу, на которую все смотрели недоверчиво, с гневом и угрозой.

Лене взглянул на дверь, она была тщательно заперта. Он знал, что за дверью стоит егермейстер с дюжиной хорошо вооруженных солдат.

Он оборотился к незнакомцам и спросил:

– А вы, господа, что за люди? Сделайте одолжение, скажите, кто вы, и покажите нам ваши рекомендательные письма.

Начало этой сцены, конца которой Фергюзон не предвидел, обеспокоило его. Беспокойство его сообщилось и прочим товарищам, которые посматривали на дверь. Но начальник их, величественно завернувшись в мантию, оставался спокойным.

По приглашению Лене он выступил на два шага вперед, поклонился принцессе с вычурным изысканием и сказал:

– Я Ролан де Ковиньяк и привел на службу вашего высочества этих пятерых дворян. Все они из знатнейших гиеннских фамилий, но желают остаться неизвестными.

– Но, вероятно, вы приехали в Шантильи не без рекомендации, милостивые государи? – возразила принцесса, смущенная мыслью, что произойдут беспорядки, когда будут арестовывать этих незваных гостей.

– Где ваше рекомендательное письмо? Покажите!

Ковиньяк поклонился, как человек, понимающий справедливость такого требования, пошарил в кармане, вынул бумагу, вчетверо сложенную, и подал ее Лене с низким поклоном.

Лене развернул бумагу, прочел, и радость выразилась на его лице, до сих пор несколько неспокойном и смущенном.

Пока Лене читал, Ковиньяк торжествующим взглядом окинул собрание.

– Ваше высочество! – сказал Лене принцессе вполголоса. – Посмотрите, какое счастье! Бланк герцога д'Эпернона.

– Благодарю вас, милостивый государь! – сказала принцесса с благосклонной улыбкой. – Три раза благодарю вас. Благодарю за мужа моего, благодарю за себя, благодарю за моего сына.

Зрители онемели от удивления.

– Милостивый государь, – сказал Лене, – бумага эта до такой степени драгоценна, что вы, вероятно, не захотите уступить нам ее без особенных условий. Сегодня вечером мы потолкуем о ней, и вы скажете, чем мы можем отблагодарить вас.

Лене положил в карман бланк, которого Ковиньяк из учтивости не попросил назад.

– Что, – сказал Ковиньяк своим товарищам, – не говорил ли я вам, что приглашаю вас ужинать к герцогу Энгиенскому?

– Теперь, милостивые государи, перейдем в столовую, – сказала принцесса.

Обе половинки боковой двери отворились, и открылся великолепно убранный стол в большой галерее замка.

Ужин прошел шумно и весело: каждый раз, как пили за здоровье принца (а это случилось раз десять), все гости становились на колени, поднимали шпаги и ругали кардинала Мазарини так громко, что стены дрожали.

Никто не отказывался от прекрасного угощения в Шантильи. Даже Фергюзон, осторожный благоразумный Фергюзон, предался прелести бургонских вин, с которыми он знакомился в первый раз. Фергюзон был гасконец и до сих пор умел ценить только вина своей провинции, которые в то время (если верить герцогу Сен-Симону) не очень славились.

Но Ковиньяк не подвергся общему увлечению. Отдавая должную справедливость превосходному Мулену, Ньюи и Шамбертену, он употреблял их очень умеренно. Он не забывал хитрой улыбки Лене и думал, что ему нужен весь его рассудок, чтобы заключить выгодный торг с лукавым советником. Зато он очень удивил Фергюзона, Баррабу и других своих товарищей, которые, не зная настоящей причины его воздержанности, воображали, что он хочет переменить образ жизни.

По окончании ужина, когда тосты начали раздаваться чаще, принцесса вышла и увела с собою герцога Энгиенского: она хотела доставить гостям своим полную свободу сидеть за столом, сколько им заблагорассудится.

Лене сказал ей на ухо:

– Не забудьте, ваше высочество, что мы едем в десять часов.

Было уже почти девять часов.

Принцесса принялась за сборы в дорогу.

Между тем Лене и Ковиньяк взглянули друг на друга.

Лене встал, Ковиньяк тоже. Лене вышел в маленькую дверь, находившуюся в углу галереи.

Ковиньяк понял, в чем дело, и пошел за ним.

Лене привел Ковиньяка в свой кабинет. Ковиньяк шел сзади, стараясь казаться беспечным и спокойным. Но между тем рука его играла с рукояткой кинжала, и быстрые и проницательные глаза его заглядывали во все двери и за все занавески.

Не то, чтобы он боялся, что его завлекут в западню, но он держался правила: быть всегда осторожным и наготове.

Когда они вошли в кабинет, Ковиньяк тотчас осмотрел его и уверился, что они одни.

Лене указал ему на стул.

Ковиньяк сел к той стороне стола, на которой горела лампа.

Лене сел против него.

– Милостивый государь, – сказал Лене с целью задобрить гостя с первого слова, – позвольте прежде всего отдать вам ваш бланк. Он точно принадлежит вам, не правда ли?

– Он принадлежит тому, у кого он будет в руках, – отвечал Ковиньяк, – на нем нет никакого имени, кроме имени герцога д'Эпернона.

– Когда я спрашиваю, ваш ли это бланк, я понимаю, как вы его получили. С согласия ли герцога д'Эпернона?

– Я получил этот бланк из собственных рук герцога.

– Так эта бумага не похищена и не выманена? Я говорю не о вас, но о том, от кого вы ее получили. Может быть, она досталась вам из вторых рук?

– Повторяю вам: она отдана мне самим герцогом добровольно за другой акт, который я до-

ставил герцогу д'Эпернону.

- А какие обязательства приняли вы на себя?
- Ровно никаких.
- Стало быть, владелец бланка может употребить его, как захочет?
- Может.
- Так почему вы сами не пользуетесь им?
- Потому, что я с этим бланком могу получить что-нибудь одно, а отдав его вам, я получаю

вдвойне.

- Что же вы получите вдвойне?
- Во-первых, деньги.
- У нас их мало.
- Я не жаден.
- А во-вторых?
- Место в армии принцев.
- У принцев нет армии.
- Скоро будет.
- Не хотите ли лучше взять патент на право набирать рекрутов?
- Я только что хотел просить его.
- Остаются деньги...
- Да, только вопрос о деньгах.
- Сколько вы хотите?
- Десять тысяч ливров. Я уже сказал вам, что не запрошу слишком много.
- Десять тысяч!
- Да. Надобно же дать мне хоть что-нибудь вперед на обмундировку солдат.
- Правда, вы требуете немного.
- Так вы согласны?
- Извольте!

Лене вынул готовый патент, вписал в него имя, сказанное молодым человеком, приложил печать принцессы и отдал бумагу Ковиньяку. Потом отворил секретный ларчик, в котором хранилась казна, вынул десять тысяч ливров золотом и разложил кучами, по двадцати луидоров в каждой.

Ковиньяк осторожно пересчитал их. Пересмотрев последнюю кучку, он кивнул головою в знак, что Лене может взять бланк.

Лене взял бумагу и положил в секретный ларчик, вероятно думая, что она гораздо драгоценнее денег.

В ту минуту, как Лене прятал в карман ключ от ларчика, вбежал лакей и объявил, что советника спрашивают по важному делу.

Лене и Ковиньяк вышли из кабинета. Лене пошел за лакеем, Ковиньяк отправился в столовую.

Между тем принцесса готовилась к отъезду. Она переменяла парадное платье на амазонское, годное для верховой езды и для кареты, разобрала бумаги, сожгла ненужные и спрятала важные. Взяла свои бриллианты, которые она приказала вынуть из оправы, чтобы они занимали меньше места и чтобы в случае нужды удобнее было продать их.

Что же касается герцога Энгийенского, то он должен был ехать в охотничьем костюме, потому что ему не успели еще сшить другого платья. Шталмейстер его, Виалас, должен был постоянно ехать возле кареты и, если нужно, взять его на руки и увести на белой лошади, которая была кровным скакуном. Сначала боялись, чтобы не заснуть, и заставили Пьерро играть с ним, но такая предосторожность вскоре оказалась совершенно бесполезною. Принц не спал от мысли, что он одет, как взрослый.

Кареты, приготовленные под тем предлогом, что надобно отвезти виконтессу де Канб в Париж, стояли в темной каштановой аллее, где невозможно было видеть их. Кучера сидели на козлах, дверцы были отворены, все эти экипажи находились шагах в двадцати от главных ворот.

Ждали только сигнала, то есть громких звуков трубы.

Принцесса, не спуская глаз с часов, на которых стрелка показывала без пяти минут десять, уже вставала и подходила к герцогу Энгиенскому с намерением вести его в карету, как вдруг дверь шумно растворилась, и Лене вбежал в комнату.

Принцесса, увидав его бледность и смущение, побледнела сама и смутилась.

– Боже мой! – вскричала она, подходя к нему. – Что с вами? Что случилось?

– Ах, – отвечал Лене с величайшим волнением. – Приехал какой-то дворянин и хочет говорить с вами от имени короля.

– Боже! Мы погибли! Добрый мой Лене, мы погибли! Что нам делать?

– Можно спастись.

– Как?

– Прикажите переодеть сейчас же принца Энгиенского и надеть его платье на Пьерро.

– Да я не хочу, чтобы мое платье отдали Пьерро! – закричал маленький принц, готовый зарыдать при одной мысли, между тем как Пьерро, в восторге восхищения, не верил своим ушам.

– Так надобно, ваше высочество, – отвечал Лене тем строгим голосом, которому повинуются даже дети, – иначе поведут вас и принцессу в тюрьму, где сидит отец ваш.

Герцог Энгиенский замолчал, Пьерро, напротив, не мог скрыть своего восхищения и вполне предавался шумному изъятию радости и гордости. Их обоих ввели в залу нижнего этажа, где должна была совершиться перемена их платья.

– По счастью, – сказал Лене, – вдовствующая принцесса здесь, иначе Мазарини поймал бы нас.

– Как так?

– Потому что посланный должен был начать с посещения вдовствующей принцессы, и он теперь ждет в ее передней.

– Но этот посланный короля, который, разумеется, должен присматривать за нами, просто шпион?

– Разумеется.

– Так ему приказано не выпускать нас отсюда?

– Да, но какое вам дело до этого, когда он будет стеречь не вас.

– Я вас не понимаю, Лене.

Лене улыбнулся.

– Я сам себя не понимаю, – сказал он, – и беру всю ответственность на себя. Прикажите одеть Пьерро принцем, а принца садовником. Я берусь научить Пьерро, как он должен отвечать.

– Неужели сын мой поедет один!

– Он поедет с вами.

– Но это невозможно.

– Почему же? Если нашли фальшивого герцога Энгиенского, так найдем фальшивую принцессу.

– Прекрасно! Бесподобно! Понимаю, мой добрый Лене, мой бесценный Лене! Но кто же заменит меня? – спросила принцесса с заметным беспокойством.

– Будьте спокойны, ваше величество, – отвечал хладнокровно советник. – Принцесса Конде, которую будет стеречь посланный кардинал Мазарини, уже переоделась и теперь ложится в вашу постель.

Вот как происходила сцена, о которой теперь Лене известил принцессу.

Пока гости в столовой предлагали тосты за принцев и проклинали Мазарини, пока Лене в своем кабинете торговался с Ковиньяком и покупал бланк, пока принцесса собиралась в дорогу, всадник с лакеем подъехал к главным воротам замка, сошел с лошади и позвонил.

Привратник тотчас отпер ворота, но за ними новый гость видел знакомого нам швейцара.

– Откуда вы? – спросил швейцар.

– Из Манта.

Ответ годился.

– Куда едете?

– Сначала к вдовствующей принцессе Конде, потом к супруге принца Конде, а после к герцогу Энгиенскому.

– Нельзя войти! – отвечал швейцар.

– Вот приказ короля! – возразил всадник, вынимая из кармана бумагу.

При таких страшных словах швейцар поклонился, позвал дежурного офицера, и посланный его величества, отдав ему приказ, тотчас вошел во внутренние апартаменты.

По счастью, замок Шантильи был просторен, и комнаты вдовствующей принцессы находились далеко от столовой, где происходили последние сцены пиршества, которого начало мы описали.

Если бы посланный прямо захотел видеть молодую принцессу и ее сына, то действительно все бы погибло. Но по заведенному порядку он должен был прежде представиться старшей принцессе.

Камердинер ввел его в приемную, которая находилась возле спальни.

– Извините, милостивый государь, – сказал он, – ее высочество занемогла третьего дня и сегодня, назад тому часа два, ей пускали кровь в третий раз. Я доложу ей о вашем приезде и через минуту буду иметь честь ввести вас.

Дворянин кивнул в знак согласия и остался один, не замечая, что через замочные скважины три любопытных человека рассматривали и старались узнать его.

На него смотрели Пьер Лене, шталмейстер Виалас и начальник охоты Ларусьер. Если бы один из них знал гостя, то немедленно вышел бы к нему и под предлогом занять его протянул бы время.

Но никто из них не знал этого человека, которого так нужно было подкупить. Он был красивый молодец в мундире армейской пехоты. С беспечностью, похожею на отвращение к данному поручению, взглянул он на фамильные портреты и остановился перед портретом вдовствующей принцессы, которой должен был представиться. Портрет изображал ее в полном блеске красоты.

Впрочем, камердинер воротился через несколько минут, как обещал, и повел неожиданного гостя к вдовствующей принцессе.

Шарлотта Монморанси сидела в постели. Доктор ее, Бурдло, только что расстался с нею, он встретил офицера в дверях и церемонно поклонился ему. Офицер отвечал ему тем же.

Когда принцесса услышала шаги гостя, она быстро подала знак назад. Тотчас плотная занавеска, прикрывавшая зад кровати, опустилась и колыхалась несколько минут.

За занавескою стояли молодая принцесса, вошедшая через потайную дверь, и Лене, нетерпеливо желавший узнать из первых слов разговора, зачем приехал в Шантильи посланный короля.

Офицер прошел три шага в комнате и поклонился с искренним уважением.

Вдовствующая принцесса смотрела на него своими большими черными глазами, как раздраженная королева: в молчании ее заключалась целая гроза. Белою рукою, которая еще более побледнела от тройного кровопускания, она подала знак посланному, чтобы он вручил ей депешу.

Капитан подал письмо и спокойно ждал, пока принцесса читала депешу, содержащую только четыре строчки от Анны Австрийской.

– Хорошо, – прошептала принцесса, складывая бумагу, с таким хладнокровием, что оно не могло быть непритворным, – понимаю намерение королевы, хотя оно прикрыто ласковыми словами: я у вас в плену.

– Ваше высочество! – сказал офицер со смущением.

– И такую пленницу легко стеречь, – продолжала принцесса, – потому что я не могу далеко бежать. Входя сюда, вы могли видеть, что у меня строгий сторож: мой доктор Бурдло.

При этих словах принцесса пристально посмотрела на посланного, лицо его показалось ей таким приятным, что она решилась несколько поласковее принять его.

– Я знала, – продолжала она, – что Мазарини способен на всякое насилие, но не думала, чтобы он был такой трус и мог бояться дряхлой больной старухи, несчастной вдовы и беззащитного мальчика. Думаю, что приказ, привезенный вами, относится и к дочери моей, и к моему внуку.

– Ваше высочество, – отвечал офицер, – я буду в отчаянии, если вы станете судить обо мне по поручению, которое я по несчастию обязан исполнить. Я приехал в Мант с депешей к королеве,

меня рекомендовали ей особенно. Королева приказала мне остаться при ее особе, говоря, что я скоро понадоблюсь ей по делам. Через два дня королева послала меня сюда. Приняв поручение, как повелевал мне долг, осмелюсь сказать, что я отказался бы от него, если бы королеве можно было отказывать.

При этих словах офицер поклонился во второй раз с таким же почтением, как и в первый.

– Принимаю ваше объяснение и надеюсь, что вы позволите мне спокойно быть больною. Однако же, милостивый государь, отбросьте ложный стыд и прямо скажите мне правду. Будут ли присматривать за мною даже в спальне, как делали с моим бедным сыном в Венсене? Могу ли я переписываться, и не будут ли читать моих писем? Если болезнь позволит мне встать с постели, позволят ли мне прогуливаться, где я захочу?

– Ваше высочество, – отвечал офицер, – вот что приказывала мне королева: «Ступайте, уверьте сестру мою, что я сделаю для принцев все, что мне позволит государственная безопасность. Этим письмом я прошу ее принять одного из моих офицеров, который будет служить посредником между ею и мною, когда она захочет сообщить мне что-нибудь. Этот офицер вы». Вот, ваше высочество, – прибавил молодой офицер с прежним уважением, – вот собственные слова ее королевского величества.

Принцесса выслушала его рассказ с тем вниманием, с каким читаются дипломатические бумаги, когда надобно добиться до скрытого, настоящего смысла.

Потом, подумав немного, принцесса увидела во всем этом именно то, чего она прежде боялась, то есть открытое шпионство, закусил губы и сказала:

– По желанию королевы можете остаться в Шантильи. Можете сказать, какая комната вам приятнее и удобнее для исполнения вашей должности. Вам дадут эту комнату.

– Ваше высочество, – отвечал офицер, нахмутив брови, – я имел честь объяснить вам многое, чего нет в моей инструкции. Между вашим гневом и волею королевы я опасно поставлен, я, бедный офицер, и особенно неловкий придворный. Во всяком случае, мне кажется, ваше высочество могли бы показать великодушие, не унижая человека, который просто страдательное орудие. Горько для меня исполнять то, что я должен исполнять. Но королева приказала, и я обязан вполне повиноваться ее приказаниям. Я не просил бы такого поручения, радовался бы, если бы его отдали другому: мне кажется, я довольно много говорю...

Офицер поднял голову и покраснел.

Гордая принцесса тоже вспыхнула.

– Милостивый государь, – сказала она, – кто бы мы ни были, мы всегда, как вы справедливо говорите, должны повиноваться королеве. Я последую вашему примеру и приму приказание ее величества. Но вы должны понимать, как тяжело принимать в доме своем достойного дворянина, не имея возможности доставить ему удовольствие. С этой минуты вы здесь хозяин. Извольте распоряжаться.

Офицер низко поклонился и сказал:

– Я не могу забыть, какое расстояние отделяет меня от вашего высочества и каким почтением обязан я вашему дому. Ваше высочество по-прежнему будете распоряжаться здесь, а я буду первым вашим слугою.

При этих словах офицер вышел без смущения, без низкопоклонства, без гордости, оставив вдовствующую принцессу в сильном гневе, потому что она не могла излить досады на такого скромного и почтительного исполнителя воли королевской.

Зато во весь вечер она говорила только про Мазарини. И министр верно бы погиб, если бы проклятия убивали, как картечь.

В передней офицер встретил того же камердинера.

– Милостивый государь, – сказал камердинер, – ее высочество принцесса Конде, у которой вы просили аудиенции от имени королевы, соглашается принять вас. Извольте за мною.

Офицер понял, что такой оборот дела спасает гордость принцессы, и казался очень благодарным, как будто ему оказали милость, приняв его. Пройдя через все комнаты по следам камердинера, он дошел до дверей спальни молодой принцессы.

Тут камердинер оборотился к гостю.

– Принцесса, – сказал он, – изволила уже лечь в постель после охоты и примет вас в своей спальне, потому что очень устала. Как прикажете доложить о вас?

– Барон де Каноль, присланный от ее величества королевы-правительницы, – отвечал офицер.

При этом имени, которое подложная принцесса услышала в постели, она так вздрогнула, что всякий заметил бы ее смущение, и поспешно набросила правою рукою оборки чепчика на лицо, а левою закрылась одеялом до подбородка.

– Принять! – сказала она со смущением.

Офицер вошел.

Часть вторая. Принцесса Конде

I

Его ввели в просторную комнату, обклеенную обоями темного цвета и освещенную только одним ночником, который стоял на маленьком столике между окошками. При этом небольшом свете, однако же, можно было отличить над ночником портрет женщины с ребенком. В углах у потолка блестели три золотые лилии.

В углублении алькова, куда свет едва доходил, лежала женщина, на которую имя барона Каноль произвело такое магическое действие.

Офицер опять принялся за обыкновенные церемонии, то есть подошел к постели на три шага, поклонился, потом выступил еще на три шага. Тут две служанки, вероятно, помогавшие принцессе лечь в постель, вышли, камердинер притворил дверь и Каноль остался наедине с принцессою.

Не Каноль следовало начать разговор, поэтому он ждал, чтобы с ним заговорили. Но принцесса, по-видимому, решила упрямо молчать, и офицер подумал, что лучше нарушить приличие, чем долее оставаться в таком затруднительном положении. Однако же он не обманывал себя и был уверен, что ему придется выдержать сильную бурю, как только принцесса заговорит, и подвергнуться гневу новой принцессы, которая казалась ему гораздо страшнее первой, потому что она моложе и внушает более участия и сострадания.

Но обиды, нанесенные ему, придали ему смелости. Он поклонился в третий раз, соображаясь с обстоятельствами, то есть холодно и неприветливо (это показывало, что его гасконский ум начинает волноваться) и сказал:

– Я имел честь просить аудиенции у вашего высочества от имени ее величества королевы-правительницы. Вашему высочеству угодно было принять меня. Теперь не угодно ли вам знаком или словом показать мне, что вы изволили заметить мое присутствие, что вам угодно выслушать меня.

Движение за занавесками и под одеялом показало Каноль, что ему ответят.

Действительно, послышался голос, но так слабо, что его едва можно было расслышать.

– Говорите, милостивый государь, – сказал этот голос, – я слушаю вас.

Каноль начал ораторским тоном.

– Ее величество королева прислала меня к вашему высочеству, чтобы сказать вам, что ей приятно было бы продолжать с вами дружеские сношения.

Заметное движение произошло за занавесками кровати. Принцесса перебила речь оратора.

– Милостивый государь, – сказала она нетвердым голосом, – не говорите более о дружбе королевы к Дому принца Конде. Есть доказательства противного в тюрьме Венсенского замка.

«Ну, – подумал Каноль, – они, верно, согласились, и будут повторять мне одно и то же».

В эту минуту за занавесками повторилось движение, но Каноль не заметил его, потому что сам находился в затруднительном положении.

Принцесса продолжала:

– Впрочем, чего же вы хотите?

– Я ничего не хочу, ваше высочество, – сказал Каноль ободряясь, – а ее величеству королеве угодно, чтобы я жил в этом замке, чтобы беспрерывно находился в обществе вашего высочества (хотя я вовсе не достоин такой чести), и чтобы я всеми силами старался восстановить согласие между принцами, которые в раздоре без всякой причины и притом в такое тяжкое время.

– Без всякой причины! – повторила принцесса. – Вы уверяете, что мы удалились без причины?

– Извините, ваше высочество, – возразил Каноль, – я ни в чем вас не уверяю. Я не судья, я только передаю вам то, что мне сказано.

– А для восстановления согласия королева приказывает присматривать за мною?

– Так я шпион! – вскричал Каноль с досадой. – Наконец вы сказали это слово! Покорно благодарю ваше высочество за вашу откровенность.

И в отчаянии Каноль стал в одну из тех превосходных позиций, каких так жадно ищут живописцы и актеры.

– Так решено, я шпион! – сказал Каноль. – Так извольте поступить со мною, как поступают с подобными людьми. Забудьте, что я посланник королевы, что королева отвечает за мои поступки, что я только пылинка, повинующаяся ее дыханию. Прикажите лакеям вашим выгнать меня или дворянам вашим убить меня, поставьте против меня людей, которым я мог бы отвечать палкой или шпагой, но не оскорбляйте так жестоко человека, который исполняет долг солдата и верного подданного, не оскорбляйте его чести, вы, так высоко стоящие по рождению, достоинству и несчастью!

Эти слова, вырвавшиеся из его души, горькие, как стенание, пронзительные, как упрек, должны были произвести и произвели действие.

Слушая их, принцесса приподнялась, глаза ее заблистали, руки задрожали, она со страхом оборотилась к офицеру и сказала:

– Боже мой! Я вовсе не хотела оскорбить такого благородного человека, как вы. Нет, барон де Каноль, нет, я не сомневалась в вашей чести. Забудьте слова мои, они огорчили вас, но я не думала огорчать вас. Нет, нет, вы благородный человек, барон, и я отдаю вам полную, совершенную справедливость.

Когда, произнося эти слова, принцесса, увлеченная великодушием, которое вырывало их у нее из груди, невольно показалась из тени занавесок, когда можно было видеть ее белый лоб, белокурые волосы, ее ярко-пунцовые губы, ее влажные, очаровательные глаза, – Каноль вздрогнул. Как будто сладкое видение пронеслось перед его глазами. Ему показалось, что он дышит тем же благоуханием, воспоминание о котором приводило его в упоение. Ему показалось, что перед ним отворяется одна из тех золотых дверей, в которые вылетают мечты, и что навстречу к нему несется рой веселых мыслей и радостей любви. Барон пристально посмотрел на принцессу и тотчас же узнал в ней прежнего знакомого, виконта де Канб.

Но принцесса тотчас отбросилась назад и старалась не без волнения, но без беспокойства, продолжать прерванный разговор.

– Так вы говорили мне... – начала она.

Но Каноль был изумлен, очарован, видения проходили и сменялись перед его глазами, мысли вились беспорядочно, он терял память, чувства, казалось, он скоро забудется и начнет расспрашивать. Один инстинкт, данный природою влюбленным, который женщины называют робостью и который есть не иное что, как скупость, посоветовал Канолу притворяться еще несколько времени, не терять сладкого сновидения и не отгонять от себя счастья всей жизни одним неосторожным словом.

Поэтому Каноль не двинулся с места и замолчал. Что будет с ним, если принцесса узнает его! Если она так же возненавидит его в Шантильи, как ненавидела в гостинице почтенного Бискаро! Если она повторит прежнее обвинение и вообразит, что он, пользуясь официальным титулом, королевским поручением, хочет продолжать преследование, извинительное в отношении к виконтессе де Канб, но непростительное в отношении к супруге принца Конде?

– Но, – подумал он, – не может быть, чтобы принцесса путешествовала одна, с одним лакеем.

И как всегда бывает в такие минуты, когда смущенный и беспокойный ум ищет опоры, Ка-

ноль осмотрелся и глаза его остановились на портрете женщины с ребенком.

Он тотчас догадался, в чем дело, и невольно подошел к картине.

Подложная принцесса не могла не вскрикнуть, и когда Каноль обернулся, он увидел, что лицо ее совершенно закрыто.

«Ого! Это что такое? – думал Каноль. – Или я встретил принцессу в Бордо, или меня здесь обманывают и не принцесса покоится на этой постели. Во всяком случае, я узнаю...» – Ваше высочество, – сказал он вдруг, – я теперь понимаю ваше молчание и узнаю...

– Что вы узнали? – нетерпеливо спросила принцесса.

– Я узнал, что вы думаете обо мне то же самое, что думает вдовствующая принцесса.

– Ах! – невольно прошептала дама, заменявшая принцессу, и вздохнула свободнее.

Фразе Каноль не доставало смысла, но удар был нанесен верно. Каноль заметил, с каким трепетом перебили начало его фразы и с какою радостью встретили его слова.

– Однако же, – продолжал Каноль, – должен сказать, хотя это будет очень вам неприятно, что я обязан остаться в замке и сопровождать ваше высочество безотлучно.

– Так мне нельзя будет оставаться одной даже в моей комнате! – вскричала принцесса. – О, я уж не знаю, как это называется!

– Я сказал вашему высочеству, что такая инструкция дана мне, но вы можете успокоиться, – прибавил Каноль, пристально смотря на подложную принцессу и останавливаясь на каждом слове, – вы должны знать лучше, чем кто-нибудь, что я умею повиноваться просьбе женщины.

– Я должна знать... – возразила принцесса голосом, в котором выражалось более смущения, чем удивления. – Право, милостивый государь, я не понимаю вас, не понимаю, на что вы намекаете.

– Ваше высочество, – отвечал офицер, кланяясь, – мне показалось, что камердинер ваш сказал вам мое имя, когда я входил сюда. Я барон де Каноль.

– Так что же? – спросила принцесса довольно твердым голосом.

– Я думал... что, имея честь быть вам один раз полезным...

– Мне? Что такое, скажите, прошу вас! – спросила принцесса таким смущенным голосом, что он напомнил Канолью другой голос, очень раздраженный и очень боязливый, оставшийся в его памяти.

Каноль подумал, что зашел уже слишком далеко; впрочем, он понял все дело.

– Я был вам полезен тем, что исполнил данное мне поручение не в буквальном смысле, – отвечал он почтительно.

Принцесса успокоилась.

– Милостивый государь, – сказала она, – я не хочу вводить вас в преступление, исполняйте данную вам инструкцию, какова бы она ни была.

– Ваше высочество, – отвечал Каноль, – до сих пор по счастью я не знаю, каким образом терзают женщин, стало быть, не знаю, как оскорбляют принцесс. Поэтому имею честь повторить вашему высочеству то, что сказал вдовствующей принцессе: я ваш преданнейший слуга... Сделайте милость, удостойте меня честным словом, что вы не выйдете из замка без меня, и я избавлю вас от моего присутствия, которое, я понимаю, должно быть ненавистно вашему высочеству.

– Стало быть, вы не исполните данной вам инструкции? – живо спросила принцесса.

– Я поступлю по совести.

– Барон Каноль, – сказала она, – клянусь вам, я не уеду из замка Шантильи, не предупредив вас.

– В таком случае, – отвечал Каноль, низко кланяясь, – простите, что я был невольною причиною вашего минутного гнева. Ваше высочество увидите меня только, когда прикажете позвать меня.

– Благодарю вас, – отвечала принцесса с радостью, которая отозвалась даже за занавесками. – Ступайте! Еще раз благодарю! Завтра мы увидимся!

Тут барон вполне узнал голос, глаза и очаровательную улыбку прелестной женщины, которая, так сказать, ускользнула из его рук в тот вечер, когда курьер герцога д'Эпернона привез ему депешу.

Один взгляд на портрет, хотя и худо освещенный, показал барону, которого глаза начинали привыкать к полусвету, орлиный нос, черные волосы и впалые глаза принцессы. А у женщины, которая теперь разыграла первый акт трудной своей роли, глаза были навывкате, нос прямой с широкими ноздрями, на устах неизменная улыбка, и круглые щеки, удалявшие всякую мысль о заботе и тяжелых размышлениях.

Каноль узнал все, что ему хотелось знать, он поклонился с таким почтением, с каким поклонился бы принцессе, и ушел в свою комнату.

II

Каноль ни на что еще не решился. Воротясь в свою комнату, он принялся ходить вдоль и поперек, как обыкновенно делают нерешительные люди. Он не заметил, что Касторин, ждавший его возвращения, встал и ходил за ним с его шлафроком, за которым бедный слуга совершенно исчезал.

Касторин наткнулся на стул.

Каноль обернулся.

– Это что? – спросил он. – Что ты тут делаешь?

– Жду, когда вы изволите раздеваться.

– Не знаю, когда разденусь. Положи шлафрок на стул и жди.

– Как! Вы не изволите раздеваться? – спросил Касторин, обыкновенно капризный лакей, но в этот вечер казавшийся еще капризнее, – Так вам не угодно ложиться спать теперь?

– Нет.

– Так когда же вы ляжете?

– Какое тебе дело!

– Как какое мне дело! Я очень устал.

– В самом деле, ты очень устал? – спросил Каноль, останавливаясь и пристально поглядывая на грубого Касторина.

Каноль увидел на лице лакея то дерзкое выражение грубости, которым отличаются все лакеи, желающие получить увольнение.

– Очень устал! – повторил Касторин.

Каноль пожал плечами.

– Пошел вон, – сказал он, – стой в передней, когда будет нужно, я позову тебя.

– Честь имею доложить вам, что если вы не скоро позовете меня, так меня не будет в передней.

– А где же ты будешь?

– В постели. Кажется, проехавши двести лье, пора лечь спать.

– Касторин, – сказал Каноль, – ты дурак.

– Если вам кажется, что дурак не может служить вам, так извольте сказать одно слово, и я тотчас избавлю вас от дурака, – отвечал Касторин самым торжественным голосом.

Каноль был не в хорошем расположении духа, и если бы Касторин знал, какая буря растет в душе его господина, то, верно, отложил бы свое предложение до другого дня, несмотря на все свое желание получить свободу.

Барон пошел прямо на лакея и взял его за пуговицу кафтана (такая привычка была впоследствии у одного великого человека, познаменитее Каноль).

– Повтори, что ты сказал?

– Повторяю, – отвечал Касторин с прежним бесстыдством, – что если вы недовольны моею службою, так я избавлю вас от дурака.

Каноль выпустил из рук пуговицу и пошел за палкой. Касторин понял, что дело плохо.

– Позвольте, – закричал он, – подумайте, что хотите вы делать? Ведь я служу принцессе.

– Ага, – пробормотал Каноль, опуская поднятую палку, – ты служишь принцессе?

– Точно так, сударь, – отвечал Касторин, ободрившись, – служу ей уж четверть часа.

– А кто тебя завербовал?

– Господин Помпей, ее управляющий.
– Господин Помпей?
– Да.
– Так что же ты давно не скажешь мне об этом? – вскричал Каноль. – Хорошо, хорошо, прекрасно делаешь, что уходишь от меня, Касторин. Вот тебе два пистоля за то, что я хотел побить тебя.
– О, – сказал Касторин, не смея взять денег, – что это значит? Вы шутите, сударь?
– Вовсе не шучу. Напротив, ступай в лакеи к принцессе, друг мой. Только позволь спросить, когда начинается твоя служба?
– С той минуты, когда вы меня отпустите.
– Хорошо, я отпускаю тебя завтра утром.
– А до тех пор?
– Ты все-таки мой лакей и обязан повиноваться мне.
– Извольте! Что же вы прикажете, сударь? – спросил Касторин, решившись взять два пистоля.
– Тебе хочется спать, так я приказываю тебе раздеться и лечь в мою постель.
– Что вы приказываете? Я вас не понимаю.
– Тебе нужно не понимать, а только повиноваться. Раздевайся, я тебе помогу.
– Как! Вы станете раздевать меня?
– Разумеется: ты будешь играть роль барона Канолья, так я поневоле должен представлять Касторина.

И не дожидаясь согласия лакея, барон снял с него кафтан, надел на себя, взял его шляпу и, заперев его в комнате прежде, чем тот успел опомниться, быстро спустился с лестницы.

Каноль начал разгадывать тайну, хотя часть событий была ему еще неизвестна. В продолжение последних двух часов ему казалось, что все, что он видит, все, что слышит, неестественно. Все в Шантильи, казалось, притворялись: все люди, встречаемые им, играли роль, однако же подробности составляли гармоническое целое, которое предвещало посланному королевы, что он должен удвоить бдительность, если не хочет быть жертвою обмана.

Сочетание Помпея с виконтом Канбом объясняло многие недоразумения.

Последние сомнения Канолья исчезли, когда он вышел на двор замка и увидел, что четыре человека готовятся идти в ту самую дверь, через которую он прошел. Этих людей вел тот же самый лакей, который вел и его. Другой человек, завернувшийся в плащ, шел за ними следом.

Около самой двери группа остановилась, ожидая приказаний человека в плаще.

– Ты знаешь, где он теперь, – произнес этот человек повелительным тоном, обращаясь к лакею. – Ты знаешь его в лицо, потому что ты его и ввел. Карауль его, чтобы он не мог уйти. Поставь людей на лестницу, в коридоре, где придется, это все равно, но только сделай так, чтобы он оказался сам под стражею, вместо того, чтобы быть стражем их высочеств.

Каноль притаился так в своем углу, где царила глубочайшая тьма, что стал неуловим, как призрак. Со своего места он видел, не будучи сам виден, как пять человек стражей, которых для него предназначали, исчезли под сводом, а человек в плаще, убедившись в том, что его приказания исполнены, удалился в ту сторону, откуда пришел.

– Все это пока еще не дает никаких точных указаний, – подумал Каноль, провожая его глазами. – Пожалуй, они с досады и со мной выкинут штуку. Теперь все дело в том, чтобы этот дьявол Касторин не вздумал кричать, звать на помощь или вообще как-нибудь наглупить. Жаль, что я не заткнул ему рот. Но теперь уже поздно. Ну, надо идти в обход.

Бросив кругом испытующий взгляд, Каноль перешел через двор и подошел к крыльцу здания, позади которого были расположены конюшни. Казалось, вся жизнь замка сосредоточилась в этих частях построек. Слышалось ржание лошадей, беготня суетившихся людей, стук металлических частей упряжи. Из завозен выкатывали кареты и слышались подавленные страхом, но все же ясно различимые голоса.

Каноль некоторое время прислушивался. Для него не оставалось сомнения в том, что идут приготовления к отъезду.

Он перешел через весь промежуток между обоими крыльями здания, прошел под сводом и подошел к фасаду замка. Тут он остановился.

И в самом деле, окна нижнего этажа были ярко освещены и несомненно там горело множество факелов или свечей. Эти источники света беспрестанно переменили место, бросая длинные тени и светлые полосы, и Каноль понял, что тут-то центр деятельности, тут главное место действия.

Сначала Каноль не решался вывести тайну, которую старались скрыть от него. Потом он подумал, что титул посланника королевы и ответственность, возлагаемая на него этим титулом, извинят его поведение даже перед самыми строгими судьями.

Осторожно пробрался он около стены, которой низ казался совершенно темным, потому что окна были ярко освещены, встал на тумбу, с тумбы уцепился за окно и, придерживаясь одною рукою за окно, другою за кольцо, заглянул через стекло.

Вот что он увидел.

Возле женщины, которая прикалывала последнюю булавку к дорожной шляпе, несколько горничных одевали ребенка в охотничье платье. Дитя стояло спиною к Канолу, который мог видеть только белокурые его волосы. Но дама, ярко освещенная двумя жирандолями с шестью свечами, которые были в руках двух лакеев, стоявших неподвижно, как кариатиды, показала Канолу верный оригинал того портрета, который он недавно видел в спальне принцессы: то же продолговатое лицо, тот же строгий рот, тот же орлиный нос – Каноль совершенно узнал ее. Все показывало в ней привычку властвовать: ее смелые жесты, ее блестящий взгляд, быстрые движения головы. Напротив, в присутствующих все показывало привычку повиноваться: их поклоны, поспешная услужливость, их усилия отвечать на голос повелительницы или угадывать ее взгляд.

Несколько слуг, между которыми Каноль узнал и известного ему камердинера, укладывали в чемоданы, в ящики, в сундуки разные вещи, драгоценности, деньги, весь женский арсенал, называемый туалетом. Между тем маленький принц играл и бегал посреди озабоченных слуг, но по странной прихоти случая, Каноль никак не мог видеть его лица.

«Я так и знал, – подумал он, – меня обманывают. Все эти люди готовятся к отъезду. Да, но я могу одним мановением руки переменить всю эту сцену в самую печальную, мне стоит только выбежать на террасу и свистнуть три раза в этот серебряный свисток, и через минуту по его пронзительному призыву двести человек явятся в замок, арестуют принцесс, перевяжут всех этих офицеров, которые так дерзко смеются...

Да, – продолжал Каноль (на этот раз говорило его сердце, а не уста), – да, но что будет с той, которая спит там или притворяется, что спит? Я потеряю ее безвозвратно: она станет ненавидеть меня и на этот раз не без причины... И еще хуже: она станет презирать меня, говоря, что я до конца исполнил гнусный долг шпиона... Однако же, когда она повинется принцессе, почему мне не повиноваться королеве?» В эту минуту случай как бы хотел изменить его решение. Отворилась дверь комнаты, где принцесса доканчивала туалет, и показались две особы – старик пятидесяти лет и дама лет двадцати. Оба они казались веселы и довольны. Когда Каноль увидел их, то весь превратился в зрение. Он тотчас узнал прекрасные волосы, свежие губы, умные глаза виконта Канба, который с улыбкою целовал руку принцессе Конде. Только в этот раз виконт надел настоящее свое платье и превратился в очаровательную виконтессу.

Каноль отдал бы десять лет жизни, чтобы слышать их разговор, но он тщетно приставлял ухо к стеклу, он мог слышать только неясный шепот. Он видел, как принцесса простилась с молодой дамой, поцеловала ее в лоб, приказала ей что-то такое, отчего все присутствующие засмеялись. Потом виконтесса пошла в парадные апартаменты с несколькими унтер-офицерами, которые надели генеральские мундиры. Барон заметил даже почтенного Помпея: он растолстел от гордости и в оранжевом кафтане с серебром гордо опирался на длинную шпагу. Он провожал свою госпожу, которая грациозно приподнимала длинное шелковое платье. Налево, в противоположную сторону, тихо и осторожно отправилась свита принцессы. Принцесса шла впереди, как королева, а не как женщина, принужденная бежать; за нею шел Виалас и нес на руках маленького герцога Энгинского, закутанного в плащ. Потом Лене нес шкатулку и связку бумаг, наконец, комендант замка заключал шествие, которое открывали два офицера с обнаженными шпагами.

Все эти люди вышли через потайной коридор. Тотчас Каноль отскочил от окна и побежал к конюшням. Туда направлялось шествие: нет сомнения, принцесса уезжает.

В эту минуту мысль об обязанностях, возложенных на Каноль поручением королевы, представлялась его уму. Эта женщина, которая уезжает, просто междоусобная война; он выпускает ее из своих рук, и она опять начнет терзать грудь Франции. Разумеется, стыдно ему, мужчине, быть шпионом и сторожем женщины, но ведь женщина же, герцогиня Лонгвиль, зажгла Париж со всех четырех сторон.

Каноль бросился на террасу, возвышавшуюся над садом, и приложил свисток к губам.

Погибли бы все эти приготовления. Принцесса Конде не выехала бы из Шантильи, а если бы и выехала, так была бы остановлена шагов через сто со всею своею свитою, остановлена отрядом, который был бы втрое сильнее ее свиты. Каноль мог исполнить свое поручение, не подвергаясь ни малейшей опасности. Он мог одним ударом разрушить счастье и будущность Дома Конде и тем же ударом создать себе счастье и будущность, как в прежнее время сделали Витри и Люинь, недавно Гито и Миоссан при обстоятельствах, не столь важных для блага королевства.

Но Каноль поднял глаза к той комнате, где за пунцовыми занавесками тихо и задумчиво горел ночник у подложной принцессы, и ему показалось, что очаровательная тень рисуется на огромных белых шторах.

Все решения, принятые рассудком, расчеты эгоизма исчезли перед этим лучом сладкого света, как при первых лучах солнца исчезают ночные призраки и видения.

«Мазарини, – подумал Каноль в припадке страсти, – так богат, что погубит всех этих принцесс и принцев, которые стараются убежать от него. Но я не так богат, чтобы терять сокровище, теперь уже принадлежащее мне: буду стеречь его, как дракон. Теперь она одна, в моей власти, зависит совершенно от меня. Во всякое время дня и ночи я могу войти в ее комнату. Она не уедет отсюда, не сказав мне, потому что дала мне честное слово. Какое мне дело, что Мазарини взбесится! Мне приказано стеречь принцессу Конде, я стерегу ее. Надобно было дать мне ее приметы или послать к ней досмотрщика поискуснее меня».

И Каноль положил свисток в карман, слушал, как заскрипели затворы, как задрожал мост парка под каретами и как затихал отдаленный стук конного отряда. Потом, когда все исчезло, он не подумал, что играет жизнью за любовь женщины, то есть за тень счастья, перешел на второй двор, совершенно пустой, и осторожно взобрался по своей лестнице, погруженной в непроницаемую темноту.

Как ни осторожно шел Каноль, однако же в коридоре он наткнулся на человека, который прислушивался у дверей его комнаты. Незнакомец вскрикнул от страха.

– Кто вы? Что вы? – спросил он испуганным голосом.

– Черт возьми, – пробормотал Каноль, – кто ты сам, пробравшийся сюда, как шпион?

– Я Помпей!

– Управитель принцессы?

– Да.

– Бесподобно, – сказал Каноль, – а я Касторин.

– Камердинер Канолья?

– Именно так.

– Ах, любезный Касторин, – сказал Помпей, – бьюсь об заклад, что я вас очень напугал.

– Меня?

– Да! Ведь никогда вы не были солдатом! Могут ли сделать что-нибудь для вас, любезный друг? – продолжал Помпей, принимая опять важный вид.

– Можете.

– Так говорите.

– Доложите сейчас ее высочеству, что мой господин хочет говорить с нею.

– Теперь?

– Да, теперь.

– Никак нельзя!

– Вы думаете?

- Я в этом уверен!
- Так она не примет моего господина?
- Нет, не примет.
- По королевскому повелению, Помпей!.. Ступайте и скажите ей, Помпей!
- По королевскому повелению! – повторил Помпей. – Сейчас иду, бегу!

Помпей живо побежал с лестницы, его подстрекали уважение и страх, эти два рычага, могущие заставить бежать черепаху.

Каноль вошел в свою комнату. Касторин важно храпел, растянувшись в кресле.

Барон надел свое офицерское платье и ждал события, которое сам подготовил.

– Черт возьми, – сказал он сам себе, – если я плохо устраиваю дела Мазарини, то, мне кажется, порядочно устроил свои делишки.

Каноль напрасно ждал возвращения Помпея. Минут через десять, видя, что Помпей не идет и никто не является вместо него, барон решил идти сам.

Поэтому он разбудил Касторина, которого желчь успокоилась после часового отдыха, приказал ему быть готовым на всякий случай голосом, не допускавшим возражения, и пошел к комнатам молодой принцессы.

У дверей барон встретил лакея, который был очень не в духе, потому что звонок позвал его в ту самую минуту, как он воображал, что кончил дежурство и надеялся, подобно Касторину, вкушать сладкое отдохновение, необходимое после такого бурного и тяжелого дня.

- Что вам угодно, сударь? – спросил лакей, увидав барона Каноль.
- Хочу видеть ее высочество.
- Как! Теперь?
- Да, теперь.
- Но уж очень поздно.
- Что, ты рассуждаешь?
- Я так... – пробормотал лакей.
- Я не прошу, а хочу, – сказал Каноль повелительно.
- Вы хотите... Здесь приказывает только ее высочество принцесса.
- Король приказывает везде... Я здесь по королевскому повелению!

Лакей вздрогнул и опустил голову.

– Извините, сударь, – отвечал он со страхом, – я простой слуга. Стало быть, не смею отворить вам двери принцессы. Позвольте мне разбудить камергера.

- Так камергеры ложатся спать в Шантильи в одиннадцать часов?
- Весь день охотились, – прошептал лакей.

«Хорошо, – подумал Каноль, – им нужно время, чтобы одеть кого-нибудь камергером».

Потом прибавил вслух:

- Ступай скорее. Я подожду.

Лакей побежал, поднял весь замок, где уже Помпей, напуганный дурною встречей, посеял невыразимый страх и трепет.

Оставшись один, Каноль начал прислушиваться и всматриваться.

По всем залам и коридорам забегали люди. При свете факелов вооруженные солдаты стали по углам лестниц, везде грозный шепот заменил прежнее молчание, которое за минуту прежде царствовало в замке.

Каноль вынул свисток и подошел к окну, из которого он мог видеть вершины деревьев, под которыми разместил он свой отряд.

– Нет, – сказал он, – это поведет нас прямо к сражению, а этого мне вовсе не нужно. Лучше подождать, ведь меня могут только убить, а если я слишком потороплюсь, то могу погубить ее...

Каноль едва успел подумать, как дверь отворилась и явилось новое лицо.

– Принцессы нельзя видеть, – сказал этот человек так поспешно, что не успел даже поклониться Каноль, – она легла почивать и запретила входить в ее комнату.

– Кто вы? – спросил Каноль, осматривая странного господина с головы до ног, – кто внушил вам дерзость не снимать шляпы, когда вы говорите с дворянином?

Концом палки Каноль сбил с него шляпу.

– Милостивый государь! – закричал незнакомец, гордо отступая на шаг.

– Я спрашиваю, кто вы? – повторил Каноль.

– Я... – отвечал незнакомец, – я, как вы видите по моему мундиру, капитан телохранителей принцессы...

Каноль улыбнулся.

Он успел уже оценить своего противника и догадался, что имеет дело с каким-нибудь дворянином или с каким-нибудь кухмистером, одетым в мундир, которого не успели или не могли застегнуть.

– Хорошо, господин капитан, – сказал Каноль, – поднимите вашу шляпу и отвечайте мне.

Капитан исполнил приказание Каноль как человек, изучивший известное превосходное правило: хочешь уметь повелевать – так умей повиноваться.

– Капитан телохранителей! – сказал Каноль. – Не худо! Прекрасное, видное место!

– Да, сударь, довольно хорошее, а еще что? – спросил подложный капитан.

– Не чваньтесь так, – сказал Каноль, – или на вас не останется ни одного галуна, что будет не совсем красиво.

– Но, наконец, позвольте узнать, кто вы сами? – спросил подложный капитан.

– Милостивый государь, я охотно последую вашему хорошему примеру и отвечу на ваш вопрос, как вы отвечали мне. Я капитан Наваильского полка и приехал сюда от имени короля посланным, мирным или неумолимым, и буду тем или другим, смотря по тому, будут или не будут повиноваться приказаниям его величества.

– Неумолимым! – вскричал незнакомец. – Неужели неумолимым?

– Самым неумолимым, уверяю вас.

– Даже с принцессой?

– Почему же не так? Ведь она тоже обязана повиноваться приказаниям короля.

– Милостивый государь, не думайте напугать нас, у меня пятьдесят вооруженных людей, они готовы отомстить за честь принцессы.

Каноль не хотел сказать ему, что его пятьдесят человек – просто лакеи и поварята, достойные чести служить у такого начальника, а честь принцессы отправилась вместе с принцессой в Бордо. Он только отвечал с хладнокровием, которое гораздо страшнее угрозы и которое очень обыкновенно в людях отважных и привыкших к опасности:

– Если у вас пятьдесят человек, так у меня двести солдат, это авангард королевской армии. Не хотите ли открыто восстать против короля?

– Нет, нет, – отвечал подложный капитан с величайшим смущением. – Но прошу вас, скажите, что я уступаю только силе.

– Извольте, я, как товарищ ваш по ремеслу, должен сознаться в этом.

– Хорошо! Я поведу вас к вдовствующей принцессе, которая еще не почивает.

Каноль увидел, в какую страшную западню хотят поймать его, но он тотчас вырвался из нее с помощью своего полномочия.

– Мне приказано наблюдать не за вдовствующей принцессой, а за молодой.

Капитан телохранителей опустил голову, попятился назад, потащил за собою длинную свою шпагу и величественно переступил за порог между двумя часовыми, которые дрожали во все продолжение этой сцены. Узнав о прибытии двухсот солдат, они едва не убежали, не намереваясь погибнуть при истреблении замка Шантильи.

Минут через десять тот же капитан с двумя солдатами вернулся и с разными церемониями повел Каноль в комнату принцессы.

Барон вошел туда без особенных приключений.

Он узнал комнату, мебель, кровать, даже то же благоухание, которое почувствовал в первый раз. Но он тщетно искал два предмета: портрет истинной принцессы, виденный им в первое посещение, и лицо ложной принцессы, для которой он принес теперь такую тяжелую жертву. Портрет сняли, и из предосторожности, слишком уже запоздалой, лицо дамы, лежавшей в постели, было обращено к стене с истинно княжескою дерзостью.

Две женщины стояли возле кровати.

Каноль охотно простил бы эту неучтивость, но он боялся, не позволила ли новая перемена лица бежать виконтессе Канб, как прежде бежала принцесса. Поэтому он задрожал и тотчас захотел узнать, кто покоится на кровати, опираясь опять на данное ему полномочие.

– Нижайше прошу извинения у вашего высочества, – сказал он, низко кланяясь, – что осмелился войти к вам, особенно дав слово, что не буду беспокоить вас, пока вы сами не позовете меня. Но я услышал такой страшный шум в замке...

Дама вздрогнула, но не отвечала. Каноль старался по какому-нибудь признаку увериться, что перед ним именно та, которую он ищет, но в волнах кружева и в мягких пуховиках он ничего не мог рассмотреть, кроме форм лежавшей женщины.

– И я обязан, – продолжал Каноль, – узнать, точно ли здесь та особа, с которой я имел честь говорить назад тому полчаса.

Тут дама не только вздрогнула, но просто задрожала. Это движение не скрылось от барона: он сам испугался.

«Если она обманула меня, – думал он, – убежала отсюда, несмотря на слово, данное мне торжественно, я сажусь на лошадь, беру с собой весь мой отряд в двести человек и поймаю беглецов, хоть бы пришлось зажечь тридцать селений для освещения дороги».

Каноль подождал с минуту. Дама не отвечала и не оборачивалась к нему. Очевидно было, что она хочет выиграть время.

– Ваше высочество, – сказал, наконец, Каноль, не скрывая досады, – прошу вас вспомнить, что я прислан королем, и от его имени требую чести видеть вас.

– О! Это невыносимое преследование! – сказал дрожащий голос, от которого Каноль радостно вздрогнул, потому что узнал его. – Если король, как вы уверяете, приказывает вам поступать так, то ведь он еще ребенок, еще не знает, как живут в свете. Принуждать женщину показывать лицо!

– Есть слово, пред которым все люди смиряются: так надобно!

– Если так надобно, – сказала дама, – если я одна осталась без защиты против вас, я повинуюсь, сударь. Извольте, смотрите на меня.

Быстрым движением отбросила она подушки, одеяло и кружева, покрывавшие ее. Из-за них показалась белокуренькая головка и прелестное личико, покрасневшее более от стыдливости, чем от негодования. Взглядом человека, привыкшего давать себе отчет в подобных положениях, Каноль понял, что не гнев закрывает ей глаза длинными ресницами, не от гнева дрожит ее беленькая ручка, которою она поддерживала на перламутровой шее длинную косу и батист раздушенного одеяла.

Ложная принцесса с минуту посидела в этом положении, которое она хотела показать грозным, а Каноль смотрел на нее, сладко дышал и обеими руками удерживал биение сердца.

– Что же, милостивый государь? – спросила через несколько секунд несчастная красавица. – Довольно ли вы унизили меня? Довольно ли вы рассмотрели меня? Ваша победа неоспорима, полна, не так ли? Так будьте победителем великодушным: уйдите!

– Я хотел бы уйти, но должен исполнить данную мне инструкцию. До сих пор я исполнил только поручение, касавшееся вас. Но этого мало: я должен непременно видеть герцога Энгийенского.

За этими словами, сказанными тоном человека, который знает, что имеет право повелевать и который требует послушания, последовало страшное молчание. Ложная принцесса приподнялась, опираясь на руку и устала на Каноля странный взгляд. Он хотел выразить: «Узнали ль вы меня? Если вы здесь сильнейший, сжальтесь надо мною!» Каноль понял весь смысл этого взгляда, но устоял против его соблазнительного красноречия и на взгляд отвечал громко:

– Нельзя, никак нельзя!.. Мне дано приказание!

– Так пусть будет по-вашему, милостивый государь, если вы не имеете никакого снисхождения ни к положению моему, ни к званию. Ступайте, эти дамы отведут вас к моему сыну.

– Не лучше ли, – сказал Каноль, – этим дамам привести вашего сына сюда? Это, кажется мне, было бы гораздо удобнее.

– Зачем же, милостивый государь? – спросила ложная принцесса, очевидно обеспокоенная последним требованием гораздо более, чем всеми предшествовавшими.

– А между тем я расскажу вам ту часть данного мне поручения, которую я не могу сказать никому, кроме вас.

– Кроме меня?

– Да, кроме вас, – отвечал Каноль с таким низким поклоном, какого он еще не делал.

На этот раз взгляд принцессы, постепенно переходивший от достоинства к молению, к беспокойству, остановился на Каноле с трепетом.

– Что же такого страшного в этом свидании? – спросил Каноль. – Разве вы не знаменитая принцесса, а я не простой дворянин?

– Да, вы правы, милостивый государь, и я напрасно опасаясь. Да, хоть я имею в первый раз удовольствие видеть вас, однако же слухи о вашем благородстве и вашей чести дошли до меня.

Потом она оборотилась к женщинам и сказала:

– Подите и приведите сюда герцога Энгиенского.

Обе женщины отошли от кровати, подошли к дверям и обернулись еще раз, желая убедиться, что приказание точно дано. По знаку, данному принцессой, или, лучше сказать, по знаку той, которая занимала ее место, они вышли из комнаты.

Каноль следил за ними взглядом, пока они не затворили дверей, потом с восторгом радости взглянул он на ложную принцессу.

– Ну, барон де Каноль, – сказала она, садясь в постели и складывая руки на груди, – скажите мне, за что вы так преследуете меня?

При этих словах она посмотрела на молодого человека не гордым взглядом принцессы, который ей так не удался, а, напротив, так нежно и значительно, что барон вдруг вспомнил все очаровательные подробности первого их свидания, все похождения в дороге, все мелочи этой зарождающейся любви...

– Послушайте, – сказал он, подходя к постели, – я преследую именем короля принцессу Конде, а не вас, потому что вы не принцесса Конде.

Она вскрикнула, побледнела и приложила руку к сердцу.

– Так что же вы хотите сказать? За кого же вы меня считаете? – спросила она.

– Трудно отвечать на это. Я поклялся бы, что вы прелестнейший виконт, если бы вы не были очаровательнейшая виконтесса.

– Милостивый государь, – сказала ложная принцесса с достоинством, надеясь озадачить Каноля, – из всего, что вы мне говорите, я понимаю только одно: вы не уважаете меня! Вы оскорбляете меня!

– Может ли любовь оскорбить? Стать на колени неужели неуважение?

Каноль хотел стать на колени.

– Милостивый государь! – закричала виконтесса, останавливая Каноля, – принцесса Конде не может допустить...

– Принцесса Конде, – возразил Каноль, – скачет теперь на коне между шталмейстером Виаласом и советником Ленепо дороге в Бордо. Она уехала со своими дворянами, с защитниками, со всем своим домом, и ей нет никакого дела до того, что происходит теперь между бароном Канолем и виконтессою де Канб.

– Но что вы говорите, милостивый государь? Вы, верно, с ума сошли?

– Совсем нет, рассказываю только то, что видел, повторяю то, что слышал.

– Если вы видели и слышали то, что говорите, так ваши обязанности кончились.

– Вы так думаете, виконтесса? Стало быть, я должен воротиться в Париж и признаться королеве, что для угождения женщине, которую люблю (не сердитесь, виконтесса, я никого не называю по имени), я нарушил королевское повеление, позволил врагам королевы бежать, что я на все это смотрел сквозь пальцы, словом, изменил, да, просто изменил королю...

Виконтесса показалась растроганною и посмотрела на барона с состраданием почти нежным.

– У вас есть самое лучшее извинение: невозможность! – отвечала она. – Могли вы одни остановить многочисленную свиту принцессы? Неужели было приказано, чтобы вы одни сража-

лись с пятьюдесятью дворянами?

– Я был здесь не один, – отвечал Каноль, покачивая головою. – У меня там, в этом лесу, и теперь еще в двухстах шагах от нас двести солдат. Я могу собрать и призвать их одним свистком. Стало быть, мне легко было задержать принцессу. Напротив, она не могла бы сопротивляться. Если бы даже мой отряд был не вчетверо сильнее ее свиты, а гораздо слабее ее, и то я все-таки мог сражаться, мог умереть сражаясь. Это было бы для меня так же легко, как приятно дотронуться до этой ручки, если бы я смел, – прибавил Каноль, низко кланяясь.

Ручка, с которой барон не спускал глаз, изящная, полненькая и белая, была видна на кровати и дрожала при каждом слове Каноль. Виконтесса, ослепленная электричеством любви, которого первое влияние она почувствовала в гостинице Жоне, забыла, что надобно отнять руку, доставившую Канолью случай сказать такое счастливое сравнение. Молодой офицер, опустившись на колени, с робостью поцеловал ее руку. Виконтесса тотчас отдернула ее, как будто ее обожгли раскаленным железом.

– Благодарю вас, барон, – сказала она, – благодарю от души за все, что вы сделали для меня. Верьте, я никогда этого не забуду. Но удвойте цену услуге вашей: уйдите! Ведь мы должны расстаться, потому что поручение ваше кончено.

Это «мы», произнесенное с некоторым сожалением, привело Каноль в восторг и облегчило его. Во всякой сильной радости есть чувство печали.

– Я повинуюсь вам, виконтесса, – сказал он. – Осмелюсь только заметить не для того, чтобы не повиноваться вам, а чтобы избавить вас, может быть, от угрызения совести, осмелюсь заметить, что повиновение вам погубит меня. Если я сознаюсь в моем проступке, если окажется, что я не был обманут вашей хитростью, я стану жертвою моей снисходительности... Меня объявят изменником, посадят в Бастилию, может быть, расстреляют! И это очень естественно: я действительно изменник.

Клара вскрикнула и схватила Каноль за руку, но тотчас выпустила ее в очаровательном смущении.

– Так что же мы будем делать? – спросила она.

Сердце юноши радостно забилося: это счастливое «мы» становилось любимой формулой виконтессы де Канб.

– Погубить вас, великодушного и благородного человека! – сказала она. – О, нет, нет, никогда! Как я могу спасти вас? Говорите, говорите!

– Надобно позволить мне, виконтесса, доиграть мою роль до конца. Надобно, как я уже говорил вам, уверить всех, что вы обманули меня. Тогда я дам отчет кардиналу Мазарини в том, что я вижу, а не в том, что я знаю.

– Да, но если узнают, что вы сделали все это для меня, если узнают, что мы уже встречались, что вы уже видали меня, тогда я погибну! Подумайте!

– Не думаю, – возразил Каноль, удачно притворяясь задумчивым, – не думаю, чтобы вы, при вашей холодности ко мне, могли когда-нибудь изменить тайне... Ведь ваше сердце спокойно...

Клара молчала, но быстрый взгляд и едва приметная улыбка, невольно вырвавшаяся у прелестной пленницы, отвечали Канолью так, что он почувствовал себя счастливейшим человеком в мире.

– Так я останусь? – спросил он с улыбкой, которую описать невозможно.

– Что ж делать, если нужно! – отвечала Клара.

– В таком случае, я стану писать депешу к Мазарини.

– Ступайте.

– Что это значит?

– Я говорю: идите и напишите к нему.

– Нет, я должен писать к нему отсюда, из вашей комнаты. Надобно, чтобы письмо мое отправилось к нему от изголовья вашей кровати.

– Но это неприлично.

– Вот моя инструкция, извольте прочесть сами...

Каноль подал бумагу виконтессе.

Она прочла:

«Барон Каноль должен стеречь принцессу Конде и герцога Энгиенского, не выпуская их из виду».

– Что? – сказал Каноль.

– Вы правы, – отвечала она.

III

Тут Клара поняла, какую выгоду человек влюбленный, как Каноль, мог извлечь из такой инструкции. Но она в то же время поняла, какое одолжение оказывает принцессе, поддерживая заблуждение двора насчет своей повелительницы.

– Пишите здесь, – сказала она, покорясь судьбе своей.

Каноль взглянул на нее, она взглядом же указала ему на шкатулку, в которой находилось все необходимое для письма. Барон раскрыл шкатулку, взял бумаги, перо и чернила, придвинул стол к самой постели, попросил позволения сесть (как будто Клара все еще казалась ему принцессой), ему позволили и он написал к Мазарини следующую депешу:

«Я прибыл в замок Шантильи в девять часов вечера; вы изволите видеть, что я весьма спешил, ибо имел честь проститься с вами в половине седьмого часа.

Я нашел обеих принцесс в постели; вдовствующая очень нездорова, а молодая устала после охоты, на которой провела весь день.

По приказанию вашему я представился их высочествам, которые тотчас же отпустили всех своих гостей и теперь я не выпускаю из глаз молодую принцессу и ее сына».

– И ее сына, – повторил Каноль, оборачиваясь к виконтессе. – Мне кажется, я лгу, а мне не хотелось бы лгать.

– Успокойтесь, – отвечала Клара с улыбкой. – Вы еще не видали моего сына, но сейчас увидите.

– И ее сына, – прочел Каноль с улыбкой и продолжал писать депешу:

«Из комнаты ее высочества, сидя у ее кровати, имею честь писать это донесение».

Он подписал бумагу и, почтительно попросив позволения у Клары, позвонил.

Явился камердинер.

– Позовите моего лакея, – сказал Каноль, – когда он придет в переднюю, доложить мне!

Минут через пять барону доложили, что Касторин ждет в передней.

– Возьми, – сказал Каноль, – отведи это письмо начальнику моего отряда и скажи, чтобы тотчас отослал его с нарочным в Париж.

– Но, господин барон, – отвечал Касторин, которому во время ночи такое поручение показалось крайне неприятным, – я уже докладывал вам, что Помпей принял меня на службу к ее высочеству.

– Да я и даю тебе письмо от имени принцессы. Не угодно ли вашему высочеству подтвердить слова мои? – прибавил Каноль, обращаясь к Кларе. – Вы изволите знать, сколь нужно, чтобы письмо было доставлено без замедления.

– Отправить письмо! – сказала ложная принцесса гордо и величественным голосом.

Касторин вышел.

– Теперь, – сказала Клара, простирая к Канолу сложенные ручки, – вы уйдете, не правда ли?

– Извольте... – отвечал Каноль, – но ваш сын...

– Да, правда, – сказала Клара с улыбкой, – вы сейчас увидите его.

Действительно, едва виконтесса успела договорить эти слова, как начали царапать ее дверь. Эту моду ввел кардинал Ришелье, вероятно, из любви к кошкам. Во время продолжительного его владычества все царапали дверь Ришелье, потом царапали дверь Шавиньи, который имел полное право на это наследство уже потому, что был законным наследником кардинала, наконец, царапали дверь Мазарини. Стало быть, следовало царапать дверь принцессе Конде.

– Идут! – сказала Клара.

– Хорошо, – отвечал Каноль, – я принимаю официальный тон.

Каноль отодвинул стол и кресло, взял шляпу и почтительно стал шагах в четырех от кровати.

– Войдите! – крикнула принцесса.

Тотчас в комнату вошла самая церемонная процессия. Тут были женщины, офицеры, камергеры – всё, что составляло двор принцессы.

– Ваше высочество, – сказал старший камердинер, – уже разбудили принца Энгиенского, теперь он может принять посланного от короля.

Каноль взглянул на виконтессу. Взгляд этот очень ясно сказал ей:

– Так ли мы условились?

Она очень хорошо поняла этот взгляд, полный молний, и, вероятно, из благодарности за все, что сделал Каноль, или, может быть, из желания посмеяться над присутствующими (такие желания кроются вечно в сердце самой доброй женщины) она сказала:

– Приведите мне сюда герцога Энгиенского, пусть господин посланный увидит сына моего в моем присутствии.

Ей тотчас повиновались и через минуту привели принца.

Мы уже сказали, что, наблюдая за малейшими подробностями последних приготовлений принцессы к отъезду, барон видел, как принц бегал и играл, но не мог видеть лица его. Только Каноль заметил его простой охотничий костюм. Он подумал, что не может быть, чтобы для него, Каноль, одели принца в великолепное шитое платье. Мысль, что настоящий принц уехал с матерью, превратилась в достоверность: он молча, в продолжение нескольких минут, рассматривал наследника знаменитого принца Конде, и насмешливая, хотя и почтительная улыбка явилась на его устах.

Он сказал, кланяясь низко:

– Очень счастлив, что имею честь видеть вашу светлость.

Виконтесса, с которой мальчик не спускал глаз, показала ему, что надобно поклониться, и так как ей показалось, что Каноль внимательно следит за подробностями этой сцены, она сказала с раздражением:

– Сын мой, офицер этот – барон де Каноль, присланный королем. Дайте ему поцеловать руку.

По этому приказанию Пьерро, достаточно обученный предусмотрительным Лене, протянул руку, которую он не мог и не успел превратить в руку дворянина. Каноль был принужден при скрытом смехе всех присутствующих поцеловать эту руку, которую самый недалёковидный человек не признал бы за аристократическую.

– О, виконтесса, – прошептал он, – вы дорого заплатите мне за этот поцелуй!

И он поклонился почтительно и благодарил Пьерро за честь, которой удостоился.

Потом, понимая, что после этого последнего испытания ему невозможно долго оставаться в комнате дамы, он повернулся к виконтессе и сказал:

– Сегодня должность моя кончена и мне остается только попросить позволения уйти.

– Извольте, милостивый государь, – отвечала Клара, – вы видите, мы все здесь очень тихи, стало быть, вы можете почитать спокойно.

– Но мне нужно еще выпросить у вашего высочества величайшую милость.

– Что такое? – спросила Клара с беспокойством.

Она по голосу Канолья поняла, что он хочет отомстить ей.

– Наградите меня тою же милостью, которой удостоил меня сын ваш.

На этот раз виконтесса была поймана. Нельзя было отказать королевскому офицеру, который просил такой награды при всех. Виконтесса протянула барону дрожащую руку.

Он подошел к кровати с глубочайшим уважением, взял протянутую ему руку, стал на одно колено и положил на мягкой, белой и трепетавшей коже продолжительный поцелуй, который все приписали уважению его к принцессе. Одна виконтесса знала, что это – пламенное выражение любви.

– Вы мне обещали, даже поклялись мне, – сказал Каноль вполголоса, вставая, – что не уедете из замка, не предупредив меня. Надеюсь на ваше обещание, на вашу клятву.

– Надейтесь, барон, – отвечала Клара, падая на подушку почти без чувств.

Каноль вздрогнул от выражения ее голоса и старался в глазах прелестной пленницы найти подкрепление своих надежд. Но очаровательные глазки виконтессы были плотно закрыты.

Каноль подумал, что в плотно закрытых сундуках обыкновенно хранятся драгоценные сокровища, и вышел в восторге.

Невозможно рассказать, как барон провел ночь, как мечтал во сне и наяву, как перебирал в уме своем все подробности невероятного происшествия, оставившего ему сокровище, каким не обладал еще ни один скупец в мире; как старался подчинить будущность расчетам своей любви и прихотям своей фантазии; как убеждал себя, что действует превосходно. Не рассказываем всего этого потому, что безумие всем неприятно, кроме сумасшедшего.

Каноль заснул поздно, если только можно назвать сном лихорадочный бред. Но свет едва заиграл на верхушках тополей и не спустился еще на красивые воды, где спят широколиственные кувшинки, которых цветы раскрываются только под лучами солнца, а Каноль соскочил уже с постели, поспешно оделся и пошел гулять в сад. Прежде всего пошел он к флигелю, в котором жила принцесса, прежде всего взглянул на окна ее спальни. Пленница не ложилась еще спать или уже встала, потому что спальня ее освещалась ярким огнем, непохожим на огонь обыкновенного ночника. Увидав такое освещение, Каноль остановился, в ту же секунду в уме его родились тысячи предположений. Он взобрался на пьедестал статуи и оттуда начал разговор с мечтою своею, этот вечный разговор влюбленных, которые везде видят только любимый предмет.

Барон стоял на обсерватории уже с полчаса и с невыразимою радостью смотрел на эти занавески, перед которыми всякий другой прошел бы равнодушно, как вдруг окно галереи растворилось и в нем показалась добрая фигура Помпея. Все, что имело какое-нибудь отношение к виконтессе, обращало на себя особенное внимание Каноля, он оторвал глаза от привлекательных занавесок и заметил, что Помпей пытается говорить с ним знаками. Сначала Каноль не хотел верить, что эти знаки относятся к нему, и внимательно осмотрелся. Но Помпей, заметив сомнения барона, присоединил к своим знакам призывный свист, который мог показаться очень неприличным между простым конюхом и посланным короля французского, если бы свист не извинялся чем-то белым. Влюбленный тотчас догадался, что это свернутая бумага.

«Записка! – подумал Каноль. – Она пишет ко мне? Что бы это значило?» С трепетом подошел он, хотя первым чувством его была радость, но в радости влюбленных всегда есть порядочная доля страха, который, может быть, составляет главную прелесть любви: быть уверенным в своем счастье – значит, уже не быть счастливым.

По мере того, как Каноль приближался, Помпей все более и более показывал письмо. Наконец Помпей протянул руку, а Каноль подставил шляпу. Стало быть, эти два человека понимали друг друга как нельзя лучше. Первый уронил записку, второй поймал ее очень ловко и тотчас же ушел под дерево, чтобы читать свободнее. Помпей, боясь, вероятно, простуды, тотчас запер окно.

Но первое письмо от женщины, которую любишь, читается не просто, особенно когда неожиданное письмо вовсе не нужно и может только нанести удар вашему счастью. В самом деле, о чем может писать ему виконтесса, если ничто не переменялось во вчерашних их условиях? Стало быть, записка содержит какую-нибудь роковую новость.

Каноль так был уверен в этом, что даже не поцеловал письма, как обыкновенно делают любовники в подобных обстоятельствах. Напротив, он повертывал бумагу с возрастающим ужасом. Но надобно же было когда-нибудь прочесть письмо, поэтому барон призвал на помощь все свое мужество, разломил печать и прочел:

«Милостивый государь!

Совершенно невозможно оставаться долее в том положении, в каком мы находимся, надеюсь, вы в этом согласитесь со мною. Вы, верно, страдаете, думая, что все здешние жители считают вас неприятным надзирателем, с другой стороны, если я буду принимать вас ласковее, чем принимала бы вас сама принцесса, то могут догадаться, что мы играем комедию, которой развязка привлечет за собою потерю моей репутации».

Каноль отер лоб: предчувствие не обмануло его. С дневным светом, известным истребителем всех видений, все золотые его сны исчезли. Он покачал головою, вздохнул и продолжал читать:

«Притворитесь, что открыли обман, на это есть очень простое средство, которое я доставлю

вам сама, если вы обещаете исполнить мою просьбу. Вы видите, я не скрываю, сколько завишу от вас. Если вы обещаете исполнить мою просьбу, я доставлю вам мой портрет с подписью моего имени и с моим гербом. Вы скажете, что нашли этот портрет во время одного из ночных осмотров и по портрету узнали, что я вовсе не принцесса Конде.

Считаю бесполезным говорить, что я позволю вам в знак благодарности за исполнение моей просьбы оставить у себя этот миниатюрный портрет, если только это может быть вам приятно.

Так расстаньтесь с нами, не выдавши меня, если это можно, и вы увезете всю мою признательность, а мне останется воспоминание о вас, как о самом благороднейшем и великодушнейшем человеке, какого я знала в моей жизни».

Каноль два раза прочел письмо и стоял как вкопанный. Какую бы милость ни содержало письмо, приказывающее уехать, каким бы медом не обмазывали бы прощания или отказа, все-таки отъезд, прощание и отказ страшно поражают сердце. Разумеется, Каноль было приятно получить портрет; но вся его ценность исчезла перед причиной, для которой его предлагали. Притом же, к чему портрет, когда оригинал тут, под рукою, и когда можно не выпустить его?

Все это так, но Каноль, не боявшийся гнева Анны Австрийской и кардинала Мазарини, дрожал при мысли, что виконтесса Канб может быть недовольна, может рассердиться.

Однако же, как эта женщина обманула его, сперва на дороге, потом в Шантильи, заняв место принцессы Конде, и, наконец, вчера, подав ему надежду, которую теперь отнимает! Из всех этих обманов последний ужаснее всех! На дороге она его не знала и старалась отделаться от неугомонного товарища, не больше. Выдавая себя за принцессу Конде, она повиновалась высшей власти, исполняла роль, назначенную самою принцессою, она не могла поступить иначе. Но теперь она знала его, казалось оценила его преданность, два раза говорила «мы», то знаменитое «мы», которое привело Каноль в восторг, – и вот она возвращается к прежнему, пишет такое письмо!.. Это показалось Каноль не только жестокостью, но даже насмешкою.

И вот он рассердился, предался грустному отчаянию, не замечая, что за занавесками, где огонь погас, стояла скрытая зрительница, смотрела на его отчаяние и, может быть, наслаждалась им.

«Да, да, – думал он, сопровождая мысли свои соответствующими жестами, – да, это отставка, совершенно правильная, полная, великое событие кончилось самою пошлою развязкою, поэтическая надежда превратилась в грубый обман. Но я не хочу казаться смешным, как желают! Лучше пусть она ненавидит меня, чем отделяется этою так называемою благодарностью, которую она обещает мне... Теперь можно верить ее обещаниям!.. Уж лучше поверить постоянству ветра или тишине моря!..» – О, виконтесса, – прибавил Каноль, обращаясь к окну, – вы два раза ускользали из рук моих, но клянусь вам, если вы попадетесь мне в третий раз, так уж не вырветесь.

Каноль воротился в свою комнату с намерением одеться и войти, даже насильно, к виконтессе. Но, посмотрев на часы, он увидел, что не было еще и семи часов.

В замке все еще спали. Каноль бросился в кресло, закрыл глаза, чтобы не смотреть на призраки, которые вились перед ним, и только открывал их, когда надобно было взглянуть на часы.

Пробило восемь часов, и в замке начали вставать, появилось движение и послышался шум. С невыразимым трудом Каноль прождал еще полчаса, наконец потерял терпение, сошел с лестницы и подошел к Помпею, который на большом дворе наслаждался утренним воздухом и рассказывал окружающим его лакеям про походы свои в Пикардию при покойном короле.

– Ты управляющий принцессы? – спросил у него Каноль, как будто видел его в первый раз.

– Я, сударь, – отвечал удивленный Помпей.

– Доложи ее высочеству, что я хочу иметь честь видеть ее.

– Но она...

– Она встала.

– Все-таки...

– Ступай!

– Я думал, что ваш отъезд...

– Мой отъезд зависит от свидания, которое я буду иметь с принцессой.

– Но у меня нет приказаний от принцессы.

– А у меня есть приказание от короля, – возразил Каноль. При этих словах он величественно ударил по карману своего кафтана.

Но при всей его решимости, храбрость оставляла его. Действительно, со вчерашнего вечера важность Каноль значительно уменьшилась: уже двенадцать часов прошло с тех пор, как принцесса уехала; она, вероятно, не останавливалась во всю ночь и отъехала уже двадцать или двадцать пять лье от Шантильи. Как ни спешил бы Каноль со своим отрядом, он уже не может догнать ее, а если бы и догнал, то теперь у ней может быть человек пятисот защитников. Каноль все еще оставалась, как он говорил вчера, возможность погибнуть, но имел ли он право жертвовать людьми, ему вверенными, и подвергать их кровавым последствиям его любовной прихоти? Если он ошибся вчера в чувствах виконтессы де Канб, если ее смущение было просто комедией, то виконтесса могла открыто посмеяться над ним. В таком случае над ним будут смеяться лакеи и даже солдаты, спрятанные в лесу. Мазарини возненавидит его, королева рассердится на него, а хуже всего, погаснет его зарождающаяся любовь: женщина не может предать посмеянию того, кого она любит.

Пока он перебирал все эти мысли, Помпей с твердостью доложил, что его готовы принять.

На этот раз виконтесса приняла его без церемонии, возле своей спальни, в небольшой гостиной. Она уже была одета и стояла у камина. На ее прелестном лице видны были следы бессонницы, хотя она старалась скрыть их. Темный круг около глаз показывал, что она не смыкала их во всю ночь.

– Вы видите, барон, – сказала она, не дав ему времени начать разговор, – я исполняю ваше желание, но, признаюсь вам, с надеждой, что это свидание будет последнее и что вы в свою очередь исполните мою просьбу.

– Извините, виконтесса, – сказал Каноль, – но по вчерашнему вашему разговору я думал, что вы будете не так строги в ваших требованиях. Я надеялся, что взамен всего, что я делал для вас, для вас одной, потому что я вовсе не знаю принцессы Конде, вам угодно будет позволить мне по-дольше пробыть в Шантильи.

– Да, барон, признаюсь, – сказала виконтесса, – в первую минуту... смущение, неразлучное с таким затруднительным положением... огромность вашей жертвы для меня... выгоды принцессы, требовавшей, чтобы я выиграла время... могли вырвать у меня несколько слов, вовсе несогласных с моими мыслями. Но в эту долгую ночь я все обдумала: ни я, ни вы не можем оставаться долее в этом замке.

– Не можем! – повторил Каноль. – Но вы забываете, виконтесса, что все возможно тому, кто говорит именем короля.

– Милостивый государь, надеюсь, что вы поступите, как следует дворянину и не употребите во зло того положения, в которое поставила меня преданность моя принцессе Конде.

– Ах, виконтесса, – отвечал Каноль, – ведь я сумасшедший! И вы это знаете, потому что кто кроме сумасшедшего мог сделать то, что я сделал? Сжальтесь же над моим безумием, виконтесса! Не высылайте меня из Шантильи, умоляю вас!

– Так я уступлю вам место, милостивый государь. Так я против вашей воли возвращу вас к вашим обязанностям. Увидим, дерзнете ли вы удерживать меня силою, решитесь ли предать нас обоих позору. Нет, нет, нет, барон, – прибавила виконтесса голосом, который Каноль слышал в первый раз, – нет, вы почувствуете, что вам нельзя оставаться вечно в Шантильи, вы вспомните, что вас ждут в другом месте.

Это слово, блеснувшее, как молния в глазах Каноль, напомнило ему сцену в гостинице Бискалло, когда виконтесса узнала про знакомство барона с Нанноу. Тут все ему объяснилось.

Бессонница Клары происходила не от беспокойства о настоящем, а от воспоминаний о прошедшем. Решимость не видаться с Канолем была внушена ей не размышлением, а ревностью.

Тут и он, и она замолчали на минуту и безмолвно стояли друг перед другом, но в это время каждый из них слушал разговор собственных своих мыслей, которые говорили в груди при сильном биении сердца.

«Она ревнует! – думал Каноль. – Ревнует! О, теперь я все понимаю! Да! Да! Она хочет убедиться, могу ли я пожертвовать для нее всякою другою любовью. Это испытание!» В то же время она думала:

«Я служу Канолью только предметом развлечения, он встретил меня на дороге в ту минуту, как был принужден выехать из Гиенны, он преследовал меня, как путешественник бежит за блуждающим огоньком, но сердце его осталось в том домике, окруженном деревьями, куда он ехал, когда мы встретились. Мне невозможно оставаться с человеком, который любит другую, и которого я, может быть, полюблю, если еще буду видеть его. О, это значило бы не только изменить своей чести, но даже изменить принцессе: какая низость – любить агента ее гонителей!» И потом вдруг, отвечая на свою мысль, она сказала:

– Нет, нет! Вы должны ехать, барон. Уезжайте! Или я сама уеду.

– Вы забываете, виконтесса, вы дали мне слово, что не уедете отсюда, не предупредив меня.

– Так я предупреждаю вас, милостивый государь, что уезжаю из Шантильи теперь же.

– И вы думаете, что я это позволю? – спросил Каноль.

– Как! – вскричала виконтесса. – Вы решитесь остановить меня силою!

– Не знаю сам, что сделаю, знаю только, что не могу расстаться с вами.

– Так я у вас в плену?

– Я уже два раза терял вас, виконтесса, и не хочу потерять в третий.

– Так вы задержите меня?

– Задержу, если нет другого средства.

– О, – вскричала виконтесса, – какое счастье стеречь женщину, которая стонет, просится на волю, не любит нас, даже ненавидит нас!

Каноль вздрогнул и старался разгадать, где правда – в словах или в мыслях Клары.

Он понял, что настала минута, когда следовало рисковать всем.

– Виконтесса, – сказал он, – слова, которые вы сейчас произнесли таким искренним голосом, что нельзя обмануться в истинном их значении, разрешают все мои сомнения. Вы будете плакать! Вы в неволе! Я буду удерживать женщину, которая не любит меня, даже ненавидит меня! О, нет, нет! Успокойтесь, ничего этого не будет! Чувствуя невыразимое счастье при свиданиях с вами, я вообразил, что вам опасно мое присутствие, я надеялся, что за потерю спокойствия совести, будущности и, может быть, чести, вы вознаградите меня, подарив мне хоть несколько часов, которые, быть может, никогда не повторятся. Все это было возможно, если бы вы любили меня... если бы даже были равнодушны ко мне, ведь вы добры и сделали бы из сострадания то, что другая сделала бы из любви. Но я имею дело не с равнодушием, а с ненавистью, ну, это совсем другое дело, и вы совершенно правы. Простите только, виконтесса, мне то, что я не понял, как можно заслужить ненависть, когда безумно любишь! Вы должны остаться повелительницей и свободной в этом замке, как и везде, я должен удалиться и удаляюсь. Через десять минут вы будете совершенно свободны. Прощайте, виконтесса, прощайте навсегда!

И Каноль с отчаянием, которое сначала казалось притворным, а потом превратилось в настоящее и болезненное, поклонился Кларе, повернулся, искал дверь, которую никак не мог найти, и повторял «Прощайте! Прощайте!» таким жалобным голосом, что слова его, выходявшие из души, трогали душу Клары. Истинное горе имеет свой голос, как и буря.

Клара вовсе не ожидала, что Каноль будет так послушен, она собрала силы для борьбы, а не для победы и была поражена этою покорностью, смешанною с такою искреннею любовью. Когда барон брался за замок двери, он почувствовал, что рука легла на его плечо. Она останавливала его.

Он обернулся.

Клара стояла перед ним. Ее рука, грациозно протянутая, покоилась на его плече, и ее гордое выражение лица перешло в прелестную улыбку.

– Так вот каким образом вы служите королеве? – сказала она. – Вы уехали бы, хотя вам приказано оставаться здесь, предатель?

Каноль вскрикнул, упал на колени и положил горячую голову на ее руки.

– О, теперь можно умереть от радости! – прошептал он.

– Ах, не радуйтесь еще! – сказала виконтесса. – Знаете ли, зачем я вас остановила? Чтобы мы не расстались в ссоре, чтобы вы не думали, что я неблагодарна... возвратили мне добровольно мое честное слово... чтобы вы видели во мне по крайней мере преданную вам женщину, если уж политические распри мешают мне быть для вас чем-нибудь другим.

– Боже мой! – закричал Каноль. – Так я опять ошибся: вы не любите меня!

– Не будем говорить об этом, барон. Поговорим лучше об опасности, которая грозит нам обоим, если мы здесь останемся. Уезжайте или позвольте мне ехать, это непременно нужно.

– Что вы говорите?

– Я говорю правду. Оставьте меня здесь, поезжайте в Париж, скажите Мазарини, скажите королеве, что здесь случилось. Я помогу вам, сколько мне будет возможно, но уезжайте, уезжайте!

– Но я опять должен повторить вам: расстаться с вами – для меня умереть!

– Нет, нет, вы не умрете, у вас останется надежда, что в другое время, посчастливее, мы встретимся.

– Случай бросил меня на вашу дорогу, или, лучше сказать, виконтесса, случай приводил вас на мою дорогу уже два раза. Случай устанет помогать мне, и если я с вами расстанусь, то мы никогда не встретимся.

– Так я найду вас.

– О, виконтесса, позвольте умереть за вас! Что смерть? Одна минута страдания, не более! Но не просите, чтобы я опять расстался с вами. При одной мысли о разлуке сердце мое разрывается. Подумайте, я едва успел видеть вас, едва успел поговорить с вами...

– Хорошо! Если я позволю вам остаться здесь еще сегодня, если весь день вы будете видеть меня и говорить со мною, будете ли вы довольны?

– Я ничего не обещаю.

– В таком случае и я ничего не обещаю. Я обещала вам только сказать, когда я уеду. Извольте, я еду из замка через час.

– Так надобно делать все, что вам угодно? Так надобно слушаться вас во всем? Надобно отказать от самого себя и слепо идти за вашею волею? Ну, если все это нужно, извольте! Перед вами раб, приказывайте, он исполнит. Приказывайте!

Клара подала барону руку и сказала самым ласковым, самым нежным голосом:

– Возвратите мне мое честное слово, и сделаем новое условие: если с этой минуты до девяти часов вечера я не расстанусь с вами ни на секунду, уедете ли вы в девять часов?

– Клянусь, что уеду.

– Так пойдемте! Посмотрите: небо голубое! Оно обещает нам ясный день. Роса на лугах, благоухание в рощах! Пойдемте!.. Помпей!

Достопочтенный управляющий, получивший, вероятно, приказание стоять у дверей, тотчас вошел.

– Лошадей для прогулки! – сказала виконтесса гордо, разыгрывая прежнюю роль. – Я теперь поеду на пруды, а ворочусь через ферму, где буду завтракать... Вы поедете со мною, барон, – прибавила она, – провожать меня – обязанность ваша, потому что королева приказала вам не выпускать меня из виду.

Барон едва дышал от радости, он позволил вести себя, не будучи в состоянии ни думать, ни управлять собою. Он был упоен, похож на сумасшедшего. Скоро посреди прохладной рощи, где в таинственных аллеях зеленые ветви задевали за его непокрытую голову, он опять пришел в себя. Он шел пешком, сердце его сжималось от радости так же больно, как оно сжимается от печали. Он вел под руку виконтессу де Канб.

Она была бледна, молчалива и, вероятно, столько же счастлива, сколько и он.

Помпей шел сзади, так близко, что все мог видеть, и так далеко, что ничего не мог слышать.

IV

Конец этого очаровательного дня наступил, как приходит всегда конец всякого сновидения, для счастливого барона часы летели, как секунды. Однако же ему показалось, что он в один этот день собрал столько воспоминаний, сколько их нужно на три обыкновенные жизни. В каждой из аллей парка виконтесса оставила или слово, или воспоминание, взгляд, движение руки, палец, приложенный к губам – все имело свой смысл... Садясь в лодку, она пожала ему руку; выходя на берег, она опиралась на его руку; обходя стену парка, она устала и села отдыхать, и барон помнил

все эти подробности, все эти места, освещенные фантастическим светом.

Каноль не должен был расставаться с виконтессой весь день: за завтраком она пригласила его к обеду, за обедом она пригласила его к ужину.

Посреди великолепия, которое ложная принцесса должна была показать для достойного приема посланника короля, Каноль умел отличить внимание любящей женщины. Он забыл лакеев, этикет, весь свет, он даже забыл обещание свое уехать и думал, что навсегда останется в таком блаженстве.

Но когда наступил вечер, когда кончился ужин, как кончились все прочие части этого дня; когда за десертом придворная дама увела Пьерро, который все еще был переодет принцем, пользовался обстоятельствами и ел за четырех настоящих принцев; когда часы начали бить и виконтесса де Канб взглянула на них, убедилась, что они бьют десять, она сказала со вздохом:

– Ну, теперь пора!

– Что такое? – спросил Каноль, стараясь улыбнуться и отразить злое несчастье шуткой.

– Пора сдержать ваше слово.

– Ах, виконтесса! – возразил Каноль печально. – Так вы ничего не забываете?

– Может быть, и я забыла, как вы, но вот что возвратило мне память.

Она вынула из кармана письмо, которое получила в ту минуту, как садилась ужинать.

– От кого это? – спросил Каноль.

– От принцессы. Она зовет меня к себе.

– По крайней мере, это хороший предлог! Благодарю вас, что вы хоть щадите меня.

– Не обманывайте сами себя, – сказала виконтесса с печалью, которую не старалась даже скрывать. – Если бы я даже не получила этого письма, то все-таки в условленный час напомнила бы вам об отъезде, как теперь напоминаю. Неужели вы думаете, что люди, окружающие нас, могут еще прожить здесь день и не догадаться, что мы действуем заодно? Наши отношения, признайтесь сами, вовсе не похожи на отношения гонимой принцессы с ее гонителем. Но если эта разлука вам так тягостна, как вы говорите, то позвольте сказать вам, барон, что от вас зависит никогда не разлучаться со мною.

– Говорите! Говорите!

– Разве вы не догадываетесь?

– Разумеется! Очень догадываюсь! Вы хотите, чтобы я ехал с вами к принцессе?

– Она сама пишет мне про это в письме своем, – живо сказала виконтесса.

– Благодарю, что мысль эта пришла не вам в голову, благодарю за смущение, с которым вы сказали мне про это предложение. Совесть моя нимало не мешает мне служить той или другой партии, у меня нет никаких убеждений. Когда вынимаю шпагу из ножен, мне все равно, откуда посыплются на меня удары, справа или слева. Я не знаю королевы, не знаю и принцев, я независим по богатству, не честолюбив и ничего не жду ни от нее, ни от них. Я просто служу, вот и все.

– Так вы поедете за мною?

– Нет!

– Но почему же нет?

– Потому что вы перестанете уважать меня.

– Так это только останавливает вас?

– Только это, клянусь вам.

– О, так не бойтесь!

– Вы сами не верите тому, что теперь говорите, – сказал Каноль, грозя пальцем и улыбаясь. – Беглец во всяком случае предатель, первое из этих двух слов несколько поучтивее, но оба они значат одно и то же.

– Да, вы правы, – отвечала виконтесса, – и я не хочу настаивать в своей просьбе. Если бы вы не были посланы королем, я постаралась бы привлечь вас на сторону принцев, но вы доверенное лицо королевы и кардинала Мазарини, отличены благосклонностью герцога д'Эпернона, который, несмотря на мои бывшие безрассудные подозрения, особенно покровительствует вам...

Каноль покраснел.

– Не бойтесь, я не проговорюсь. Но выслушайте меня, барон. Мы расстанемся не навсегда,

поверьте мне. Когда-нибудь мы увидимся, так шепчет мне предчувствие.

– Где же? – спросил Каноль.

– Я и сама не знаю, но мы верно увидимся.

Каноль печально покачал головою.

– На это я не надеюсь, – сказал он, – война разделяет нас, да кроме войны, еще любовь.

– А нынешний день? – спросила виконтесса очаровательным голосом. – Вы считаете его за ничто?

– Только сегодня, в первый раз в моей жизни, я уверен, что я жил.

– Так видите, вы неблагодарны.

– Позвольте мне пожить еще один день.

– Нельзя, я должна ехать сегодня вечером.

– Я не прошу этого дня завтра или даже послезавтра, я прошу его у вас когда-нибудь, в будущем. Возьмите сроку, сколько вам угодно, выберите место, где вам угодно, но позвольте мне жить с уверенностью. Я буду слишком несчастлив, если буду жить только с одной надеждой.

– Куда вы теперь поедете?

– В Париж. Надобно отдать отчет...

– А потом?

– Может быть, в Бастилию.

– Но если вы не попадете туда?

– Так вернусь в Либурн, где стоит мой полк.

– А я поеду в Бордо, где должна быть принцесса. Не знаете ли вы какого-нибудь очень уединенного селения на дороге в Бордо и в Либурне?

– Знаю, оно мне почти так же дорого, как Шантильи.

– Верно, Жоне, – сказала она с улыбкой.

– Жоне, – повторил Каноль.

– До Жоне надобно ехать четыре дня. Сегодня у нас вторник. Я пробуду там все воскресенье.

– О, благодарю! Благодарю! – сказал Каноль, целуя руку, которую виконтесса не имела сил отнять.

Потом, через минуту, она сказала:

– Теперь нам остается доиграть комедию.

– Да, правда, ту комедию, которая должна покрыть меня стыдом в глазах целой Франции. Но не смею ничего сказать против этого: я сам выбрал если не роль, которую играл в комедии, то, по крайней мере, развязку.

Виконтесса потупила глаза.

– Извольте, скажите, что остается делать, – продолжал Каноль хладнокровно, – жду ваших приказаний и готов на все.

Клара была в таком волнении, что Каноль мог видеть, как поднимается бархат платья на ее груди.

– Вы приносите мне неизмеримую жертву, я это знаю, но верьте мне, я вечно буду вам за нее благодарна. Да, вы попадете в немилость из-за меня, вас будут из-за меня судить очень строго. Милостивый государь, прошу вас, презирайте все это, если вам приятно думать, что вы доставили мне счастье!

– Постараюсь, виконтесса.

– Поверьте мне, барон, – продолжала виконтесса, – видя вашу холодную грусть, я терзаюсь угрызениями совести. Другая, может быть, придумала бы вам какую-нибудь достойную награду...

При этих словах Клара стыдливо и со вздохом опустила глаза.

– Вот все, что вы хотели сказать мне? – спросил Каноль.

– Вот, – отвечала виконтесса, снимая портрет с груди и подавая Канолью, – вот мой портрет. Когда с вами приключится новая неприятность по этому несчастному делу, взгляните на этот портрет и подумайте, что вы страдаете за ту, которую он изображает, что за каждое ваше страдание платят вам сожалениями.

– Только?

– Еще уважением.

– Только?

– Воспоминанием.

– Ах, виконтесса, еще одно слово! – вскричал Каноль. – Что стоит вам вполне осчастливить меня?

Клара бросилась к барону, подала ему руку и хотела сказать: «Любовью!» Но двери растворились, и подставной начальник телохранителей явился в дверях в сопровождении неизбежного Помпея.

– В Жоне я dokonчу, – сказала виконтесса.

– Фразу или мысль?

– И то, и другое: первая вполне выражает вторую.

– Ваше высочество, – сказал подставной начальник телохранителей, – лошади готовы.

– Удивляйтесь же! – сказала Клара потихоньку Канолью.

Барон улыбнулся с состраданием к самому себе.

– Куда же вы едете? – спросил он.

– Я уезжаю.

– Но ваше высочество изволили забыть, что мне приказано не оставлять вас ни на минуту?

– Ваше поручение кончено.

– Что это значит?

– Это значит, что я не принцесса Конде, но только виконтесса де Канб, ее старшая придворная дама. Принцесса уехала вчера вечером, и я теперь отправляюсь к ее высочеству.

Каноль оставался неподвижен, ему, очевидно, не хотелось продолжать играть эту комедию при партере, состоявшем из лакеев.

Виконтесса де Канб, желая придать ему бодрости, обратила на него самый нежный взгляд. Он внулшил барону несколько отваги.

– Так меня обманули, – сказал он. – Где же его высочество герцог Энгиенский?

– Я приказала маленькому Пьерро опять идти в огород, – сказал грубый голос дамы, показавшейся в дверях.

Это говорила вдовствующая принцесса. Она стояла на пороге, ее поддерживали две дамы.

– Воротитесь в Париж, в Мант, в Сен-Жермен, одним словом, воротитесь ко двору, потому что обязанности ваши здесь кончились. Скажите королю, что те, кого преследуют, обыкновенно прибегают к хитрости, которая уничтожает силу. Однако же вы можете остаться в Шантильи, если хотите, и присматривать за мной. Но я не уехала и не уеду из замка, потому что не имею намерения бежать. Прощайте, господин барон!

Каноль покраснел от стыда, едва имел силы поклониться, и, взглянув на Клару, прошептал:

– Ах, виконтесса!

Она поняла его взгляд и восклицание.

– Позвольте мне, ваше высочество, – сказала она вдовствующей принцессе, – заменить теперь отсутствующую дочь вашу. Я хочу именем уехавших знаменитых владельцев замка Шантильи благодарить барона Канолья за уважение, которое он показал нам, и за деликатность, с которою исполнил возложенное на него поручение, – поручение весьма трудное. Смею надеяться, что ваше высочество согласны со мною и изволите присоединить вашу благодарность к моей.

Вдовствующая принцесса, тронутая этими словами, догадалась, может быть, в чем заключается тайна, и сказала ласковым голосом:

– Забываю все, что вы сделали против нас, милостивый государь, благодарю за все, что вы сделали для моего семейства.

Каноль стал на колени, и принцесса подала ему руку, которую так часто целовал Генрих IV.

Этим кончилось прощание. Канолью оставалось только уехать, как уезжала виконтесса де Канб.

Он тотчас же пошел в свою комнату и написал Мазарини самую отчаянную депешу. Это письмо должно было избавить его от первого гнева министра. Потом, не без опасения быть оскорбленным, прошел он между рядами служителей замка на крыльцо, перед которым стояла его

лошадь.

В ту минуту, как он садился, повелительный голос произнес следующие слова:

– Отдайте почтение посланному короля!

При этих словах все присутствующие сняли шляпы. Каноль поклонился перед окном, в которое смотрела принцесса, пришпорил лошадь и, гордо подняв голову, поскакал.

Касторин, потеряв место, предложенное ему Помпеем во время его ложного владычества в замке Шантильи, покорно ехал за своим господином.

V

Пора уже нам вернуться к одному из главнейших наших действующих лиц, который на добром коне скачет по большой дороге из Парижа в Бордо с пятью товарищами. Глаза их блестят при каждом звоне мешка с золотом, которое лейтенант Фергюзон везет на своем седле. Эта музыка веселит и радует путешественников, как звук барабанов и военных инструментов ободряет солдата во время трудных переходов.

– Все равно, все равно, – говорил один из товарищей, – десять тысяч ливров – славная штука!

– То есть, – прибавил Фергюзон, – это была бы бесподобная штука, если бы не была в долгу. Но она должна поставить целую роту принцессе Конде. *Nimium satis est*, как говорили древние, что значит почти: тут и многого мало. Но вот беда, мой милый Барраба, у нас нет даже этого «малого», которое соответствует «многому».

– Как дорого стоит казаться честным человеком! – сказал вдруг Ковиньяк. – Все деньги королевского сборщика податей пошли на упряжь, на платье и на шитье! Мы блесим, как вельможи, и простираем роскошь даже до того, что у нас есть кошельки, правда, в них ровно ничего нет. О, наружность!

– Говорите за нас, капитан, а не за себя, – возразил Барраба, – у вас есть кошелек и при нем кое-что, десять тысяч ливров!

– Друг мой, – сказал Ковиньяк, – ты верно не слыхал или дурно понял то, что сейчас сказал Фергюзон об обязанностях наших в отношении к принцессе Конде? Я не принадлежу к числу тех людей, которые обещают одно, а делают совсем другое. Лене отсчитал мне десять тысяч ливров с тем, чтобы я набрал ему целую роту, я наберу ее или черт возьмет меня! Но он должен заплатить мне еще сорок тысяч в тот день, как я представлю ему рекрутов. Тогда, если он не заплатит мне этих сорока тысяч ливров, мы увидим...

– На десять тысяч! – закричали четыре голоса иронически, потому что из всего отряда один Фергюзон, веривший в изумительную изобретательность капитана, был убежден, что Ковиньяк достигнет предположенной цели. – На десять тысяч вы соберете целую роту!

– Да, – сказал Ковиньяк, – если бы даже пришлось прибавить что-нибудь...

– А кто же прибавит что-нибудь?

– Уж верно, не я, – сказал Фергюзон.

– Так кто же? – спросил Барраба.

– Кто? Первый, кто нам встретится! Вот, кстати, я вижу человека там, на дороге. Вы сейчас увидите...

– Понимаю, – сказал Фергюзон.

– Только-то? – спросил Ковиньяк.

– И удивляюсь.

– Да, – сказал один из всадников, подъезжая к Ковиньяку, – да, я очень хорошо понимаю, что вы непременно хотите исполнить ваше обещание, капитан. Однако же мы верно проиграем, если будем слишком честны. Теперь имеют в нас нужду, но если завтра мы наберем роту, то ее отдадут доверенным офицерам, а нас поблагодарят, нас, которые трудились и вербовали.

– Ты глуп, как пробка, друг мой Карротель, и это я говорю тебе не в первый раз, – отвечал Ковиньяк. – Твое нелепое теперешнее рассуждение лишает тебя этого звания, которое я назначал тебе в этой роте. Ведь очевидно, что мы будем первые шесть офицеров в этой армии. Я назначил

бы тебя прямо подпоручиком, Карротель, но теперь ты будешь только сержантом. По милости этого глупца и рассуждения, которое ты сейчас слышал, Барраба, ты, ничего не говоривший, будешь подпоручиком, до тех пор, пока не повесят Фергюзона. Тогда я произведу тебя в поручики по праву старшинства. Но смотрите, не терять из виду моего первого солдата, вон он там!

– Вы знаете, кто он? – спросил Фергюзон.

– Нет.

– Он должно быть горожанин, потому что на нем черный плащ.

– Так ли?

– Посмотрите сами, ветер поднимает его.

– Если на нем черный плащ, так он верно богатый горожанин. Тем лучше: мы вербуем людей на службу принцев, и надобно, чтобы рота наша состояла из людей порядочных. Если бы мы трудились для скряги Мазарини, так все бы годилось, но для принцев – другое дело! Фергюзон, у меня есть предчувствие, что у меня будет удивительная рота.

Весь отряд пустился рысью догонять прохожего, который спокойно держался середины дороги.

Когда почтенный горожанин, ехавший на добром лошаке, увидел скачущих красивых всадников, он почтительно отъехал к боку дороги и поклонился Ковиньяку.

– Он учтив, – сказал Ковиньяк, – это уже очень хорошо. Но не умеет кланяться по-военному. Впрочем, мы его выучим.

Ковиньяк отвечал на его поклон поклоном, подъехал к нему и спросил:

– Милостивый государь, скажите нам, любите ли вы короля?

– Разумеется! – отвечал путешественник.

– Бесподобно! – вскричал Ковиньяк в восторге. – А любите ли вы королеву?

– Чрезвычайно уважаю ее.

– Чудо! А кардинала Мазарини?

– Кардинал Мазарини великий человек, и я всегда удивляюсь ему!

– Бесподобно! В таком случае, – продолжал Ковиньяк, – мы имели счастье встретить человека, совершенно преданного королю?

– Разумеется.

– И готового показать усердие?

– Во всякое время.

– Какая счастливая встреча! Только на больших дорогах случаются такие встречи!

– Что хотите вы сказать? – спросил путешественник, поглядывая с беспокойством на Ковиньяка.

– Я хочу сказать, сударь, что надобно ехать за нами.

Путешественник подскочил на седле от неожиданности, удивления и страха.

– Ехать за вами? Куда?

– Да я и сам не знаю. Туда, куда мы поедem.

– Милостивый государь, я езжу только с людьми знакомыми и известными мне.

– Это совершенно справедливо и очень благоразумно, и потому я скажу вам, кто я.

Путешественник показал рукою, что знает, кто они, но Ковиньяк продолжал, как бы не замечая его телодвижения:

– Я Ролан де Ковиньяк, капитан несуществующей еще роты, это правда, но уже достойно представляемой здесь моим поручиком Луи Габриелем Фергюзоном, подпоручиком Жоржем-Гильомом Баррабой, сержантом моим Зефирином Карротелем и этими двумя господами, из которых один у меня ефрейтором, а другой квартирмейстером. Теперь вы знаете нас, милостивый государь, – прибавил Ковиньяк с приятною улыбкою, – и смею надеяться, верно не почувствуете антипатии к нам.

– Но, милостивый государь, я уж служил королю в городской милиции и очень аккуратно уплачиваю подати, налоги, пошлины и прочее, – отвечал озадаченный путешественник.

– Поэтому-то, – возразил Ковиньяк, – я приглашаю вас на службу не к королю, а к принцам. Вы видите здесь представителя их.

- На службу принцев, врагов короля! – вскричал горожанин, еще более удивленный. – Так зачем же спрашивали вы меня, люблю ли я короля?
- Потому что я не посмел бы беспокоить вас, если бы вы не любили короля, порицали королеву, ругали Мазарини. В таком случае я считал бы вас за брата...
- Но, позвольте, милостивый государь, ведь я не невольник, не пленный!
- Точно так, сударь, но вы солдат, то есть очень легко можете выбраться в капитаны, как я, или в маршалы Франции, как Тюрен.
- Милостивый государь, мне часто приходилось судиться.
- Тем хуже, сударь, тем хуже. Привычка тягаться – самая дурная из всех привычек. У меня никогда не было тяжб, может быть потому, что я учился и готовился в адвокаты.
- Но тягаясь, я изучил законы Франции.
- А это дело нелегкое. Вы знаете, что между Юстиниановыми пандектами и последним парламентским решением, постановившим по случаю смерти маршала д'Анкра, что иностранец никогда не может быть министром во Франции, существуют восемнадцать тысяч семьсот семьдесят законов, не считая королевских приказаний. Но, впрочем, бывают люди с удивительною памятью, Пико де ла Мирандола говорил на двенадцати языках, когда ему было только восемнадцать лет. А какую пользу извлекли вы из знания законов, милостивый государь?
- Какую? А ту, что на большой дороге не забирают людей без особенного дозволения.
- Оно есть у меня. Посмотрите!
- От принцессы?
- От ее высочества.
- И Ковиньяк почтительно поднял шляпу.
- Стало быть, во Франции два короля? – вскричал несчастный путешественник.
- Точно так, сударь. Вот почему я имел честь просить вас предпочесть моего и почитаю обязанностью пригласить вас на его службу.
- Милостивый государь, я принесу жалобу парламенту!
- Парламент – третий король, это правда, и вам, вероятно, придется служить и ему. Наша политика чрезвычайно обширна. Извольте идти, сударь!
- Но я не могу идти с вами, милостивый государь, меня ждут по делам.
- Где?
- В Орлеане.
- Кто ждет?
- Мой прокурор.
- Зачем?
- По денежному делу.
- Первое дело – служба Франции!
- Но разве нельзя обойтись без меня?
- Мы надеялись на вас! Неужели вы измените нам? Но если, как вы изволите говорить, вы отправляетесь в Орлеан по денежному делу...
- Да, точно.
- В какую сумму дело?
- В четыре тысячи ливров.
- Которые вам следует получить?
- Нет, заплатить.
- Вашему прокурору?
- Именно ему.
- За выигранную тяжбу?
- Нет, за проигранную.
- А, это обстоятельство можно принять в уважение... Четыре тысячи ливров! Такую именно сумму вы должны были бы заплатить, если бы принцы согласились взять вместо вас подставного рекрута.
- Вот еще! Да я найду охотника за сто экю!

– Такого рекрута, как вы, который бы ездил на лошаке, как на лошади, как вы, который знал бы восемнадцать тысяч семьсот семьдесят законов! Не может быть! За обыкновенного человека, разумеется, очень довольно и ста экю, но если бы мы довольствовались обыкновенными людьми, так не стоило бы вступать в соперничество с кардиналом Мазарини. Нет, нам нужны люди вашего достоинства, вашего звания, вашего роста. Черт возьми! Зачем вы так мало цените себя! Мне кажется, вы очень стоите четырех тысяч ливров.

– Вижу, к чему вы подбираетесь! – вскричал путешественник. – Вы хотите обокрасть меня с оружием в руках!

– Милостивый государь, вы оскорбляете нас, – возразил Ковиньяк, – и мы с вас живого содрали бы кожу, если бы не боялись повредить доброй славе армии принцев. Нет, милостивый государь, отдайте нам ваши четыре тысячи ливров, но не думайте, чтобы это была взятка, нет, это необходимость.

– Так кто же заплатит моему прокурору?

– Мы.

– А доставите ли мне квитанцию?

– Как следует, по форме.

– Им подписанную?

– Разумеется.

– Ну, это другое дело.

– Видите ли! Что ж, согласны?

– Поневоле согласишься, когда нельзя сделать иначе.

– Теперь дайте мне адрес прокурора и кое-какие необходимые сведения.

– Я сказал, что уплачиваю деньги по судебному приговору.

– Кому?

– Трактирщику Бискарро. Он взыскивал с меня эти деньги, как наследство после жены, которая была из нашего Орлеана.

– Осторожнее! – прошептал Фергюзон.

Ковиньяк мигнул, что значило: не бойся, я уже все обдумал.

– Бискарро! – повторил Ковиньяк. – Кажется, гостиница его около Либуерна?

– Точно так, между Либурном и Кюбзаком.

– Под вывескою «Золотого Тельца»?

– Да, да, вы знаете его?

– Немножко.

– Мерзавец! Тянет с меня деньги...

– Которых вы ему не должны?

– Должен... Но надеялся не заплатить их.

– Понимаю, это очень неприятно.

– О, уверяю вас, что мне было бы гораздо приятнее видеть эти деньги в ваших руках, чем в его.

– Ну, так вы будете довольны.

– А квитанция?

– Поезжайте с нами, так получите ее.

– Но как вы ее добудете?

– Это уж мое дело.

Поехали к Орлеану, куда и прибыли через два часа. Путешественник привел вербовщиков в гостиницу, которая находилась поближе к прокурору. То была предryanная харчевня под вывескою «Голубка».

– Теперь, – спросил путешественник, – что нам делать? Мне бы очень не хотелось выдавать моих четырех тысяч прежде получения расписки.

– Пожалуй, извольте. Знаете ли вы руку прокурора?

– Как не знать!

– Если мы принесем расписку от него, вы без затруднения отдадите нам деньги?

– Тотчас отдам! Но без денег мой прокурор не даст расписки. Я его знаю.

– Я заплачу ему эту сумму, – сказал Ковиньяк.

И в ту же минуту вынул из мешка четыре тысячи ливров, две тысячи луидорами и две тысячи полупистоллями, и разложил их кучками перед глазами удивленного горожанина.

– Как зовут вашего прокурора? – спросил он.

– Рабоден.

– Возьмите перо и пишите.

Горожанин взял перо.

«Господин Рабоден!

Посылаю вам четыре тысячи ливров, которые по приговору суда обязан я заплатить трактирщику Бискарро, и думаю, что он намерен употребить их на дурное дело. Сделайте одолжение, снабдите сего посланного надлежащею форменною квитанциею».

– А потом? – спросил путешественник.

– Поставьте число и подпишите.

Тот подписал.

– Ну, Фергюзон, – сказал Ковиньяк, – возьми это письмо и деньги, переоденься мельником и ступай поскорей к прокурору.

– Зачем?

– Отдай ему деньги и возьми с него расписку.

– Только-то?

– Да.

– Я что-то не понимаю.

– Тем лучше. Ты исправнее исполнишь поручение.

Фергюзон питал безграничное доверие к своему капитану и без возражений пошел к дверям.

– Дайте нам вина, самого лучшего, – сказал Ковиньяк, – нашему новому товарищу, верно, хочется выпить.

Фергюзон поклонился и вышел. Через полчаса он воротился и застал капитана и путешественника за столом. Оба они потягивали знаменитое орлеанское вино, которое услаждало гасконский вкус Генриха IV.

– Что? – спросил Ковиньяк.

– Вот квитанция.

– Так ли?

И Ковиньяк передал путешественнику гербовую бумагу.

– Именно то!

– Квитанция писана по форме?

– Совершенно.

– Так вы можете, основываясь на этой квитанции, отдать мне ваши деньги.

– Могу.

– Так пожалуйста.

Путешественник отсчитал четыре тысячи ливров. Ковиньяк положил их в свой мешок, заменив ими отсутствовавшие деньги.

– И этими деньгами я откупился? – спросил гость.

– Да, разумеется, если вы не набиваетесь в службу.

– Не то, но...

– Что же? Говорите! У меня есть предчувствие, что мы не разойдемся, не устроив другого дела.

– Очень может быть, – отвечал гость, совершенно успокоившийся после получения квитанции. – Видите ли, у меня есть племянник...

– Ага, вот что!

– Малый грубый и беспокойный.

– И вы хотели бы избавиться от него?

– Нет, нет... но думаю, что из него вышел бы превосходный солдат.

– Пришлите мне его, я сделаю из него героя.
– Так вы примете его?
– С величайшей радостью.
– У меня также есть и крестник, за воспитание которого я плачу очень значительную сумму.
– Вы хотите и ему дать в руки мушкет? Дело! Пришлите мне крестника с племянником, это будет стоить вам только пятьсот ливров за обоих, не больше.
– Пятьсот ливров! Я вас не понимаю.
– Да ведь платят при вступлении.
– Так как же вы хотите заставить меня заплатить за то, чтобы не вступать на службу?
– Это совсем другое дело! Ваш племянник и ваш крестник заплатят каждый по двести пятидесяти ливров и вы о них уже никогда не услышите.
– Черт возьми! Ваше обещание очень соблазнительно! А им будет хорошо?
– То есть, если они попробуют послужить под моим начальством, то не захотят быть китайскими мандаринами. Спросите у этих господ, как я их кормлю. Отвечайте, Барраба, Карротель.
– Действительно, – сказал Барраба, – мы живем, как вельможи.
– А как они одеты! Посмотрите.
Карротель повернулся и показал свое великолепное платье со всех сторон.
– Да, – сказал путешественник, – платья нельзя похвалить.
– Так вы пришлете мне ваших молодцов?
– Да, хочется! Вы долго пробудете здесь?
– Нет, недолго, уедем завтра утром, но поедем шагом, чтобы они могли догнать нас. Дайте нам пятьсот ливров, и дело будет покончено.
– Со мною только двести пятьдесят.
– Вы отдадите им остальные двести пятьдесят, и под предлогом доставки этой суммы пришлите их ко мне. А иначе, если у вас не будет предложения, они, пожалуй, догадаются.
– Но, – сказал гость, – они, может быть, возразят мне, что одного человека достаточно на исполнение такого поручения.
– Скажите им, что на дорогах грабят и дайте каждому из них двадцать пять ливров в счет жалованья.
Гость смотрел на Ковиньяка с изумлением.
– Право, – сказал он, – только военных людей не останавливают никакие препятствия.
И отсчитав двести пятьдесят ливров Ковиньяку, он вышел, в восторге, что за такую малую сумму мог пристроить племянника и крестника, которых содержание стоило ему более ста пистолей в год.

VI

– Теперь, Барраба, – сказал Ковиньяк, – нет ли у тебя в чемодане какого-нибудь платья попроще, в котором ты был бы похож на фискала?
– У меня осталось платье того сборщика податей, которого мы, вы знаете...
– Хорошо, очень хорошо, и у тебя, верно, его бумаги?
– Лейтенант Фергюзон приказал мне беречь их, и я берег их, как глаз свой.
– Лейтенант Фергюзон удивительный человек! Оденься сборщиком и захвати его бумаги.
Барраба вышел и через десять минут явился совершенно переодетым.
Он увидел Ковиньяка в черном платье, похожего как две капли воды на приказного.
Оба они отправились к дому прокурора. Господин Рабоден жил в третьем этаже. Квартира его состояла из кабинета, рабочей комнаты и передней. Вероятно, были и еще комнаты, но они не открывались для клиентов, и потому мы не говорим о них.
Ковиньяк прошел переднюю, оставил Баррабу в рабочей комнате, бросив внимательный взгляд на двух писцов, которые делали вид, что пишут, а между тем играли, и вошел в кабинет.
Рабоден сидел перед столом, до того заваленный делами, что действительно исчезал в отношениях, копиях и приговорах. То был человек высокого роста, сухой и желтый, в черном узком

платье. Услышав шум шагов Ковиньяка, он выпрямился, поднял голову, и она показалась из-за груды бумаг.

Ковиньяк думал, что встретил василиска, создание, считаемое новейшими писателями баснословным: так маленькие глаза прокурора блистали огнем скупости и жадности.

– Милостивый государь, – сказал Ковиньяк, – извините, что я вошел к вам без доклада, но – прибавил он, улыбаясь как можно приятнее, – это привилегия моей должности.

– Привилегия вашей должности? – спросил Рабоден. – А что это за должность? Позвольте узнать.

– Я уголовный пристав.

– Вы пристав?

– Точно так, сударь.

– Я вас не понимаю.

– Сейчас изволите понять. Вы знаете господина Бискалло?

– Знаю, он мой клиент.

– Что вы о нем думаете?

– Что я думаю?

– Да-с.

– Думаю... думаю, что он хороший человек.

– Так вы ошибаетесь.

– Как ошибаюсь?

– Ваш хороший человек – преступник.

– Преступник!

– Да, милостивый государь, преступник. Он воспользовался уединенным положением своей гостиницы и давал приют злонамеренным людям.

– Не может быть!

– Он взялся известить короля, королеву и кардинала Мазарини, если они случайно останутся в гостинице.

– Возможно ли!

– Я арестовал его и отвез в Либурнскую тюрьму. Его обвиняют в измене отечеству.

– Милостивый государь, вы поразили меня! – вскричал прокурор, опускаясь в кресло.

– Но вот что еще хуже, – продолжал ложный пристав, – вы замешаны в это дело.

– Я! – вскричал прокурор, и лицо его из желтого стало зеленоватым.

– Я замешан! Как так?

– У вас в руках сумма, которую преступник Бискалло назначал на содержание армии бунтовщиков.

– Правда, я получил для передачи ему...

– Четыре тысячи ливров. Его пытали посредством башмаков, и при восьмом ударе трус сознался, что деньги хранятся у вас.

– Да, деньги точно у меня, но я получил их назад тому с час, не более.

– Тем хуже, сударь, тем хуже!

– Почему же?

– Потому что я должен задержать вас.

– Меня!

– Разумеется: в обвинительном акте вы означены в числе сообщников.

Прокурор совсем позеленел.

– Если бы вы не принимали этих денег, – продолжал Ковиньяк, – то было бы совсем другое дело. Но вы приняли их, и они служат уликою, понимаете?

– Но если я отдам их вам, если отдам их сейчас, если объявлю, что не имею никаких сношений с подлецом Бискалло, если откажусь от знакомства с ним...

– Все-таки вы останетесь в сильном подозрении. Однако же безостановочная выдача денег, может быть...

– Сию секунду отдам их, – отвечал прокурор. – Деньги тут, и в том самом мешке, в котором

мне их принесли. Я только пересчитал их.

– И все тут?

– Извольте сами сосчитать, милостивый государь.

– Это не мое дело, сударь, я не имею права дотрагиваться до конфискованных сумм. Но со мною Либурнский сборщик податей. Он прикомандирован ко мне для принятия денег, которые несчастный Бискалло хранил в разных местах, чтобы потом собрать их, если того потребует необходимость.

– Правда, он меня очень просил немедленно переслать ему деньги, тотчас по получении их.

– Видите ли, он уже верно знает, что принцесса Конде бежала из Шантильи и едет теперь в Бордо. Он собирает все свои средства, чтобы составить себе партию. Мерзавец! А вы ничего не знали?

– Ничего, ничего!

– Никто не предупреждал вас?

– Никто!

– Что вы мне говорите! – сказал Ковиньяк, указывая пальцем на письмо путешественника, которое лежало развернутое на столе между разными другими бумагами. – Вы сами доставляете мне доказательство противного.

– Какое доказательство?

– Прочтите письмо.

Прокурор прочел дрожащим голосом:

«Господин Рабоден!

Посылаю вам четыре тысячи ливров, которые по приговору суда обязан я заплатить трактирщику Бискалло, и думаю, что он намерен употребить их на дурное дело. Сделайте одолжение, снабдите сего посланного надлежащею форменною квитанцией».

– Видите, тут говорится о преступных замыслах, – повторил Ковиньяк, – стало быть, слухи о преступлении вашего клиента дошли даже сюда.

– Я погиб! – сказал прокурор.

– Не могу скрыть от вас, что мне даны самые строгие приказания, – сказал Ковиньяк.

– Клянусь вам, что я невиновен!

– Бискалло говорил то же самое до тех пор, пока его не принялись пытать. Только при пятом ударе он начал признаваться.

– Говорю вам, милостивый государь, что я готов вручить вам деньги. Вот они, возьмите их!

– Надобно действовать по форме, – сказал Ковиньяк. – Я уже сказал, что мне не дано позволения получать деньги, следующие в королевскую казну.

Он подошел к двери и прибавил:

– Войдите сюда, господин сборщик податей, и принимайтесь за дело.

Барраба вошел.

– Господин прокурор во всем признался, – продолжал Ковиньяк.

– Как! Я во всем признался! Что такое?

– Да, вы признались, что вели переписку с трактирщиком Бискалло?

– Помилуйте, я всего-то получил от него два письма и написал ему одно.

– Вы сознались, что хранили его деньги.

– Вот они. Я получил для передачи ему только четыре тысячи ливров и готов отдать их вам.

– Господин сборщик, – сказал Ковиньяк, – покажите ваш паспорт, сосчитайте деньги и выдайте квитанцию.

Барраба подал ему паспорт сборщика податей, но прокурор, не желая оскорбить его, даже не взглянул на бумагу.

– Теперь, – сказал Ковиньяк, пока Барраба пересчитывал деньги, – теперь вы должны идти за мной.

– За вами!

– Да, ведь я вам уже сказал, что вас подозревают.

– Но клянусь вам, что я самый верный из всех подданных короля!

- Да ведь мало ли что можно говорить. И вы очень хорошо знаете, что в суде требуются не слов, а доказательства.
- Могу дать и доказательства.
- Какие?
- Вся мою прежнюю жизнь.
- Этого мало: надобно обеспечить будущее.
- Скажите, что я должен сделать? Я сделаю...
- Вы бы могли доказать вашу преданность королю самым неотразимым образом.
- Как же?
- Теперь здесь, в Орлеане, один капитан, короткий мой знакомый, набирает роту для его величества.
- Так что же?
- Вступите в эту роту.
- Помилуйте! Я приказный...
- Королю очень нужны приказные, потому что дела чрезвычайно запутаны.
- Я охотно пошел бы на службу, но мне мешает вот эта моя контора.
- Поручите ее вашим писцам.
- Невозможно. Кто же за меня будет подписывать?
- Извините, милостивые государи, если я вмешуюсь в разговор ваш, – сказал Барраба.
- Помилуйте, извольте говорить! – вскричал прокурор. – Сделайте одолжение, говорите!
- Мне кажется, что вы будете преплохой солдат...
- Да, преплохой, – подтвердил прокурор.
- Так не лучше ли вам вместо себя отдать ваших писцов на службу...
- Очень рад! Чрезвычайно рад! – закричал прокурор. – Пусть друг ваш возьмет их обоих, я охотно отдаю вам их, они премилые мальчики.
- Один из них показался мне ребенком.
- Уж ему пятнадцать лет, сударь, да, пятнадцать лет! И притом он удивительно хорошо играет на барабане! Поди сюда, Фрикотин!
- Ковиньяк махнул рукою, показывая, что желает оставить Фрикотина на прежнем его месте.
- А другой? – спросил он.
- Другому восемнадцать лет, сударь, рост пять футов шесть дюймов. Он хотел быть швейцаром в капелле и, стало быть, умеет уже владеть алебардой. Поди сюда, Шалюмо.
- Но он страшно крив, кажется мне, – заметил Ковиньяк, повторяя прежний жест рукою.
- Тем лучше, милостивый государь, тем лучше, вы будете ставить его на передовые посты и он будет разом смотреть направо и налево, между тем как другие видят только прямо.
- Это очень выгодно, согласен, но вы понимаете, теперь казна истощена, тяжба пушечная стоит еще дороже, чем бумажная. Король не может принять на себя обмундировку этих двух молодцов, довольно того, что казна их научит и будет содержать.
- Милостивый государь, – сказал прокурор, – если только это нужно для доказательства моей преданности королю... Так я решусь на жертвование.
- Ковиньяк и Барраба перемигнулись.
- Что думаете вы? – спросил Ковиньяк у товарища.
- Кажется мне, что господин прокурор действует откровенно, – ответил подставной сборщик.
- И, стало быть, надобно поберечь его. Дайте ему квитанцию в пятьсот ливров.
- Пятьсот ливров!
- Квитанцию с объяснением, что эти деньги пожертвованы господином прокурором на обмундировку двух солдат, которых он приносит в дар королю, чтобы показать их усердие и преданность.
- По крайней мере, после такого жертвования, останусь ли я спокоен?
- Думаю.
- Меня не станут беспокоить?

- Надеюсь.
  - А если потребуют меня к суду?
  - Тогда вы сошлетесь на меня. Но ваши писцы согласятся ли идти в солдаты?
  - Будут очень рады.
  - Вы уверены?
  - Да. Однако же лучше бы не говорить им...
  - О чести, которая предстоит им?
  - Это было бы благоразумнее.
  - Так что же делать?
  - Дело самое простое: я отошлю их к вашему другу. Как зовут его?
  - Капитан Ковиньяк.
  - Я отошлю их к вашему капитану Ковиньяку под каким-нибудь предлогом. Лучше было бы, если бы я мог послать их за город, чтобы не случилось какого-нибудь шума.
  - Пожалуй, дело!
  - Так я вышлю их за город.
  - На большую дорогу из Орлеана в Тур.
  - В ближайшую гостиницу.
  - Хорошо. Они встретят там капитана Ковиньяка, он предложит им по стакану вина, они согласятся, он предложит выпить за здоровье короля, они выпьют, и вот они солдаты.
  - Бесподобно, теперь надобно позвать их.
- Прокурор позвал обоих писцов.
- Фрикотин был прекрошечный человек, живой, ловкий и толстенький. Шалюмо был высокий дурак, тонкий, как спаржа, и красный, как морковь.
- Милостивые государи, – сказал им Ковиньяк, – прокурор ваш дает вам тайное и важное поручение: завтра утром вы поедете в первую гостиницу по дороге из Орлеана в Блуа и возьмете там бумаги, относящиеся к тяжбе капитана Ковиньяка с герцогом Ларошфуко. Прокурор даст каждому из вас по двадцати пяти ливров в награду.
- Доверчивый Фрикотин подпрыгнул от радости. Шалюмо, бывший поосторожнее товарища, взглянул на прокурора и на Ковиньяка с выражением крайней недоверчивости.
- Позвольте, – сказал прокурор, – погодите, я еще не обещал этих пятидесяти ливров.
- А эту сумму, – продолжал Ковиньяк, – прокурор получит от процесса капитана Ковиньяка с герцогом де Ларошфуко.
- Прокурор опустил голову. Он был пойман, следовало или повиноваться, или идти в тюрьму.
- Хорошо, – сказал он, – я согласен, но надеюсь, что вы дадите мне квитанцию.
- Вот она, – отвечал сборщик податей, – изволите видеть, я предупредил ваше желание.
- Он подал ему бумагу, на которой были написаны следующие строки:
- «Получено от господина Рабодена пятьсот ливров, добровольное приношение королю против принцев».
- Если вы непременно хотите, так я внесу в квитанцию и обоих писцов.
- Нет, нет, она и так очень хороша.
- Кстати, – сказал Ковиньяк прокурору, – велите Фрикотину захватить барабан, а Шалюмо – алебарду. Все-таки лучше, не надобно будет покупать этих вещей.
- Но под каким предлогом могу я дать им такое приказание?
- Под предлогом, чтоб им было веселее в дороге.
- Ложный пристав и ложный сборщик податей ушли. Прокурор остался один. С ужасом вспоминал он об угрожавшей опасности и радовался, что отделался от нее так дешево.
- На другой день все случилось, как желал Ковиньяк. Племянник и крестник приехали на одной лошади, за ними явились Фрикотин и Шалюмо, первый с барабаном, второй с алебардой. Когда им сказали, что они имеют честь поступать на службу принцев, они несколько поупрямились, но препятствия были устранены угрозами Ковиньяка, обещаниями Фергюзона и убеждениями Баррабы.
- Лошадь племянника и крестника назначили на перевозку багажа, а так как Ковиньяк набирал

пехотную роту, то они не могли возражать.

Отправились в путь. Шествие Ковиньяка походило на триумф. Оборотливый партизан нашел средство увлечь самых упорных поклонников мира на войну. Иных он вербовал именем короля, других именем принцев, иные думали, что служат парламенту, иные воображали, что будут содействовать королю английскому, который намеревался выйти на берег в Шотландии. Сначала существовало некоторое различие в мнениях и требованиях, которые потом примирял лейтенант Фергюзон. Но при помощи постоянной тайны (которая была, как уверял Ковиньяк, необходима для успеха предприятия) все шли вперед, солдаты и офицеры, сами не зная, что будут делать. В четыре дня, по выезде из Шантильи, Ковиньяк набрал двадцать пять человек, что составляло уже препорядочный отряд.

Ковиньяк искал центра для своих действий. Приехал в сельцо между Шательро и Пуатье, и ему показалось, что он нашел желаемое место. Сельцо называлось Жоне, Ковиньяк вспомнил, что был тут один раз вечером, когда привез приказание герцога д'Эпернона Каноллю, и основал главную квартиру в гостинице, потому что тут накормили его порядочно. Впрочем, и выбрать было не из чего: мы уже сказали, что в Жоне только одна гостиница.

Утвердившись таким образом на большой дороге из Парижа в Бордо, Ковиньяк имел за собою войска герцога Ларошфуко, осаждавшего Сомюр, а перед собою войска короля, собиравшиеся в Гиенне. Он мог подать руку тем или другим, и до случая не хотел приставать ни к той, ни к другой партии. А до тех пор ему нужно было набрать человек сто, из которых он мог бы извлечь пользу. Набор шел удачно, и Ковиньяк совершил уже почти половину подвига.

Один раз Ковиньяк, употребив все утро на охоту за людьми, сидел по обыкновению у ворот гостиницы и разговаривал со своим лейтенантом. Вдруг увидел он на конце улицы молоденькую даму верхом. За нею ехал конюх и два навьюченных лошака.

Легкость, с которою хорошенькая амазонка управляла своею лошадию, неподвижность и гордость конюха напомнили что-то Ковиньяку. Он положил руку на плечо Фергюзона, который в этот день был не в духе, и сказал ему, указывая на амазонку:

– Вот пятидесятый солдат моего полка, или я умру!

– Кто? Эта дама?

– Да, она!

– Да что ж это такое? У нас есть племянник и крестник, готовившиеся в адвокаты, два писца прокурора, два лавочника, доктор, три хлебника и два пастуха. Кажется, довольно негодных солдат, а вы хотите прибавить к ним еще женщину... Ведь придется когда-нибудь идти на войну!

– Да, но мое состояние не превышает еще двадцати пяти тысяч ливров (читатель видит, что состояние Ковиньяка увеличивалось подобно его отряду). Если бы можно было добраться до круглого счета, до тридцати тысяч, так, думаю, это было бы не худо.

– А! Если смотреть на дело с этой стороны, так вы совершенно правы.

– Молчи! Ты сейчас увидишь!

Ковиньяк подошел к амазонке, которая остановилась перед окном и разговаривала с трактирщицей, которая отвечала из комнаты.

– Ваш слуга, милостивый государь, – сказал он, ловко приподнимая шляпу.

– Вы меня величаете милостивым государем? – спросила дама с улыбкой.

– Именно вас, прелестный виконт.

Дама покраснела.

– Я вас не понимаю, – возразила она.

– Очень хорошо понимаете, потому что покраснели до ушей.

– Уверяю вас, сударь, вы ошибаетесь.

– О, нет, нет! Я очень хорошо знаю, что говорю.

– Перестаньте шутить, прошу вас.

– Я не шучу, виконт, и вот вам доказательства. Назад три недели я имел честь встретить вас в мужском платье на берегах Дордони в сопровождении верного вашего Помпея. Господин Помпей все еще служит у вас? А, вот и он сам! Уж не скажете ли вы, что я не знаю и доброго господина Помпея.

Помпей и дама посмотрели друг на друга с изумлением.

– Да, да, – продолжал Ковиньяк, – это удивляет вас, прелестный виконт, но вы не осмелитесь сказать, что я встретил не вас близ гостиницы Бискалло.

– Правда, мы там встретились.

– Извольте видеть!

– Только тогда я была переодета.

– Нет, нет, вы теперь переодеты. Впрочем, я понимаю дело: приметы виконта де Канб разосланы по всей Гиенне, и вы считаете благоразумным, чтобы не возбудить подозрения, носить женский костюм, который, если говорить правду, чрезвычайно вам к лицу.

– Милостивый государь, – сказала виконтесса с замешательством, которое тщетно старалась скрыть, – если бы в вашем разговоре не было нескольких разумных слов, я подумала бы, что вы сумасшедший.

– Я не скажу вам того же, и переодеваться – дело очень благоразумное, когда вступаешь в заговор.

Дама посмотрела на Ковиньяка еще с большим беспокойством.

– В самом деле, – сказала она, – мне кажется, что я вас видела где-то, но никак не могу вспомнить...

– В первый раз вы меня видели, как я уже сказал вам, на берегах Дордони.

– А во второй?

– В Шантильи.

– В день травли?

– Именно так.

– Так мне нечего бояться вас, милостивый государь, вы нашей партии.

– Почему же?

– Потому что были в гостях у принцессы.

– Позвольте заметить, что это ничего не значит...

– Однако же...

– Там было так много народа, что не может быть, чтобы все одни друзья.

– Берегитесь, я дурно о вас подумаю.

– Думайте, что угодно, я не рассержусь.

– Но что же вам угодно?

– Хочу, если вы позволите, принять вас в этой гостинице.

– Благодарю вас, сударь, потому что не имею в вас нужды. Я жду здесь одного знакомого.

– Прекрасно! Извольте сойти с лошади и до приезда ожидаемого гостя мы поговорим.

– Как прикажете? – спросил Помпей у виконтессы.

– Спроси комнату, и вели готовить ужин, – отвечал ему Ковиньяк.

– Позвольте, милостивый государь, кажется, я должна здесь распоряжаться.

– Это еще неизвестно, виконт, ведь я начальник в Жоне и у меня пятьдесят человек солдат.

Помпей, скорее готовить ужин!

Помпей повиновался.

– Так вы арестуете меня, милостивый государь? – спросила дама.

– Может быть.

– Что это значит?

– Да, это зависит от будущего нашего разговора. Но извольте же сойти с лошади, виконт, вот так... Позвольте предложить вам руку... Трактирный слуга отведет вашу лошадь в конюшню.

– Я повинуюсь вам, сударь, потому что вы сильнее, как вы сами сказали. Я не имею никаких средств сопротивляться, но предупреждаю вас, что тот, кого я жду, офицер короля.

– В таком случае, виконт, вы представите меня ему, я буду очень рад познакомиться с ним.

Виконтесса поняла, что сопротивляться нельзя, и пошла вперед, показав странному своему товарищу, что он может идти за нею.

Ковиньяк проводил ее до дверей комнаты, приготовленной Помпеем, и хотел уже сам войти туда, как вдруг Фергюзон, взбежав поспешно по лестнице, сказал ему на ухо:

– Капитан! Карета тройкою... В ней молодой человек, замаскированный... У дверец два лакея.

– Хорошо, – отвечал Ковиньяк, – это, верно, ожидаемый гость.

– А, здесь ждут гостя?

– Да, и я пойду встречу его. А ты оставайся здесь, в коридоре. Не спускай глаз с двери: войти могут все, и никого не выпускай.

– Будет исполнено.

Дорожная карета остановилась у гостиницы. Ее провожали четыре человека из роты Ковиньяка, они встретили путешественника на дороге и принялись провожать его.

Молодой человек, одетый в голубое бархатное платье и закутанный в меховой плащ, лежал в карете. Когда вооруженные люди окружили его, он беспрестанно предлагал им вопросы, но, не получая ответа и видя, что ничего не добьется, он решил ждать. Иногда только он приподнимал голову и смотрел, не является ли какой-нибудь начальник, у которого он мог бы спросить о странном поведении этих людей.

Впрочем, нельзя определить, какое впечатление произвел на молодого путешественника этот случай: лицо юноши было прикрыто, по тогдашней моде, черною шелковою маскою, которая в то время называлась волком. Впрочем, те части лица, которые выказывались из-под маски, то есть верх лба и подбородок, были прекрасны и показывали молодость, красоту и ум, зубы были маленькие и белые, и глаза блистали сквозь отверстия маски.

Два огромных лакея, бледные и испуганные, хотя у каждого из них было по мушкету, ехали возле кареты. Картина могла бы представлять сцену разбойников, останавливающих путешественника, если бы все это происходило не днем, не возле гостиницы, без веселой фигуры Ковиньяка и спокойных лиц ложных разбойников.

Увидав Ковиньяка, который вышел из гостиницы после разговора с Фергюзоном, молодой путешественник вскрикнул и живо поднял руку к лицу, как бы желая убедиться, что маска все еще у него на лице. Потом, ощутив маску, он несколько успокоился.

Хотя его движение было едва заметно, однако же оно не ускользнуло от внимания Ковиньяка. Он посмотрел на путешественника, как человек, привыкший разбирать приметы; потом невольно вздрогнул, но скоро оправился, очень приветливо снял шляпу и сказал:

– Добро пожаловать, сударыня.

Путешественник еще более изумился.

– Куда вы едете? – спросил Ковиньяк.

– Куда я еду? – повторил путешественник, как будто не заметив слова сударыня. – Куда я еду? Вы должны знать это лучше меня, если мне нельзя ехать, куда я хочу. Я еду, куда вы меня повезете.

Ковиньяк отвечал:

– Позвольте заметить вам, милостивая государыня, что это не ответ. Ваш арест продолжится несколько минут. Когда мы потолкуем немного о наших общих делишках с открытыми лицами и сердцами, вам позволено будет ехать далее.

– Извините, – сказал путешественник, – прежде всего позвольте мне поправить одну вашу ошибку. Вы принимаете меня за женщину, между тем как видите по платью, что я мужчина.

– Вы, верно, знаете латинскую пословицу: *Ne nimium crede colori*. Умный не судит по наружности, а я стараюсь казаться умным. Из всего этого выходит, что под вашим ложным костюмом я узнал...

– Кого? – спросил путешественник со страхом.

– Я уже сказал вам, даму.

– Но если я женщина, зачем арестуете меня?

– Э, потому что в наше время женщины гораздо опаснее мужчин. Ведь наша война могла бы, по-настоящему, называться женскою войною. Королева и принцесса Конде – две высшие власти, ведущие войну. Они назначили генерал-лейтенантами герцогиню де Шеврез, герцогиню де Монбазон, герцогиню де Лонгвиль... и вас. Герцогиня де Шеврез генерал коадьютора, герцогиня Монбазон генерал принца Бофора, герцогиня де Шеврез генерал герцога де Ларошфуко, а вы... вы,

кажется мне, генерал герцога д'Эпернона.

– Вы с ума сошли! – прошептал молодой человек, пожимая плечами.

– Я вам не поверю, сударыня, так же, как не верил сейчас одному молодому человеку, который говорил мне то же самое.

– Вы, может быть, уверяли ее, что она мужчина?

– Именно так. Я узнал молодого человека, потому что видел его около гостиницы Бискалло, и теперь не обманулся его юбками, чепчиками и тоненьким голоском, точно так, как меня не обманут ваш синий кафтан, серая шляпа и сапоги с кружевами. Я сказал ему: «Друг мой, называйтесь как хотите, одевайтесь как угодно, говорите каким хотите голосом, вы все-таки не иное что, как виконт де Канб».

– Де Канб! – вскричал путешественник.

– Ага! Имя это поражает вас! Вы, может быть, как-нибудь знаете его!

– Он очень молод? Почти ребенок?

– Лет семнадцать или восемнадцать, не более.

– Белокурый?

– Да.

– С голубыми глазами?

– Да.

– Он здесь?

– Вот тут.

– И вы говорите...

– Что он переодет в женщину, как вы теперь, сударыня, в мужчину.

– А зачем он приехал сюда? – спросил путешественник с живостью и смущением, которое становилось сильнее, между тем как Ковиньяк начинал менее махать руками и говорить.

– Он уверяет, – сказал Ковиньяк, останавливаясь на каждом слове, – он уверяет, что какой-то приятель назначил ему здесь свидание.

– Приятель?

– Да.

– Дворянин?

– Вероятно.

– Барон?

– Может быть.

– А как зовет его?

Ковиньяк призадумался. В голове его в первый раз явилась плодovitая мысль и произвела в нем заметный переворот.

«Ого, – подумал он, – славно можно поймать их!» – А как его зовут? – повторил путешественник.

– Позвольте, – сказал Ковиньяк, – позвольте... Имя его кончается на оль...

– Каноль! – закричал незнакомец, и губы его побледнели. Черная маска его страшно обрисовалась на матовой белизне его тела.

– Точно так, Каноль, – сказал Ковиньяк, внимательно следя за переменами на видимых частях лица незнакомца. – Каноль, точно, как вы сказали. Так вы тоже знаете Каноль? Вы знаете весь свет?

– Полно шутить, – отвечал незнакомец, дрожавший всем телом и готовый упасть в обморок. – Где эта дама?

– Вот здесь, в этой комнате. Третье окно отсюда, с желтыми занавесками.

– Я хочу видеть ее!

– Ого, неужели я ошибся? – сказал Ковиньяк. – Неужели вы тот Каноль, которого она ждет? Или господин Каноль не этот ли молодец, который скачет сюда в сопровождении лакея-франта?

Молодой путешественник так бросился к окну кареты, что разбил стекло.

– Он, точно он! – закричал юноша, даже не замечая, что кровь потекла из его ран на лбу. – Ах, я несчастная! Он опять увидит ее, я погибла!

– Ага! Теперь вы видите, что вы женщина!

– Так они назначили себе свидание!.. Здесь!.. О, я непременно отмщу им!..

Ковиньяк хотел еще пошутить, но путешественник повелительно махнул одною рукою, а другою снял с себя маску. Перед спокойным Ковиньяком явилось бледное лицо Нанона, вооруженное самым грозным негодованием.

VII

– Здравствуйте, милая сестрица, – сказал Ковиньяк Наноне, подавая ей руку очень спокойно.

– Так вы узнали меня?

– В ту же минуту, как увидел вас. Мало было закрыть лицо, следовало еще прикрыть это прелестное родимое пятнышко и жемчужные зубы. Ах, кокетка, если вы думаете скрываться, так надевайте маску, но вы этого не сделаете...

– Довольно, – сказала Нанона повелительно, – поговорим серьезно.

– И я того же хочу, только говоря серьезно, можно устраивать выгодные дела.

– Вы говорите, что виконтесса де Канб здесь?

– Здесь.

– А Каноль уже вошел в гостиницу?

– Нет еще, он сходит с лошади и отдает поводья лакею. Ага! Его увидели и с этой стороны! Вот растворяется окно с желтыми занавесками, вот показывается головка виконтессы! А, она вскрикнула от радости! Каноль бежит в гостиницу! Спрячьтесь, сестрица, или все погибнет!

Нанона отодвинулась в карету и судорожно сжала руку Ковиньяку, который смотрел на нее с отеческим состраданием.

– А я ехала к нему в Париж, – сказала Нанона, – всем рисковала, чтобы видеть его!

– Ах, вы приносили жертвы, сестрица! И кому? Такому неблагодарному! По правде сказать, вы могли бы получше распорядиться благодеяниями!

– Что они станут говорить теперь, когда они вместе?

– Милая Нанона, не знаю, что и отвечать вам на этот вопрос. Думаю, что они будут говорить о своей любви...

– О, этого не будет! – вскричала Нанона, с бешенством кусая свои мраморные ногти.

– А я, напротив, думаю, что это будет, – возразил Ковиньяк. – Фергюзон получил приказание никого не выпускать из комнаты, но ему позволено впускать туда всех. В эту самую минуту, вероятно, виконтесса и Каноль говорят друг другу самые милые нежности. Ах, Нанона, вы слишком поздно взялись за ум.

– Вы так думаете? – сказала она с неопишуемым выражением иронии и полной ненависти хитрости. – Вы так думаете! Хорошо, садитесь со мной, жалкий дипломат.

Ковиньяк повиновался.

– Бертран, – сказала Нанона одному из лакеев, – вели кучеру поворотить потихоньку и ехать в рощицу, которую мы видели при въезде в село.

Потом она повернулась к брату и прибавила:

– Там удобно будет нам переговаривать?

– Очень удобно, но позвольте и мне принять некоторые меры осторожности.

– Извольте.

Ковиньяк подал знак, за ним отправились четыре человека, гревшиеся на солнце у гостиницы.

– Прекрасно сделали, что взяли с собой этих людей, – сказала Нанона, – и послушайте меня, возьмите-ка человек шесть, мы дадим им работу.

– Хорошо, – отвечал Ковиньяк, – работы только мне и нужно.

– В таком случае вы будете совершенно довольны, – отвечала Нанона.

Карета поворотила и увезла Нанону, которая вся горела, и Ковиньяка, по-видимому, хладнокровного и спокойного, но решившегося внимательно выслушать предложение сестры своей.

Между тем, Каноль, услышав радостный крик виконтессы де Канб, бросился в дом и вбежал

в ее комнату, не обратив никакого внимания на Фергюзона, который прохаживался в коридоре и преспокойно пропустил Каноль, потому что ему не было приказано останавливать посетителей.

– Ах, барон, – вскричала виконтесса, увидав его, – входите скорее, потому что я жду вас с особенным нетерпением.

– Ваши слова превратили бы меня в самого счастливого человека, если бы ваша бледность и смущение не говорили мне, что вы ждете меня... не для меня.

– Да, барон, вы правы, – продолжала Клара с прелестною улыбкою, – я хочу еще раз быть у вас в долгу.

– Что такое?

– Избавьте меня от опасности, которой я еще сама не знаю.

– От опасности?

– Да. Погодите.

Клара подошла к двери и задвинула задвижку.

– Меня узнали, – сказала она.

– Кто?

– Какой-то человек. Я не знаю его имени, но лицо и голос его мне знакомы. Мне кажется, я слышала его голос в тот самый вечер, как вы получили в этой комнате приказание ехать в Мант. Мне кажется, что я узнала его лицо в Шантильи в тот день, как я заменила принцессу Конде.

– Так кто же он?

– Должно быть, агент герцога д'Эпернона и потому, верно, наш враг.

– Досадно! – сказал Каноль. – И вы говорите, что он узнал вас?..

– Я в этом уверена: он называл меня по имени, уверяя притом, что я мужчина. Здесь везде офицеры королевской партии, все знают, что я придерживаюсь партии принцев, и, может быть, хотели беспокоить меня. Но вы приехали, и я ничего не боюсь. Вы сами офицер, принадлежите тоже к королевской партии, стало быть, будете щитом моим.

– Увы, – сказал Каноль, – я боюсь, что мне придется вместо защиты и покровительства предложить к услугам вашим шпагу мою.

– Что это значит?

– С этой минуты я уже не служу королю.

– Правда ли это? – вскричала Клара в восторге.

– Я дал себе слово послать просьбу об отставке с того места, где встречу вас. Я встретил вас здесь, и просьба моя полетит из Жоне.

– Вы свободны! Свободны! Вы можете пристать к партии честной, благородной, вы можете служить делу принцев!.. О, я знала, что такой достойный дворянин, как вы, непременно вернется на прямую дорогу.

Клара подала Канолью руку, он поцеловал ее с восторгом.

– Как же все это случилось? – спросила виконтесса. – Расскажите мне все подробно.

– И все это очень коротко. Я написал из Шантильи к Мазарини о бегстве принцессы. Когда я приехал в Мант, то получил приказание явиться к нему. Он назвал меня слабым умом, я отвечал ему тем же. Он засмеялся, я рассердился. Он возвысил голос, я выбранил его. Я воротился домой, ждал, не пошлет ли он меня в Бастилию, но он хотел, чтобы я одумался и выехал из Манта. Действительно, через двадцать четыре часа я одумался. И этим я обязан вам: я вспомнил ваше обещание и побоялся, что вам придется ждать меня. Тут, получив свободу, сбросив с себя ответственность, обязанности, оторвавшись от партии, я помнил только одно: любовь мою к вам и возможность говорить вам о ней громко и смело.

– Так вы лишились чина для меня! Так вы впали в немилость для меня! Разорились для меня! Ах, барон! Чем заплачу я вам за все эти пожертвования? Как докажу вам мою благодарность?

В глазах виконтессы заблестали слезы, на устах ее заиграла улыбка.

Слезы и улыбка вознаградил Каноль за все, он в восторге упал на колени.

– Ах, виконтесса... Напротив того, с этой минуты я богат и счастлив, потому что я поеду за вами, никогда с вами не расстанусь... Буду счастлив, потому что буду вас видеть, буду богат вашей любовью.

– Так вас ничто не удерживает?

– Ничто.

– Так вы принадлежите мне? Оставляя себе ваше сердце, я могу предложить принцессе вашу шпагу?

– Можете.

– Так вы уже послали просьбу об отставке?

– Нет еще. Прежде я хотел повидаться с вами, но теперь, переговорив с вами, сейчас пойду и напишу... Мне хотелось иметь счастье исполнить вашу волю.

– Так пишите! Пишите поскорее! Если вы не пошлете просьбы, то вас сочтут за беглеца, надобно даже подождать ответа и потом уже принимать решительные меры.

– Милый дипломат, не бойтесь! – отвечал Каноль. – Они дадут мне отставку, и притом с большою радостью, ведь они помнят мою неудачу в Шантильи. Не они ли сказали, – прибавил Каноль с улыбкою, – что я – слабый ум.

– Да, но мы заставим их переменить мнение о вас, будьте спокойны. Ваша неудача будет иметь более успеха в Бордо, чем в Париже, верьте мне. Но пишите просьбу, барон, пишите скорее, чтобы мы могли поскорее уехать. Признаюсь вам, я не совсем спокойна в этой гостинице.

– О чем вы говорите? О прошедшем? Неужели воспоминания пугают вас так сильно? – спросил Каноль.

– Нет, я говорю о настоящем и боюсь совсем не вас. Теперь уж вы не испугаете меня.

– Так кого же вы боитесь? Кто пугает вас?

– Ах, я и сама не знаю.

В эту минуту, как бы в оправдание страха виконтессы, раздались три торжественных удара в дверь.

Каноль и виконтесса замолчали, посмотрели друг на друга с беспокойством.

– Именем короля, отворите!

И тотчас тоненькая дверь вылетела. Каноль хотел броситься к своей шпаге, но ее взял уже незнакомец, вошедший в комнату.

– Что это значит? – спросил барон.

– Вы барон Каноль?

– Разумеется.

– Капитан Наваильского полка?

– Да.

– Посланный по поручению герцога д'Эпернона?

Каноль кивнул головою.

– Так именем короля и ее величества королевы-правительницы я арестую вас.

– Где приказ?

– Бот он.

Каноль взглянул на бумагу и, отдавая ее, сказал:

– Но, милостивый государь, мне кажется, я знаю вас.

– Как не знать! Да именно здесь, на этом самом месте я вручил вам приказание герцога д'Эпернона ехать в Париж с поручением. Все счастье ваше заключалось в этом поручении, милостивый государь, вы пропустили случай, тем хуже для вас.

Клара побледнела и опустилась в кресло, она тоже узнала неожиданного гостя.

– Мазарини мстит за себя! – прошептал Каноль.

– Поедьте, милостивый государь, – сказал Ковиньяк.

Клара не могла приподняться. Каноль лишился рассудка. Несчастье его было так велико, так тяжело, так неожиданно, что подавило барона: он опустил голову и покорился судьбе.

Притом же в то время слова «именем короля» производили магическое действие, и никто не думал не повиноваться им.

– Куда вы повезете меня? – спросил Каноль. – Или, может быть, вам запрещено даже дать мне это утешение и сказать, куда повезут меня.

– Нет, сударь, сейчас скажу вам: мы доставим вас в крепость на остров Сен-Жорж.

– Прощайте, виконтесса, – сказал Каноль, почтительно кланяясь Кларе, – прощайте!

– Ну, они еще не так коротки, как я думал! – сказал Ковиньяк сам себе. – Я скажу об этом Наноне, она будет очень довольна.

Потом он подошел к дверям и закричал:

– Эй, четыре человека будут провожать капитана! Четыре человека вперед!

– А меня куда повезут? – спросила виконтесса, подавая руку арестанту. – Если барон неправ, так я виновата гораздо более его.

– Вы можете ехать, куда вам угодно, – отвечал Ковиньяк, – вы свободны.

И он увел барона с собой.

Виконтесса, оживленная надеждой, встала и все приготовила к отъезду, чтобы не переменили этих благоприятных для нее распоряжений.

«Я свободна, – думала она, – и, стало быть, могу позаботиться о нем... Но надобно скорее ехать».

Подойдя к окну, она увидела уезжавшего Каноль, в последний раз простилась с ним рукою и, позвав Помпея, который в надежде на отдых выбрал себе лучшую комнату в гостинице, приказала ему немедленно готовиться к отъезду.

Дорога показалась Каноль еще скучнее, чем он ожидал. Скоро вместо лошади, на которой ехал он и потому казался еще свободным, его посадили в карету, так что ноги его находились между ногами какого-то господина с орлиным носом: рука этого человека гордо покоилась на железном пистолете. Иногда ночью барон надеялся обмануть бдительность этого нового Аргуса, но возле орлиного носа блистали два огромных глаза, как глаза совы, круглые, огненные и совершенно приспособленные к ночным наблюдениям.

Когда этот человек спал, то и один из его глаз спал, но только один. Природа одарила этого человека способностью спать одним глазом.

Два дня и две ночи провел Каноль в самых печальных размышлениях. Крепость острова Сен-Жоржа, в натуре самая невинная, принимала в глазах арестанта самые огромные размеры, когда страх и угрызения совести начали мучить его.

Совесь мучила его, потому что он понимал, что поручение, данное ему к принцессе Конде, было основано на доверии, и что он принес его в жертву любви своей. Результаты его проступка были ужасны. В Шантильи супруга Конде была просто женщина. В Бордо она стала непокорной принцессой.

Страх овладел им, потому что он по преданию знал, как ужасно мстит Анна Австрийская.

Но кроме этого, его терзала и другая мысль. Жива еще женщина, молодая, хорошенькая, умная, употреблявшая все свое влияние на доставление ему значения в свете; женщина, которая из любви к нему двадцать раз рисковала своим положением, будущностью, богатством... И что же? Эту женщину, очаровательную подругу и столько же преданную, сколько очаровательную, он грубо покинул без причины в ту минуту, когда она думала о нем и о его счастье, когда доставила ему самое лестное поручение. Правда, что это поручение, эта милость явились в такую минуту, когда Каноль ничего не желал: но виновата ли в этом Нанона? Нанона в этой милости видела только хорошую сторону, пользу для человека, о котором беспрерывно заботилась.

Все, любившие двух женщин вдруг, – прошу прощения у моих читательниц: этот феномен, для них непонятный, потому что одна любовь занимает их вполне, встречается в мужчинах довольно часто, – все, любившие двух женщин разом, поймут, что чем более думал Каноль, тем более влияния Нанона приобретала на него, влияния, которое он считал погибшим. Неровности характера, очень неприятные при ежедневных свиданиях, исчезают, когда смотришь на них издали. Напротив того, в отдалении некоторые сладкие воспоминания получают более блеска. Теперь Нанона казалась Каноль красавицею, которой он лишился, доброй женщиной, которую он обманул.

И все это потому, что Каноль заглянул в себя добровольно, а не с принуждением тех обвиняемых, которых присуждают к раскаянию. За что бросил он Нанону? За что погнался он за виконтессою де Канб? Что есть особенно прелестного в маленьком переодетом виконте? Неужели Клара гораздо лучше Наноны? Неужели белокурые волосы до такой степени лучше черных, что можно

изменить прежней подруге, и даже своей партии единственно с целью переменить черную косу на белокурую? О, ничтожество человеческое! Каноль рассуждал очень хорошо, но никак не мог убедить себя.

Сердце полно таких тайн, от которых любовники блаженствуют, а философы приходят в отчаяние.

Однако же это не мешало Канолью быть недовольным и бранить себя.

«Меня накажут, – говорил он себе, думая, что наказание смыывает вину, – меня накажут, тем лучше! Я найду там какого-нибудь капитана-служаку, грубого, дерзкого, который надменно прочтет мне приказ кардинала Мазарини. Он укажет мне на какое-нибудь подземелье, и я буду унывать в обществе крыс и мышей, между тем как я мог бы еще жить на белом свете и цвести на солнце, в объятиях женщины, которая любила меня, которую я любил и, может быть, еще теперь люблю. Но есть ли на свете женщина, для которой стоило бы перенести то, что я перенесу для этой?

Комендант и подземная тюрьма – это еще не все! Если меня считают изменником, так производят подробное следствие, меня станут еще терзать за Шантильи... За жизнь там я все бы отдал, если бы она доставила мне что-нибудь дельное, а то она ограничилась тремя поцелуями руки. Дурак я, три раза дурак, не умел воспользоваться обстоятельствами. Слабый ум, как говорит Мазарини! Я изменил своей партии и не получил за это никакой награды. А теперь кто наградит меня?» Каноль презрительно пожал плечами, отвечая таким образом на вопрос своей мысли.

Человек с круглыми глазами, несмотря на всю свою проницательность, не мог понять этой пантомимы и смотрел на него с удивлением.

«Если меня станут допрашивать, – продолжал думать Каноль, – я не буду отвечать, потому что отвечать нечего. Сказать, что не люблю Мазарини? Так не следовало служить ему. Что я любил виконтессу де Канб? Хорош ответ министру и королеве! Лучше всего вовсе не отвечать. Но судьи народ взыскательный, они любят, чтобы им отвечали, когда они допрашивают. В провинциальных тюрьмах есть неучтивые тиски, мне раздробят мои тоненькие ноги, которыми я так гордился, и отошлют меня, изуродованного, опять к мышам и крысам. Я останусь на всю жизнь кривоногим, как принц Конти, что вовсе некрасиво...» Кроме коменданта, мышей, тисков, были еще эшафоты, на которых отрубали головы непослушным, виселицы, на которых вешали изменников, плацдармы, на которых расстреливали беглецов. Но все это для красавца Каноль казалось не таким страшным, как мысль, что у него будут кривые ноги.

Поэтому он решился успокоить себя и порасспросить своего товарища.

Круглые глаза, орлиный нос и недовольное лицо товарища мало поощряли арестанта к разговору. Однако же, как бы ни было бесстрастно лицо, оно все-таки иногда становится менее суровым. Каноль воспользовался минутой, когда на устах его товарища появилась гримаса вроде улыбки, и сказал:

– Милостивый государь...

– Что вам угодно?

– Извините, если я оторву вас от ваших мыслей.

– Нечего извиняться, сударь, я никогда не думаю.

– Черт возьми, какая счастливая организация!

– Да я и не жалуюсь.

– Вот вы не похожи на меня... Мне очень хочется пожаловаться.

– На что?

– Что меня схватили так вдруг, в ту минуту, как я вовсе не думал об этом, и везут... куда... я сам не знаю.

– Нет, знаете, сударь, вам сказано.

– Да, правда... Кажется, на остров Сен-Жорж?

– Именно так.

– А долго ли я там останусь?

– Не знаю. Но по тому, как мне приказано стеречь вас, думаю, что долго.

– Ага! Остров Сен-Жорж очень скучен?

- Так вы не знаете крепости?
  - Внутренности ее не знаю, я никогда не входил в нее.
  - Да, она не очень красива. Кроме комнат коменданта, которые теперь отделаны заново, и, кажется, очень хорошо, все остальное довольно скучно.
  - Хорошо. А будут ли меня допрашивать?
  - Там допрашивают часто.
  - А если я не буду отвечать?
  - Не будете отвечать?
  - Да.
  - Ну, вы знаете, в таком случае применяется пытка.
  - Простая?
  - И простая, и экстраординарная, смотря по обвинению... В чем обвиняют вас, сударь?
  - Да боюсь... кажется, в измене Франции.
  - А, в таком случае вас угостят экстраординарной пыткой... Десять горшков...
  - Что? Десять горшков?
  - Да, десять.
  - Что вы говорите?
  - Я говорю, что вам зададут десять кувшинов.
  - Стало быть, на острове Сен-Жорж пытаются водою?
  - Да, Гаронна так близко... вы понимаете?
  - Правда, материал под рукою. А сколько выходит из десяти кувшинов?
  - Ведро или даже побольше.
  - Так я разбухну.
  - Немножко. Но если вы остережетесь и подружитесь с тюремщиком...
  - Так что же?
  - Все обойдется благополучно.
  - Позвольте спросить, в чем состоит услуга, которую может оказать мне тюремщик?
  - Он даст вам выпить масла.
  - Так масло помогает в этом случае?
  - Удивительно!
  - Вы думаете?
  - Говорю по опыту, я выпил...
  - Вы выпили?
  - Извините, я обмолвился... Я хотел сказать: я видел... Ошибся в слове.
- Каноль невольно улыбнулся, несмотря на серьезный предмет разговора.
- Так вы хотели сказать, – продолжал он, – что вы сами видели...
  - Да, сударь, я видел, как один человек выпил десять кувшинов с изумительною ловкостью, и все это оттого, что прежде подготовил себя маслом. Правда, он немножко распух, как это всегда случается, но на добром огне он пришел в прежнее положение без значительных повреждений. В этом-то вся сущность второго акта пытки. Запомните хорошенько эти слова, надобно нагреваться, а не гореть.
  - Понимаю, – сказал Каноль. – Вы, может быть, исполняли должность палача?
  - Нет, сударь! – отвечал орлиный нос с изумительно учтивою скромностью.
  - Или помощника палача?
  - Нет, сударь, я был просто любопытный любитель.
  - Ага! А как вас зовут?
  - Барраба.
  - Прекрасное, звучное имя! У нас, гугенотов, нет такого.
  - Так вы гугенот?
  - Да. В моем семействе во время религиозных раздоров многие погибли на костре.
  - Надеюсь, что вас ждет не такая участь.
  - Да, меня затопят.

Барраба засмеялся.

Сердце Каноля радостно забилося: он приобрел дружбу своего провожатого. Действительно, если этот временный сторож будет назначен к нему в постоянные тюремщики, то барон, наверное, получит масло, поэтому он решил продолжить разговор.

– Господин Барраба, – спросил он, – скоро ли нас разлучат, или вы сделаете мне честь, останетесь при мне?

– Когда приедем на остров Сен-Жорж, я буду, к сожалению, принужден расстаться с вами, чтобы воротиться в роту.

– Очень хорошо: стало быть, вы служите в жандармах?

– Нет, в армии.

– В отряде, набранном Мазарини?

– Нет, тем самым капитаном Ковиньяком, который имел честь арестовать вас.

– И вы служите королю?

– Кажется, ему.

– Что вы говорите? Разве вы не знаете наверное?

– В мире нет ничего верного.

– А если вы сомневаетесь, так вы должны бы...

– Что такое?

– Отпустить меня.

– Никак нельзя, сударь.

– Но я вам честно заплачу за ваше снисхождение.

– Чем?

– Разумеется, деньгами.

– У вас нет денег!

– Как нет?

– Нет.

Каноль живо полез в карман...

– В самом деле, – сказал он, – кошелек мой исчез. Кто взял мой кошелек?

– Я взял, милостивый государь, – отвечал Барраба с почтительным поклоном.

– А зачем?

– Чтобы вы не могли подкупить меня.

Изумленный Каноль посмотрел на своего провожатого с восторгом и ответ показался ему таким дельным, что он и не думал возражать.

Когда путешественники замолчали, поездка, в конце своем, стала такою же скучною, какою была в самом начале.

VIII

Начинало светать, когда карета дотащилась до селения, ближайшего к острову Сен-Жорж. Каноль, почувствовав, что карета остановилась, высунул голову в дверцу.

Красивое село, состоявшее из сотни домиков около церкви, на скате горы, на которой вышался замок, утопало в утреннем тумане и освещалось первыми лучами восходящего солнца.

Кучер сошел с козел и шел возле экипажа.

– Друг мой, – спросил Каноль, – ты здешний?

– Да, сударь, я из Либурна.

– Так ты, верно, знаешь это село? Что это за белый дом? И какие красивые хижины!

– Этот замок принадлежит фамилии Канб, и село принадлежит тем же господам.

Каноль вздрогнул, в одну секунду ярко-пунцовые щеки его покрылись мертвою бледностью.

– Милостивый государь, – сказал Барраба, от круглых глаз которого ничто не могло скрыться, – не ушиблись ли вы как-нибудь о дверцу?

– Нет, нет!

Потом Каноль принялся опять расспрашивать кучера.

- Кому принадлежит замок?
- Виконтессе де Канб.
- Молодой вдове?
- Да, пребогатой и прехорошенькой.
- И, стало быть, у ней много обожателей?
- Разумеется: и женщина красивая, и приданое славное. С этим всегда обожатели найдутся.
- А какова у ней репутация?
- Прекрасная. Только она уже чересчур предана принцам.
- Да, мне об этом говорили.
- Сущий демон, сударь, сущий демон!
- Не демон, а добрый гений! – прошептал Каноль, который не мог без восторга вспомнить о

Кларе.

Потом прибавил вслух:

- Так она живет здесь иногда?
- Редко, сударь, но прежде жила очень долго. Тут оставил ее муж, и пока она жила у нас, все мы были счастливы. Теперь она, говорят, у принцессы Конде.

Экипажу приходилось спускаться с горы. Кучер попросил позволения сесть на козлы. Каноль, боясь возбудить подозрение дальнейшими расспросами, кивнул ему, и лошади побежали рысцой.

Через четверть часа, в продолжение которою Каноль предавался самым мрачным размышлениям под взглядами Баррабы, экипаж остановился.

- Мы будем здесь завтракать? – спросил Каноль.
- Нет, остановимся совсем. Мы приехали. Вот остров Сен-Жорж. Нам остается только переправиться через реку.

– Правда, – прошептал Каноль. – Так близко и так далеко!

– Милостивый государь, к нам идут навстречу, – сказал Барраба, – не угодно ли вам выйти?

Второй сторож Каноль, сидевший возле кучера на козлах, сошел на землю и отворил дверцу, запиравшуюся замком, от которого ключ был у него.

Каноль отвел глаза от замка и взглянул на крепость, в которой предстояло ему жить. Он увидел на другой стороне реки паром и возле парома восемь человек солдат с сержантом.

За этим отрядом возвышались укрепления.

«Хорошо, – подумал Каноль, – меня ждали и приняли все меры осторожности».

– Это мои новые провожатые? – спросил он Баррабу.

– Я хотел бы отвечать вам, но сам ничего не знаю, – отвечал орлиный нос.

В эту минуту солдаты подали сигналы часовому, стоявшему у ворот крепости, они стали на паром, переправились через Гаронну и вышли на берег в то самое время, как Каноль выходил из экипажа.

Сержант, увидав офицера, подошел к нему и отдал честь.

– Не с бароном ли де Канолем имею я честь говорить? – спросил сержант.

– Да, – отвечал Каноль, удивленный его учтивостью.

Сержант тотчас указал барону на паром.

Каноль сошел на него и стал между обоими своими провожатыми, солдаты поместились за ними, и паром двинулся. Каноль в последний раз взглянул на замок Канб, который исчезал за горою.

Весь остров был покрыт контрэскарпами, гласисами и бастионами, самая цитадель казалась превосходною. В нее входили через дверь, перед которою прохаживался часовой.

– Кто идет? – крикнул он.

Отряд остановился.

Сержант подошел к часовому и сказал ему несколько слов.

– К ружью! – закричал часовой.

Тотчас человек двадцать, составлявшие караул, выбежали и выстроились перед дверью.

– Пожалуйте, – сказал сержант Канолу.

Забили в барабан.

«Что это значит?» – подумал барон.

Он подошел к цитадели, ничего не понимая, потому что все это походило более на военные почести, отдаваемые начальству, чем на меры предосторожности против арестанта.

Но это еще не все: Каноль не заметил, что в то время, как он выходил из кареты, отворилось окно комнаты коменданта и какой-то офицер внимательно смотрел, как его принимают.

Увидав, что Каноль подходит к цитадели, офицер поспешно пошел к нему навстречу.

– Ага, – сказал Каноль, увидав его, – вот и комендант идет познакомиться со своим жильцом.

– В самом деле, – сказал Барраба, – кажется, вас не продержат в передней неделю, как бывает с некоторыми, а тотчас посадят в тюрьму.

– Тем лучше, – сказал Каноль.

Офицер подошел.

Каноль стал в гордую и величественную позу преследуемого человека.

В нескольких шагах от Каноля офицер учтиво снял шляпу.

– Я имею честь говорить с бароном де Канолем? – спросил он.

– Милостивый государь, – отвечал барон, – я чрезвычайно смущен вашею вежливостью. Да, я точно барон Каноль. Теперь, прошу вас, обращайтесь со мною, как офицер должен обращаться с офицером, и дайте мне квартиру получше.

– Милостивый государь, вам отведена уже квартира, – отвечал офицер, – и, предупреждая ваши желания, ее совершенно переделали...

– А кого я должен благодарить за такие необыкновенные предосторожности?

– Короля.

– О, я не стану жаловаться на него даже в этом случае! Но, однако же, я желал бы иметь некоторые необходимые мне сведения.

– Приказывайте, я весь к вашим услугам; но осмелюсь заметить, что весь гарнизон ждет вас и желает вас видеть.

«Черт возьми! – подумал Каноль. – Весь гарнизон подняли на ноги для одного арестанта!» Потом прибавил вслух:

– Я ваш покорнейший слуга и готов идти, куда бы ни повели меня.

– Так позвольте мне идти перед вами и показывать вам дорогу.

Каноль пошел за ним, внутренне радуясь, что попал в руки такого доброго человека.

– Думаю, что вас угостят простою пыткой, четырьмя кувшинами только, – сказал ему потихоньку Барраба, подойдя к нему.

– Тем лучше, – отвечал Каноль, – я вдвое менее распухну.

На дворе цитадели Каноль увидел часть гарнизона под ружьем. Тут офицер вынул шпагу и ловко поклонился ему.

«Какие церемонии!» – подумал Каноль.

В то же время под соседним сводом раздался барабан. Каноль повернулся и увидел, что другой отряд солдат выстроился за первым.

Офицер подал Канолю два ключа.

– Что это значит? – спросил барон.

– Мы исполняем церемониал по принятому здесь обычаю, барон.

– Но за кого принимаете вы меня? – спросил Каноль с невыразимым удивлением.

– Мы принимаем вас за вас, то есть за барона Каноля...

– А еще?

– За коменданта острова Сен-Жоржа.

Каноль едва устоял на ногах.

Офицер продолжал:

– Я сейчас буду иметь удовольствие передать вам разные припасы, которые я получил сего дня утром. При них находилось и письмо, извещавшее меня о вашем приезде.

Каноль взглянул на Баррабу.

Тот смотрел на барона, вытаращив круглые глаза свои, с изумлением, которого мы не берем-

ся описывать.

– Так я комендант острова Сен-Жорж? – прошептал Каноль.

– Точно так, милостивый государь, – отвечал офицер, – и мы очень благодарны его величеству за такой выбор.

– Вы совершенно уверены, что тут нет недоразумения? – спросил Каноль.

– Не угодно ли вам пожаловать в вашу квартиру, там вы увидите приказ.

Каноль, изумленный этим происшествием, вовсе не похожим на то, чего он ожидал, молча пошел за офицером, при грохоте барабанов, мимо солдат, отдававших честь, и всех жителей крепости, которые оглашали воздух криками. Он кланялся направо и налево, бледнел, дрожал и взглядом спрашивал Баррабу.

Наконец он дошел до гостиной, довольно изящно отделанной. Прежде всего он заметил, что из окон ее можно видеть замок Канб, потом прочел приказ, подписанный королевой и скрепленный герцогом д'Эперноном.

Тут он не мог устоять на ногах и опустился в кресло.

Однако же после всего этого шума и стука, после выстрелов и военных почестей и особенно после первого удивления Каноль хотел узнать поточнее, какую должность поручила ему королева, и поднял глаза.

Тут он увидел перед собою прежнего своего сторожа, столько же удивленного.

– Ах, это вы, Барраба! – сказал он.

– Точно так, господин комендант.

– Можете объяснить мне все, что здесь происходило, и что едва не принимаю за сон?

– Объясню вам, сударь, что, говоря вам об экстраординарной пытке, то есть о восьми кувшинах, я думал пощадить вас.

– Так вы были убеждены...

– Что вас здесь будут колесовать.

– Покорно благодарю, – сказал Каноль, невольно вздрогнув. – Но можете ли вы объяснить мне то, что со мною здесь происходит?

– Могу.

– Так говорите.

– Извольте, сударь. Королева, вероятно, поняла, как трудно было поручение, которое вам дали. Когда первая минута гнева прошла, ее величество захотела вознаградить вас за то, что слишком строго наказала.

– Это невозможно! – сказал Каноль.

– Вы думаете?

– По крайней мере, невероятно.

– Невероятно?

– Да.

– В таком случае, господин комендант, мне остается только проститься с вами. На острове Сен-Жорж вы можете быть счастливы, как король: вина чудесные, дичь везде кругом, рыбу привозят из Бордо... Ах, какая бесподобная жизнь!

– Постараюсь следовать вашему совету, возьмите от меня эту записочку и ступайте к казначею: он выдаст вам десять пистолей. Я дал бы вам их сам, но вы из осторожности взяли мой кошелек...

– И я очень хорошо сделал, – возразил Барраба. – Если бы вы подкупили меня, так верно бежали бы, а если б вы бежали, так естественно потеряли бы то высокое звание, в которое теперь облечены, в чем я никогда не мог бы утешиться.

– Превосходное рассуждение, господин Барраба! Я уже заметил, что вы чрезвычайно сильны в логике. А между тем, возьмите эту бумажку в награду за ваше красноречие. Древние, как вам известно, представляли красноречие с золотыми цепями во рту.

– Милостивый государь, – сказал Барраба, – позвольте заметить, что мне кажется ненужным идти к казначею...

– Как! Вы не хотите принять?

– Как не хотеть... помилуйте! Слава Богу, я не одарен такою глупою гордостью, но я вижу... из этого ларчика, на камине, выходят шнуры... кажется, от кошелька.

– Вы мастер узнавать кошельки, господин Барраба, – сказал удивленный Каноль. Действительно, на камине стоял старинный ларчик с серебряными украшениями.

– Посмотрим, – продолжал Каноль, – что тут.

Он поднял крышку ларчика и действительно увидел кошелек, в нем лежали тысяча пистолей и следующая записка:

«На private издержки господину коменданту острова Сен-Жорж».

– Анна Австрийская щедра! – сказал Каноль, покраснев.

И невольно он вспомнил о Букингеме. Может быть, Анна Австрийская видела где-нибудь торжествующее лицо прекрасного капитана, может быть, она покровительствует ему из самого нежного участия, может быть... Не забудьте, что Каноль гасконец.

К несчастью, Анна Австрийская была двадцатью годами моложе, когда думала о Букингеме.

Но как бы то ни было, откуда бы ни взялся кошелек, Каноль запустил в него руку, вынул десять пистолей и отдал их Баррабе, который вышел после многих низких и усердных поклонов.

IX

Когда Барраба вышел, Каноль позвал офицера и просил, чтобы тот сопровождал его при осмотре крепости.

Офицер тотчас повиновался. У дверей он встретил весь штаб, состоявший из важнейших лиц цитадели. Он пошел с ними, они давали ему все объяснения, и, разговаривая с ними, он осмотрел бастионы, гласисы, казематы, погреба и магазины. В одиннадцать часов утра он воротился домой, осмотрев все. Свита его тотчас разошлась, и Каноль опять остался наедине с тем офицером, который встретил его.

– Теперь, господин комендант, – сказал офицер таинственно, – вам остается видеть только одну комнату и одну особу.

– Что такое?

– Комната этой особы тут, – сказал офицер, указывая на дверь, которую Каноль еще не приметил.

– А, тут комната?

– Да.

– Тут и та особа?

– Да.

– Очень хорошо, но извините меня, я очень устал, потому что ехал и день, и ночь, и сегодня утром голова у меня не очень свежа. Так говорите же пояснее, прошу вас.

– Извольте, господин комендант, – отвечал офицер с лукавою улыбкою, – комната...

– Той особы...

– Которая вас ждет, вот тут. Теперь вы понимаете?

Каноль изумился.

– Понимаю, понимаю, и можно войти?

– Разумеется: ведь вас ждут.

– Так пойдем!

Сердце его сильно забилося, он ничего не видел, чувствовал, как в нем боролись боязнь и желания... Отворив дверь, Каноль увидел за занавескою веселую и прелестную Нанону. Она вскрикнула, как бы желая испугать его, и бросилась обнимать его.

У Каноль опустились руки, в глазах потемнело.

– Вы! – прошептал он.

– Да, я! – отвечала Нанона, смеясь еще громче и целуя его еще нежнее.

Воспоминание о его проступках блеснуло в уме Каноль, он тотчас угадал новое благодеяние своей приятельницы и склонился под гнетом угрызений совести и благодарности.

– Ах, – сказал он, – так вы спасли меня, когда я губил себя, как сумасшедший. Вы заботились

обо мне, вы мой гений-хранитель.

– Не называйте меня вашим гением, потому что я демон, – отвечала Нанона, – но только демон, являющийся в добрые минуты, признайтесь сами?

– Вы правы, добрый друг мой, мне кажется, вы спасли меня от эшафота.

– И я так думаю. Послушайте, барон, каким образом случилось, что принцессы могли обмануть вас, вас, такого дальновидного человека?

Каноль покраснел до ушей, но милая Нанона решила не замечать его смущения.

– По правде сказать, я и сам не знаю, сам никак не могу понять.

– О, ведь они очень лукавы! Вы, господа, хотите воевать с женщинами? Знаете ли, что мне рассказывали? Будто бы вам показали вместо молодой принцессы какую-то госпожу, горничную, куклу... что-то такое.

Каноль чувствовал, что мороз продирает его по коже.

– Я думал, что это принцесса, – сказал он, – ведь я не знал ее в лицо.

– А кто же это был?

– Кажется, придворная дама.

– Ах, бедняжка! Но, впрочем, это вина злодея Мазарини. Когда дают человеку такое трудное поручение, так показывают ему портрет. Если бы у вас был, или если бы вы хоть видели портрет принцессы, так вы, верно, узнали бы ее. Но перестанем говорить об этом. Знаете ли, что несносный Мазарини под предлогом, что вы изменили королю, хотел засадить вас в тюрьму?

– Я догадывался.

– Но я решила возвратить вас Наноне. Скажите, хорошо ли я сделала?

Хотя Каноль весь был занят виконтессой, хотя на груди носил портрет ее, однако же он не мог не тронуться этою нежною добротою, этим умом, который горел в очаровательных глазах: он опустил голову и поцеловал беленькую ручку, которую ему подали.

– И вы хотели ждать меня здесь?

– Нет, я ехала в Париж, чтобы везти вас сюда. Я везла вам патент, разлука с вами показалась мне слишком продолжительною: герцог д'Эпернон тяготел, как камень, над моею однообразною жизнью. Я узнала про ваше несчастье. Кстати, я забыла сказать вам, вы брат мой, знаете ли?..

– Я догадывался, прочитав ваше письмо.

– Вероятно, нам изменили. Письмо, которое я писала вам, попало в другие руки. Герцог пришел ко мне взбешенный. Я признала вас за брата моего, бедный Каноль, и теперь мы находимся под покровительством самых законных уз. Мы словно женаты, друг мой.

Каноль увлекся неотразимым влиянием этой женщины. Расцеловав ее белые ручки, он целовал ее черные глаза... Воспоминание о виконтессе де Канб отлетело...

– Тут, – продолжала Нанона, – я все предвидела, решила, как действовать в будущем, я превратила герцога в вашего покровителя или, лучше сказать, в вашего друга, я смягчила гнев Мазарини. Наконец, я выбрала себе убежищем остров Сен-Жорж: ведь, добрый мой друг, меня все еще хотят побить камнями. Во всем мире только вы любите меня немножко, вы, милый Каноль. Ну, скажите же мне, что вы меня любите!

И очаровательная сирена, обвив обеими руками шею Каноля, пристально смотрела в глаза юноши, как бы стараясь узнать самые сокровенные его мысли.

Каноль почувствовал, что не может оставаться равнодушным к такой преданности. Тайное предчувствие говорило ему, что Нанона более чем влюблена, что она великодушна: она не только любит его, но еще и прощает ему.

Барон кивнул головою в ответ на вопрос Наноны. Он не смел сказать ей: «люблю», хотя в душе его проснулись все воспоминания о прежнем.

– Так я выбрала остров Сен-Жорж, – продолжала она, – и буду хранить здесь в безопасности мои деньги, бриллианты и свою особу. Кто может охранять жизнь мою, как не тот, кто меня любит, подумала я. Кто, кроме моего властелина, может сберечь мои сокровища? Все в ваших руках, друг мой, и жизнь моя, и мои деньги: будете ли верным другом и верным хранителем?

В эту минуту звуки трубы раздались на дворе и потрясли сердце Каноля. Перед ним любовь красноречивая, какой он никогда еще не видал, возле него война, грозная война, которая горячит

человека и приводит его в упоение.

– Да, да, Нанона, – воскликнул он, – и вы, и ваши сокровища безопасны, пока я здесь, и клянусь вам, если будет нужно, я умру, чтобы спасти вас от малейшей опасности.

– Благодарю, мой благородный рыцарь, – сказала она, – я столько же уверена в вашей храбрости, сколько в вашем великодушии. Увы! – прибавила она, улыбаясь, – я бы желала быть столько же уверенною в вашей любви...

– Ах, – прошептал Каноль, – поверьте мне...

– Хорошо, хорошо! – перебила Нанона. – Любовь доказывается не клятвами, а делами, по вашим поступкам, сударь, мы будем судить о вашей любви.

Она обняла Каноль и опустила голову на его грудь.

«Теперь он должен забыть ее!.. – подумала она. – И он, верно, забудет».

Х

В тот самый день, как Каноль арестовали при виконтессе де Канб, она уехала из Жоне в сопровождении Помпея к принцессе Конде, которая находилась близ Кутра.

Прежде всего достойный Помпей старался объяснить своей госпоже, что если шайка Ковиньяка не требовала выкупа с прелестной путешественницы и не нанесла ей оскорблений, то этим счастьем она обязана его решительному лицу и его опытности в военном деле. Виконтесса де Канб, не такая доверчивая, как Помпей воображал, заметила ему, что он совершенно исчезал почти в продолжение часа. Но Помпей уверил ее, что это время он провел в коридоре, приготавливая ей с помощью лестницы все средства к верному побегу. Только ему пришлось бороться с двумя отчаянными солдатами, которые отнимали у него лестницу, но он совершил этот подвиг с тем неустрашимым своим мужеством, которое известно читателю.

Разговор естественно навел Помпея на похвалы солдатам его времени, страшным против врага, как они доказали это при осаде Монтобана и в сражении при Корбии, но ласковым и учтивым с французами, а этими качествами не могли похвастать солдаты времен кардинала Мазарини.

Действительно, Помпей, сам того не зная, избавился от страшной опасности, от опасности быть завербованным. Он всегда ходил, вытаращив глаза, выпятив грудь вперед, и очень казался похожим на воина, потому Ковиньяк тотчас заметил его. Но по милости происшествий, изменивших виды капитана, по милости двухсот пистолей, данных ему Наноною с условием, чтобы он занимался только бароном Канолем, по милости философического размышления, что ревность – самая великолепнейшая из страстей и что надобно пользоваться ею, когда встречаешь ее на своей дороге, Ковиньяк пренебрег Помпеем и позволил виконтессе де Канб ехать в Бордо... Наноне казалось, что Бордо слишком близко, она желала бы знать, что виконтесса в Перу, в Индии или в Гренландии.

С другой стороны, когда Нанона думала, что одна она владеет милым Канолем, запертым в крепких стенах, и что крепость, неприступная солдатам короля, будет содержать виконтессу, то радовалась тою бесконечною радостью, которую на земле знают только дети и любовники.

Мы видели, как мечты ее исполнились и как Нанона соединилась с Канолем на острове Сен-Жорж.

Между тем виконтесса в печали и трепете ехала по бордосской дороге. Помпей, несмотря на свою храбрость, не мог успокоить ее, и она без страха, вечером в тот день, как выехала из Жоне, увидела на боковой дороге значительный конный отряд.

То были известные нам дворяне, возвращавшиеся с знаменитых похорон герцога Ларошфуко, с похорон, послуживших князю Марсильяку предлогом для собрания соседних дворян из Франции и из Пикардии, которые еще более ненавидели Мазарини, чем любили принцев. Одна особенность поразила виконтессу и Помпея: между этими всадниками иные ехали с перевязанными руками, другие с перевязанною ногою, иные с окровавленными перевязками на лбу. Трудно было узнать в этих изуродованных людях тех блестящих и проворных охотников, которые гнались за оленем в парке Шантильи.

Но у страха глаза далеко видят: Помпей и виконтесса де Канб узнали под окровавленными

повязками несколько знакомых лиц.

– Ах, сударыня, – сказал Помпей, – видно, похороны ехали по дурной дороге. Дворяне, должно быть, попадали с лошадей, посмотрите, как они изуродованы!

– Я тоже думала...

– Это напоминает мне возвращение из Корбии, – гордо продолжал Помпей, – но тогда я был не в числе храбрецов, которые ехали, а в числе отчаянных, которых несли на руках.

– Но, – спросила Клара с беспокойством, – неужели у этих дворян нет начальника? Уж не убили ль его, потому что его не видно? Посмотри-ка!

– Сударыня, – отвечал Помпей, гордо приподнимаясь на седле, – нет ничего легче, как узнать начальника между его подчиненными. Обыкновенно в эскадроне офицер со своими унтер-офицерами едет посередине. Во время сражения он скачет сзади или сбоку отряда. Извольте взглянуть сами на те места, о которых я вам говорил, и тогда судите сами.

– Я ничего не вижу, Помпей, но, кажется, за нами кто-то едет. Посмотри!

– Гм! Гм! Нет, никого нет! – отвечал Помпей, кашляя, боясь повернуться, чтобы в самом деле не увидеть кого-нибудь. – Но позвольте!.. Вот не это ли начальник, с красным пером?.. Нет... Или вот этот, с золотой шпагой?.. Нет... Или этот, на буланой лошади, похожей на лошадку Тюрена?.. Нет!.. Вот это странно, однако же, опасности нет, и начальник мог бы показаться, здесь не то, что при Корбии...

– Ты ошибаешься, Помпей, – сказал пронзительный и насмешливый голос сзади Помпея и так испугал его, что храбрый воин едва не свалился с лошади. – Ты ошибаешься: здесь гораздо хуже, чем при Корбии.

Клара живо обернулась и шагах в двух увидела всадника невысокого роста и одетого очень просто. Он смотрел на нее блестящими глазами, впалыми, как у лисицы. У него были густые черные волосы, тонкие и подвижные губы, лицо желчное, лоб печальный, днем он наводил уныние, а ночью мог даже испугать.

– Князь Марсильяк! – вскричала Клара в сильном волнении. – Ах, как я рада видеть вас!

– Называйте меня герцогом де Ларошфуко, виконтесса. Теперь отец мой умер, я наследовал его имя, под которым с этой минуты станут записываться поступки мои, добрые или дурные...

– Вы возвращаетесь?..

– Возвращаемся разбитые.

– Разбитые! Боже мой!

– Сознаюсь, мы возвращаемся разбитые, потому что я вовсе не хвастун и говорю всегда правду самому себе, как говорю ее другим, иначе я мог бы уверять, что мы возвращаемся победителями. Но действительно, мы разбиты, потому что попытка наша на Сомюр не удалась. Я явился слишком поздно, мы лишились этой крепости, очень важной, Жарзе сдал ее. Теперь, предполагая, что принцессу примут в Бордо, как обещано, вся война сосредоточится в Гиенне.

– Но герцог, – спросила Клара, – я поняла из ваших слов, что Сомюр сдан без кровопролития, так почему же все эти господа переранены?

Герцог не мог скрыть гордости, несмотря на всю власть свою над собою, и отвечал:

– Потому что мы встретили королевские войска.

– И дрались? – живо спросила виконтесса.

– Разумеется.

– Боже мой! – прошептала она. – Уже французская кровь пролита французами. И вы, герцог, вы подали пример!

– Да, я!

– Вы, всегда спокойный, хладнокровный, рассудительный!

– Когда против меня защищают неправое дело, я так стою за разум, что становлюсь неразумным.

– Надеюсь, вы не ранены?

– Нет. В этот раз я был счастливее, чем в Париже. Тогда я думал, что междоусобная война так наградила меня, что мне не придется уж рассчитывать с нею. Но я ошибся. Что прикажете делать? Человек всегда строит проекты, не спросясь у страсти, у единственного и настоящего ар-

хитектора его жизни. Страсть перестраивает его здания, а иногда и истребляет их.

Виконтесса улыбнулась, она вспомнила, как Ларошфуко говорил, что за прелестные глаза герцогини де Лонгвиль он сражался с людьми и готов сражаться с демонами.

Ее улыбку заметил герцог, и, чтобы Клара не успела высказать мысль, причину этой улыбки, он поспешил сказать:

– Позвольте поздравить вас сударыня: вы теперь подаете пример неустрашимости.

– Что такое?

– Путешествуя одна, с одним конюхом, как Клоринда или Брадаманта. Кстати! Я узнал о вашем похвальном поведении в Шантильи. Вы, сказали мне, удивительно хорошо обманули бедного офицера партии короля. Победа нетрудная, не так ли? – прибавил он с улыбкою и взглядом, которые у него значили так много.

– Что это значит? – спросила Клара с волнением.

– Я говорю: победа нетрудная, потому что он сражался с вами неравным оружием. Во всяком случае, одна вещь особенно поразила меня в рассказе об этом странном приключении...

И герцог еще пристальнее уставил маленькие глаза свои на Клару.

Нельзя было виконтессе не возражать ему. Поэтому она приготовилась к решительной защите.

– Говорите, герцог... Скажите, что так поразило вас?

– Та удивительная ловкость, с которой вы разыграли эту небольшую комическую роль. Ведь, если верить рассказам, офицер уже видал вашего слугу Помпея и, кажется, даже вас самих.

Последние слова, сказанные с осторожностью человека, умеющего жить в свете, произвели глубокое впечатление на Клару.

– Вы говорите, что он видел меня?

– Позвольте, сударыня, объясниться. Я ничего не утверждаю, рассказывает неопределенное лицо, называемое «Говорят»; лицо, влиянию которого короли столько же подвержены, сколько и последние из их подданных.

– Где же он видел меня?

– «Говорят», что он видел вас на дороге из Либурна в Шантильи, в селении, которое называется Жоне. Только свидание продолжалось недолго, молодой человек вдруг получил от герцога д'Эпернона приказание немедленно ехать в Мант.

– Но подумайте, герцог, если бы этот офицер видел меня прежде, так он узнал бы меня?

– А!.. Знаменитое «Говорят», о котором я вам сейчас говорил, и у которого на все есть ответ, уверяет, что это дело очень возможное, потому что встреча происходила в темноте.

– Теперь, – возразила виконтесса с трепетом, – я уже совершенно не понимаю, что вы хотите сказать.

– Видно, мне сообщили неверные сведения, – сказал герцог с притворным добродушием, – впрочем, что значит минутная встреча? Правда, – ласково прибавил герцог, – у вас такое лицо, такая фигура, что непременно оставят глубокое впечатление даже после минутной встречи.

– Но этого не могло быть, потому что, по вашим словам, встреча происходила в темноте, – возразила виконтесса.

– Правда, и вы ловко защищаетесь. Я, должно быть, ошибаюсь, или, может быть, молодой человек заметил вас уже прежде этой встречи. В таком случае, приключение в Жоне нельзя уже назвать простою встречей...

– Так что же такое? – спросила Клара. – Смотрите, герцог, будьте осторожны в словах.

– Поэтому, вы видите, я останавливаюсь: наш милый французский язык так беден, что я тщетно ищу слова, которое могло бы выразить мою мысль. Это... *appuntamento*,¹ как говорят итальянцы, или *assignation*,² как говорят англичане...

– Но, если я не ошибаюсь, герцог, эти два слова значат свидание...

---

¹ приглашение на свидание

² то же значение

– Какое несчастье! Я говорю глупость на двух языках и попадаю на слушательницу, которая знает эти два языка. Виконтесса, простите меня: должно быть, языки английский и итальянский так же бедны, как французский.

Клара положила руку на сердце, она едва могла дышать. Она убедилась в истине, о которой прежде только догадывалась: что герцог де Ларошфуко ради нее, вероятно, изменил герцогине де Лонгвиль и что он говорит все это из ревности. Действительно, назад тому два года князь Марсильяк ухаживал и волочился за виконтессой столько, сколько позволяла ему его всегдашняя нерешительность, которая делала из него самого несносного врага, если он не был преданнейшим другом. Поэтому виконтесса не хотела ссориться с таким человеком.

– Знаете ли, герцог, вы человек бесценный, особенно в таких обстоятельствах, в каких мы теперь находимся. Кардинал Мазарини чванится своею полицией, а она не лучше вашей.

– Если бы я ничего не знал, – отвечал герцог, – так я был бы совершенно похож на Мазарини и не имел бы причины вести с ним войну. Поэтому-то я стараюсь все знать.

– Даже тайны ваших союзниц, если бы у них были такие тайны?

– Вы сейчас произнесли слово, которое было бы перетолковано в дурную сторону, если бы его услышали. Женская тайна! Стало быть, ваша поездка и эта встреча – тайны?

– Объяснимся, герцог, потому что вы правы только наполовину. Встреча случилась совершенно неожиданно. Поездка составляла тайну, и даже женскую тайну, потому что о ней никто не знал, кроме меня и принцессы.

Герцог улыбнулся. Мастерская ее защита нравилась его проницательности.

– А Лене? – сказал он. – А Ришон? А маркиза де Турвиль, а виконт де Канб, которого я вовсе не знаю и о котором слышал в первый раз при этом случае?.. Правда, виконт ваш брат, и вы скажете мне, что тайна не выходила из семейного круга.

Клара начала хохотать, чтобы не рассердить герцога, который уже хмурился.

– Знаете ли, герцог... – начала она.

– Нет, не знаю, а извольте сказать, и если это тайна, то обещаю вам быть скромным не менее вас и рассказать ее только моему штабу.

– Пожалуй, скажу, хотя боюсь заслужить ненависть одной знатной дамы, которую опасно иметь врагом.

Герцог покраснел.

– Что же за тайна? – спросил он.

– В эту поездку, знаете ли, кого назначила мне принцесса Конде товарищем?

– Нет, не знаю.

– Вас!

– Правда, принцесса спрашивала меня, не могу ли я проводить одну особу, которая едет из Либурна в Париж.

– И вы отказались.

– Меня задержали в Пуату необходимые дела.

– Да, вы ждали известий от герцогини де Лонгвиль.

Ларошфуко быстро взглянул на виконтессу, как бы желая прочесть в ее сердце ее мысль, подъехал к ней ближе и спросил:

– Вы упрекаете меня за это?

– Совсем нет, ваше сердце нашло такой превосходный приют, что вы вместо упреков имеете полное право ждать похвалы.

– Ах, – сказал герцог с невольным вздохом, – как жаль, что я не поехал с вами!

– Почему?

– Потому что не был бы в Сомюре! – отвечал герцог таким тоном, который показывал, что у него готов другой ответ, но он не смеет или не хочет высказать его.

Клара подумала:

«Верно, Ришон все рассказал ему».

– Впрочем, – продолжал герцог, – я не жалею о моем частном несчастье, потому что из него вышло общественное благо.

– Что хотите вы сказать, герцог? Я вас не понимаю.

– А вот что: если бы я был с вами, так вы не встретили бы этого офицера, которого после прислал Мазарини в Шантильи... Из всего этого ясно видно, что судьба покровительствует нам...

– Ах, герцог, – сказала Клара дрожащим голосом, взволнованная горьким воспоминанием, – не смейтесь над этим несчастным офицером!

– Почему же?

– Потому что он в несчастьи... Он, может быть, теперь уже умер и жизнью заплатил за свое заблуждение или за преданность...

– Он умер от любви? – спросил герцог.

– Будем говорить серьезно. Вы хорошо знаете, что если бы я решилась отдать сердце мое кому-нибудь, так не стала бы искать его на большой дороге... Я говорю вам, что несчастный офицер арестован сегодня по приказанию кардинала Мазарини.

– Арестован! – повторил герцог. – А как вы это знаете? Тоже случайно, нечаянно!

– Да. Я проезжала через Жоне... Вы знаете Жоне?

– Очень хорошо знаю, там меня ранили в плечо... Так вы ехали через Жоне, через то самое село, в котором, как рассказывают...

– Ах, герцог, оставим эти рассказы в покое, – сказала Клара, покраснев. – Я проезжала через Жоне, увидела отряд солдат, они арестовали и увели человека при мне. Это был он!

– Он, говорите вы? Ах, будьте осторожны, виконтесса! Вы сказали он!

– Да, разумеется, он, то есть офицер. Оставьте ваши тонкости, и если вы не жалеете несчастного...

– Мне жалеть его! – воскликнул герцог. – Помилуйте, да разве у меня есть время жалеть, особенно о людях, которых я вовсе не знаю?

Клара украдкой взглянула на бледное лицо герцога и на его губы, сжатые злобною улыбкою, и она невольно вздрогнула.

– Мне хотелось бы иметь честь проводить вас подальше, – продолжал герцог, – но я должен оставить гарнизон в Монроне: извините, что я оставляю вас. Двадцать дворян (они счастливее меня) будут конвоировать вас до места пребывания принцессы. Прошу вас засвидетельствовать ей мое нижайшее почтение.

– Так вы не едете в Бордо? – спросила Клара.

– Нет, теперь не еду, отправляюсь в Тюрен за герцогом Бульонским. Мы сражаемся из учтивости, отказываясь быть главнокомандующими в этой войне. У меня сильный противник, но я хочу победить его и остаться его наместником.

Герцог церемонно поклонился виконтессе и медленно поехал вслед за своим отрядом.

Клара посмотрела на него и прошептала:

– Я просила у него сострадание! А он отвечал, что ему некогда жалеть!

Тут она увидела, что несколько всадников поворотили к ней, а остальные поехали в ближайшую рощу.

За отрядом ехал задумчиво, опустив поводья, тот человек с фальшивым взглядом и белыми руками, который впоследствии написал в самом начале своих записок следующую фразу, довольно странную для философа-моралиста:

«Полагаю, довольно показывать, будто страдаешь, но не следует чувствовать сострадания. Эта страсть ни к чему не годится в душе, хорошо устроенной; она только ослабляет человека, и ее должно оставить черни, которая, ничего не исполняя по рассудку, нуждается в страсти, чтобы делать что-нибудь».

Через два дня виконтесса де Канб приехала к принцессе Конде.

XI

Виконтесса по инстинкту часто думала, какие беды может породить ненависть такого человека, как Ларошфуко. Но, видя себя молодою, хорошенькою, богатою, в милости, она не думала, чтобы эта ненависть могла когда-нибудь иметь пагубное влияние на ее жизнь.

Однако же, когда Клара убедилась, что он занимается ею и знает даже о ней так много, то решила предупредить принцессу.

– Ваше величество, – сказала она в ответ на похвалы, расточаемые принцессой, – не хвалите моей ловкости в этом случае: некоторые люди уверяют, что офицер, нами обманутый, очень хорошо знал, где настоящая и где фальшивая принцесса Конде.

Но это предположение отнимало у принцессы всю хитрость, которую она приписывала себе за устройство всего этого дела, и потому она не хотела даже и верить ему.

– Да, да, милая Клара, – отвечала она, – понимаю: теперь, видя, что мы обманули его, наш офицер хочет уверить, что он покровительствовал нам. По несчастью, он принялся за это слишком поздно, напрасно ждал, пока попадет в немилость у королевы. Кстати, вы сказали, кажется, мне, что видели герцога де Ларошфуко на дороге?

– Видела.

– Что же нового?

– Он едет в Тюрен на совещание с герцогом Бульонским.

– Да, между ними борьба, я это знаю, оба они отказываются от звания главнокомандующего, а в душе только об этом и думают. Действительно, когда мы будем мириться, то чем опаснее был человек, тем дороже заплатят ему за мир. Но маркиза Турвиль дала мне мысль, как примирить их.

– О, – сказала виконтесса, улыбнувшись при имени маркизы, – так вы изволили помириться с вашей неизменной советницей?

– Что же делать? Она приехала к нам в Монрон и привезла связку бумаг с такою важностью, что мы едва не умерли со смеху, я и Лене. «Хотя, ваше высочество, – сказала она мне, – вовсе не обращаете внимания на эти размышления, плоды бессонных ночей, полных труда, однако же я приношу и мою дань...» – Да это целая речь...

– Да.

– Что же вы отвечали?

– Вместо меня отвечал Лене. «Маркиза, – сказал он, – мы никогда не сомневались в вашем усердии и еще менее в ваших познаниях. Они так нужны нам, что мы, принцесса и я, ежедневно жалели о них...» Одним словом, он сказал ей столько комплиментов, что соблазнил ее, и она отдала ему свой план.

– Что в нем?

– По ее мнению, надобно назначить генералиссимусом не герцога Бульонского, не герцога де Ларошфуко, а маршала Тюрена.

– Ну что же, – сказала Клара, – мне кажется, что на этот раз маркиза советовала очень удачно. Что вы скажете, Лене?

– Скажу, что вы правы, виконтесса, и приносите в наш совет хороший голос, – отвечал Лене, который в эту минуту явился со связкою бумаг и держал их так же важно, как могла бы держать маркиза Турвиль. – По несчастью, Тюрен не может приехать из северной армии, а по нашему плану он должен идти на Париж, когда Мазарини и королева пойдут на Бордо.

– Заметьте, виконтесса, что у Лене вечно встречаются какие-нибудь препятствия. Зато у нас генералиссимусом не герцог Бульонский, не Ларошфуко, не Тюрен, а Лене! Что такое у вас? Не прокламация ли?

– Точно так.

– Прокламация маркизы де Турвиль, не так ли?

– Совершенно она, только с некоторыми изменениями в слог. Канцелярский слог, изволите знать...

– Хорошо, хорошо, – сказала принцесса с улыбкой, – что хлопотать о словах? Только бы смысл был тот же, вот все, что нам нужно.

– Смысл не изменен.

– А где подпишет герцог Бульонский?

– В одну строчку с Ларошфуко.

– Но где подпишет герцог Ларошфуко?

– Он подпишет под герцогом Энгиенским.

– Сын мой не должен подписывать такого акта! Подумайте, ведь он ребенок!

– Я обо всем подумал, ваше высочество! Когда король умирает, ему тотчас наследует дофин, хотя бы ему было не более одного дня... Почему же в семействе принцев Конде не поступать так, как делается в королевском семействе?

– Но что скажет герцог Бульонский? Что скажет Ларошфуко?

– Последний уже возражал и уехал. Первый узнает дело, когда оно будет сделано, и скажет, что ему будет угодно, нам все равно!

– Так вот причина той холодности, которую герцог выказал вам, Клара?

– Пусть его будет холоден, он разогреется при первых залпах, которые направит на нас маршал Мельере. Эти господа хотят воевать, так пусть воюют!

– Будем осторожны, Лене, – сказала принцесса, – не должно слишком сердить их, у нас никого нет, кроме них.

– А у них ничего нет, кроме вашего имени. Пусть попробуют сражаться за себя, мы увидим, долго ли они могут продержаться!

Маркиза де Турвиль вошла, и радостное выражение ее лица изменилось в беспокойство, которое еще более усилилось от последних слов Лене.

Она живо подошла и сказала:

– План, который я имела честь предложить вашему высочеству, верно, не понравился господину Лене?

– Напротив того, маркиза, – отвечал Лене, почтительно кланяясь, – и я почти сохранил вашу редакцию. Только одно изменено: прокламация будет подписана не герцогом Бульонским и не Ларошфуко, а герцогом Энгийским. Эти господа подпишут свои имена после его высочества.

– Вы компрометируете молодого принца!

– Да как же иначе, если мы за него сражаемся?

– Но жители Бордо любят герцога Бульонского, душою преданы герцогу де Ларошфуко и вовсе не знают его высочества герцога Энгийского.

– Вы ошибаетесь, – сказал Лене, вынимая по обыкновению бумагу из кармана, который всегда удивлял принцессу своею вместимостью, – вот письмо президента из Бордо, он просит меня, чтобы прокламации были подписаны юным принцем.

– Ах, что заботиться о мнении парламентов, Лене! – воскликнула принцесса. – Не стоило освобождаться от власти королевы и Мазарини, если надобно подпасть под влияние парламента!

– Вашему высочеству угодно въехать в Бордо? – спросил Лене решительно.

– Разумеется.

– Ну, так это решительное их условие: они хотят сражаться только за принца.

Маркиза закусила губы.

Принцесса продолжала:

– Так вы заставили нас бежать из Шантильи, заставили нас проехать полтора лье, и для чего? Чтобы принять оскорбление от жителей Бордо!

– То, что вы изволите принимать за оскорбление, есть почесть. Что может быть лестнее для принцессы Конде, как знать, что ее принимают, а не других...

– Так жители Бордо не примут двух герцогов?

– Они примут только ваше высочество.

– Но что могу я сделать одна?

– Все-таки извольте въехать в город, потом ворота уже будут отворены, и все другие въедут за вами.

– Мы не можем обойтись без герцогов.

– И я то же думаю, а через две недели и парламент будет думать то же. Бордо не принимает вашей армии, потому что боится ее, но через две недели призовет ее для своей защиты. Тогда у вас будет двойная заслуга: вы два раза исполните просьбу жителей Бордо, и тогда, будьте спокойны, они все, от первого до последнего, будут готовы умереть за вас.

– Так город Бордо в опасности? – спросила маркиза.

– В большой опасности, – отвечал Лене, – вот почему необходимо занять его. Бордо может

не принять нас, не изменив законам чести, пока нас там нет. Когда мы там будем, он не сможет выгнать нас, не покрывшись стыдом.

– А кто же угрожает городу?

– Король, королева, Мазарини. Королевские войска пополняются рекрутами; враги наши занимают позиции. Остров Сен-Жорж (он только в трех лье от Бордо) получил подкрепление войском, припасами, туда назначен новый комендант. Жители Бордо попробуют взять остров и, разумеется, будут разбиты, потому что им придется драться с лучшими войсками короля. Когда их порядочно разобьют и поколотят, как должно быть с горожанами, которые хотят представлять солдат, они станут звать на помощь и герцога Бульонского, и Ларошфуко. Тогда, ваше высочество, вы предложите условия парламенту, потому что оба герцога в ваших руках.

– Но не лучше ли постараться переманить на нашу сторону этого нового коменданта, прежде чем жители Бордо будут разбиты и упадут духом?

– Если вы будете в Бордо, когда их разобьют, так вам нечего бояться, что же касается до коменданта, то его никак нельзя подкупить.

– Нельзя? Почему?

Потому что он личный враг вашего высочества.

– Мой личный враг?

– Да.

– Почему?

– Он никогда не простит вам обмана, которого был жертвою в Шантильи. О, кардинал Мазарини не так глуп, как вы воображаете, хотя я беспрестанно твержу вам противное. И вот вам доказательство: он назначил на остров Сен-Жорж, то есть в лучшую здешнюю крепость, угадайте кого?

– Я уже сказала вам, что ничего не знаю об этом человеке.

– Того капитана, над которым вы так смеялись. Который по непостижимой неловкости выпустил ваше высочество из Шантильи.

– Каноль! – воскликнула Клара.

– Да.

– Каноль – комендант на острове Сен-Жорж?

– Именно он.

– Не может быть! Я видела, как его арестовали, видела собственными глазами.

– Точно так. Но у него сильное покровительство, и он опять попал в милость.

– А вы уже считали его умершим, бедная моя Клара, – сказала принцесса с улыбкой.

– Но точно ли вы в этом уверены? – спросила изумленная виконтесса.

Лене по обыкновению полез в карман и вынул из него бумагу.

– Вот письмо от Ришона, – сказал он. – Он описывает подробно прием нового коменданта и очень жалеет, что ваше высочество не назначили его самого на остров Сен-Жорж.

– Но как могла принцесса назначить Ришона на остров Сен-Жорж! – воскликнула маркиза Турвиль с торжествующим хохотом. – Разве мы можем назначать комендантов в крепости королевы?

– Мы можем назначить одного, маркиза, и этого уже достаточно.

– По какому праву?

Маркиза Турвиль вздрогнула, увидав, что Лене опять полез в карман.

– Ах, бланк герцога д'Эпернона! – воскликнула принцесса. – Я совсем забыла про него.

– Ба, что это такое? – сказала маркиза презрительно. – Клочок бумаги, не больше!

– Этот клочок бумаги, – возразил Лене, – даст нам возможность бороться с новым комендантом. Это наш щит от острова Сен-Жорж, это наше спасение, словом, какая-нибудь крепость на Дордони...

– И вы уверены, – спросила Клара, ничего не слышавшая из всего разговора с той минуты, как ей сказали о новом коменданте, – вы уверены, что Каноль, арестованный в Жоне, именно тот самый Каноль, который назначен теперь комендантом?

– Совершенно уверен.

- Странно же кардинал Мазарини отправляет своих комендантов к местам их назначения, – сказала она.
- Да, – сказала принцесса, – тут, верно, что-нибудь да есть.
- Разумеется, есть, – отвечал Лене, – тут действует Нанона Лартиг.
- Нанона Лартиг! – воскликнула виконтесса, которую страшное воспоминание укусило в самое сердце.
- Эта женщина! – с презрением пробормотала принцесса.
- Точно так, – сказал Лене, – та самая женщина, которую вы не хотели видеть, когда она просила чести быть вам представленной. Королева, не столь строгая, как вы, принимала ее... Поэтому-то она отвечала вашему камергеру, что принцесса Конде, может быть, гораздо важнее королевы Анны Австрийской, но во всяком случае, Анна Австрийская гораздо благоразумнее принцессы Конде.
- Память изменяет вам, или вы хотите пощадить меня, Лене! – вскричала принцесса. – Дерзкая сказала совсем не то, она сказала, что Анна Австрийская не благоразумнее, а просто умнее меня.
- Может быть, – отвечал Лене с улыбкою. – Я выходил в это время в переднюю и потому не слышал окончания фразы.
- Но я слышала у дверей, – сказала принцесса, – и я слышала всю фразу.
- Так вы можете понять, что эта женщина особенно будет стараться вредить вашему высочеству. Королева вышлет вам солдат, с которыми надобно сражаться, Нанона вышлет вам врагов, с которыми надобно бороться.
- Может быть, – сказала маркиза, – если бы вы были на месте принцессы, так вы приняли бы эту Нанону с особенным уважением.
- Нет, маркиза, я принял бы ее и подкупил бы.
- А, если ее можно подкупить, так на это всегда есть время.
- Разумеется, всегда есть время, но теперь, вероятно, это дело уже не по нашим деньгам.
- Так сколько же она стоит? – спросила принцесса.
- До начала войны она стоила пятьсот тысяч.
- А теперь?
- Миллион.
- Но за эти деньги я куплю самого Мазарини.
- Может быть, – отвечал Лене, – вещи, несколько раз продававшиеся, теряют ценность.
- Но, – сказала маркиза, любившая строгие и насильственные меры, – если ее нельзя купить, так ее можно взять.
- Вы оказали бы, маркиза, чрезвычайную услугу ее высочеству, если бы исполнили эту мысль, но трудно этого достигнуть, потому что вовсе неизвестно, где она теперь находится. Но нечего заниматься этим; прежде войдем в Бордо, а потом займем остров Сен-Жорж.
- Нет, нет, – воскликнула Клара, – прежде всего займем крепость Сен-Жорж!
- Это восклицание, вырвавшееся из души виконтессы, заставило обеих дам обернуться к ней, а Лене посмотрел на нее так внимательно, как мог смотреть только Ларошфуко, но с явною благосклонностью.
- Но ты забыла, – сказала ей принцесса, – что Лене говорит: крепость нельзя взять.
- Может быть, – возразила Клара, – но я думаю, что мы возьмем ее.
- Вы уже составили план? – спросила маркиза с видом женщины, которая боится новой соперницы.
- Может быть, – отвечала Клара.
- Но, – сказала принцесса с улыбкой, – если остров Сен-Жорж продается так дорого, то, может быть, мы не в состоянии купить его?
- Мы не купим его, – возразила виконтесса, – а все-таки он будет наш.
- Так мы возьмем его силою, – сказала маркиза. – Значит, вы возвращаетесь к моему плану.
- Именно так, – отвечала принцесса. – Мы поручим Ришону атаковать Сен-Жорж, он здешний, знает местность, и если кто-нибудь может овладеть крепостью, которую вы считаете такою

важною, так это он!

– Прежде атаки, – сказала Клара, – позвольте мне попробовать, не улажу ли я дело. Если мне не удастся, так извольте делать, что вам угодно.

– Как! Ты поедешь на остров Сен-Жорж? – спросила принцесса с удивлением.

– Поеду.

– Одна?

– С Помпеем.

– И ты не боишься?

– Я отправлюсь парламентаром, если вашему высочеству угодно дать мне инструкцию.

– А, вот это ново! – воскликнула маркиза. – Мне кажется, что дипломаты образуются не в одну минуту и что надобно долго изучать эту науку. Маркиз де Турвиль, лучший дипломат своего времени, как был он и отличнейший воин, называл ее труднейшею из всех наук.

– Хотя я ничего не знаю, – отвечала Клара, – однако же попробую, если ее высочеству угодно будет позволить мне...

– Разумеется, ее высочество позволит вам, – сказал Лене, значительно взглянув на принцессу, – я даже уверен, что никто, кроме вас, не может иметь успеха в таких переговорах.

– Что же может сделать виконтесса особенного, чего не сделали бы другие?

– Она просто станет торговаться с бароном Канолем, чего не может сделать мужчина, потому что его выбросят за это в окно.

– Да, мужчина не может, но всякая женщина...

– Если уж надобно посылать в Сен-Жорж даму, так лучше всего поручить это дело виконтессе, потому что она первая в это окно...

В эту минуту курьер явился к принцессе. Он привез письмо от Бордосского парламента.

– Ах, – воскликнула принцесса, – вот, верно, ответ вам!

Обе дамы приблизились, по чувству участия и по любопытству. Лене спокойно стоял на прежнем месте, зная наперед содержание депеши.

Принцесса жадно прочла ее.

– Они просят меня... Зовут... Ждут! – воскликнула она.

– Ага, – пробормотала маркиза де Турвиль с торжествующим видом.

– Но что про герцогов? – спросил Лене. – Что про армию?

– Ни слова.

– Так мы без защиты, – сказала маркиза.

– Нет, – возразила принцесса, – нет, с помощью бланка герцога д'Эпернона я возьму себе крепость Вер, которая доставит мне Дордонь.

– А я, – сказала Клара, – я возьму Сен-Жорж, ключ ко всей Гаронне.

– А я, – прибавил Лене, – доставлю вам герцогов и армию, если только вы дадите мне время действовать.

Часть третья. Виконтесса де Канб

I

На другой день приехали в Бордо. Следовало, наконец, решить, каким образом въедут в город. Герцоги с армией находились милях в десяти, стало быть, можно было попробовать въехать мирно или с войском. Всего важнее было знать, что лучше: повелевать в Бордо или повиноваться парламенту. Принцесса Конде собрала свой совет, состоявший из маркизы де Турвиль, Клары, придворных дам и Лене. Маркиза де Турвиль, знавшая своего противника, очень настаивала, чтобы его не допускать в совет, она основывалась на том, что это война женщин, в которой мужчины должны действовать только на полях битвы. Но принцесса объявила, что Лене представлен ей принцем, ее супругом, и потому она не может не призвать его в комнату совещаний, где, впрочем, присутствие его не может иметь важности, потому что решено, что он может говорить, сколько

ему угодно, но его не станут слушать.

Осторожность маркизы де Турвиль не была вовсе бесполезна; в два дня, употребленные на переезд, она успела настроить ум принцессы на воинственный лад, к которому она и без того уже склонилась. Маркиза боялась, чтобы Лене не разрушил всего ее труда, совершенного с такими усилиями.

Когда совет собрался, маркиза изложила свой план. Он состоял в том, чтобы тайно призвать герцогов и армию, добыть просьбою или силою известное число лодок и въехать в Бордо по реке при криках: «К нам, жители Бордо! Да здравствует Конде! Долой Мазарини!» Таким образом, въезд принцессы становился настоящим торжественным шествием, и маркиза де Турвиль непрямым путем возвращалась к любимой своей мечте: взять Бордо силою и напугать королеву армией, которая начинает тем, что берет города.

Лене во все это время кивал головою в знак одобрения и прерывал слова маркизы только похвальными восклицаниями. Потом, когда она окончила изложение плана, он сказал:

– Бесподобно, маркиза! Извольте сказать заключение.

– Оно очень легко и состоит из двух слов, – продолжала торжествующая старушка, воодушевляясь собственным своим рассказом, – среди дождя пуль, при звуке колоколов, при криках негодования или любви народа слабые женщины мужественно пойдут к великому своему назначению. Малютка на руках матери станет просить защиты у парламента. Это умиленное зрелище непременно тронет самые жестокие души. Таким образом, мы одержим победу наполовину силою, наполовину справедливостью нашего дела, а в этом состоит вся цель ее высочества.

Заключение произвело еще более впечатления, чем самое изложение плана маркизы. Все были в восторге, более всех принцесса. Клара соглашалась с нею, потому что ей очень хотелось ехать на остров Сен-Жорж для переговоров. Начальник телохранителей тоже поддакивал, потому что он по званию своему должен был искать случая показать храбрость. Лене более нежеле хвалил, он встал, взял руку маркизы и почтительно и нежно сжал ее.

– Маркиза, – сказал он, – если бы я не знал всего вашего ума, если бы не знал, как вам известны, по инстинкту или по изучению, важный политический и военный вопрос, который теперь нас занимает, то теперь убедился бы в ваших достоинствах и поклонился бы самой полезной советнице ее высочества.

– Не правда ли, Лене, – сказала принцесса, – план превосходен? И я тоже думала. Виалас, надеть на герцога Энгиенского шпагу, которую я приказала приготовить для него, шлем и его оружие.

– Да, скорее, Виалас, но прежде позвольте мне сказать только одно слово, – начал Лене.

Маркиза Турвиль, начинающая уже гордиться, вдруг опечалилась, потому что знала, как обыкновенно Лене восстает на нее.

– Извольте, говорите! – сказала принцесса. – Что еще?

– Почти ничего, самое ничтожное замечание. Никогда еще не предлагали плана, который бы так согласовался с вашим августейшим характером.

От этих слов маркиза Турвиль еще более нахмурилась, а принцесса, прежде начинавшая сердиться, теперь улыбнулась.

– Но, ваше высочество, – продолжал Лене, следя глазами за влиянием этого страшного «но» на свою обыкновенную соперницу – соглашаясь с особенным удовольствием на исполнение этого плана, который один только нам приличен, я осмелюсь предложить маленькое изменение.

Маркиза с неудовольствием и холодно повернулась и приготовилась к защите.

Принцесса опять нахмурила брови.

Лене поклонился и просил позволения продолжать.

– Звуки колоколов, крики народной любви, – сказал он, – порождают во мне радость, которую я не могу даже выразить, но я не совсем спокоен насчет дождя пуль, о котором говорила маркиза.

Маркиза приосанилась, приняла воинственный вид. Лене поклонился еще ниже и продолжал, понизив голос на полтона:

– Разумеется, умиительно было бы видеть женщину и малютку спокойными во время такой

бури, которая обыкновенно пугает даже мужчин. Но я боюсь, что одна из этих безрассудных пуль, которые поражают бессознательно и слепо, повернет дело в пользу кардинала Мазарини и испортит наш план, который, впрочем, превосходен. Я совершенно согласен с мнением, так красноречиво выраженным маркизою де Турвиль, что принцесса должна открыть себе дорогу к парламенту, но не оружием, а просьбою. Я думаю, наконец, что гораздо похвальнее будет тронуть самые жестокие души, чем победить самые неустрашимые сердца. Думаю, что первое средство в тысячу раз легче последнего, и что цель принцессы одна – вступить в Бордо. Прибавлю, что вступление наше туда очень ненадежно, если мы вздумаем сражаться...

– Вы увидите, – сказала маркиза с желчью, – что господин Лене разрушит весь мой план, как бывает обыкновенно, и мало-помалу предложит свой вместо моего.

– Помилуйте! – вскричал Лене, пока принцесса успокаивала маркизу улыбкою и взглядом. – Я стану разрушать ваш план, я, ваш искренний почитатель? О, нет!.. Но я знаю, что из Бле приехал в Бордо офицер королевских войск, ему поручено взволновать умы против ее высочества. Знаю притом, что Мазарини кончит одним ударом, если представится удобный случай к тому. Вот почему я боюсь дождя пуль, о котором сейчас говорила маркиза де Турвиль, и между ними боюсь особенно пуль рассудительных, еще более, чем тех, которые поражают бессознательно и слепо.

От последних слов Лене принцесса задумалась.

– Вы всегда все знаете, – сказала маркиза голосом, дрожащим от гнева.

– Однако же жаркая стычка была бы, славное дело, – сказал, вставая и притопывая ногою, начальник телохранителей, старый воин, веривший в силу оружия.

Лене нажал ему ногу, взглянув на него с самою приятною улыбкою.

– Точно так, капитан, – сказал он, – но вы, вероятно, тоже полагаете, что жизнь герцога Энгийенского необходима нашему делу, и если он будет взят в плен или убит, то и настоящий генералиссимус войск принцев будет взят в плен или убит.

Начальник телохранителей понял, что этот титул генералиссимуса, данный семилетнему ребенку, превращает его, старого служаку, в настоящего предводителя войска, он понял, что сказал глупость, отказался от первой своей мысли и начал жарко поддерживать Лене.

Между тем маркиза приблизилась к принцессе и разговаривала с нею вполголоса. Лене увидел, что ему придется выдержать еще нападение.

Действительно, принцесса повернулась к нему и сказала с досадой:

– В самом деле, странно... С таким усердием расстроить все, что было так хорошо устроено.

– Вы изволите ошибаться, – возразил Лене. – Никогда я ничего не расстраиваю с особенным усердием, а, напротив, стараюсь все уладить. Если, несмотря на мои предостережения, вам угодно подвергать опасности жизнь вашу и вашего сына, вы вольны умереть, и все мы умрем вместе с вами: ведь это самое легкое дело, любой лакей вашей свиты и самый жалкий из горожан могут сделать то же. Но если мы хотим иметь успех, несмотря на усилия Мазарини, королевы, парламентов, Наноны Лартиг, словом, несмотря на все препятствия, неразлучные с слабостью нашего положения, так вот что остается нам...

– Милостивый государь, – заносчиво вскричала маркиза, схватившись за последнюю фразу Лене, – слабости нет там, где есть имя Конде и две тысячи воинов, сражавшихся при Рокруа, Нордлингене и Лане. А если уж мы слабее, то мы всячески погибли, и не ваш план, как бы он ни был превосходен, спасет нас!

– Я читал, – ответил Лене, наперед наслаждаясь эффектом, который он произведет на принцессу, слушавшую внимательно, – я читал, что вдова одного из знаменитейших римлян, при Тиверии, великодушная Агриппина, у которой отняли супруга ее Германика, принцесса, которая могла одним словом собрать целую армию, – что Агриппина вошла одна в Бринд, прошла по целой стране пешком, одетая в траурную одежду, и вела за руку детей своих. Она шла, бледная, с заплаканными глазами, опустив голову, а дети ее рыдали и молили взглядом... Тут все, видевшие ее, а их было более двух миллионов от Бринда до Рима, сами зарыдали, проклинали злодеев, грозили им, и дело Агриппины было выиграно не только в Риме, но даже во всей Италии, не только у современников, но и у потомства: она не встретила сопротивления слезам и стонам своим, а мечи ее встретились бы с мечами, копыя с копыями... Думаю, что есть большое сходство между принцес-

сой и Агриппиной, между принцем и Германиком и, наконец, между отравителем Пизоном и кардиналом Мазарини. Если есть сходство, если положение одно и то же, то я прошу и поступить, как поступила Агриппина. По мнению моему, то, что так превосходно удалось тогда, не может не иметь такого же успеха теперь...

Одобрительная улыбка явилась на устах принцессы и утвердила успех речи Лене. Маркиза ушла в угол комнаты. Виконтесса Канб, нашедшая друга в Лене, поддержала его за то, что он поддерживал ее. Старый служака плакал от души, а маленький герцог Энгийенский весело закричал:

– Маменька! Вы поведете меня за руку и оденете в траурное платье?

– Да, сын мой, – отвечала принцесса. – Лене, вы знаете, что я всегда имела намерение показаться жителям Бордо в траурном платье.

– Черный цвет удивительно идет вашему высочеству, – сказала Клара потихоньку.

– Тише, – отвечала принцесса, – маркиза будет кричать об этом громко, так уж нечего толковать вполголоса.

Программа въезда в Бордо была утверждена на основаниях, предложенных осторожным Лене. Придворным дамам приказали приготовляться. Юного принца одели в белое платье с черными и серебряными обшивками, дали ему шляпу с белыми и черными перьями. Принцесса, подражая Агриппине, оделась с изысканною простотою в черное платье без бриллиантов.

Лене, учредитель торжества, много хлопотал о своем великолепии. Дом, в котором он жил в двух лье от Бордо, постоянно был наполнен приверженцами принцессы, желавшими знать, какого рода прием будет ей приятнее. Лене, как директор театра, посоветовал им употребить в дело цветы, клики восторга и колокола. Потом для удовольствия воинственной маркизы Турвиль предложил воинственную пальбу.

На другой день, 31 мая, по приглашению парламента, принцесса отправилась в путь. Некто Лави, генерал-адвокат парламента и жаркий приверженец Мазарини, велел еще накануне запереть ворота, чтобы принцесса не могла вступить в город. Но против него действовали приверженцы партии Конде, а утром собрался народ и при криках: «Да здравствует принцесса! Да здравствует герцог Энгийенский!» разбил топорами ворота. Таким образом, не представлялось препятствий знаменитому въезду, который начинал принимать характер триумфа. Наблюдатель мог видеть в этих двух событиях влияние начальников двух партий, разделявших город: Лави получал приказания прямо от герцога д'Эпернона, а народ имел своих начальников, получавших советы от Лене.

Едва принцесса въехала в ворота, как началась давно подготовленная сцена в гигантских размерах. Корабли, стоявшие в порту, встретили ее пушечною пальбою, тотчас загревели и городские пушки. Цветы летели из окон или вились по улицам гирляндами, мостовая была покрыта ими. Тридцать тысяч жителей и жительниц Бордо всех возрастов кричали беспрестанно, усердие их возрастало ежеминутно, потому что они ненавидели Мазарини, а принцесса и сын ее внушали им живейшее участие.

Впрочем, маленький герцог Энгийенский лучше всех сыграл свою роль. Принцесса не решилась вести его за руку, боясь, что он устанет или упадет под грудю цветов. Поэтому принца нес камер-юнкер. У мальчика руки были свободны, он посылал поцелуи направо и налево и грациозно снимал свою шляпу с перьями.

Жители Бордо легко приходят в восторг. Женщины почувствовали беспредельную любовь к хорошенькому мальчику, который плакал так мило. Старые судьи трогались словами маленького оратора, который говорил: «Господа, кардинал отнял у меня батюшку, замените же мне отца».

Напрасно приверженцы Мазарини пытались сопротивляться. Кулаки, камни и даже алебарды принудили их к осторожности, они поневоле должны были уступить триумфаторам.

Виконтесса де Канб, бледная и важная, шла за принцессой и привлекала взоры. Она думала об этом торжестве с некоторой грустью: она боялась, что сегодняшний успех, может быть, заставит забыть принятое вчера решение. Она шла в толпе, ее толкали ухаживатели, толкал народ; на нее сыпались цветы и почтительные ласки; она боялась, что ее понесут в триумфе, потому что несколько голосов начинали уже кричать об этом. Вдруг увидела она Лене, который заметил ее волнение, подал ей руку и довел до экипажа. Между тем она, отвечая собственной своей мысли, сказала:

- Ах, как вы счастливы, Лене! Вы всегда во всем заставляете принимать ваши советы, и их всегда исполняют. Правда, – прибавила она,
- они всегда хороши и полезно слушать их...
- Мне кажется, виконтесса, вы не можете жаловаться, вы дали только один совет, и его тотчас приняли.
- Как так?
- Ведь решено, что вы поедете на остров Сен-Жорж.
- Но когда?
- Хоть завтра, если обещаете мне неудачу.
- Будьте спокойны; я очень боюсь, что желание ваше исполнится.
- Тем лучше.
- Я вас не совсем понимаю.
- Нам нужно сопротивление крепости Сен-Жорж, чтобы жители Бордо приняли наших герцогов и армию, а они нам чрезвычайно нужны в теперешнем нашем положении.
- Разумеется, – отвечала Клара, – но, хотя я не так знакома с военным делом, как маркиза Турвиль, однако же, мне кажется, что не атакуют крепости, не потребовав прежде, чтобы она сдалась.
- Совершенно так.
- Стало быть, пошлют кого-нибудь для переговоров на остров Сен-Жорж?
- Разумеется.
- Так я прошу, чтобы послали меня.
- Лене изумился.
- Вас, – вскрикнул он, – вас! Но, верно, все наши дамы превратились в амазонок?
- Позвольте мне исполнить мою прихоть, господин Лене.
- Вы совершенно правы. Тут может быть только одно дурно для нас: вы, пожалуй, возьмете крепость.
- Стало быть, решено?
- Решено.
- Но еще одно обещание.
- Что такое?
- Чтобы в случае неудачи никто не знал имени парламентаря, которого вы пошлете.
- Извольте, – сказал Лене, подавая руку Кларе.
- Когда же ехать?
- Когда вам угодно.
- Завтра?
- Пожалуй.
- Хорошо. Вот принцесса с сыном выходит на террасу президента Лалана. Предоставляю мою долю триумфа маркизе де Турвиль. Извините меня перед ее высочеством, скажите, что я вдруг заболела. Велите довести меня до квартиры, которую вы приготовили мне: я пойду готовиться к отъезду и думать о данном мне поручении, которое очень беспокоит меня: я ведь исполняю первое поручение в этом роде, а в вашем свете, говорят, все зависит от первого дебюта.
- Теперь, – сказал Лене, – я не удивляюсь, что Ларошфуко едва не изменил герцогине Лонгвиль ради вас. Вы равны с нею во многих отношениях, а в некоторых гораздо выше ее.
- Может быть, – отвечала Клара, – и я принимаю ваш комплимент. Но если вы имеете какое-нибудь влияние на герцога де Ларошфуко, утвердите его в первой его любви, потому что я боюсь второй.
- Извольте, постараюсь, – сказал Лене с улыбкою, – сегодня вечером я дам вам инструкцию.
- Так вы соглашаетесь, чтобы я доставила вам остров Сен-Жорж?
- Поневоле согласишься, если так вам угодно.
- А герцоги и армии?
- У меня есть другое средство призвать их сюда.
- Лене дал кучеру адрес квартиры виконтессы, ласково простился с Кларой и пошел к прин-

цессе.

II

На другой день после въезда принцессы в Бордо Каноль давал большой обед на острове Сен-Жорж. Он пригласил офицеров гарнизона крепости и комендантов прочих крепостей провинции.

В два часа пополудни, когда назначен был обед, Каноль встретил у себя человек двенадцать дворян, которых он видел в первый раз. Они рассказывали о вчерашнем важном событии, шутили насчет дам, сопровождавших принцессу, и весьма мало походили на людей, собирающихся сражаться и заботящихся о самых важных государственных интересах.

Веселый Каноль в шитом золотом мундире оживлял общую радость своим примером.

Хотели садиться за стол.

– Милостивые государи, – сказал хозяин, – извините, недостает еще одного гостя.

– Кого же? – спросили молодые люди, глядя друг на друга.

– Верского коменданта. Я писал к нему, хотя не знаю его. Именно потому, что мы не знакомы, я обязан быть с ним особенно обходительным. Поэтому я прошу вас дать мне еще полчаса времени.

– Верский комендант! – сказал старый офицер, привыкший к военной аккуратности, которого эта отсрочка заставила вздохнуть. – Позвольте, если я не ошибаюсь, теперь комендантом в Вере маркиз де Берне, но он сам не управляет, у него есть лейтенант.

– Так он не приедет, – сказал Каноль, – а пришлет своего лейтенанта вместо себя. Сам он, верно, при дворе, где добывают милости.

– Но, барон, – сказал один из гостей, – мне кажется, не нужно жить при дворе, чтобы идти вперед по службе; и я знаю одного известного мне коменданта, который не может жаловаться. Черт возьми! В три месяца он пожалован в капитаны, в подполковники и назначен комендантом острова Сен-Жорж. Славный скачок по службе, признайтесь сами!

– Да, признаюсь, – отвечал Каноль, покраснев, – и, не зная, чему приписать такие милости, должен сказать, что у меня есть какой-нибудь гений, раз мне так везет.

– Мы знаем вашего доброго гения, – сказал лейтенант, показывавший Канолью крепость. – Ваш добрый гений – ваши достоинства.

– Не оспариваю его достоинств, – сказал другой офицер, – напротив, первый признаю их. Но к этим достоинствам прибавлю еще рекомендацию одной дамы – самой умной, самой добродетельной, самой любезной из всех французских дам – разумеется, не считая королевы.

– Без намеков, граф, – сказал Каноль, улыбаясь. – Если у вас есть тайны, так берегите их для себя. Если вы знаете тайны ваших друзей, так берегите их для друзей.

– Признаюсь, – сказал один офицер, – когда у нас просили извинения, отсрочки на полчаса, я думал, что дело идет о каком-нибудь ослепительном наряде. Теперь вижу, что я ошибся.

– Неужели мы пообедаем без женщин? – спросил другой.

– Что же делать? Разве пригласить принцессу со всей свитой? А больше нам не с кем обедать, – отвечал Каноль. – Притом же, не забудем, господа, что наш обед серьезный: если мы захотим говорить о делах, так надоедим только самим себе.

– Хорошо сказано, комендант, хотя по правде следует признаться, что теперь женщины предприняли нападение на нашу власть, а в доказательство приведу слова, которые при мне кардинал сказал дону Луи де Геро.

– Что такое? – спросил Каноль.

– Вы, испанцы, очень счастливы! Испанские женщины занимаются только деньгами, кокетством и любовниками, а у нас во Франции женщины выбирают себе почитателей, соображаясь с политикой. Так что, – прибавил кардинал с отчаянием, – так что любовные свидания проходят в разборе распоряжений министерства.

– Зато, – сказал Каноль, – война, которую мы теперь ведем, называется женскою. Это очень для нас лестно.

Полчаса, выпрошенные Канолем, прошли, дверь отворилась и лакей доложил, что кушанье

готово.

Каноль пригласил гостей в столовую, но когда они пошли, голос другого лакея раздался в передней:

– Господин комендант Вера!

– Ага, – сказал Каноль, – это очень мило с его стороны.

И он пошел навстречу товарищу, которого еще не знал, но вдруг вскричал с удивлением:

– Ришон! Ришон – комендант Вера!

– Да, я сам, любезный барон, – отвечал Ришон, сохраняя свой обычный важный вид.

– Тем лучше! Тысячу раз тем лучше! – сказал Каноль, дружески пожимая ему руку. – Милостивые государи, – прибавил он, обращаясь к гостям, – вы не знаете моего друга, но я знаю его и громко говорю, что нельзя было поручить важной должности более честному человеку.

Ришон осмотрелся важно, как орел, который прислушивается, и, видя во всех взглядах только удивление и благосклонность, сказал Каноль:

– Любезный барон, вы беретесь отвечать за меня, так потрудитесь познакомить меня с этими господами, которых я не имею чести знать.

И Ришон указал глазами на трех или четырех гостей, которых он видел в первый раз.

Тут пошел обмен тонких учтивостей, которые придавали столько благородства и дружелюбия всем сношениям в то время. Через четверть часа Ришон стал другом всех молодых офицеров и мог уже попросить у каждого и его шпагу, и его кошелек. Ручательством за него служили его известная храбрость, его безукоризненная репутация и благородство, выражавшееся в его глазах.

– Черт возьми! – сказал комендант Брона. – Надобно признаться, что кардинал Мазарини знаток в военных людях и с некоторого времени мастерски устраивает дела. Он чует войну и хорошо выбирает комендантов: Каноль здесь, Ришон в Вере!

– А будут ли драться? – спросил Ришон небрежно.

– Будут ли драться? – повторил молодой человек, приехавший прямо от двора. – Вы спрашиваете, будут ли драться, Ришон?

– Да.

– Так я спрошу у вас, в каком положении ваши бастионы?

– Да они почти новые, я только три дня вступил в управление крепостью, а произвел в них починок столько, сколько не было произведено в продолжение прежних трех лет.

– Ну, так они не замедлят пойти впрок, – сказал молодой человек.

– Тем лучше, – прибавил Ришон. – Чего могут желать военные люди? Войны!

– Хорошо, – подхватил Каноль, – король теперь может почивать спокойно, потому что жители Бордо в узде: обе реки заняты.

– Правда, – произнес Ришон важно, – тот, кто дал мне это место, может надеяться на меня.

– А давно ли вы в Вере?

– Только три дня, а вы, Каноль, давно здесь?

– Уже неделю. Так ли вас приняли, как меня, Ришон? Мой прием был великолепен, и я, кажется, еще не довольно благодарил моих офицеров. Я слышал колокола, барабаны, радостные крики, не доставало только пушечной пальбы, но ее обещают мне через несколько дней, и это утешает меня.

– Вот какая разница между нами, – отвечал Ришон. – Я явился в крепость, мой милый Каноль, так же скромно, как вы великолепно, мне дан был приказ ввести в Вер сто человек, сто тюренских воинов, и я не знал, как это сделать, когда вдруг получил мой диплом, подписанный герцогом д'Эперноном. В это время я находился в Сен-Пьере. Я тотчас поехал, отдал письмо моему лейтенанту и без шума, как можно тише принял начальство над крепостью. Теперь я там.

Каноль, сначала смеявшийся, при последних словах Ришона встревожился каким-то мрачным предчувствием.

– И вы как дома? – спросил он.

– Стараюсь устроить так, – отвечал Ришон спокойно.

– А сколько у вас человек?

– Во-первых, сто человек Тюренского полка, все старые солдаты, дрались при Рокруа, на них

можно понадеяться. Потом рота, которую я набираю из городских жителей, и учу их по мере того, как рекруты прибывают: горожане, молодые люди, работники, всего человек двести. Наконец, жду подкрепления, еще человек сто или полтораста, нанятых тамошним капитаном.

– Капитаном Рамбле? – спросил один из гостей.

– Нет, капитаном Ковиньяком, – отвечал Ришон.

– Мы такого не знаем, – сказали несколько голосов.

– А я знаю, – сказал Каноль.

– Он испытанный роялист?

– Ну, не отвечаю за него. Однако же я имею полное право думать, что капитан Ковиньяк – приверженец герцога д'Эпернона и очень ему предан.

– Так и ответ готов: кто предан герцогу, тот предан и королю.

– Это должно быть передовой королевского авангарда, – сказал старый офицер, старавшийся наверстать за столом потерянное время. – Мне так говорили о нем.

– Разве его величество уже в дороге? – спросил Ришон с обыкновенным своим спокойствием.

– Да, теперь король должен быть, пожалуй, не дальше как в Блуа, – отвечал молодой придворный.

– Вы знаете?

– Наверное знаю. Армией будет командовать маршал де Мельере, который должен здесь в окрестностях соединиться с герцогом д'Эперноном.

– Может быть, в Сен-Жорже? – спросил Каноль.

– Или в Вере, – прибавил Ришон. – Маршал де Мельере идет из Бретани, и Вер на его пути.

– Кому придется выдержать натиск двух армий, тот может побояться за свои бастионы, – сказал комендант Брона. – У маршала де Мельере тридцать орудий, а у герцога двадцать пять.

– Славная пальба будет, – сказал Каноль, – жаль, что мы ее не увидим.

– Да, если кто-нибудь из нас не пристанет к партии принцев, – заметил Ришон.

– Ваша правда, но во всяком случае Каноль все-таки увидит огонь. Если он перейдет к принцам, то познакомится с пушками маршала де Мельере и герцога д'Эпернона. Если останется верным королю, то увидит огонь жителей Бордо.

– О, их я не считаю страшными, – отвечал Каноль, – и, признаюсь, мне стыдно иметь дело только с ними. По несчастию, я телом и душою предан королевской партии, и мне придется довольствоваться войною с невоенными.

– А они повоюют с вами, – сказал Ришон, – уверяю вас!

– Так вы что-нибудь об этом знаете? – спросил Каноль.

– Не только знаю, но даже уверен в этом. Городской совет решил, что прежде всего займут остров Сен-Жорж.

– Хорошо, – отвечал Каноль, – пусть придут, я их жду.

Начинали приниматься за десерт, как вдруг у ворот крепости раздались звуки барабана.

– Что это значит? – спросил Каноль.

– Черт возьми! – сказал молодой офицер. – Вот будет любопытно, если вас теперь атакуют, милый Каноль, приступ – чудесное препровождение времени после обеда.

– Да оно на то и похоже, – прибавил старый комендант. – Эти проклятые горожане всегда так делают: беспокоят во время обеда. Я находился на аванпостах в Шарантоне, когда дрались у Парижа: мы никогда не могли ни позавтракать, ни пообедать спокойно.

Каноль позвонил.

Солдат вошел в комнату.

– Что там такое? – спросил Каноль.

– Еще неизвестно, господин комендант. Верно, посланный от короля или от города.

– Узнай и приди сказать.

Солдат поспешно вышел.

– Сядем опять за стол, – сказал Каноль гостям, которые почти все встали. – Успеет бросить десерт, когда услышим пушечную пальбу.

Гости засмеялись и сели на прежние места. Один только Ришон несколько беспокоился и внимательно смотрел на дверь, ожидая возвращения солдата. Но вместо солдата явился офицер с обнаженной шпагой.

– Господин комендант, – сказал он, – приехал парламентар.

– От кого? – спросил Каноль.

– От принцев.

– Откуда?

– Из Бордо.

– Из Бордо! – повторили все гости, кроме Ришона.

– Ого, – сказал старый офицер, – стало быть, война решительно объявлена, когда посылают парламентаров?

Каноль задумался, и его лицо, за минуту еще веселое, приняло серьезное выражение, приличное обстоятельствам.

– Господа, – сказал он, – долг прежде всего! Вероятно, мне придется с парламентаром города Бордо решить затруднительный вопрос. Не знаю, когда можно будет мне возвратиться к вам.

– Помилуйте! – отвечали все гости в один голос. – Отпустите нас, комендант, ваше дело напоминать нам, что и мы должны как можно скорее возвратиться на свои места. Стало быть, следует теперь же расстаться.

– Я не смел предложить вам этого, господа, – сказал Каноль. – Но если вы сами на это решились, я сознаюсь, что это очень благоразумно... Приготовить лошадей и экипажи! – закричал Каноль.

Через несколько минут быстро, как на поле битвы, гости сели на лошадей или в экипажи и в сопровождении конвоев поехали по разным направлениям.

Остался один Ришон.

– Барон, – сказал он Канолью, – я не хотел расстаться с вами, как все другие, потому что вы знали меня прежде всех этих господ. Прощайте! Дайте мне руку, желаю вам всевозможного счастья!

Каноль подал ему руку.

– Ришон, – сказал он, глядя на него пристально, – я вас знаю: в вас происходит что-то необыкновенное. Вы мне не говорите об этом, стало быть – это не ваша тайна. Однако же вы взволнованы, а когда такой человек, как вы, взволнован, должна быть важная причина.

– Разве мы не расстаемся? – сказал Ришон.

– Мы тоже расставались в гостинице Бискарро, однако же тогда вы были спокойны.

Ришон печально улыбнулся.

– Барон, – сказал он, – предчувствие говорит мне, что мы уже не увидимся.

Каноль вздрогнул: столько было грустного чувства в голосе Ришона, обыкновенно очень твердом.

– Что же, – отвечал Каноль, – если мы не увидимся, так один из нас умрет. Умрет смертью храбрых, и в таком случае, умирая, он будет уверен, что живет в сердце друга. Поцелуемся, Ришон! Вы пожелали мне счастья, я пожелаю вам мужества.

Оба они бросились друг другу в объятия, и долго благородные их сердца бились одно возле другого.

Ришон отер слезу, которая, может быть, в первый раз омрачила его гордый взгляд. Потом, как бы боясь, что Каноль увидит слезу, он бросился из комнаты, вероятно, стыдясь, что выказал столько слабости при человеке, которого неустрашимая твердость была ему так известна.

III

В столовой остался один Каноль, у дверей стоял офицер, принесший известие о парламенте.

– Что же отвечать? – спросил он, подождав с минуту.

Каноль, стоявший в задумчивости, вздрогнул, услышав этот голос, поднял голову и спросил:

- А где же парламентар?
- В фехтовальном зале.
- Кто с ним?
- Два солдата бордосской милиции.
- Кто он?
- Молодой человек, сколько я мог видеть, потому что он прикрыт широкой шляпой и завернулся в широкий плащ.
- Как он называет себя?
- Он называет себя посланным от принцессы Конде и парламента.
- Попросите его подождать минуту, – сказал Каноль. – Я сейчас выйду.
- Офицер вышел, и Каноль готовился идти за ним, как вдруг дверь отворилась и вошла Нанона, бледная, в трепете, но с очаровательной улыбкой. Она схватила его за руку и сказала:
  - Друг мой! Здесь парламентар. Что это значит?
  - Это значит, милая Нанона, что жители Бордо хотят соблазнить или напугать меня.
  - А что вы решили?
  - Я приму его.
  - Разве нельзя отказать?
  - Невозможно. Есть обычаи, которые нужно непременно исполнять.
  - Боже!
  - Что с вами, Нанона?
  - Я боюсь.
  - Чего?
  - Да вы сами сказали мне, что парламентар приехал соблазнить или напугать вас...
  - Правда, парламентар годится только на то или на другое. Уж не боитесь ли вы, Нанона, что он испугает меня?
  - О, нет! Но он, может быть, соблазнит вас...
  - Вы оскорбляете меня, Нанона!
  - Ах, друг мой, я говорю, то, чего боюсь.
  - Вы сомневаетесь во мне до такой степени! За кого же вы принимаете меня?
  - За то, что вы есть, Каноль, то есть за благородного, но очень нежного человека.
  - Да что ж это значит? – спросил Каноль с улыбкой. – Какого же парламентаря прислали ко мне? Уж не купидона ли?
  - Может быть!
  - Так вы его видели?
  - Не видала, но слышала его голос, который показался мне слишком сладким для парламентаря.
  - Нанона, вы с ума сошли. Позвольте мне исполнять мои обязанности: вы доставили мне место коменданта...
  - Чтобы вы защищали меня, друг мой.
  - Так вы считаете меня подлецом, способным изменить вам? Ах, Нанона, вы жестоко оскорбляете меня вашими сомнениями!
  - Так вы решились видаться с ним?
  - Я обязан принять его, и, признаюсь, буду вами недоволен, если вы не перестанете мешать мне...
  - Делайте, что вам угодно, друг мой, – сказала Нанона печально. – Только одно слово еще...
  - Говорите.
  - Где вы примете его?
  - В моем кабинете.
  - Одной милости прошу, Каноль...
  - Что такое?
  - Примите его не в кабинете, а в спальне.
  - Что за мысль?

- Разве вы не понимаете?
- Нет.
- Возле моя комната.
- И вы решитесь подслушивать?
- За занавесками, если вы позволите.
- Нанона!
- Позвольте мне остаться при вас, друг мой. Я верю в мою звезду, я принесу вам счастье.
- Однако же, Нанона, если парламентар...
- Что такое?
- Должен доверить мне государственную тайну.
- Разве вы не можете доверить государственную тайну той, которая доверила вам свою жизнь и свои сокровища?
- Пожалуй, подслушайте нас, Нанона, если вам непременно так хочется, но не удерживайте меня долее, парламентар ждет.
- Ступайте, Каноль, ступайте, позвольте только поблагодарить вас за снисхождение. Она хотела поцеловать его руку.
- Как можно! – вскричал Каноль, прижимая ее к груди и целуя в лоб.
- Так вы будете...
- Буду стоять за занавесками вашей кровати. Оттуда я все увижу и услышу.
- Смотрите, Нанона, только не расхохочитесь: ведь это дела важные.
- Будьте спокойны, я не стану смеяться.

Каноль приказал ввести посланного и прошел в свою комнату – огромную залу, меблированную во времена Карла IX чрезвычайно строго: два канделябра горели на камине, но освещали комнату неясно, постель, стоявшая в углублении, находилась в совершенной темноте.

– Вы тут, Нанона? – спросил Каноль.

Едва слышное «да» долетело до его слуха.

В эту минуту раздались шаги, часовой отдал честь. Посланный вошел и, думая, что остается один с Канолем, снял шляпу и сбросил плащ. Белокурые его волосы рассыпались по прелестным плечам; стройная женская талия показалась под золотою перевязью, и Каноль по очаровательной и печальной улыбке узнал виконтессу де Канб.

– Я сказала вам, что увижу вас, и держу слово, – сказала она. – Вот я здесь!

Каноль от удивления и страха всплеснул руками и опустил в кресло.

– Вы, вы здесь!.. – прошептал он. – Боже мой! Зачем вы приехали? Чего вы хотите?

– Хочу спросить у вас, помните ли вы меня?

Каноль тяжело вздохнул и закрыл лицо руками, как бы желая удалить это очаровательное и вместе с тем роковое видение.

Тут все объяснилось ему: страх, бледность, трепет Наноны и особенно ее желание подслушивать. Нанона глазами ревности узнала женщину в парламенте.

– Хочу спросить у вас, – продолжала Клара, – готовы ли вы исполнить обещание, данное мне в Жоне, готовы ли вы подать королеве просьбу об отставке и пристать к партии принцев?

– О, не спрашивайте, виконтесса, не спрашивайте! – вскричал Каноль.

Клара вздрогнула, услышав трепещущий голос барона, и, осмотревшись с беспокойством, спросила:

– Разве мы не одни?

– Одни, – отвечал Каноль, – но нас могут слышать через стену.

– Я думала, что стены крепости Сен-Жорж плотны, – сказала Клара с улыбкой.

Каноль не отвечал.

– Я пришла спросить у вас, – продолжала Клара, – почему я не получила от вас известия, хотя вы здесь уже с неделю или даже более. Я даже не знала бы, кто комендантом в Сен-Жорже, если бы случай или, лучше сказать, молва не известила меня, что человек, который назад тому только двенадцать дней клялся мне, что опала кажется ему блаженством, потому что позволяет ему отдать шпагу, храбрость, жизнь нашей партии...

Нанона не могла удержать движения, от которого Каноль вздрогнул, а виконтесса обернулась.

– Что такое? – спросила она.

– Ничего, – отвечал Каноль, – в этой старой комнате беспрестанно раздается зловещий треск.

– Если же что-нибудь другое, так не скрывайте от меня, – сказала она Каноль, положив свою руку на его руку. – Вы должны понимать, барон, что у нас будет серьезный разговор, раз я решилась сама приехать к вам.

Каноль отер с лица пот, принудил себя улыбнуться и сказал:

– Извольте говорить.

– Я пришла напомнить вам об обещании и спросить, готовы ли вы?

– Ах, виконтесса! Теперь это невозможно!

– Почему же?

– Потому что со времени нашей разлуки много случилось неожиданных происшествий, возобновились узы, которые я считал расторгнутыми, вместо заслуженного наказания королева оказала мне милость, которой я недостоин. Теперь я прикован к партии ее величества... благодарностью.

Послышался вздох... Вместо последнего слова бедная Нанона, верно, ждала какого-нибудь другого.

– Не благодарностью, а честолубием, барон. Впрочем, я это понимаю. Вы аристократ, вам только двадцать восемь лет, а вас произвели уже в подполковники, назначили комендантом крепости. Все это очень лестно, но не более как награда за ваши достоинства, а ведь не один Мазарини умеет ценить их...

– Довольно, виконтесса!.. Прошу вас!

– Теперь говорит с вами не виконтесса де Канб, а посланная ее высочества принцессы Конде, она обязана исполнить данное ей поручение.

– Говорите, – сказал Каноль со вздохом, похожим на стон.

– Принцесса, узнав о намерении вашем, которое вы сообщили мне сначала в Шантильи, а потом в Жоне, и желая решительно знать, к какой партии вы теперь принадлежите, решила послать к вам парламентаря. Может быть, другой парламентарь поступил бы в этом случае как-нибудь неосторожно, вот почему я взялась за это поручение, думая, что лучше всех могу исполнить его, потому что вы доверили мне самые сокровенные ваши мысли по этому предмету.

– Покорно вас благодарю, виконтесса, – отвечал Каноль, раздираемый противоречивыми чувствами: он слышал во время разговора прерывистое дыхание Наноны.

– Вот что предлагаю я вам... Разумеется, от имени принцессы... Если бы я предлагала от своего, – прибавила Клара с очаровательною улыбкою, – то порядок моих предложений был бы совсем другой.

– Я слушаю, – сказал Каноль глухим голосом.

– Сдайте остров Сен-Жорж на одном из трех следующих условий. Вот первое (помните, что я говорю не от себя): двести тысяч ливров...

– Довольно! Довольно! – вскричал Каноль, стараясь прервать разговор. – Королева поручила мне крепость, эта крепость – остров Сен-Жорж, я буду защищать его до последней капли крови.

– Вспомните прошедшее, барон, – печально сказала Клара. – Не то говорили вы мне при последнем нашем свидании, когда вы предлагали мне бросить все и ехать за мною... Когда вы держали уже перо и готовились просить отставку у тех, кому теперь хотите пожертвовать жизнью.

– Я мог предложить вам все это, когда был совершенно свободен, но теперь...

– Вы не свободны? – вскричала Клара, побледнев. – Что это значит? Что хотите вы сказать?

– Хочу сказать, что связан честью.

– В таком случае, выслушайте второе условие.

– К чему? – сказал Каноль. – Разве я не повторял вам несколько раз, что я непоколебим? Не ищите меня, это бесполезно.

– Извините, барон, но мне дано поручение, и я обязана исполнить его до конца.

– Извольте, – прошептал Каноль, – но, признаться, вы чрезвычайно жестоки.

– Подайте в отставку, и мы будем действовать на вашего преемника не так, как на вас. Через год, через два года вступите снова в службу к принцу с повышением чина.

Каноль печально покачал головою.

– Ах, виконтесса! Но зачем вы требуете от меня только невозможного!

– И это мне вы так отвечаете! – сказала Клара. – Ну, я вас не понимаю. Ведь вы уже хотели подписать просьбу об отставке. Не сами ли вы говорили той, которая была тогда с вами и слушала вас с наслаждением, что идете в отставку по доброй воле? Почему же теперь, когда я вас прошу, когда я вас умоляю, не сделать вам того, что вы сами предлагали мне в Жоне?

Все эти слова, как кинжалы, поражали сердце бедной Наноны.

Каноль чувствовал ее страдания.

– То, что в то время было бы очень обыкновенным делом, теперь превратилось бы в измену, самую гнусную измену! – сказал Каноль мрачным голосом. – Никогда не сдам крепости! Ни за что не подам в отставку!

– Погодите, погодите! – сказала Клара ласковым голосом и беспокойно осматриваясь, потому что сопротивление Каноля и особенно его принужденность казались ей очень странными. – Выслушайте теперь последнее предложение, с которого я хотела начать, зная наперед, что вы откажетесь от двух первых. Материальные выгоды – я очень счастлива, что угадала это – не могут соблазнять такого человека, как вы. Вам нужны другие надежды, а не деньги и честолюбие. Благородному сердцу нужны благородные награды. Теперь слушайте же...

– Ради Бога, виконтесса, сжальтесь надо мною!

И он хотел уйти.

Клара думала, что он побежден, и в уверенности, что новое предложение довершит ее победу, остановила его и сказала:

– Если бы вместо гнусного интереса предложили вам награду чистую и честную, если бы за вашу отставку, которая не может назваться ни бегством, ни изменою, потому что военные действия еще не начинались, если бы за вашу отставку заплатили вам любовью, если бы женщина, которую вы уверяли в любви и которой вы клялись любить вечно, которая, однако же, никогда открыто не отвечала вам, несмотря на все эти клятвы, если бы она сказала вам: «Каноль, я свободна, богата, люблю вас... Будьте моим мужем... Уедем вместе. Поедем, куда вам угодно... Дальше от раздоров, от Франции...» Скажите, неужели вы не согласились бы?

Каноль остался непоколебим, несмотря на прелестную стыдливость Клары, на ее смущение, на воспоминание о хорошеньком замке Канб, который он мог бы видеть из окна, если бы во время этого разговора ночь не спустилась на землю. Он видел во мраке бледное лицо Наноны, со страхом выглядывавшее из-за старинных занавесок.

– Но отвечайте же, ради Бога! – продолжала виконтесса. – Я уже не понимаю вашего молчания. Неужели я ошиблась? Неужели вы не барон Каноль? Неужели вы не тот человек, который в Шантлиль клялся мне, что любит меня? Не вы ли повторяли мне то же в Жоне? Не вы ли клялись, что любите меня одну в целом свете и готовы пожертвовать для меня всякою другою любовью. Говорите!... Ради Бога!

Раздался стон, и притом довольно громкий. Виконтесса не могла не убедиться, что третье лицо присутствует при переговорах... Ее испуганные глаза смотрели по направлению глаз Каноля. Как ни быстро отвернулся он, однако же виконтесса успела увидеть бледное и неподвижное лицо, что-то похожее на привидение, подслушивавшее разговор.

Обе женщины в темноте взглянули одна на другую огненными взглядами и обе вскрикнули.

Нанона скрылась.

Виконтесса схватила шляпу и плащ и, повернувшись к Канолью, сказала:

– Теперь понимаю, что вы называете обязанностью и благодарностью, понимаю, какую должность вы не хотите оставить или какой должности не хотите изменить. Понимаю, что есть привязанности, ничем не разрушимые, и оставляю вас этой привязанности, этим обязанностям, этой благодарности. Прощайте, барон, прощайте!

Она хотела выйти, и Каноль не думал останавливать ее. Ее остановило грустное воспоминание.

– Еще раз, – сказала она, – прошу вас именем дружбы, которою я вам обязана за ваши услуги, именем дружбы, которою вы обязаны за мои услуги, именем всех, кого вы любите и кто вас любит, я никого не исключаю, именем их прошу вас: не вступайте в битву. Завтра, может быть, послезавтра, нападут на Сен-Жорж. Не дайте мне нового горя: не дайте мне знать, что вы побеждены или убиты.

При этих словах барон вздрогнул и очнулся.

– Виконтесса, на коленях благодарю вас за вашу дружбу, которая мне так драгоценна, что вы и вообразить не можете. О, пусть атакуют! Я жду врагов с таким нетерпением, с каким они никогда не пойдут на меня. Мне нужно сражение, нужна опасность, чтобы возвыситься в собственных глазах: пусть приходят враги, пусть приходит опасность, пусть приходит хоть смерть! Я буду рад смерти, потому что умираю, богатый вашею дружбою, сильный вашим состраданием и отличенный вашим уважением.

– Прощайте! – сказала Клара, подходя к двери.

Каноль пошел за ней.

Когда они вышли в коридор, он схватил ее за руку и сказал так тихо, что сам едва мог слышать свои слова:

– Клара, люблю вас больше, чем любил прежде. Но злой рок позволяет мне доказать любовь мою только тем, что я умру далеко от вас.

Вместо ответа виконтесса иронически засмеялась, но, выехав из крепости, она зарыдала, начала ломать себе руки и вскричала:

– Он не любит... Не любит меня... А я все еще люблю его!

IV

Расставшись с виконтессой, Каноль возвратился в свою спальню. Нанона стояла посреди комнаты, бледная и неподвижная. Каноль подошел к ней с печальною улыбкою. Когда он подошел, Нанона преклонила колени. Он подал ей руку. Она упала к его ногам.

– Простите, – сказала она, – простите меня, Каноль! Я привела вас сюда, я доставила вам трудную и опасную должность. Если вас убьют, я буду причиной вашей смерти. Я эгоистка и думала только о своем счастье. Бросьте меня, спасайтесь!

Каноль ласково поднял ее.

– Бросить вас! Никогда! Нет, Нанона, я поклялся покровительствовать вам, защищать вас, спасти вас, и я спасу вас или умру!

– Каноль, ты говоришь это от души, без нерешимости, без сожалений?

– Да, – отвечал Каноль с улыбкой.

– Благодарю, добрый, благородный друг мой, благодарю! Видишь, жизнью, к которой я была так привязана, жизнью готова я теперь пожертвовать для тебя. Тебе предлагают деньги, но разве мои сокровища не принадлежат тебе? Тебе предлагают любовь, но какая женщина в мире может любить тебя, как я люблю? Тебе предлагают чин, но послушай меня... Скоро на тебя нападут. Купим солдат, оружия, снарядов, удвоим наши силы и будем защищаться. Я буду сражаться за свою любовь, ты за свою честь. Ты разобьешь их, бесстрашный мой Каноль, ты заставишь королеву сказать, что ты у нее самый храбрый воин, а потом я уж берусь выхлопотать тебе чин. Когда ты будешь богат, знаменит и славен, ты можешь бросить меня, у меня останутся воспоминания и будут утешать меня...

И, говоря это, Нанона смотрела на Каноля и ждала ответа, какого женщины всегда ждут на безумные, восторженные слова, то есть столь же безумного и восторженного. Но Каноль печально опустил голову.

– Нанона, – сказал он, – вы никогда ничего не потеряете, никто не оскорбит вас, пока я буду жив в Сен-Жорже. Успокойтесь же, вам нечего бояться.

– Благодарю, – сказала она, – хотя прошу вовсе не об этом.

Потом подумала: «Увы, я погибла! Он не любит меня!» Каноль заметил этот огненный взгляд, который блесит, как молния, эту страшную бледность, которая выказывает столько гру-

сти, и подумал: «Буду великодушен до конца... иначе стыд мне!» Потом прибавил вслух:

– Пойдем, Нанона, пойдем, друг мой. Надень плащ и мужскую шляпу, ночной воздух осветит тебя. На меня нападут скоро: хочу сделать ночной смотр.

Нанона в восторге оделась, как приказал Каноль, и пошла за ним.

Каноль был истинно военный человек. Он вступил в службу юношей и действительно изучил свое трудное ремесло. Поэтому он осмотрел крепость не только как комендант, но и как инженер. Офицеры, видевшие в нем фаворита и считавшие его придворным, получили от начальника дельные вопросы о всех средствах нападения и защиты. Тут они поневоле признали опытного служаку в молодом и веселом бароне, даже самые старшие говорили с ним с уважением. Они упрекали его только за одно: за сладкий голос, которым он раздавал приказания, и за его чрезвычайную учтивость. Они боялись, что эта учтивость прикрывает слабость. Однако же все чувствовали, что опасность велика, и потому исполнили в точности и с быстротою приказания начальника, что дало коменданту такое же хорошее мнение о подчиненных, какое они имели о нем.

В этот же день прибыла рота пионеров. Каноль распорядился работами, которые тотчас начались. Нанона хотела избавить его от бессонной ночи, но он продолжал осмотр и ласково потребовал, чтобы она ушла в крепость. Распорядившись делом, он лег на камень и наблюдал за производством работ.

Пока глаза Каноль бессознательно следили за движением тачек и лопат, ум его, оторвавшись от материальных предметов, остановился на происшествиях этого дня и вообще на всех странных событиях, которых он стал героем с тех пор, как познакомился с виконтессой де Канб. Но – странное дело – ум его не шел далее. Каноль казалось, что с этой минуты он начал жить, что до тех пор он жил в другом свете с низшими страстями, с несовершенными ощущениями. С этой минуты в его жизни явился новый свет, дававший другой вид всякому предмету, и при этом новом свете бедная Нанона была пожертвована другой любви, с самого начала чрезвычайно сильной, как и всякая любовь, которая наполняет всю душу.

Зато после самых горьких размышлений, соединенных с неземными наслаждениями, при мысли, что виконтесса любит его, Каноль сознался, что только чувство долга принуждает его быть честным человеком, и что тут дружба к Наноне не принимает никакого участия.

Бедная Нанона! Каноль называл чувства свои к ней дружбою, а дружба в любви очень похожа на обыкновенное равнодушие.

Нанона тоже не спала, потому что не могла решиться лечь в постель. Закутавшись в черную мантилью, чтобы ее не могли заметить, она смотрела не на печальную луну, скользившую между облаками, не на высокие тополя, качаемые ночным ветром, не на великолепную Гаронну, которая несет волны свои в океан, как взбунтовавшаяся вассалка, – нет, Нанона смотрела на медленную и тяжелую работу, происходившую против нее в мыслях ее друга. Она видела в этих черных силуэтах, рисовавшихся на голом камне, в этой неподвижной тени перед фонарем живой призрак своего прошедшего счастья. Нанона, прежде столь твердая, гордая и хитрая, лишилась теперь твердости, гордости и хитрости, но она чувствовала, что в сердце ее друга живет новая любовь...

Занялась заря. Тогда Каноль пришел домой. Нанона ушла уже в свою комнату, поэтому он не знал, что она не спала всю ночь. Он тщательно оделся, велел собрать весь гарнизон, при дневном свете осмотрел все батареи и особенно те, которые выходили на левый берег Гаронны. Велел запереть маленький порт цепями, расставил орудия на лодках, произвел смотр гарнизону, одушевил его своим красноречивым и живым словом и ушел не ранее десяти часов.

Нанона ждала его с улыбкою на устах: то не была уже прежняя гордая и повелительная Нанона, капризы которой заставляли трепетать самого герцога д'Эпернона. Она казалась застенчивою подругою, послушною рабою, которая не требовала любви, но просила только, чтобы ей самой позволили любить.

Весь день прошел без особенных приключений, если не считать равных переходов драмы, которая разыгралась в душе Каноль и Наноны. Шпионы, отправленные Канолем, возвратились один за другим. Ни один из них не принес верного известия: узнали только, что в Бордо господствует сильное волнение и там приготовляются к какому-то движению.

Виконтесса де Канб, воротясь в город, скрыла в сердце своем подробности свидания с Кано-

лем, но должна была передать его ответ советнику Лене. Жители Бордо кричали и требовали, чтобы остров Сен-Жорж был взят. Народ предлагал свое участие в этой экспедиции. Начальники удерживали его, говоря, что у них нет генерала для управления этим делом и регулярных солдат, которые могли бы поддерживать его. Лене воспользовался этою благоприятною минутою, заговорил о герцогах и предложил их армию. Его предложение было принято с восторгом, и те, кто накануне еще требовал, чтобы не впускать их, первые начали их призывать.

Лене поспешил сообщить эту приятную новость принцессе, она тотчас созвала совет.

Клара отговорила усталостью, чтобы не действовать против Каноля, и ушла в свою комнату плакать на свободе.

Из своей комнаты она слышала крики и угрозы черни. Все эти крики и угрозы раздавались против Каноля.

Скоро послышались звуки барабана: роты собрались, народу дали оружие, из арсеналов вывезли пушки, раздали заряды. Двести лодок приготовились плыть вверх по Гаронне ночью, а между тем отправили по левому берегу реки две тысячи человек для атаки с берега.

Морской отряд поступил под начальство советника парламента Эспанье, человека храброго и умного, а сухопутный – под начальство герцога де Ларошфуко, который только что вступил в город с двумя тысячами всадников. Герцог Бульонский должен был прийти на другой день с тысячей солдат. Зная это, герцог де Ларошфуко старался сколько мог поспешить с атакою, чтобы товарищ его не присутствовал при ней.

V

Через день, после того, как виконтесса де Канб приезжала на остров Сен-Жорж, в два часа пополудни Каноль осматривал укрепления. Ему доложили, что явился человек с письмом и хочет говорить с ним.

Его тотчас ввели, он отдал письмо Канолю.

Оно вовсе не походило на официальное. Оно было продолговатое, писано мелким и нетвердым почерком, на синеватой бумаге, гладкой и надушенной.

Каноль невольно задрожал, увидав письмо.

– Кто дал тебе его? – спросил он у посланного.

– Старичок.

– С седыми усами?

– Да.

– Немножко сутуловатый?

– Точно так.

– Похож на военного?

– Да.

Каноль дал ему луидор и велел тотчас же уйти.

Потом он отошел в сторону, спрятался за угол бастиона и с трепетом в душе распечатал письмо.

В нем заключались только следующие строки:

«Вас атакуют. Если вы уж не достойны меня, так покажите, что вы достойны себя».

Письмо не было подписано, но Каноль узнал в нем виконтессу, как прежде узнал Помпея. Он осторожно осмотрелся и, покраснев, как мальчик, в первый раз влюбленный, поднес письмо к губам, горячо поцеловал и положил на грудь.

Потом он взобрался на бастион, откуда мог видеть течение Гаронны на целую милю и всю окрестную равнину.

Ни на равнине, ни на реке никто не показывался.

– Так пройдет все утро, – прошептал он. – Они не нападут на меня днем. Они, верно, отдыхают на дороге и явятся ночью.

Каноль услышал шум за собою и обернулся.

Он увидел своего лейтенанта.

- Что, господин Вибрак? – спросил он. – Что нового?
- Говорят, что знамя принцев завтра будет развеваться на острове Сен-Жорж.
- А кто говорит?
- Наши шпионы, которые сейчас воротились. Они видели приготовления городских жителей.
- А что отвечали вы тем, кто уверял вас, что знамя принцев будет развеваться завтра на острове Сен-Жорж?
- Я отвечал, что это мне все равно, потому что я этого не увижу.
- В таком случае, вы похитили у меня мой ответ, – сказал Каноль.
- Bravo, господин комендант! Мы только этого и хотим, и солдаты будут драться, как львы, когда узнают ваш ответ.
- Пусть дерутся, как люди, я больше ничего не требую от них... А какая будет атака?
- Нас хотят захватить врасплох, – сказал Вибрак с улыбкою.
- Как бы не так! – отвечал Каноль. – Мы сегодня получаем уже второе известие об атаке... А кто у них главный начальник?
- Ларошфуко командует сухопутными войсками, советник парламента Эспанье – морским отрядом.
- Ну, – сказал Каноль, – я дал бы ему совет.
- Кому?
- Этому советнику.
- Какой?
- Подкрепить городскую милицию хорошим полком, знающим дисциплину. Солдаты научат горожан, как выдерживать порядочный огонь.
- Он предупредил ваш совет, господин комендант, потому что прежде суда служил на военной службе. Он в эту экспедицию берет с собой Навайльский полк.
- Как! Навайльский полк?
- Точно так.
- Мой старый полк?
- Да. Кажется, весь полк вполне передался на сторону принцев.
- А кто там полковник?
- Барон де Равальи.
- О!
- Вы его знаете?
- Как же! Предобрый малый, храбр, как лев! В таком случае, дело будет жарче, чем я думал, и мы порядочно повеселимся!
- Какие прикажете принять меры, господин комендант?
- Сегодня вечером везде удвоить караулы, солдатам ложиться спать одетыми, ружья иметь заряженные и под рукою. Одна половина солдат пусть спит, пока другая будет настороже. Позвольте еще.
- Жду.
- Говорили ль вы кому-нибудь о том, что ко мне являлся посланный?
- Нет, никому...
- Хорошо. Держите это дело в тайне до некоторого времени. Выберите дюжину самых дрянных солдат, у вас здесь верно есть охотники, рыбаки?
- Их даже чересчур много.
- Так выберите из них дюжину и отправьте их до завтрашнего утра. Они отправятся ловить рыбу в Гаронне или охотиться в окрестности. Ночью господа Эспанье и Ларошфуко захватят их и станут их расспрашивать.
- И что же потом?
- Надобно, чтобы осаждающие вообразили, что мы совершенно спокойны. Люди, которых они возьмут и которые ничего не знают в самом деле, поклянутся им, что мы беспечно спим, и невольно введут их в заблуждение.
- Превосходно!

– Допустите врагов до самой крепости, пусть выйдут на берег и приставят лестницы.

– Так когда же стрелять?

– Когда я прикажу. Если хоть один выстрел раздастся в наших рядах прежде приказания, я прикажу расстрелять того, кто выстрелит.

– Ай, ай!

– Междоусобная война хуже всякой другой, ее надобно вести не так, как охоту. Пусть жители Бордо смеются, смейтесь сами, если это вам приятно, но не иначе, как с моего позволения.

Лейтенант ушел и передал приказание Каноль другим офицерам, которые посмотрели друг на друга с удивлением. В коменданте было два человека: вежливый вельможа и неумолимый воин.

Каноль пришел ужинать с Наноной, но двумя часами ранее обыкновенного. Он решил, что проведет всю ночь до зари на крепостной стене. Он застал Нанону за чтением огромной кучи писем.

– Вы можете смело защищаться, милый мой Каноль, – сказала она. – Уж теперь вам недолго ждать помощи: король едет сюда, маршал Мельере ведет армию, а герцог д'Эпернон скоро будет с пятнадцатью тысячами человек.

– А между тем все-таки пройдет дней восемь, десять, Нанона, – отвечал Каноль с улыбкою, – ведь остров Сен-Жорж не неприступная крепость.

– О, пока вы здесь комендантом, я за все отвечаю.

– Хорошо, но именно потому, что я здесь комендант, я могу быть убит... Нанона! Что сделаете вы в случае моей смерти? Подумали вы об этом?

– Да, – отвечала Нанона тоже с улыбкою.

– Так приготовьте ваши сундуки, лодочник будет поставлен на известном месте. Если нужно будет броситься в воду, у вас будут четверо из моих людей, мастера плавать, они доставят вас на тот берег.

– Все эти предосторожности бесполезны, Каноль. Если вас убьют, то мне ничего не нужно... Доложили, что ужин готов.

Во время ужина Каноль вставал раз десять и подходил к окну, которое выходило на реку. Не доужинав, Каноль вышел из-за стола.

Начинало темнеть.

Нанона хотела идти за ним.

– Воротитесь, – сказал ей Каноль, – и поклянитесь мне, что не выйдете из комнаты. Если я буду знать, что вы подвергаетесь опасности, то я не отвечаю за себя. Нанона, тут дело идет о моей чести, прошу вас, не играйте моею честью.

Нанона подставила Канолью свой розовый ротик и потом ушла в свою комнату, сказав:

– Повинуюсь вам, Каноль. Хочу, чтобы друзья и враги знали человека, которого я люблю!

Каноль вышел. Он не мог не удивляться этой женщине, уступавшей всем его желаниям, покорявшейся вполне его воле. Едва пришел он на крепостную стену, как наступила ночь, страшная и грозная, какою она кажется всегда, когда несет в черной своей одежде кровавую тайну.

Каноль стал на конец эспланады. Он мог видеть течение реки и оба ее берега. Луна не показывалась, черные тучи тяжело катились по небу. Его никто не мог видеть, зато и он никого не мог видеть.

Однако в полночь ему показалось, что темные массы движутся на левом берегу, и исполинские формы тянутся по реке. Впрочем, никакого шума: только ночной ветер завывал между деревьями.

Массы остановились, формы в некотором расстоянии приняли правильное очертание. Каноль думал, что ошибся, однако же начал всматриваться пристальнее. Плававшие глаза его разрезывали мрак, ухо его принимало малейший звук.

Пробило три часа, звуки медленно замирали в ночной тиши. Каноль начинал думать, что его обманули ложным известием, и хотел уже идти спать, как вдруг лейтенант Вибрак подошел к нему и положил одну руку ему на плечо, а другою указал на реку.

– Да, да, – сказал Каноль, – это они. Ну, мы ничего не потеряли, что ждали их. Разбудите ту часть гарнизона, которая спала, и расставьте людей за крепостною стеною. Вы говорили им, что я

убью того, кто осмелится выстрелить до приказа?

– Говорил.

– Хорошо, скажите им то же во второй раз.

На заре длинные лодки начали подъезжать к крепости с людьми, которые смеялись и потихоньку разговаривали. На равнине можно было заметить возвышение, которое не существовало накануне. То была батарея из шести орудий, поставленная герцогом де Ларошфуко во время ночи. Морской отряд не начинал нападения только потому, что батарея не могла еще начать действия.

Каноль спросил, заряжены ли ружья, и на утвердительный ответ кивнул головою и велел ждать приказа.

Лодки все приближались и при первых лучах солнца Каноль рассмотрел амуницию и особенные шапки Наваильской роты, в которой, как известно, он служил. На корме первой лодки стоял барон де Равальи, который принял командование ротой после Каноля, а возле него лейтенант, брат Каноля по кормилице, очень любимый товарищами за свою веселость и непрерывные шутки.

– Вы увидите, – говорил он, – что они не двинутся с места, и надобно будет, чтобы герцог де Ларошфуко разбудил их пушками. Как удивительно спят в Сен-Жорже! Когда я буду болен, я сюда перееду жить.

– Добрый Каноль, – сказал Равальи, – он управляет крепостью, как истинный отец семейства: боится простудить солдат и не назначает их ночью в караул.

– Правда, – прибавил другой, – даже часовых не видно.

– Эй! – закричал лейтенант. – Ну, просыпайтесь же и подайте нам руки, чтобы мы могли взобраться на стену.

При этой шутке вся линия осаждающих захохотала. Две или три лодки пошли к порту, а из остальных войска выходили на берег.

– Хорошо, – сказал Равальи, – понимаю. Каноль хочет показать, будто его застали врасплох, чтобы не поссориться с королевой. Господа, будем столько же учтивы и не станем убивать его людей. Когда войдем в крепость, щадить всех, кроме женщин. Впрочем, они, может быть, и не станут просить пощады. Дети мои, не забудем, что это дружеская война, зато первого, кто обнажит шпагу, я велю расстрелять.

При этом приказании, отданном с веселостью совершенно французской, все опять захохотали, и солдаты подражали примеру офицеров.

– Друзья мои, – сказал лейтенант, – посмеяться хорошо, но смех не должен мешать делу. Берите лестницы и приставляйте к стене.

Солдаты вытащили из лодок длинные лестницы и подошли к стене.

Тут Каноль встал и с палкою в руках, с шляпою на голове, как человек, вышедший подышать свежим утренним воздухом, подошел к парапету.

Было уже так светло, что его нельзя было не узнать.

– А, здравствуйте, навайльцы! – сказал он, обращаясь к своей роте.

– Здравствуйте, Равальи!.. А, Ремонанк, здравствуйте!

– Ба, да это Каноль! – закричали молодые офицеры. – Наконец-то ты проснулся, барон.

– Что же делать здесь? Здесь живешь спокойно, ложишься рано, встаешь поздно. Но вы, черт возьми, зачем поднялись с зарей?

– Ты, кажется, сам должен видеть, – отвечал Равальи. – Мы осаждаем тебя.

– А зачем осаждать меня?

– Хотим взять твою крепость.

Каноль засмеялся.

– Ты сдаешься на капитуляцию, – спросил Равальи, – не так ли?

– Но прежде мне следует знать, кому я должен сдаться. Каким образом случилось, что навайльцы служат против короля?

– Самым простым образом, друг мой. Мы убедились, что Мазарини дрянной человек и не стоит, чтобы ему служили честные люди, поэтому мы перешли на сторону принцев. А ты?

– А я отчаянный эпернонист.

– Эх, перейди-ка лучше к нам!

– Нельзя... Эй, вы, господа, не трогайте цепей моста. Вы знаете, что на такие вещи можно смотреть издалека, а кто дотронется до них, тому беда! Равальи, скажи им, чтобы они не трогали цепей, – прибавил Каноль, нахмутив брови, – или я велю стрелять. Предупреждаю тебя, Равальи, у меня есть удивительные стрелки.

– Полно, ты шутишь, – отвечал Равальи. – Сдавайся, ведь ты не можешь устоять...

– Нет, я вовсе не шучу. Прочь лестницы! Равальи, прошу тебя, будь осторожен... Ведь ты осаждаешь королевский замок.

– Что ты? Здесь королевский замок?

– Разумеется, посмотри хорошенько, и ты увидишь флаг на бастиионе. Ну, вели лодкам отчаливать и спрячь лестницы в лодки, или я велю стрелять. Если ты хочешь переговорить со мною, ступай сюда один или с Ремонанком, и мы поговорим за завтраком. У меня здесь бесподобный повар.

Равальи засмеялся и ободрил людей своих взглядом. Между тем другая рота выходила на берег.

Каноль понял, что наступила решительная минута. Он принял твердый и важный вид, как человек, на котором лежит тяжелая ответственность.

– Остановись, Равальи! – закричал он. – Довольно пошутили! Ремонанк! Ни слова, ни шага вперед, или я прикажу стрелять! И это так же верно, как то, что здесь развевается флаг короля и вы идете против французских лилий!

Соединяя дело с угрозой, он опрокинул первую лестницу, приставленную к стене и поднимавшуюся над стенными зубцами.

Пять или шесть человек взбирались уже по лестнице, все они повалились. Падение их возбудило громкий хохот между осаждающими и между осажденными, точно тут шутили и играли.

В эту минуту условленным сигналом дали знать, что осаждающие разбили цепи, которыми запирался порт.

Тотчас Равальи и Ремонанк схватили лестницу и приготовились спуститься в ров.

Они кричали:

– За нами, навайльцы! На приступ.

– Добрый мой Равальи, – кричал Каноль, – умоляю тебя, остановись!

Но в ту же минуту батарея, до сих пор молчавшая, вдруг заговорила, ядро упало возле Канолья и осыпало его землею.

– Ну, если уж вы непременно хотите, так извольте! – крикнул Каноль, поднимая палку. – Стреляй!.. Стреляй на всей линии!

Тут целый ряд стволов опустился на парапет и огненная лента протянулась над стеною. Между тем гром двух больших орудий отвечал на огонь батареи герцога де Ларошфуко.

Упало человек десять, но их гибель не только не испугала их товарищей, но еще дала им новые силы. Батарея герцога громко отвечала: одно ядро сорвало королевский флаг, другое разорвало офицера из отряда Канолья.

Каноль осмотрелся и, увидав, что солдаты его опять зарядили ружья, закричал:

– Стреляй!

Приказание было исполнено так же скоро, как и в первый раз.

Минут через десять не осталось ни одного целого стекла в Сен-Жорже, камни дрожали и дробились на куски, пушки разбивали стены, пули прыгали по широким камням, и густой дым затемнял воздух, полный криков, угроз и отчаяния.

Каноль заметил, что всего более вредила крепости батарея герцога де Ларошфуко.

– Вибрак, – сказал он, – поручаю вам Равальи, чтобы он не двинулся ни на шаг вперед, пока меня здесь не будет. Я пойду к нашим пушкам.

Каноль побежал к двум орудиям, отвечающим на пальбу неприятельской батареи, сам смотрел за их действиями, сам направлял их. В минуту он сбил три пушки из шести и убил на равнине человек пятьдесят. Остальные, не ожидавшие такого жестокого сопротивления, подались назад и думали уже о бегстве. Герцог Ларошфуко, старавшийся остановить их, получил контузию, у него

вышибло шпагу из рук.

Увидав такую удачу, Каноль оставил батарею начальнику артиллерии, а сам побежал туда, где рота навайльцев силилась взять крепость приступом.

Вибрак держался крепко, но получил рану в плечо пулею.

Появление Каноль, встреченное криками радости, удвоило храбрость его солдат.

– Извини, – сказал он полковнику Равальи, – я принужден был оставить тебя на минуту, милый друг, но надобно было разбить пушки герцога де Ларошфуко. Будь спокоен, я опять здесь.

В эту минуту Равальи вел людей своих на приступ в третий раз и, вероятно, не слышал слов Каноль в стук оружия и при громе артиллерии. Каноль вынул пистолет из-за пояса и протянул руку к прежнему товарищу, который стал теперь его неприятелем, спустил курок.

Пуля была направлена твердою рукою и верным глазом и прошибла руку Равальи.

– Благодарю, Каноль! – закричал он. – Я заплачу тебе за это!

Но, несмотря на свою храбрость, молодой полковник принужден был остановиться, шпага выпала у него из рук. Прибежал Ремонанк и поддержал его.

– Хочешь, приди ко мне, тебе здесь перевяжут рану? – спросил Каноль. – Мой хирург ничем не хуже моего повара.

– Нет, я ворочусь в Бордо, но жди меня с минуты на минуту, потому что я непременно ворочусь, обещаю тебе. Только получше выберу время.

– Назад! Назад! – закричал Ремонанк. – С той стороны отступают. До свидания, Каноль, выиграли первую партию.

Ремонанк говорил правду: крепостная артиллерия нанесла значительный урон отряду Ларошфуко, который потерял человек сто. Морской отряд почти столько же. Самую большую потерю понесла Навайльская рота, потому что для поддержания чести мундира она шла впереди городской милиции советника Эспанье.

Каноль поднял пистолет.

– Прекратить огонь! – закричал он. – Пусть их отступают спокойно. Нам нельзя терять павших.

Действительно, выстрелы были потеряны, потому что осаждавшие отступали очень поспешно, оставляя мертвых, и уносили только раненых. Каноль начал считать свою потерю: у него было шестнадцать раненых и четверо убитых. Сам он не был даже оцарапан.

– Вот, – говорил он через четверть часа, принимая нежные ласки Наноны, – вот, меня заставили заслужить патент коменданта! Какая нелепая резня! Я убил у них человек полтора и раздробил руку лучшему из друзей моих, чтобы его не убили.

– Правда, – отвечала Нанона, – но ты цел и невредим.

– Верно, ты принесла мне счастье, Нанона. Но надобно бояться второго приступа! Жители Бордо чрезвычайно упрямы, и притом Равальи и Ремонанк обещали мне опять явиться сюда.

– Ну, что же? Тот же человек командует крепостью, те же солдаты защищают ее. Пусть они придут, во второй раз их примут еще лучше, чем в первый. Не так ли? Вы успеете еще более усилить средства защиты?

– Душа моя, – отвечал Каноль вполголоса, – крепость узнаешь хорошо, только когда защищаешь ее. Моя очень плоха, и если бы я был герцог Ларошфуко, так взял бы ее завтра. Кстати, лейтенант не будет завтракать с нами.

– Почему?

– Ядро разорвало его пополам.

VI

Возвращение осаждавших в Бордо представляло печальную картину. Горожане отправились в поход с торжеством, надеясь на свою многочисленность и на искусство своих предводителей, они нимало не беспокоились насчет успеха, предаваясь надежде, которая заменяет все человеку в опасности.

В самом деле, кто из осаждавших в молодости своей не гулял по рощам и лугам острова Сен-

Жорж, один или с милой подругой? Кто из жителей Бордо не управлял веслом, рыболовными сетями или охотничьим ружьем в тех местах, куда он отправлялся теперь солдатом?

Зато этим людям неудача показалась вдвойне обидною. Местность стыдила их столько же, сколько и враги. Они воротились домой, повесив головы, и терпеливо слушали восклицания и стоны женщин, которые, по примеру краснокожих индианок, считали отсутствующих воинов и беспрерывно узнавали о новых потерях.

Общий ропот наполнил город печалью и смущением. Воины рассказывали в домах своих про неудачу, каждый по-своему. Начальники отправились к принцессе, которая жила, как мы уже сказали, у президента.

Принцесса, сидя у окна, ждала возвращения экспедиции. Она происходила из воинственного семейства, была супругою одного из величайших полководцев в мире, воспитывалась в презрении к ржавому оружию и смешному плюмажу статских. Поэтому она предавалась невольному беспокойству, думая, что не военные люди, ее партизаны, идут на бой с армиею истинных солдат. Но три обстоятельства успокаивали: первое, что герцог де Ларошфуко командовал экспедициею; второе, что Навайльский полк шел впереди; и третье, что имя Конде красовалось на знаменах.

Но по очень понятной противоположности, все надежды принцессы порождали отчаяние в виконтессе де Канб, и все, что могло привести принцессу в отчаяние, доставило бы виконтессе радость.

Первым явился герцог де Ларошфуко, весь в пыли и в крови. Рукав его черного кафтана был разорван, а сорочка облита кровью.

– Правду ли сказали мне? – спросила принцесса, бросаясь к нему навстречу.

– А что сказывали вам? – спросил Ларошфуко хладнокровно.

– Говорят, что осада не удалась?

– Так вам сказали мало, мы просто разбиты.

– Разбиты! – воскликнула принцесса, побледнев. – Разбиты! Но это невозможно.

– Разбиты, – повторила виконтесса, – разбиты Канолем!

– Но как же это случилось? – спросила принцесса с гордостью, показавшею ее негодование.

– Это случилось, как случаются все неудачи в игре, в любви, на войне. Мы попали на чело века, который хитрее или сильнее нас.

– Так этот барон Каноль очень храбр? – спросила принцесса Конде.

Сердце Клары радостно забилося.

– Да, храбр, как все мы! – отвечал Ларошфуко, пожимая плечами. – Только у него были свежие солдаты, добрые стены, и он ждал нас, потому что, вероятно, был извещен о нападении нашем, поэтому он легко справился с жителями Бордо. Ага, ваше высочество, какие это жалкие воины! Они обратились в бегство при втором залпе!

– А навайльцы? – спросила Клара, забывая, что вопрос ее очень неосторожен.

– Вся разница, – отвечал Ларошфуко, – между навайльцами и горожанами состоит в том, что горожане побежали, а навайльцы отступили.

– Теперь нам остается только потерять Вер!

– Это очень возможно, – проговорил Ларошфуко с удивительным хладнокровием.

– Разбиты! – вскричала принцесса, топнув ногою. – Разбиты какою-то дрянью, под предводительством какого-то Каноля! Каноль! Какое смешное имя!

Клара покраснела до ушей.

– Имя это кажется вашему высочеству смешным, – сказал герцог, – а кардиналу Мазарини оно кажется чудесным. И я почти смею сказать, – прибавил герцог, быстро и проницательно взглянув на Клару, – что не один кардинал так думает. Имена похожи на цветы, – продолжал он, улыбаясь своею желчною улыбкой, – о них спорить не должно.

– Так вы думаете, что и Ришон может быть разбит?

– Почему же нет? Ведь меня тоже разбили! Надобно переждать несчастное время. Война та же игра, когда-нибудь и нам повезет.

– Это верно бы не случилось, если бы исполнили мой план, – сказала маркиза де Турвиль.

– Ваша правда, – сказала принцесса. – Никогда не принимают наших предложений, говоря,

что мы женщины и ничего не разумеем в военном деле... Мужчины делают по-своему, и за то их бьют.

– Ваше высочество совершенно правы, но это случалось с знаменитейшими полководцами. Павел-Эмилий был разбит при Каннах, Помпей при Фарсале, а Атилла в Шалоне. Только Александр Великий, да вы, маркиза, не были разбиты никогда. А в чем состоял ваш план, извольте сказать?

– По моему плану, – отвечала маркиза очень сухо, – следовало осадить крепость по всем правилам военной науки. Но не хотели послушать меня и решили напасть на нее врасплох. И что же вышло?

– Отвечайте маркизе, господин Лене, – сказал герцог. – Я не очень силен в стратегии и потому не смею вступать с нею в борьбу.

– Маркиза, – сказал Лене, который до сих пор только улыбался, – вот сколько обстоятельств соединилось против вашего плана. Жители города Бордо не солдаты, а просто горожане, они хотят ужинать дома и спать на супружеской постели. При правильной осаде мы лишили бы их множества удобств, без которых они не могут обойтись. Они осаждали остров Сен-Жорж, как любители. Не порицайте их за то, что они сегодня не имели успеха, они опять пойдут в поход и начнут это дело столько раз, сколько вам будет угодно.

– Вы думаете, что они опять начнут? – спросила принцесса Конде.

– О, в этом я уверен, – отвечал Лене, – они так любят свой остров, что не захотят оставить его королю.

– И возьмут его?

– Разумеется, рано или поздно...

– Когда они возьмут Сен-Жорж, я прикажу расстрелять этого дерзкого Каноль, если он не сдастся! – вскричала принцесса.

Мертвый холод пробежал по жилам Клары.

– Расстрелять его! – сказал герцог де Ларошфуко. – Браво! Если ваше высочество таким образом понимает войну, то я от души радуюсь, что принадлежу к вашей партии.

– Так пусть он сдастся!

– Я желал бы знать, что ваше высочество скажете, если Ришон сдастся?

– Теперь и речи нет о Ришоне, герцог, не о нем идет дело. Приведите мне горожанина, советника парламента, кого-нибудь из них, кто сказал бы мне, что они чувствуют весь стыд, которому подвергли меня, – горько чувствуют его!

– Вот очень кстати, господин Эспанье просит о чести быть представленным вашему высочеству, – сказал Лене.

– Пусть войдет!

Сердце Клары во время этого разговора то билось так сильно, что ломило ей грудь, то сжималось, как в тисках. Она понимала, что Каноль дорого заплатит жителям Бордо за первую победу. Но ей сделалось еще хуже, когда Эспанье пришел и своими обещаниями подтвердил уверения Лене.

– Успокойтесь, ваше высочество, – говорил Эспанье принцессе. – Вместо четырех тысяч человек мы пошлем восемь тысяч, вместо шести пушек поставим двенадцать, вместо ста человек потеряем двести, триста, четыреста, если будет нужно, но все-таки возьмем Сен-Жорж!

– Браво, милостивый государь, – воскликнул герцог. – Вот это дело! Вы знаете, что я весь ваш, придется ли мне быть вашим начальником или просто идти с вами волонтером, всякий раз, как вы вздумаете предпринимать этот поход. Только не забудьте, если мы будем жертвовать по пятисот человек и если совершим четыре нападения, похожие на нынешнее, то к пятому армия у нас очень уменьшится.

– Герцог, нас, могущих взяться за оружие, здесь тридцать тысяч человек, – возразил Эспанье. – Если будет нужно, мы перетащим все пушки из арсенала к крепости, мы будем стрелять так, что превратим гранитную гору в порошок. Я сам переберусь через реку с саперами, и мы возьмем Сен-Жорж: мы сейчас торжественно поклялись взять его.

– Думаю, что вы не возьмете острова, пока барон Каноль будет жив,

– сказала виконтесса де Канб едва слышным голосом.

– В таком случае, – отвечал Эспанье, – мы убьем его или прикажем убить его, и потом уже завладеем островом.

Виконтесса едва удержала крик ужаса, вырывавшийся из ее груди.

– Так непременно хотят взять Сен-Жорж?

– Вот прекрасно! – вскричала принцесса. – Я думаю, что хотят! Только этого и хотят!

– В таком случае, – сказала Клара, – позвольте мне действовать, я доставлю вам крепость.

– Ну, – возразила принцесса, – ты уже обещала мне это, но не сдержала слова.

– Я обещала вашему высочеству переговорить с бароном Канолем, эта попытка не удалась, я нашла барона непреклонным.

– Так ты думаешь, что он станет сговорчивее после победы?

– Нет. Но на этот раз я ничего не говорю вам о коменданте. Я говорю вам, что могу доставить вам только крепость.

– Каким образом?

– Я введу ваших солдат во двор крепости.

– Вы верно волшебница, что беретесь за такое дело? – спросил Ларошфуко.

– Нет, я просто помещица, – отвечала виконтесса.

– Виконтесса шутит! – сказал герцог.

– Нет, нет! – вскричал Лене. – Я многое вижу в нескольких словах виконтессы.

– Так этого мне довольно, – сказала Клара, – мнение господина Лене

– для меня все! Повторяю, остров Сен-Жорж будет взят, если мне позволят сказать теперь несколько слов нашему советнику.

– Ваше высочество, – сказала маркиза де Турвиль, – я тоже возьму Сен-Жорж, если мне позволят действовать.

– Позвольте сначала маркизе высказать ее план громко, – сказал Лене Кларе, которая хотела отвести его в сторону, – а потом и вы, виконтесса, скажете мне ваш план потихоньку.

– Говорите, маркиза, – сказала принцесса.

– Я отправлюсь ночью с двадцатью лодками, на которых будет человек двести мушкетеров. Другой отряд, тоже из двухсот человек, отправится по правому берегу. В это время тысяча или более жителей Бордо...

– Извольте заметить, – сказал Ларошфуко, – что у вас уже более тысячи человек вступает в дело.

– А я, – прибавила Клара, – возьму Сен-Жорж с одною ротою, дайте мне навайльцев, и я за все отвечаю.

– Об этом стоит подумать, – сказала принцесса, а между тем герцог, улыбаясь самую презрительною улыбкою, с жалостью смотрел на этих женщин, рассуждавших о военных делах, которые затруднили бы мужчин, самых смелых и самых предприимчивых.

– Я готов слушать вас, виконтесса, – сказал Лене, – пожалуйста сюда.

И Лене увел Клару к окошку.

Клара сказала ему на ухо свою тайну. Лене вскрикнул от радости.

– Действительно, – сказал он принцессе, – на этот раз, если вы предоставите виконтессе полную свободу действовать, Сен-Жорж будет взят.

– А когда? – спросила принцесса.

– Когда угодно.

– Виконтесса – великий полководец! – сказал Ларошфуко с насмешкой.

– Вы будете судить об этом, – возразил Лене, – тогда, когда войдете в крепость, не истратив ни одного патрона.

– Тогда буду с вами согласен.

– Если дело так верно, как вы говорите, – сказала принцесса, – так надобно все кончить завтра.

– Извольте назначить день и час, – отвечала виконтесса, – я буду ждать в своей комнате приказанья вашего высочества.

Она поклонилась и ушла. Принцесса, в одну минуту перешедшая от гнева к надежде, сделала то же. Маркиза де Турвиль пошла за нею. Эспанье, повторив свои обещания, тоже вышел, и герцог де Ларошфуко остался один с Лене.

VII

– Любезный господин Лене, – сказал герцог, – женщины завладели войною, стало быть, мужчины должны прибегнуть к интриге. Мне говорили о господине Ковиньяке, которому вы поручили набрать роту, и рассказывали, что он очень ловкий человек. Я призывал его к себе. Нельзя ли как-нибудь увидеться с ним?

– Он уже ждет.

– Так позвать его.

Лене позвонил.

Вошел лакей.

– Позови сюда капитана Ковиньяка, – сказал Лене.

Через минуту старинный наш знакомец появился в дверях. По обыкновенной своей осторожности он не пошел далее.

– Подойдите, капитан, – сказал герцог, – я герцог де Ларошфуко.

– Я вас знаю, – отвечал Ковиньяк.

– А, тем лучше! Вам поручено было набрать роту?

– Она здесь.

– Сколько у вас человек?

– Полтора.

– Хорошо одеты? Хорошо вооружены?

– Хорошо вооружены, дурно одеты. Я прежде всего занялся оружием, как самую необходимую вещь. Что же касается одежды, то у меня не достало денег, потому что я человек чрезвычайно бескорыстный и действовал только из преданности к принцам: ведь я получил только десять тысяч ливров от господина Лене.

– И с десятью тысячами ливров вы набрали полтора человека солдат?

– Да.

– Это удивительно!

– У меня есть особые средства, мне одному известные, ими-то я действую.

– А где ваши люди?

– Они здесь. Вы увидите, ваша светлость, что за удивительная рота, особенно в нравственном отношении. Все они из порядочных людей, ни одного нет из черни.

Герцог де Ларошфуко подошел к окну и действительно увидел на улице полтора человека разных лет, разного роста и разных званий. Они стояли в два ряда под командою Фергюзона, Баррабы, Карротена и двух их товарищей в великолепных мундирах. Все эти люди гораздо более подходили на разбойников, чем на воинов.

Как сказал Ковиньяк, они были одеты очень дурно, но вооружены превосходно.

– Даны ли вам какие-нибудь приказания насчет ваших людей? – спросил герцог.

– Мне приказано доставить их в Вер, и я жду только ваших распоряжений, чтобы передать мою работу господину Ришону. Он ждет ее.

– Но вы сами не останетесь в Вере?

– Я, ваша светлость, имею правилом не запираю себя в четыре стены, когда могу быть свободен, как воздух. Я уже таков уродился.

– Хорошо! Живите, где вам угодно, но отправьте ваших людей в Вер.

– Так они должны решительно поступить в число гарнизона этой крепости?

– Да.

– Под команду господина Ришона?

– Да.

– Но, ваша светлость, – возразил Ковиньяк, – что будут делать мои люди в крепости, когда

там есть уже человек триста?

– Вы очень любопытны.

– О, я расспрашиваю вашу светлость не из любопытства, а из страха.

– Чего вы боитесь?

– Боюсь, что их осудят на бездействие, а это будет очень жаль. У кого ржавеет хорошее оружие, тому нет оправдания.

– Будьте спокойны, капитан, они у нас не заржавеют, через неделю они увидят огонь.

– Так их у меня убьют?

– Очень может быть! Или, может статься, имея особенное средство вербовать солдат, вы тоже имеете средство превращать их в неуязвимых?

– О, дело совсем не о том. Но я желаю, чтобы мне заплатили за них, пока они не убиты.

– Да разве вы не получили десяти тысяч ливров, как сами признавались мне?

– Да, в задаток. Спросите у господина Лене, он человек аккуратный и, верно, помнит наши условия.

Герцог обернулся к Лене.

– Все это правда, герцог, – сказал правдивый советник. – Мы дали капитану Ковиньяку десять тысяч ливров наличною монетою на первые издержки, но мы обещали ему еще по сто экю за каждого человека сверх этих десяти тысяч.

– В таком случае, – сказал герцог, – мы должны капитану тридцать тысяч.

– Точно так.

– Вам отдадут их.

– Нельзя ли теперь, ваша светлость?

– Никак нельзя.

– Почему же?

– Потому что вы принадлежите к числу наших друзей, а прежде всего надо приманивать чужих. Вы понимаете, угождают только тем людям, которых боятся.

– Превосходное правило, – сказал Ковиньяк, – однако же при всех сделках назначают какой-нибудь срок.

– Хорошо, – отвечал герцог, – назначим неделю.

– Извольте, неделю.

– А если мы не заплатим и через неделю? – спросил Лене.

– В таком случае, – отвечал Ковиньяк, – солдаты опять принадлежат мне.

– Справедливо! – сказал герцог.

– И я делаю с ними, что хочу.

– Разумеется, ведь они ваши.

– Однако же... – начал Лене.

– Все равно, – сказал герцог советнику, – ведь они будут заперты в Вере.

– Все-таки я не люблю таких покупок, – отвечал Лене, покачивая головою.

– Однако же такие сделки очень обыкновенны в Нормандии, – заметил Ковиньяк, – они называются продажей с правом выкупа.

– Так дело кончено? – спросил герцог.

– Совершенно.

– А когда отправятся ваши люди?

– Сейчас, если прикажете.

– Приказываю!

Капитан вышел на улицу, сказал два слова на ухо Фергюзону, и рота в сопровождении любопытных, привлеченных ее странным видом, отправилась к порту, где ждали ее три барки, на которых ей следовало подняться по Дордони к Вере. Между тем начальник ее, верный своим мыслям о независимости, с любовью смотрел на удаление своих солдат.

Виконтесса молилась и рыдала в своей комнате.

«Боже мой, – думала она, – я не могла спасти его чести вполне, так спасу, сколько можно. Не надобно, чтоб он был побежден силою. Я его знаю: если сила победит его, он умрет защищаясь.

Надобно победить его изменой. Тогда он узнает все, что я для него сделала и с какою целью сделала, и, верно, после поражения будет благодарить меня».

Успокоенная этою надеждою, она написала записку, спрятала ее на груди и пошла к принцессе, которая прислала за ней, собираясь развезти пособия раненым и утешения и деньги вдовам и сиротам.

Принцесса собрала всех, кто ходил в экспедицию, от своего имени и от имени герцога Энгиенского расхвалила их подвиги и доблести. Долго разговаривала с Равальи, который со своей перевязанной рукой клялся, что готов идти опять на приступ хоть завтра. Положила руку на плечо советника Эспанье, уверяя его, что он и храбрые жители Бордо – твердейшие опоры ее партии. Словом, так разгорячила воображение всех этих людей, что самые убитые поражением захотели мщения и решились идти на Сен-Жорж в ту же минуту.

– Нет, не теперь, – сказала принцесса. – Отдохните эту ночь и этот день, и послезавтра вы будете в Сен-Жорже уже навсегда.

Это обещание, произнесенное твердым голосом, было встречено восклицаниями воинственного пыла. Каждое восклицание глубоко ударяло в сердце виконтессы: они казались ей кинжалами, грозившими смертью ее возлюбленному.

– Видишь, что я им обещала, – сказала принцесса Кларе, – ты должна расквитать меня с этими добрыми людьми.

– Будьте спокойны, ваше высочество, – отвечала виконтесса, – я сдержу слово.

В тот же вечер ее посланный поспешно отправился на остров Сен-Жорж.

VIII

На другой день, когда Каноль обходил крепость утренним дозором, Вибрак подошел к нему и подал ему письмо и ключ, отданные каким-то неизвестным человеком во время ночи. Незнакомец оставил их у дежурного лейтенанта, сказав, что ответа не нужно.

Каноль вздрогнул, увидав почерк виконтессы, и распечатал письмо с трепетом.

Вот его содержание:

«В последнем письме моем я извещала вас о нападении на Сен-Жорж, в этом извещаю вас, что завтра Сен-Жорж будет взят. Как человек, как офицер короля, вы рискуете только тем, что вас возьмут в плен. Но госпожа Лартиг совсем в другом положении, ее так сильно ненавидят, что я не отвечаю за ее жизнь, если она попадет в руки жителей Бордо. Уговорите же ее бежать, я доставлю вам к этому средства.

За изголовьем вашей кровати, под занавескою с гербом фамилии Канб, которой прежде принадлежал остров Сен-Жорж, подаренный покойным мужем моим королю, вы найдете дверь: вот ключ от нее. Это подземный ход, он ведет к замку Канб. Нанона Лартиг может бежать через это подземелье и... если вы ее любите... спасайтесь с нею.

За ее жизнь я отвечаю вам моею честью.

Прощайте! Мы квиты. Виконтесса де Канб».

Каноль прочел и потом еще раз перечитал письмо. Он дрожал и бледнел во время чтения: он чувствовал, сам не постигая этой тайны, что странная сила овладела и располагала им. Подземелье, предназначенное для спасения Наноны, не может ли предать остров Сен-Жорж в руки врагов, если известна тайна существования этого подземного хода?

Вибрак следил за выражением лица коменданта.

– Плохие вести, комендант? – сказал он.

– Да, кажется, на нас опять нападут в следующую ночь.

– Какие упрямы! – воскликнул Вибрак. – Я думал, что они сочтут себя довольно побитыми и что мы избавимся от них по крайней мере на неделю.

– Считаю бесполезным, – сказал Каноль, – рекомендовать вам строжайшую бдительность.

– Будьте спокойны, господин комендант. Они, верно, постараются напасть на нас врасплох, как было в первый раз?

– Не знаю, но приготовимся ко всему и примем те же меры осторожности, как и прежде.

Обойдите и осмотрите крепость вместо меня, я ворочусь домой, мне нужно отправить несколько приказаний.

Вибрак кивнул головою и пошел с тою военною беспечною, с которою встречают опасность люди, попадающие в нее на каждом шагу.

Каноль воротился в свою комнату, всячески стараясь, чтобы Нанона не видала его, и, убедившись, что он один в комнате, заперся на ключ.

За изголовьем его кровати оказался герб фамилии де Канб, окруженный золотою лентою.

Каноль оторвал ленту и под нею увидел разрез двери.

Дверь эта отперлась ключом, который виконтесса прислала барону вместе со своим письмом: перед Канолем открылось отверстие подземелья, которое, очевидно, шло по направлению к замку Канб.

Каноль с минуту оставался на одном месте, крупный пот выступил на лице его. Этот таинственный ход, может быть, не единственный в крепости, пугал барона!

Он зажег свечу и хотел осмотреть его.

Он сначала спустился по двадцати ступенькам, потом по легкому скату пошел под землю.

Скоро он услышал глухой гул, который сначала испугал его, потому что он не знал, откуда он происходит, но пройдя далее, барон догадался, что над его головою течет и шумит река.

В нескольких местах свода были трещины, через которые, вероятно, текла вода, но их заметили вовремя и тотчас замазали цементом, который скоро стал тверже камня.

Почти десять минут Каноль слышал над головою шум воды. Мало-помалу шум утих и казался шепотом. Наконец не стало слышно и шепота, и в безмолвии, пройдя шагов пятьдесят, Каноль дошел до лестницы, совершенно похожей на прежнюю. За последнюю ступенькою находилась массивная дверь, которую не выломали бы и десять человек, на случай пожара она была плотно окована железом.

– Теперь понимаю, – сказал Каноль. – Здесь у двери будут ждать Нанону и спасут ее.

Каноль воротился, прошел под рекой, нашел лестницу, поднялся в свою комнату, прикрепил ленту на прежнее место и в задумчивости отправился к Наноне.

IX

Нанона, как и всегда, сидела между ландкартами, письмами и книгами. Бедняжка по-своему вела междоусобную войну за короля. Увидав Каноля, она с восторгом подала ему руку.

– Король едет, – сказала она, – и через неделю мы будем вне опасности.

Каноль отвечал печально:

– Он едет и, к несчастью, все еще не приезжает.

– О, на этот раз я получила самые верные известия, милый барон, и через неделю он будет здесь.

– Как бы ни спешил он, Нанона, он все-таки опоздает для нас.

– Что вы говорите!

– Я говорю, что бесполезно сидеть над этими картами и бумагами и гораздо лучше подумать о бегстве.

– Бежать! Для чего?

– Потому что я получил дурные вести. Против нас готовится экспедиция, в этот раз я могу погибнуть.

– Что же, друг мой? Ведь решено: ваша участь – моя, как мои богатства – ваши.

– Нет, это не должно быть так. Я буду трусить, если мне придется бояться за вас. Помните ли, в Ажане хотели сжечь вас, хотели бросить вас в реку! Нет, Нанона, из сострадания ко мне не упрямитесь, не оставайтесь здесь, ваше присутствие может принудить меня к какой-нибудь подлости.

– Боже мой!.. Каноль, вы пугаете меня!

– Нанона, умоляю вас... Поклянитесь, что если меня атакуют, вы сделаете все, что я ни прикажу...

– Но к чему такая клятва?

– Она даст мне силу жить. Нанона, если вы не обещаете слепо повиноваться мне, клянусь, я буду искать смерти непременно.

– Клянусь!.. Все, все, что вы хотите, Каноль!.. Клянусь вам нашею любовью.

– Благодарю, Нанона! Теперь я спокоен. Соберите ваши драгоценности. Где ваше золото?

– В бочонке.

– Приготовьте все это, чтобы его можно было отнести вслед за вами.

– Ах, вы знаете, Каноль, что настоящие мои драгоценности не золото и не бриллианты. Каноль, уж не хотите ли вы удалить меня?

– Нанона, вы убеждены, что я честный человек, не так ли? Клянусь честью, что все эти меры внушены мне одним страхом за вас.

– И вы думаете, что я в опасности?

– Думаю, что завтра остров Сен-Жорж будет взят.

– Каким образом?

– Не знаю, но уверен.

– А если я соглашусь бежать?..

– Так я постараюсь остаться живым, клянусь вам.

– Приказывайте, друг мой, я буду повиноваться, – сказала Нанона, протягивая Канолью руку, и, засмотревшись на него, забыла, что у нее по щекам текут слезы.

Каноль пожал ей руку и вышел. Если бы он остался еще минуту, то поцеловал бы эти жемчужные слезы, но он положил руку на письмо виконтессы, и, как талисман, письмо это дало ему силу уйти.

Он провел день в жестокой тоске. Эта решительная угроза «Завтра Сен-Жорж будет взят» беспрерывно жужжала в его ушах. Как, какими средствами возьмут остров? Почему виконтесса говорит об этом с такою уверенностью? Как нападут на него? С берега? Или с моря? С какой неизвестной точки налетит на него беда, еще невидимая, но уже неизбежная? Он сходил с ума.

Во весь день Каноль под лучами солнца искал врагов в отдалении. Вечером Каноль мучил свои глаза, рассматривая рощи, отдаленную равнину и извилистое течение реки, но бесполезно: нигде он ничего не видал.

Когда совершенно стемнело, осветился флигель в замке Канб. Каноль видел тут свет в первый раз с тех пор, как приехал в крепость.

– Ага, – сказал он, – вот явились избавители Наноны!

И он тяжело вздохнул.

Какая странная и таинственная загадка заключается в сердце человеческого! Каноль уже не любил Нанону, он обожал виконтессу де Канб. Однако же, когда ему пришлось расставаться с тою, которой он не любил, сердце его разрывалось на части. Только далеко от нее или расставаясь с нею, чувствовал он всю силу странной привязанности своей к этой очаровательной женщине.

Весь гарнизон не спал и находился у крепостной стены. Каноль, устав смотреть, начал прислушиваться. Никогда темнота не казалась такою немою и уединенною. Никто не нарушал тишины, истинно пустынной.

Вдруг Канолью пришла мысль, что враги явятся к нему через подземелье, которое он осматривал. Это было довольно невероятно, потому что в таком случае его, верно, не предупредили бы. Однако же он решился стеречь подземелье. Он велел приготовить бочонок с порохом и фитиль, выбрал лучшего из своих сержантов, приказал прикатить бочонок к последней ступеньке подземелья, зажег факел и отдал его в руки сержанта. Возле него стояли еще два человека.

– Если в этом подземелье вы увидите больше шести человек, – сказал он сержанту, – то сначала велите им сдаться. Если они не согласятся, подожгите фитиль и толкните бочонок – подземелье покато, он взорвется среди врагов.

Сержант взял факел. За ним молча стояли два солдата, освещенные красноватым огнем факела, у ног их лежал бочонок с порохом.

Каноль воротился наверх спокойный за эту сторону дела, но, войдя в свою комнату, он увидел Нанону. Она в испуге следила за ним и с ужасом смотрела на черное отверстие подземелья, ей

незнакомое.

– Боже мой, что это за дверь? – спросила она.

– Для твоего бегства, милая Нанона.

– Ты обещал, что я расстанусь с тобою только в то время, когда на тебя нападут.

– И повторяю обещание.

– Все, кажется, очень спокойно около острова, друг мой.

– И в крепости тоже все, кажется, очень спокойно. Однако же в двадцати шагах от нас лежит бочонок пороху, и возле него стоит человек с факелом. Если этот человек поднесет факел к бочонку, через минуту все здесь взлетит на воздух. Вот как все спокойно, Нанона!

– О, вы заставляете меня трепетать! – вскричала она – Нанона, позовите ваших женщин, пусть они принесут ваши бриллианты, пусть ваш камердинер принесет ваши деньги. Может быть, я ошибся, может быть, в эту ночь ничего не случится, но все равно: будьте готовы.

– Кто идет? – закричал солдат в подземелье.

Ему отвечал какой-то голос очень ласково.

– Вот уже за вами идут, – сказал Каноль.

– Да ведь еще нет нападения, друг мой, все спокойно, позвольте мне остаться при вас, может быть, враги не придут сегодня.

Нанона не успела еще договорить, как на внутреннем дворе крепости три раза закричали:

– Кто идет?

За третьим разом последовал выстрел.

Каноль бросился к окну и отворил его.

– Неприятель! – кричал часовой.

Каноль увидел в углу черную движущуюся массу: то были неприятельские солдаты, выходявшие из низенькой двери, ведущей в погреб, где лежали дрова. В этом погребе, как и в комнате, находился потайной ход.

– Вот они! – вскричал Каноль. – Спешите, вот они!

В ту же секунду залп из двадцати мушкетов отвечал на выстрел часового. Несколько пуль попало в окно, которое запирали Каноль.

Он повернулся: Нанона стояла на коленях.

Прибежали ее служанки, камердинер.

– Нельзя терять ни минуты, Нанона! – сказал Каноль. – Ступайте, ступайте!

Он поднял Нанону и побежал с нею в подземелье, люди ее пошли за ним.

Сержант стоял на прежнем месте с факелом в руках. Солдаты, товарищи его, готовились стрелять по группе людей, между которыми стоял старинный знакомец наш, Помпей, бледный и расточавший всевозможные уверения в дружбе.

– Ах, барон, – вскричал он, – скажите вашим солдатам, что мы именно те люди, которых вы ждали. Черт возьми! Нельзя так шутить с друзьями.

– Помпей, – сказал Каноль, – поручаю тебе госпожу Лартиг. Ты знаешь, кто отвечает мне за нее своею честью, ты же будешь отвечать головою.

– Отвечаю, отвечаю!

– Каноль! Каноль! Я с вами не расстанусь! – кричала Нанона, обнимая барона. – Каноль! Вы обещали мне идти за мною.

– Я обещал защищать крепость Сен-Жорж, пока в ней будет хоть один камень, и сдержу слово.

Несмотря на крики, слезы, мольбы Наноны, Каноль передал ее Помпею, который увел ее при помощи нескольких лакеев виконтессы де Канб и собственных ее служанок.

Каноль следил глазами за этим милым белым привидением, которое, удаляясь, простирало к нему руки. Но вдруг он вспомнил, что его ждут в другом месте, и бросился вверх по лестнице, приказав сержанту и солдатам идти за собою.

Вибрак стоял в его комнате, бледный, без шляпы, со шпагою в руках.

– Господин комендант! – закричал он, увидав Каноля. – Неприятель в крепости!

– Знаю.

– Что же делать?

– Что за вопрос? Умирать!

Каноль бросился на внутренний двор. На дороге он увидел топор и схватил его.

Двор был наполнен врагами. Человек шестьдесят крепостных солдат старались защищать вход в комнаты Каноля. Со всех сторон слышались крики и выстрелы: это показывало, что везде дерутся.

– Комендант! Комендант! – закричали солдаты, увидав Каноля.

– Да, да, – отвечал он, – комендант ваш пришел умереть с вами! Мужайтесь, друзья мои! Вас взяли изменой, не надеясь победить.

– На войне все хорошо, – сказал Равальи насмешливым голосом, Равальи, у которого рука была подвязана, но который дрался отчаянно и поджигал солдат своих схватить Каноля.

– Сдавайся, Каноль, сдавайся! – кричал он. – Тебе предложат выгодные условия.

– А, это ты, Равальи! – вскричал Каноль. – Я думал, что уже заплатил тебе долг дружбы! Но ты еще недоволен, так погоди же...

Каноль, прыгнув шагов на пять вперед, бросился с топором на Равальи с такою силою, что топор раздробил шлем офицера, стоявшего возле Равальи. Несчастный офицер упал мертвый.

– А, так вот каким образом ты отвечаешь на мою учтивость? – сказал Равальи. – Пора бы мне привыкнуть к твоей манере! Друзья мои, он с ума сошел. Стреляйте в него, стреляйте!

Тотчас из неприятельских рядов раздался залп. Пять или шесть человек упало около Каноля.

– Пали! – закричал он своим.

По его приказанию выстрелили только три или четыре человека. Захваченные врасплох в ту самую минуту, как они спали спокойно, солдаты Каноля потеряли присутствие духа.

Каноль понял, что нечего делать.

– Вернемся в крепость, Вибрак, – сказал он, – возьмем с собой и солдат. Запрем двери и сдадимся только тогда, когда они возьмут нас приступом.

– Стрелей! – закричали два голоса – герцога де Ларошфуко и господина Эспанье. – Помните об убитых товарищах, они требуют мщения! Стреляйте!

Опять град пуль засвистал около Каноля, но не нанес ему вреда, однако же значительно уменьшил его отряд.

– Назад! – закричал Вибрак.

– Вперед! Вперед! – кричал Равальи. – За ними, скорей!

Враги бросились вперед. Каноль не более как с дюжиною солдат выдержал их натиск, он поднял ружье убитого солдата и действовал им, как палицей.

Все его товарищи вошли в дом, он вошел туда после всех с Вибраком.

Оба они с неимоверными усилиями притворили дверь, несмотря на сопротивление осаждавших, и заперли ее огромным железным засовом.

Окна были с железными решетками.

– Топоров! Если нужно, пушек сюда! – кричал герцог де Ларошфуко. – Мы должны взять их живыми или мертвыми.

Страшный залп последовал за этими словами: две или три пули пробили дверь. Одна из этих пуль раздробила ногу Вибраку.

– Ну, комендант, – сказал он, – мое дело кончено, устраивайте теперь ваше.

И он опустился вдоль стены, потому что не мог уже стоять на ногах.

Каноль осмотрелся кругом. Человек двенадцать могли еще защищаться. В числе их находился и сержант, которому поручено было смотреть за бочонком.

– Где факел? – спросил он. – Куда ты девал факел?

– Я бросил его там, у бочонка.

– Он еще горит?

– Может быть.

– Хорошо. Выведи всех этих людей заднею дверью. Постарайся выхлопотать для себя и для них самые выгодные условия. Остальное – уже мое дело.

– Но...

– Повиноваться!

Сержант опустил голову и подал солдатам знак идти за ним. Все они скоро исчезли во внутренних апартаментах: они поняли намерение Каноль и вовсе не желали взлететь с ним на воздух.

Каноль начал прислушиваться: дверь рубили топорами, что однако же не мешало перестрелке продолжаться. Стреляли наудачу в окна, полагая, что за окнами спрятались осажденные.

Вдруг страшный грохот показал, что дверь развалилась, и Каноль слышал, как толпа бросилась в замок с радостными криками.

– Хорошо, хорошо, – прошептал он, – через пять минут эти радостные крики превратятся в стоны отчаяния.

И он бросился в подземелье.

Там, на бочонке с порохом, сидел молодой человек, у ног его дымился факел. Он закрыл лицо обеими руками.

Услышав шум, юноша поднял голову.

Каноль узнал виконтессу.

– А, вот и он наконец! – вскричала она.

– Клара! – прошептал Каноль. – Зачем вы здесь?

– Умереть с вами, если вы хотите умереть.

– Я обесславлен! Я погиб! Мне остается только умереть.

– Вы спасены и со славой, вы спасены мною!

– Вы погубили меня! Слышите ли их? Вот они идут! Бегите, Клара, бегите через это подземелье! Остается еще минут пять, более вам не нужно...

– Я не уйду.

– Но знаете ли, зачем я сошел сюда? Знаете ли, что я хочу сделать?

Виконтесса подняла факел, поднесла его к бочонку и сказала:

– Догадываюсь!

– Клара! – вскричал испуганный Каноль.

– Скажите еще раз, что хотите умереть вместе со мною.

Бледное лицо Клары показывало такую решимость, что Каноль убедился, она исполнит обещание. Он остановился.

– Но чего же вы хотите? – спросил он.

– Сдайтесь!

– Никогда!

– Время драгоценно, – продолжала виконтесса, – сдавайтесь! Предлагаю вам жизнь, предлагаю вам славу, потому что доставляю вам превосходное извинение: измену!

– Так позвольте мне бежать... Я брошусь к ногам короля и выпрошу у него позволение отомстить за себя.

– Нет, вы не убежите.

– Почему же?

– Потому что я не могу жить так... Не могу жить без вас... Потому, что я вас люблю.

– Сдаюсь! Сдаюсь! – вскричал Каноль, падая на колени перед виконтессой и отбрасывая факел, который она держала в руках.

– О, – прошептала виконтесса, – теперь он мой, и никто не отнимет его у меня.

Тут была одна странность, которую, однако же, можно объяснить: любовь различно подействовала на этих двух женщин.

Виконтесса де Канб, осторожная, ласковая и скромная, стала решительной, смелою и твердою.

Нанона, капризная, своевольная, вспыльчивая, стала скромною, ласковою и осторожною.

Виконтесса чувствовала, что Каноль все более и более любит ее.

Нанона чувствовала, что любовь Каноль ежеминутно уменьшается.

Второе возвращение армии принцев в Бордо вовсе не походило на первое. На этот раз достало лавровых венков для всех, даже для побежденных. Нежное чувство виконтессы де Канб предоставило большую часть их барону Каноль. Едва въехал он в заставу возле друга своего Равальи, которого два раза едва не убил, как его окружила толпа, удивлялась ему, как великому полководцу и храброму воину.

Горожане, разбитые третьего дня, и особенно раненые, несколько сердились на своего победителя. Но Каноль казался таким добрым, таким прекрасным и простым, он сносил новое свое положение с такою веселостью и с таким достоинством, его окружила такая свита искренних друзей, офицеры и солдаты Наваильского полка так хвалили его, что жители Бордо скоро забыли свою первую неудачу.

Притом же другие мысли занимали их. Герцог Бульонский должен был приехать на другой или на третий день, а по самым верным известиям знали, что король будет в Либурне через неделю.

Принцесса Конде нетерпеливо желала видеть Каноль. Спрятавшись за занавески окна, она смотрела, как барон проходил мимо. Вид его показался ей торжествующим и вполне соответствующим той блестящей репутации, которую создали ему друзья и враги. Маркиза де Турвиль, не соглашаясь в этом случае с принцессой, уверяла, что в Каноле нет ничего особенного. Лене говорил, что считает его достойнейшим человеком, а герцог де Ларошфуко сказал только:

– А, так вот герой-то!

Каноль назначили квартиру в главной городской крепости, в замке Тромпет. Ему позволили днем прогуливаться в городе, заниматься своими делами или удовольствиями. По пробитии зари он должен был возвращаться в крепость. Все это основывалось на его честном слове – не искать случая бежать и ни с кем не переписываться вне города.

Прежде этой последней клятвы Каноль попросил позволения написать несколько строк. Получив позволение, он отправил Наноне следующее письмо:

«Я в плену, но свободен, в Бордо. Дал только слово ни с кем не переписываться, и пишу вам эти строки, Нанона, чтобы уверить вас в моей дружбе, в которой вы могли бы сомневаться, видя мое молчание. Прошу вас защитить мою честь перед королем и королевой.

Барон де Каноль».

В этих условиях плена, столь снисходительного, нельзя было не узнать влияния виконтессы де Канб.

Дней пять или шесть Каноль был занят обедами и праздниками, которые ему давали друзья. Его беспрестанно видели вместе с Равальи, который водил его здоровою рукою, а раненую носил на повязке. Когда били барабаны и жители Бордо отправлялись в экспедицию, на сборном месте являлся Каноль с Равальи или один, и, сложив за спиной руки, с любопытством смотрел на толпу и улыбался.

Впрочем, поселившись в Бордо, он редко видал виконтессу де Канб и едва говорил с нею. Казалось, Кларе достаточно того, что Каноль не с Наноной, казалось, она счастлива тем, что держит его при себе. Каноль написал ей письмо и горько жаловался. Она ввела его в несколько домов тою невидимою протекцией, которую оказывает женщина, когда она любит, но не желает, чтобы угадывали ее чувства.

Она сделала еще более. Каноль по просьбе Лене был представлен принцессе Конде, красавец-пленник показывался иногда в ее гостиной и ухаживал за придворными дамами.

Не было, по-видимому, человека, который занимался бы так мало общественными делами, как Каноль. Видеть виконтессу, сказать ей несколько слов, если он не мог говорить с нею, то подметить ее ласковый взгляд, пожать ей руку, когда она садилась в карету, – вот чем занимался пленник во весь день.

Ночью он думал о том же.

Однако же через некоторое время такое развлечение показалось пленнику недостаточным. Зная деликатность виконтессы, которая боялась более за честь Каноль, чем за свою, он искал средств расширить круг знакомства и доставить себе более развлечения. Он дрался на дуэли с офицером и с двумя статскими, что дало ему занятия на несколько часов. Но он выбил шпагу у

первого и ранил двух последних, и лишился развлечения этого рода, потому что не являлось людей, готовых доставлять ему подобное препровождение времени.

Завелись у него две или три интриги, и это не удивительно: Каноль, как мы уже говорили, был очень хорош лицом, кроме того, попав в плен, он стал еще интереснее. В первые три дня и во все утро четвертого весь город говорил только об его плене, то есть почти столько же, сколько о плене самого принца.

Один раз, когда Каноль надеялся видеть в капелле виконтессу де Канб и когда Клара не приехала, боясь, может быть, встретить его, Каноль, стоявший на обычном месте у колонны, загляделся на премиленькую женщину, которой прежде он не замечал. В этом виноват был не Каноль, а, разумеется, виконтесса: если бы она приехала, так он думал бы о ней, видел бы только ее и загляделся бы только на нее.

В этот же день, когда Каноль спрашивал себя, кто может быть эта хорошенькая брюнетка, он получил приглашение на вечер к генералу-адвокату Лави, тому самому, который не хотел впускать принцессу в Бордо. Его, как приверженца королевской партии, не терпели столько же, сколько и герцога д'Эпернона. Каноль, все более и более нуждавшийся в развлечении, принял приглашение с благодарностью и в шесть часов отправился к генерал-адвокату.

Час посещения, может быть, покажется странным, особенно нашим современным львам, но Каноль поехал так рано по двум причинам. Во-первых, в то время обедали в полдень, и, стало быть, вечеринки начинались гораздо раньше. Во-вторых, Каноль всегда возвращался в крепость не позже половины десятого, и, стало быть, если он хотел повеселиться на вечере, то должен был приехать одним из первых.

Войдя в гостиную генерал-адвоката, Каноль едва не вскрикнул от радости: госпожа Лави была именно та миленькая брюнетка, на которую он так загляделся в капелле.

Каноль приняли в этом доме как роялиста, доказавшего свою преданность на деле. Его так превозносили, что такие похвалы могли бы свести с ума даже одного из семи греческих мудрецов. Защиту его во время первого нападения сравнивали с подвигом Горация Коклеса, а гибель его – с падением Трои, которую Улисс взял обманом.

– Любезный барон, – сказал ему генерал-адвокат, – я знаю из верного источника, что о вас очень много говорили при дворе, и что ваш превосходный подвиг покрыл вас славой. Королева поклялась, что при первом обмене пленных вы будете свободны и в тот день, как вступите в ее службу, получите еще чин. Вы, верно, желаете, чтобы вас освободили?

– Нет, милостивый государь, – отвечал Каноль, бросая убийственный взгляд на госпожу Лави, – клянусь вам, у меня одно желание: чтобы ее величество не слишком торопилась. Ведь она должна выменять меня или на деньги, или на дельного офицера. Я не стою ни такой издержки, ни такой чести. Подожду, пока ее величество возьмет Бордо, где мне очень хорошо. Тогда она получит меня даром.

Госпожа Лави очаровательно улыбнулась.

– О, – сказал ее муж, – барон, вы очень холодно говорите о своей свободе!

– Да из чего же мне горячиться? – отвечал Каноль. – Неужели вы думаете, что мне приятно вступить опять в действительную службу и ежедневно подвергать себя необходимости убивать друзей?

– Но какую жизнь ведете вы здесь? – продолжал генерал-адвокат. – Жизнь, не достойную такого отличного человека, как вы. Вы не принимаете участия ни в советах, ни в экспедициях. Принуждены видеть, как другие служат своей партии, а сами сидите сложа руки. Вы бесполезны, оскорблены, вот вы что! Такое положение должно казаться вам тягостным.

Каноль посмотрел на госпожу Лави, которая тоже на него взглянула.

– О нет, – отвечал он, – вы очень ошибаетесь: мне совсем не скучно. Вы занимаетесь политикой, что очень скучно, я занимаюсь любовью, что очень весело. Некоторые из вас служат королеве, другие принцессе Конде, а я не привязываюсь постоянно к одной владычице, я раб всех женщин.

Такой ответ очень понравился хозяйке дома, она высказала свое мнение улыбкою.

Скоро сели за карточные столы. Каноль начал играть. Госпожа Лави играла пополам с ним

против своего мужа, который проиграл пятьсот пистолей.

На другой день без всякой причины чернь вздумала начать беспорядки. Один приверженец принцев, неистовый фанатик, предложил разбить окна в доме господина Лави. Когда разбили стекла, другой фанатик предложил поджечь его дом. Уже раздували огонь, когда Каноль подоспел с ротой Наваильского полка, отвел госпожу Лави в безопасное место и вырвал ее мужа из рук дюжины бешеных злодеев, которые хотели повесить его, потому что не могли сжечь.

– Что, господин любитель деятельности, – сказал Каноль генерал-адвокату, дрожавшему от страха, – что думаете вы теперь о моем бездействии? Не лучше ли, что я ничего не делаю?

Потом он вернулся в замок Тромпет, потому что уже пробили зарю. На своем столике он увидел письмо и сердце его сильно забилося. Рассмотрев почерк, он весь задрожал.

То был почерк виконтессы де Канб.

Каноль тотчас распечатал письмо и прочел:

«Завтра будьте одни в капелле, часов в шесть вечера, и станьте налево при входе».

– О, – сказал Каноль, – да это превосходно!

В письме была еще приписка:

«Не говорите никому, что ходите туда, где были вчера и сегодня. Бордо не роялистский город, не забывайте этого. Да остановит вас участь, которой подвергся бы господин генерал-адвокат, если бы вы не спасли его».

– Хорошо, – сказал Каноль, – она ревнует! Что ни говорила бы она, я прекрасно сделал, что ездил вчера и сегодня к господину Лави.

XI

Надобно сказать, что со времени приезда в Бордо Каноль перенес все мучения несчастной любви. Он видел, как все ухаживали за виконтессой, волочились за ней, угождали ей, и не мог показать ей своей любви, должен был довольствоваться одним утешением: тайком ловить взгляды Клары, скрываемые от злых языков. После сцены в подземелье, после горячего признания виконтессы такое ее поведение казалось ему не только холодным, но даже ледяным. Однако, даже видя ее холодность, он был уверен, что его действительно и глубоко любят, и потому решил быть несчастнейшим из счастливых любовников. Впрочем, это было дело нетрудное. Пользуясь честным словом, по которому он не мог ни с кем переписываться вне города, он отправил Нанону в уголок совести, где помещаются любовные сожаления. Он не получал известий от Наноны, не чувствовал скуки от писем, которые всегда возбуждают живое воспоминание о женщине, и потому угрызения совести не очень мучили его.

Однако же иногда, в то самое время, когда веселая улыбка играла на устах молодого барона, когда он расточал шутки и остроты громким голосом, вдруг лицо его становилось печальным и вздох вырывался если не из глубины сердца, так по крайней мере из уст его. Вздох этот относился к Наноне, прошедшее бросало тень на настоящее.

Виконтесса замечала эту минутную его горесть. Глаз ее проникал в самую глубину сердца Каноля. Она подумала, что нельзя оставлять Каноля в таком положении между прежнюю любовью, которая не совсем еще погасла, и новою страстью, которая могла возродиться. Избыток его чувств, прежде поглощаемый войною и обязанностями важного звания, мог подвинуть его на что-нибудь противное той чистой любви, которую виконтесса хотела внушить ему. Она, впрочем, старалась только выиграть время, чтобы исчезло воспоминание о прежних романических встречах. Может быть, виконтесса де Канб ошибалась, может быть, если бы она прямо сказала о своей любви, то меньше бы занимались ею или занимались бы не так долго.

Более и внимательнее всех следил за этою таинственной страстью Лене. Сначала его опытный глаз заметил любовь Клары, но не мог найти ее предмета, он не мог угадать, что такое эта любовь, несчастная или счастливая. Только ему показалось, что Клара решительно поражена в самое сердце, потому что она иногда труслива и нерешительна, иногда сильна и отчаянна, почти всегда равнодушна к удовольствиям, ее окружающим. Вдруг погасло ее рвение к войне и она не казалась уже ни трусливою, ни храброю, ни решительною, ни отчаянною. Она задумывалась, сме-

ялась без причины, плакала без причины, как будто губы и глаза ее отвечали изменениям ее мысли. Такая перемена произошла в течение последней недели. В течение последней недели был взят в плен Каноль. Стало быть, нельзя сомневаться, Каноль – предмет ее любви.

Впрочем, Лене с радостью хотел покровительствовать такой любви, которая могла дать принцессе Конде храброго защитника.

Ларошфуко, может быть, еще лучше, чем Лене, читал в сердце виконтессы. Но его телодвижения, рот, глаза говорили только то, что он позволял им говорить, и потому никто не мог сказать, любит он или ненавидит виконтессу. Он никогда не говорил про Каноль, не смотрел на него и вообще не обращал на него никакого внимания. Впрочем, герцог воевал лучше, чем когда-нибудь, показывал себя героем, чему много помогали его неустрашимая храбрость и действительное знание военного дела. Напротив, герцог Бульонский, холодный, таинственный, расчетливый, которому превосходно служили припадки подагры и случались так кстати, что некоторые люди даже отвергали их действительность, – герцог Бульонский все вел переговоры, скрывался, как мог, и, не умея видеть огромной разницы между Ришелье и Мазарини, все боялся лишиться головы, которой едва не отсекли ему на одном эшафоте с Сен-Марсом, и за которую он заплатил своим родным городом Седаном и сложением с себя прав владетельного герцога.

Что же касается до жителей Бордо, то они носились в вихре любовных интриг. Находясь между двух огней, двух смертей, двух гибелей, они были так мало уверены в завтрашнем дне, что надобно было чем-нибудь усладить это неверное существование, которое считало будущее секундами.

Все помнили разрушение Ла-Рошели, истребленной Людовиком XIII, знали, как много уважала Анна Австрийская этот подвиг. Почему же Бордо не предоставит злобе и ненависти честолюбивой королевы случай сделать то же самое?

Но они забывали, что тот, кто уравнивал слишком высокие головы и слишком высокие стены, давно уже умер, и что кардинал Мазарини был только тенью кардинала Ришелье.

Все действовали без цели, пример увлек и Каноль. По правде сказать, он принимался иногда сомневаться во всем и в припадках скептицизма сомневался даже в любви виконтессы. В эти минуты Нанона вырастала в его сердце и казалась еще нежнее и еще преданнее именно потому, что находилась в отсутствии. Если бы в такую минуту явилась перед ним Нанона, он, – о, непостоянный! – упал бы перед ней на колени.

Находясь между этими противоположными мыслями, которые могут быть понятны только людям, попадавшим между двух страстей, Каноль получил письмо виконтессы. Не нужно говорить, что он начал думать только о ней, а все другие мысли исчезли. Прочитав письмо, он не понимал, как он мог любить какую-нибудь женщину, кроме Клары. Перечитав письмо, он вообразил, что никогда никого не любил, кроме нее.

Каноль провел одну из тех лихорадочных ночей, которые жгут и вместе с тем доставляют отдохновение, потому что радость борется с бессонницей. Хотя он во всю ночь не смыкал глаз, однако же встал с петухами.

Известно, как влюбленные проводят время перед свиданием. Смотрят на часы, бегают туда и сюда и не узнают даже самых коротких приятелей. Каноль сделал все глупости, которых требовало его положение.

В назначенный час (Каноль уже двадцать раз подходил к капелле) он вошел в нее. Сквозь темные стекла пробивались лучи заходящего солнца, вся внутренность капеллы освещалась тем таинственным светом, который так приятен молящимся и любящим. Каноль дал бы год жизни, чтобы не потерять надежды в эту минуту.

Каноль хорошенько осмотрелся, стараясь убедиться, что в капелле никого нет, заглянул за все колонны, потом, уверившись, что никто не может видеть его, стал на назначенное место.

XII

Через минуту явилась Клара, закутанная в широкую мантилью; она оставила на часах за дверьми своего верного Помпея. Клара тоже осмотрелась, не видят ли ее, и потом стала на колени

возле Каноль.

– Наконец я вас вижу, виконтесса! – сказал Каноль. – Наконец вы сжалились надо мною!

– Надобно было сжалиться, потому что вы губите себя, – отвечала Клара и смутилась, потому что говорила неправду, хотя самую невинную, но все-таки неправду.

– Ах, – сказал Каноль, – так только чувству жалости обязан я вашей милостью? О, признайтесь, я мог ожидать чего-нибудь получше!

– Поговорим серьезно, – возразила Клара, тщетно стараясь овладеть своим голосом, который дрожал. – Вы губили себя, повторяю вам, когда ездили к генерал-адвокату Лави, к отъявленному врагу принцессы. Вчера принцесса узнала об этом от герцога де Ларошфуко, который все знает. Она сказала слова, которые испугали меня:

«Если нам придется бояться замыслов наших пленников, то мы должны снисходительность заменить строгостью. Находясь в неверном положении, мы должны действовать решительно. Мы не только хотим строжайших мер, но даже готовы исполнить их».

Виконтесса произнесла эти слова голосом довольно твердым: ей казалось, что не стыдно говорить неправду для доброй цели, так успокаивала она свою совесть.

– Я вовсе не слуга принцессы, – отвечал Каноль, – я только ваш раб, не более: вам сдался я, вам одной, вы знаете, в каких обстоятельствах и на каких условиях.

– Но мне кажется, не было выговорено условий...

– На словах – нет, но в сердце – да. Ах, виконтесса! После того, что вы мне говорили, как позволили мне надеяться на счастье, после всех надежд, которые вы мне дали... О, признайтесь, что вы чересчур жестоки!

– Друг мой, – отвечала Клара, – вы ли можете упрекать меня за то, что я заботилась о вашей чести столько же, сколько о своей? Неужели вы не понимаете – надобно признаться в этом, потому что вы и сами, верно, догадаетесь, – неужели вы не понимаете, что я страдала не меньше вас, даже больше вас, потому что у меня не достало сил переносить такие страдания? Выслушайте же меня, и пусть слова мои, вырывающиеся из глубины сердца, упадут прямо на вашу душу. Друг мой, я уже сказала вам, я страдала больше вас: меня терзало опасение, которого вы не могли иметь, потому что знали, что я люблю только вас. Живя здесь, не жалеете ли вы о той, которой здесь нет, и в мечтах о будущем нет ли у вас какой-нибудь надежды, которая не относится ко мне?

– Виконтесса, – отвечал Каноль, – вы вызываете меня на откровенность, и потому я буду говорить с вами откровенно. Да, когда вы оставляете меня печальным моим размышлениям, отсутствием вашим вы заставляете меня скитаться в домах, где глупцы волочатся за здешними горожанками. Когда вы не хотите смотреть на меня или когда заставляете меня так дорого покупать одно ваше слово, одно движение, один взор, которого я может быть не стою... тогда я досадую, что не умер на поле сражения, упрекаю себя за то, что сдался, жалею об этом, даже совесть грызет меня...

– Совесть!

– Да, виконтесса. Как верно, что я вас люблю, так же верно и то, что теперь другая женщина плачет, стонет, готова отдать жизнь за меня, и что же? Она должна думать, что я или подлец, или предатель.

– Не может быть!

– Уверяю вас, что так!.. Не она ли сделала меня тем, что я теперь? Не поклялся ли я ей, что спасу ее?

– Но вы и спасли ее.

– Да, от врагов, которые могли измучить ее тело, а не от отчаяния, которое гложет ее сердце, если она знает, что я сдался вам.

Клара опустила голову и вздохнула.

– Вы не любите меня! – сказала она.

Каноль вздохнул в свою очередь.

– Не хочу обольщать вас, барон, – продолжала она, – не хочу лишать вас подруги, которой я не стою. Однако же вы знаете, я тоже люблю вас, я пришла сюда просить всей вашей любви. Я пришла сказать вам: я свободна, вот моя рука... Предлагаю вам ее, потому что никого не могу

сравнить с вами... Не знаю человека достойнее вас.

– Ах, виконтесса! – вскричал Каноль. – Какое счастье! Вы дарите мне блаженство!

– О, вы меня не любите! – печально прошептала она.

– О, люблю, люблю!.. Но не могу пересказать вам, сколько я страдал от вашего молчания и осторожности.

– Боже мой! Так вы, мужчины, ничего не угадываете? – сказала Клара, поднимая прелестные глаза к небу. – Разве вы не поняли, что я не хотела заставить вас играть смешную роль, не хотела, чтобы могли подумать, что мы вместе устроили сдачу Сен-Жоржа? Нет, я хотела, чтобы вас выменяла королева, или чтобы я вас выкупила, и тогда вы совершенно бы принадлежали мне. Но вы не захотели подождать!

– Теперь, виконтесса, теперь я подожду. За один теперешний час, за одно обещание, сказанное вашим очаровательным голосом, который уверяет, что вы любите меня, я готов ждать целые годы...

– Вы все еще любите Нанону Лартиг! – сказала Клара, покачав головою.

– Виконтесса, – отвечал Каноль, – я солгал бы, если бы не сказал вам, что чувствую к ней дружескую благодарность. Верьте мне, возьмите меня с этим чувством. Я отдаю вам столько любви, сколько могу дать, а это уже очень много.

– Ах, – сказала Клара, – я не знаю, должна ли я принять ваше предложение: вы показываете много великодушия и вместе с тем много любви.

– Послушайте, – продолжал Каноль, – я готов умереть, чтобы избавить вас от одной слезинки, и без сострадания заставлю плакать ту, о которой вы говорите. Бедняжка! У ней множество врагов, даже те, кто не знает ее, и те проклинаят ее. У вас, напротив, только друзья, кто вас не знает, и тот уважает вас, а все ваши знакомые вас любят. Судите же, какая разница в моих чувствах к вам и к ней: последнее кроется в моей совести, а первое наполняет мою душу.

– Благодарю, друг мой. Но, может быть, вы покоряетесь минутному увлечению, потому что я здесь с вами, а потом будете раскаиваться? Так взвесьте слова мои хорошенько. Даю вам срок на размышление до завтра. Если хотите передать что-нибудь госпоже Лартиг, если хотите ехать к ней, то вы свободны, Каноль, я возьму вас за руку и сама выведу за бордосскую заставу.

– Виконтесса, не нужно ждать до завтра, – отвечал Каноль. – Хотя сердце мое горит, однако же я в полном рассудке и повторяю вам: люблю вас, люблю только вас, буду любить только вас!

– Благодарю, благодарю, друг мой! – воскликнула Клара, подавая ему руку. – Вот вам моя рука и мое сердце.

Каноль принялся целовать ее руку.

– Помпей подает мне знак, что пора выйти, – сказала Клара. – Верно, хотят запереть капеллу. Прощайте, друг мой, или лучше до свидания! Завтра вы узнаете, что я хочу сделать для вас, то есть для нас. Завтра вы будете счастливы, потому что я буду счастлива.

Не будучи в силах скрывать своей любви, она взяла руку Каноля, поцеловала ее и убежала, оставив Каноля в невыразимом восторге.

XIII

Между тем, как говорила Нанона, король, королева, кардинал Мазарини и маршал де ла Мельере отправились в путь наказывать непокорный город, который дерзнул открыто восстать за принцев. Они приближались медленно, но все-таки приближались.

Приехав в Либурн, король принял депутацию жителей Бордо. Они уверяли его в своей преданности и в своем усердии. При тогдашнем положении дел такое уверение было довольно странно.

Королева приняла посланных очень гордо.

– Господа, – отвечала она им, – мы поедем через Вер и скоро будем иметь случай лично удостовериться, так ли искренни ваша преданность и ваше усердие, как вы уверяете.

При слове «Вер» депутаты, вероятно знавшие какое-нибудь особенное обстоятельство, не известное королеве, посмотрели друг на друга с беспокойством. Анна Австрийская, от которой

ничто не могло скрыться, тотчас заметила их смущение.

– Сейчас же отправимся в Вер, – сказала она, – крепость хороша, по уверению герцога д'Эпернона. Там поместим мы короля.

Потом, повернувшись к капитану своей роты Гито и к прочим лицам свиты, спросила:

– Кто комендантом в Вере?

– Кто-то новый, – отвечал Гито.

– Человек верный, надеюсь? – продолжала Анна Австрийская, нахмутив брови.

– Он лично известен герцогу д'Эпернону.

Лицо королевы прояснилось.

– Если так, скорее в путь! – сказала она.

Маршал де ла Мельере возразил ей:

– Ваше величество вольны делать, что вам угодно, но лучше бы не расставаться с армией и не уезжать вперед. Воинственный въезд в Верскую крепость произвел бы доброе впечатление. Подданные короля должны знать его силу, она ободряет верных и устрашает изменников.

– Мне кажется, что маршал совершенно прав, – сказал кардинал Мазарини.

– А я говорю, что он ошибается, – отвечала королева. – До самого Бордо вам нечего опасаться, король силен сам собою, а не войском. Его придворного штата достаточно ему.

Маршал опустил голову в знак согласия.

– Приказывайте, ваше величество, – сказал он, – ведь вы королева.

Королева подозвала Гито и приказала ему собрать телохранителей, мушкетеров и конноегерей. Король сел на лошадь и поехал впереди их. Племянница кардинала Мазарини и придворные дамы сели в карету.

Тотчас все отправились в Вер. Армия следовала сзади. До Вера оставалось только десять лье, стало быть, армия могла прийти к крепости часа через три или через четыре после прибытия туда короля. Ее хотели поставить на левый берег Дордони.

Королю было только двенадцать лет, но он уже превосходно ездил верхом, грациозно управлял лошадей и уже отличался тою семейною гордостью, которая впоследствии заставила его так строго смотреть на этикет. Воспитанный на глазах королевы, но преследуемый скупостью кардинала, который не удовлетворял самым необходимым его потребностям, он с бешеным нетерпением ждал, когда пробьет час его совершеннолетия, которое наступало следующего 5 сентября, и иногда в детских своих капризах показывал, чем он будет впоследствии. Эта экспедиция очень ему нравилась: он переставал считаться мальчиком, учился военному делу, привыкал к употреблению королевской власти.

Он ехал гордо то у кареты, причем кланялся королеве и умильно поглядывал на госпожу де Фронтенак, в которую, как уверяли, он был влюблен, то впереди своего отряда и разговаривал с маршалом де ла Мельере и с Гито о походах Людовика XIII и подвигах покойного кардинала.

Разговаривая и подвигаясь вперед, увидели наконец башни и галереи крепости Вер. Погода была превосходная, местоположение живописное. Солнце золотило реку косыми лучами. Можно было подумать, что едут на прогулку, такую веселою и довольною казалась королева. Король ехал между маршалом де ла Мельере и Гито и смотрел на крепость, в которой не было видно движения, хотя, по всей вероятности, часовые, расхаживавшие около башен, видели блестящий авангард королевской армии.

Карета королевы поехала поскорее и поравнялась с королем.

– Послушайте, – сказал Мазарини маршалу, – одно удивляет меня.

– Что такое?

– Обыкновенно, кажется мне, исправные коменданты знают, что происходит около их крепостей, и когда королю угодно удостоить крепость посещением, то они должны выслать по крайней мере депутацию.

– Ну, – сказала королева, засмеявшись громко, но принужденно, – что за церемонии! Они все бесполезны, я требую только верности.

Маршал закрыл лицо платком, чтобы скрыть гримасу или желание сделать гримасу.

– Но в самом деле, они там не шевельнутся! – сказал юный король, недовольный таким за-

бвением правил этикета, на котором он впоследствии основал все свое величие.

– Ваше величество, – отвечала Анна Австрийская, – вот маршалы де ла Мельере и Гито скажут вам, что первая обязанность всякого коменданта в неприятельской земле сидеть осторожно за стенами, чтобы его не захватили врасплох. Разве вы не видите на цитадели ваше знамя, знамя Генриха IV и Франциска?

И она гордо указала на эту значительную эмблему, которая доказывала, что королева не обманулась в надежде.

Поезд подвигался и вдруг увидел земляное укрепление, которое, по-видимому, было сооружено очень недавно.

– Ага, – сказал маршал, – видно, комендант действительно знаток своего дела! Аванпост выбрал удачно и ретраншемент ловко очерчен.

Королева высунула голову из кареты, а король приподнялся на стременах.

Один часовой ходил по укреплению; впрочем, оно казалось таким же пустынным и безмолвным, как и крепость.

– Хотя я не военный человек, – сказал Мазарини, – хотя вовсе не знаю военных обязанностей коменданта, однако же такое небрежение к лицу короля кажется мне очень странным.

– Во всяком случае поедem вперед, – сказал маршал, – и узнаем, что это значит.

Когда они подъехали шагов на сто к укреплению, часовой, до сих пор ходивший взад и вперед, вдруг остановился, посмотрел и закричал:

– Кто идет?

– Король! – отвечал маршал.

Анна Австрийская ожидала, что при этом одном слове выбегут солдаты, поспешно явятся офицеры, опустятся мосты, отворятся ворота, и заблещут шпаги.

Ничего этого не было.

Часовой выдвинул правую ногу, занес ее на левую, уставил мушкет против прибывших и закричал громким и твердым голосом:

– Стой!

Король побледнел от досады, Анна Австрийская укусила губы до крови, Мазарини пробормотал итальянское ругательство, очень неприличное во Франции, но от которого он не мог отвыкнуть, маршал только взглянул на их величества, но очень красноречиво.

– Люблю меры предосторожности, когда они принимаются для службы мне, – сказала королева, стараясь обмануть себя.

Хотя лицо ее казалось спокойным, однако же она начинала беспокоиться.

– А я люблю уважение к моему лицу, – прошептал юный король, не сводя глаз с бесстрастного часового.

XIV

Между тем крик «Король! Король!», изданный часовым и повторенный двумя или тремя голосами, долетел до крепости.

На крепостной стене показался человек, за ним выстроился весь гарнизон.

Комендант подал знак: заиграли барабаны, солдаты отдали честь, протяжно и торжественно раздался залп из орудий.

– Видите ли, – сказала королева, – вот они исполняют свою обязанность. Лучше поздно, чем никогда. Поедем.

– Извините, – возразил маршал де ла Мельере, – но я не вижу, чтобы они отпирали ворота, а мы можем въехать в крепость, только когда отворят ворота.

– Они забыли отпереть их, вероятно, от изумления и восторга, потому что они не ожидали августейшего посещения, – осмелился сказать какой-то льстец.

– Такие вещи не забываются, – возразил маршал.

Потом обернулся к королю и королеве и прибавил:

– Позвольте ли предложить совет вашему величеству?

– Что такое, маршал?

– Вашим величествам следует отъехать шагов на пятьсот с Гито и с телохранителями на то время, пока я с мушкетерами и егерями сделаю рекогносцировку.

Королева отвечала одним словом:

– Вперед! – закричала она. – И мы увидим, посмеют ли они не впустить нас!

Юный король в восторге прищипорил лошадь и проскакал шагов двадцать.

Маршал и Гито бросились за ним и догнали его.

– Нельзя!.. – закричал часовой, оставаясь в прежней угрожающей позе.

– Ведь это король! – закричали придворные.

– Назад!.. – крикнул часовой с угрозой.

В то же время из-за парапета показались шляпы и мушкеты солдат, которые охраняли это первое укрепление.

Продолжительный ропот встретил слова часового и появление солдат. Маршал схватил за узду лошадь короля и повернул ее, в то же время он приказал кучеру королевы отъехать дальше. Когда король и королева удалились шагов на тысячу от первых ретраншементов, свита тотчас разлетелась, как разлетаются птички после первого выстрела охотника.

Тут маршал де ла Мельере, овладев позицией, оставил человек пятьдесят для охранения короля и королевы и, взяв с собою остальных солдат, приблизился к укреплению.

Когда он подошел шагов на сто, часовой, начавший ходить спокойным и мерным шагом, опять остановился.

– Возьмите трубача, навяжите платок на шпагу, Гито, – сказал маршал, – и ступайте, требуйте, чтобы дерзкий комендант сдался.

Гито повиновался и под прикрытием мирного флага, который во всех странах обеспечивает безопасность посланных, подошел к ретраншементу.

– Кто идет? – закричал часовой.

– Парламентер! – отвечал Гито, размахивая платком на шпаге.

– Впустить! – закричал тот человек, которого мы уже видели на крепостной стене.

Он пришел на аванпост, вероятно, каким-нибудь скрытым путем.

Ворота отворились, мост опустился.

– Что вам угодно? – спросил офицер, ждавший в воротах.

– Хочу переговорить с комендантом, – отвечал Гито.

– Я здесь, – отвечал тот человек, которого мы видели уже два раза

– в первый раз на крепостной стене, во второй на парапете ретраншемента.

Гито заметил, что этот человек очень бледен, но спокоен и учтив.

– Вы комендант Вера? – спросил Гито.

– Я.

– И не хотите отпереть ворот вашей крепости королю и королеве?

– К величайшему моему прискорбию.

– Что же вы хотите?

– Освобождения принцев, плен которых разоряет и печалит всю Францию.

– Его величество не вступает в переговоры с подданными.

– Увы, мы это знаем, милостивый государь, потому мы готовы умереть, зная, что умираем на службе короля, хотя, по-видимому, вступаем с ним в войну.

– Хорошо, – отвечал Гито, – вот все, что мы хотим знать.

И поклонившись коменданту довольно сухо, на что комендант отвечал ему вежливым поклоном, он ушел.

На бастионе никто не пошевелился.

Гито воротился к маршалу и передал ему результат переговоров.

Маршал указал на селение Изон.

– Отправить туда пятьдесят человек, – сказал он, – пусть заберут там все лестницы, какие найдутся, но как можно скорее.

Пятьдесят человек поскакали галопом и тотчас приехали в село, потому что оно находилось

недалеко.

– Теперь, господа, – сказал маршал, – вы должны спешиться. Одна половина из вас, с мушкетами, будет прикрывать осаждающих, другая пойдет на приступ.

Приказание приняли с радостными криками. Телохранители, мушкетеры и егеря тотчас сошли с лошадей и зарядили ружья.

В это время возвратились посланные и привезли двадцать лестниц.

На бастионе все было спокойно, часовой прохаживался взад и вперед, а из-за него выглядывали концы мушкетов и углы шляп.

Королевский отряд двинулся вперед под личным предводительством маршала. Отряд состоял из четырехсот человек, половина их по приказанию маршала должна была идти на приступ, а другая – поддерживать осаждающих.

Король, королева и свита издали со страхом следили за движениями маленького отряда. Даже королева казалось уже не такую самоуверенною. Чтобы лучше видеть, она велела повернуть карету и поставить ее боком к крепости.

Осаждающие едва прошли двадцать шагов, как часовой остановил их.

– Кто идет? – закричал он громким голосом.

– Не отвечайте ему, – сказал Мельере. – Вперед!

– Кто идет? – закричал часовой во второй раз, взводя курок.

– Кто идет? – повторил он в третий раз и прицелился.

– Стреляй в него! – сказал Мельере.

В ту же минуту град пуль посыпался из роялистских рядов. Часовой пошатнулся, выпустил из рук мушкет, который покатился в ров, и упал, закричав громко:

– Неприятель!

Один пушечный выстрел отвечал началу неприятельских действий. Ядро просвистело над первым рядом солдат, попало во второй и третий, опрокинуло человека четыре и рикошетом убило одну из лошадей в карете Анны Австрийской.

Продолжительный крик ужаса раздался в группе, которая охраняла их величества. Король, увлеченный общим движением, подался назад. Анна Австрийская едва не упала в обморок от бешенства, а Мазарини – от страха. Отрезали построжки убитой лошади и лошадей уцелевших, потому что они начинали беситься от испуга и могли разбить карету. Десять телохранителей запряглись и оттащили экипаж на такое место, куда не могли долететь ядра.

Между тем комендант открыл батарею из шести орудий.

Когда маршал де ла Мельере увидел эту батарею, которая могла в несколько секунд истребить все три его роты, он понял, что бесполезно продолжать атаку, и велел бить отбой.

В ту минуту, как королевский отряд начал отступать, в крепости прекратились оборонительные действия.

Маршал воротился к королеве и предложил ей выбрать для главной квартиры какое-нибудь место в окрестности.

Королева увидела на другой стороне Дордони маленький уединенный домик, едва видный из-за деревьев и очень похожий на замок.

– Узнайте, – сказала она Гито, – кому принадлежит этот домик, и попросите в нем гостеприимства для меня.

Гито тотчас поскакал, переправился через реку на пароме изонского перевозчика и скоро вернулся к королеве.

Он доложил, что никто не живет в доме, кроме управляющего, который отвечал, что дом принадлежит герцогу д'Эпернону и потому предоставляется в полное распоряжение ее величества.

– Так поедem, – сказала королева. – Но где же король?

Позвали маленького Людовика XIV, который стоял в стороне. Хотя он старался скрыть слезы, однако же видно было, что он плакал.

– Что с вами, государь? – спросила Анна Австрийская.

– Ничего! – отвечал он. – Но когда я буду королем... горе тому, кто оскорбит меня!

– Как зовут коменданта? – спросила королева.

Никто не отвечал. Никто не знал, как его зовут.

Спросили у изонского перевозчика, он отвечал, что коменданта зовут Ришоном.

– Хорошо, – сказала королева, – я не забуду этого имени.

– И я тоже, – прибавил юный король.

XV

Сто человек из королевского отряда переправились через Дордонь вместе с королем и королевой. Прочие остались при маршале де ла Мельере, который, решившись взять Вер, ждал прибытия армии.

Едва королева успела расположиться в домике, который стараниями Наноны превратился в удобное и почти великолепное жилище, как явился Гито и доложил, что какой-то капитан ради весьма важного дела просит аудиенции.

– Как его зовут? – спросила Анна Австрийская.

– Капитан Ковиньяк.

– Он в моей армии?

– Не думаю.

– Так справьтесь, и если он не на моей службе, то скажите, что я не могу принять его.

– Прошу позволения не быть согласным в этом случае с вашим величеством, – сказал кардинал Мазарини, – но мне кажется, если он не из вашей армии, то именно поэтому надобно принять его.

– Для чего?

– А вот для чего: если он из армии и просит у вашего величества аудиенции, то он, наверно, прекрасный подданный. Напротив, если он из неприятельской армии, то, может быть, изменник. А в теперешнем положении нельзя пренебрегать изменниками, потому что они могут быть очень полезны.

– Так велите ему войти, – сказала королева, – если таково мнение кардинала.

Капитана тотчас ввели. Он вошел с ловкостью и развязностью, которые удивили королеву, привыкшую производить на всех окружавших ее совершенно другое впечатление.

Она осмотрела Ковиньяка с головы до ног, но он бесстрашно вытерпел королевский взгляд.

– Кто вы? – спросила королева.

– Капитан Ковиньяк.

– Кому вы служите?

– Вашему величеству, если позволите.

– Позволю ли я? Разумеется, позволяю. Впрочем, разве есть во Франции какая-нибудь другая служба? Разве во Франции две королевы?

– Разумеется, нет; есть только одна королева – та, к стопам которой я имею счастье в эту минуту принести всю мою преданность. Но есть два мнения, по крайней мере, так показалось мне...

– Что хотите вы сказать? – спросила Анна Австрийская, нахмутив брови.

– Хочу сказать вашему величеству, что я прогуливался здесь в окрестностях, на холме, с которого видна вся страна, и любовался местоположением, которое, как сами вы вероятно заметили, очень живописно, когда показалось мне, что комендант Ришон принимает вас не с должным почетом. Это убедило меня в одном обстоятельстве, о котором я уже догадывался, то есть, что во Франции два мнения: роялистское и еще другое. Ришон, верно, принадлежит к другому.

Лицо Анны Австрийской еще более омрачилось.

– А, так вот что вам показалось, – сказала она.

– Точно так, ваше величество, – отвечал Ковиньяк с самым искренним простодушием. – Сверх того, мне показалось еще, будто бы пушечное ядро вылетело из крепости и попало в лошадей вашей кареты.

– Довольно... Неужели вы просили у меня аудиенции только для того, чтобы рассказывать мне ваши нелепые замечания?

«А вы не учтивы, – подумал Ковиньяк, – так вы заплатите мне дорожку».

- Я просил аудиенции, желая сказать вашему величеству, что вы великая королева, и что я более всех удивляюсь вам.
- В самом деле? – сказала королева сухо.
- Уважая это величие, и, следовательно, удивляясь ему, я решился вполне посвятить себя службе вашей.
- Благодарю, – отвечала королева с иронией.
- Потом повернулась к Гито и прибавила:
- Вывести этого болтуна!
- Извините, ваше величество, не нужно выгонять меня, я уйду и сам, но если я уйду, вы не возьмете Вера.
- Ковиньяк, очень ловко поклонившись королеве, повернулся и пошел к дверям.
- Ваше величество, – сказал Мазарини потихоньку, – мне кажется, вы напрасно выгоняете его.
- Вернитесь, – сказала королева Ковиньяку, – и говорите. Вы очень странны и забавляете меня.
- Вы слишком милостивы, – отвечал Ковиньяк, кланаясь.
- Что говорили вы о Вере?
- Если вашему величеству, как я заметил сегодня утром, непременно угодно быть в Вере, то я долгом почту ввести вас туда.
- Каким образом?
- В Вере полтора человека принадлежит мне.
- Вам?
- Да, мне.
- Что это значит?
- Я уступаю их вашему величеству.
- А потом?
- Что будет потом?
- Да.
- Потом, мне кажется, очень легко с сотнею солдат отпереть одни ворота.
- Королева улыбнулась.
- Он не глуп, – сказала она.
- Ковиньяк, вероятно, угадал комплимент, потому что поклонился во второй раз.
- А что вы за них хотите? – спросила она.
- Немного! По пятисот ливров за каждого. Я сам так платил им.
- Хорошо.
- А мне что же?
- А, так вы просите еще и себе?
- Я гордился бы местом, полученным от щедрот вашего величества.
- А какое место желаете?
- Хоть коменданта в Броне. Мне всегда хотелось быть комендантом.
- Согласна.
- В таком случае, дело улажено, кроме одной маленькой бумажки.
- Какой?
- Не угодно ли вам подписать эту бумагу, которую я уже приготовил в надежде, что услуги мои будут приняты милостиво?
- А что это за бумага?
- Извольте прочесть.
- Ловко округлив руку и почтительно преклонив колено, Ковиньяк подал бумагу.
- Королева прочла:
- «Если я вступлю без выстрела в Вер, то обязуюсь выплатить капитану Ковиньяку семьдесят пять тысяч ливров и назначить его комендантом крепости Брон».
- Это значит, – сказала королева, удерживая гнев, – это значит, что капитан Ковиньяк не

вполне доверяет нашему слову и хочет иметь акт?

– В важных делах акты являются необходимостью, – оказал Ковиньяк с поклоном. – Старинная пословица гласит: *Vorba volant*, то есть, слова улетают, а у меня уже и так многое улетело.

– Дерзкий! – вскричала королева. – Ступайте!

– Уйду, ваше величество, – отвечал Ковиньяк, – но вы не возьмете Вера.

И в этот раз капитан повторил маневр, который так хорошо удался ему в первый раз, то есть повернулся и пошел к двери. Но королева очень рассердилась и уже не воротила его.

Ковиньяк вышел.

– Взять его! – сказала королева.

Гито пошел исполнять приказание.

– Позвольте, ваше величество, – сказал Мазарини, – мне кажется, вы напрасно предаетесь первому порыву гнева.

– Почему вы так думаете?

– Потому что, мне кажется, этот человек будет вам нужен, и если ваше величество обидит его теперь, то после надобно будет заплатить ему вдвое.

– Хорошо, – отвечала королева, – ему заплатят, сколько будет нужно, а теперь не выпускать его из виду.

– А, это совсем другое дело, и я первый готов похвалить вашу осторожность.

– Гито, посмотрите, где он, – сказала королева.

Гито вышел и через полчаса вернулся.

– Что же? – спросила Анна Австрийская. – Где он?

– Ваше величество можете быть совершенно спокойны, – отвечал Гито,

– капитан вовсе не думает уйти. Я собрал справки: он живет очень близко отсюда, в гостинице трактирщика Бискалло.

– Он туда и ушел?

– Никак нет, ваше величество, он стоит на горе и смотрит на приготовления маршала де ла Мельере к осаде. Кажется, это очень занимает его.

– А наша армия?

– Она подходит. По мере появления отряды строятся в боевой порядок.

– Так маршал теперь не начнет действия?

– Думаю, ваше величество, что лучше бы дать войскам отдохнуть одну ночь, а потом уже идти на приступ.

– Целую ночь! – вскричала Анна Австрийская. – Такая дрянная крепость остановила бы королевскую армию на целый день и на целую ночь! Невозможно! Гито, ступайте и скажите маршалу, что он должен идти на приступ сейчас же. Король желает ночевать в Вере.

– Но, ваше величество – начал Мазарини, – кажется, что осторожность маршала...

– А мне кажется, – возразила королева, что надобно тотчас же наказать за оскорбление, нанесенное нам. Ступайте, Гито, и скажите маршалу, что королева смотрит на него.

Отпустив Гито величественным жестом, она взяла короля за руку, вышла и, не заботясь, идут ли за ней, начала подниматься по лестнице, которая вела на террасу.

С террасы, для которой были вырублены в лесу просеки с величайшим искусством, можно было видеть вдруг всю окрестность.

Королева быстро осмотрела местность. В двухстах шагах тянулась дорога в Либуэн, на которой блистал белизною домик нашего друга Бискалло. У самой террасы протекала Дордонь, спокойная, быстрая и величественная, на правом ее берегу возвышалась крепость Вер, безмолвная, как развалина, около крепости шли вновь построенные ретраншементы. Несколько часовых прохаживались по галерее. Пять орудий вытягивали свои бронзовые шеи и показывали открытые пасти. На левом берегу маршал расположился лагерем. Вся армия, как уже сказывал Гито, прибыла на место.

На возвышении стоял человек и внимательно следил глазами за движением осаждающих и осажденных; то был Ковиньяк.

Гито переправлялся через реку на пароме изонского перевозчика.

Королева стояла на террасе неподвижно, нахмутив брови, и держала за руку юного Людовика XIV. Он смотрел на это зрелище с некоторым любопытством и говорил своей матери:

– Позвольте мне сесть на мою военную лошадь и пустите меня, прошу ваше величество, к маршалу, который собирается наказать дерзких ослушников.

За королевою стоял Мазарини. Лицо его, обыкновенно лукавое и насмешливое, казалось теперь серьезно-задумчивым, что случалось только в важные минуты. За королевою стояли придворные дамы; подражая молчанию Анны Австрийской, они едва смели разговаривать укладкой и вполголоса.

Все это с первого взгляда казалось совершенно спокойным, но это спокойствие походило на спокойствие пороха: одна искра может произвести в нем бурю и разрушение.

Особенно все взгляды стремились за Гито: он произведет взрыв, ожидаемый с такими различными надеждами.

Армия тоже ждала его с большим нетерпением. Едва вышел он на левый берег, едва узнали его, как все взгляды устремились на него. Маршал де ла Мельере, увидав его, оставил кружок офицеров, с которыми разговаривал, и пошел к нему на встречу.

Маршал и Гито поговорили несколько минут. Хотя река довольно широка в этом месте и хотя офицеры стояли довольно далеко от вестника, однако же все заметили, что лицо маршала выражало изумление. Было очевидно, что приказание казалось ему неудобоисполнимым, поэтому он с сомнением взглянул на террасу, где стояла королева со своей свитой. Но Анна Австрийская, поняв его мысль, повелительно кивнула ему головою и махнула рукою. Маршал, давно знавший непреклонность королевы, опустил голову в знак не согласия, а повиновения.

В ту же минуту по приказанию маршала три или четыре капитана, исправлявшие при нем ту должность, которую в наше время исправляют адъютанты, бросились на лошадей и поскакали по разным направлениям.

Везде, где они проезжали, лагерные работы тотчас прекращались, а при звуках барабанов и труб солдаты бросали солому, которую несли, и молотки, которыми вбивали колья для палаток. Все бежали к оружию: гренадеры брались за ружья, простые солдаты за пики, артиллеристы за свои орудия. Произошла невообразимая суматоха от столкновения всех этих людей, бежавших в различных направлениях, однако же мало-помалу клетки огромной шахматной доски прояснились, порядок последовал за суматохой, каждый солдат стал на свое место, гренадеры в центре, королевский отряд на правом крыле, артиллерия на левом. Барабаны и трубы замолчали.

Один барабан отвечал за ретраншементами и потом замолк.

На равнине воцарилось мертвое молчание.

Тут раздалась команда, громкая и ясная. Находясь довольно далеко, королева не могла слышать слов, но увидела, что войска тотчас построились в колонны. Она вынула из кармана платок и махала им, а маленький король кричал лихорадочным голосом, топая ногами:

– Вперед! Вперед!

Армия отвечала одним криком: «Да здравствует король!» Потом артиллерия пустилась в галоп и заняла позицию на небольшом возвышении, при звуках барабанов двинулись и колонны.

То не была правильная осада. Ретраншементы, построенные Ришоном наскоро, были земляные, стало быть, не следовало проводить траншей, следовало взять их приступом. Однако же искусный верский комендант принял все возможные меры осторожности и удачно воспользовался средствами местности.

Вероятно, Ришон решил не стрелять прежде врагов, потому что и на этот раз ждал первого выстрела королевских войск. Только, как и во время первого нападения, из-за укреплений показался страшный ряд мушкетов, которые уже нанесли так много вреда королевскому отряду.

В это время шесть орудий загремели, и в то же время полетели глыбы земли с паркетов.

Не долго ждали ответа: крепостные орудия тоже заговорили и очистили ряды в королевских войсках, но по команде начальников эти кровавые борозды закрылись, и главная колонна, на минуту расстроенная, опять пошла вперед.

Тут начали стрелять из мушкетов, пока заряжали орудия.

Через пять минут два залпа с двух сторон встретились и раздались вместе, как два грома,

грохочущие в один момент.

Но погода была ясная, без ветра, и дым останавливался над полем битвы, скоро осажденные и осаждавшие исчезли в облаке, которое изредка прорезывали огненные молнии артиллерийского грома.

Иногда из этого облака, с задних рядов королевского войска, выходили люди, шатаясь, и через несколько шагов падали, оставляя за собою кровавый след.

Скоро число раненых увеличилось, а гром пушек и свист пуль продолжался. Между тем королевская артиллерия начинала палить без цели, наудачу, потому что в густом дыму не могла отличать своих от неприятеля.

Напротив того, крепостная артиллерия видела перед собою только врагов и потому действовала все быстрее и сильнее.

Вдруг королевская артиллерия замолчала: очевидно было, что начали приступ и вступили в рукопашный бой.

Для зрителей настал момент страха.

Между тем дым, не поддерживаемый действием орудий и мушкетов, медленно поднялся вверх. Тут увидели, что королевская армия отбита, что низ стен прикрыт трупами. В укреплении был пролом, но его наполняли люди, пики, мушкеты. Среди этих людей стоял Ришон, облитый кровью, однако же спокойный и хладнокровный, как-будто он присутствовал только в качестве зрителя при страшной трагедии, в которой он играл важную роль. Он держал в руках топор, притупившийся от ударов.

Казалось, сама судьба хранила этого человека, который беспрестанно находился в огне, всегда в первом ряду. Ни одна пуля не попала в него, ни одна пика не дотронулась до него: казалось, он столь же неуязвим, сколько и бесстрашен.

Три раза маршал де ла Мельере лично водил войска на приступ, три раза опрокинули их в глазах короля и королевы.

Горькие слезы текли по бледным щекам короля. Анна Австрийская ломала руки и шептала:

– О, если этот человек когда-нибудь попадет в мои руки, то я покажу на нем страшный пример.

По счастью, темная ночь быстро спускалась и прикрывала стыд королевы. Маршал де ла Мельере приказал бить отбой.

Ковиньяк оставил свой пост, сошел с возвышения, на котором стоял и, засунув руки в карманы, пошел по лугу к гостинице Бискаро.

– Ваше величество, – сказал Мазарини, указывая на Ковиньяка, – вот человек, который за самую ничтожную сумму избавил бы нас от необходимости проливать столько крови.

– Господин кардинал, – возразила королева, – может ли такой расчетливый человек, как вы, давать подобный совет?

– Ваше величество, я расчетлив, вы правы, я знаю цену деньгам, зато знаю и цену крови. А в эту минуту для вас кровь дороже денег.

– Будьте спокойны, господин кардинал, за пролитую кровь мы отомстим. Послушайте, Комменж, – прибавила она, обращаясь к лейтенанту королевских телохранителей, – ступайте к маршалу и попросите его ко мне.

– Бернуэнь, – сказал Мазарини своему камердинеру, указывая на Ковиньяка, который уже подходил к гостинице «Золотого Тельца», – видишь этого человека?

– Вижу.

– Приведи его ко мне, когда смеркнется.

***

На другой день после свидания с Канолем виконтесса де Канб пошла к принцессе исполнить обещание, данное барону.

Весь город находился в волнении: узнали, что король прибыл к Веру, и в то же время, что Ришон удивительно защищался, что он с пятьюстами человеками два раза отразил королевскую

армию, состоявшую из двенадцати тысяч воинов. Принцесса узнала это известие прежде всех. В восторге и радости она захлопала в ладоши и вскричала:

– Ах, если бы у меня было сто человек, похожих на моего храброго Ришона!

Виконтесса де Канб приняла участие в общей радости и была вдвойне счастлива: она могла искренно хвалить подвиг человека, которого уважала, и кстати высказать свою просьбу, которая могла не иметь успеха, если бы было получено дурное известие. Теперь успех ее просьбы казался обеспечен вестью о победе.

Но принцесса среди своей радости была озабочена такими важными делами, что Клара не посмела высказать свою просьбу. Дело шло о доставлении Ришону помощи. Все понимали, что он очень нуждается в ней, потому что скоро армия герцога д'Эпернона соединится с королевскою. В совете принцессы толковали об этой помощи. Клара, видя, что в эту минуту политические дела берут верх над сердечными, ограничилась ролью советницы и в этот день ни слова не сказала о Каноле.

Коротенькое, но нежное письмо уведомило прекрасного пленника об этой отсрочке. Промедление показалось ему не таким тягостным, как вы могли бы подумать: в ожидании счастливого события есть столько же сладких ощущений, сколько и в самом событии. Сердце Канолья было так полно любви, что ему нравилось (как говорил он) ждать в передней счастья. Клара просила его ждать терпеливо, он ждал почти с радостью.

На другое утро устроили вспомогательный отряд. В одиннадцать часов он отправился вверх по реке, но ветер и течение были противные, и потому рассчитали, что, как бы он ни спешил, все-таки, идучи на веслах, пристанет к крепости не ранее следующего дня. Капитан Равальи, начальник экспедиции, получил в то же время приказание осмотреть по дороге крепость Брон, которая принадлежала королеве.

Все утро провела принцесса в надзоре за приготовлениями к отправлению отряда. После обеда назначили большой совет для обсуждения мер, какими следует, если можно, воспрепятствовать герцогу д'Эпернону соединиться с маршалом де ла Мельере или по крайней мере помешать их соединению до тех пор, пока подкрепление подойдет к Ришону.

Поэтому Клара поневоле должна была ждать следующего дня, но в четыре часа она имела случай подать приятный знак Канолью, проходившему мимо ее окон. Знак этот был так исполнен сожалений и любви, что Каноль почти радовался, что ему приходится ждать.

Однако же вечером, чтобы наверное сократить отсрочку и чтобы принудить себя высказать принцессе тайну, Клара попросила на следующий день частной аудиенции у ее высочества. Разумеется, принцесса тотчас согласилась принять виконтессу.

В назначенный час Клара вошла в комнату принцессы, которая встретила ее милостивою улыбкою, она была одна, как просила Клара.

– Что, милая моя? – спросила принцесса. – Что случилось особенно важного, что ты просишь у меня частной аудиенции, зная, что я весь день готова принимать моих коротких друзей?

– Ваше высочество, – отвечала Клара, – в минуту вашей радости, которой вы так достойны, я пришла просить вас... обратить ваше внимание на меня... Мне тоже нужно немножко счастья.

– С величайшею радостью, милая моя Клара, и сколько бы судьба ни послала тебе счастья, оно никогда не сравнится с тем, которого я тебе желаю. Говори поскорее, чего ты хочешь? Если счастье твое зависит от меня, то будь уверена, что я не откажу.

– Я вдова, свободна, даже слишком свободна, потому что эта свобода тяготит меня более всякого рабства, – отвечала Клара. – Я желала бы променять одиночество на что-нибудь поприятнее.

– То есть ты хочешь выйти замуж, не так ли, дочь моя? – спросила принцесса, засмеявшись.

– Кажется, да, – отвечала Клара и вся покраснела.

– Хорошо, это наше дело.

Клара вздрогнула.

– Будь спокойна, мы побережем твою гордость. Тебе надобно герцога и пэра, виконтесса. Я тебе найду его между нашими верными.

– Ваше высочество слишком заботитесь обо мне, – сказала виконтесса. – Я не думала вво-

дить вас в хлопоты.

– Да, но я хочу заботиться о тебе: я должна заплатить тебе счастьем за твою преданность. Однако же ты подождешь до конца войны, не так ли?

– Подожду как можно меньше, – отвечала виконтесса улыбаясь.

– Ты говоришь, как-будто уже выбрала кого-нибудь, как-будто у тебя в руках муж, которого ты просишь у меня.

– Да оно точно так, как вы изволите говорить.

– Неужели! А кто же этот счастливый смертный? Говори, не бойся!

– Ах, ваше высочество, простите меня!.. Сама не знаю, почему я вся дрожу.

Принцесса улыбнулась, взяла Клару за руку и приблизила к себе.

– Дитя! – сказала она.

Потом, посмотрев на нее пристально, от чего Клара еще более смутилась, принцесса спросила:

– Я знаю его?

– Кажется, вы изволили видеть его несколько раз.

– Не нужно спрашивать, молод ли он?

– Ему двадцать восемь лет.

– Дворянин?

– Из самых старинных.

– Храбр?

– О, знаменит храбростью.

– Богат?

– Я богата.

– Да, милая, да, и я этого не забыла. Ты самая богатая во всем нашем приходе, и мы с радостью вспоминаем, что во время теперешней войны твои луидоры и полновесные экю твоих фермеров не раз выводили нас из затруднительного положения.

– Ваше высочество делает мне честь, напоминая о моей преданности.

– Хорошо. Мы произведем его в полковники нашей армии, если он еще только капитан, и в генералы, если он только полковник. Ведь он, вероятно, верен нам, надеюсь?

– Он был в Лане, ваше высочество, – отвечала Клара с хитростью, которой научилась с некоторого времени в дипломатических занятиях.

– Прекрасно! Теперь мне остается узнать только одно, – прибавила принцесса.

– Что такое?

– Имя счастливца, которому принадлежит сердце храбрейшей из моих воинов, и которому скоро вся ты будешь принадлежать.

Клара собиралась произнести имя Каноля, как вдруг на дворе раздался топот лошади и послышался говор, всегда сопровождающий человека, приехавшего с важным известием. Принцесса услышала и топот и говор и подбежала к окну. Курьер, весь в поту и в пыли, соскочил с лошади и рассказывал что-то людям, окружавшим его. По мере того, как он говорил, на лицах слушателей выражалось уныние. Принцесса не могла удержаться нетерпения, открыла окно и закричала:

– Впустите его сюда.

Курьер поднял голову, узнал принцессу и бросился бежать по лестнице. Через минуту он явился в комнату, в грязи, с растрепанными волосами, как был в дороге, и сказал задыхаясь:

– Простите, ваше высочество, что я осмеливаюсь явиться к вам в таком виде. Но я привез страшную новость: Вер капитулировал.

Принцесса отступила на шаг, Клара с отчаянием опустила руки. Лене, вошедший за вестником, побледнел.

Пять или шесть человек, забыв уважение к принцессе, тоже вошли в комнату и стояли в изумлении.

– Господин Равальи, – сказал Лене курьеру, – повторите ваши слова, я не могу поверить...

– Извольте: Вер капитулировал!

– Сдался! – повторила принцесса. – А что же ваш вспомогательный отряд?

– Мы опоздали, ваше высочество. Мы пришли в ту самую минуту, как Ришон сдался.

– Ришон сдался! – вскричала принцесса. – Подлец!

От этого восклицания принцессы все присутствовавшие вздрогнули, однако же все молчали, кроме Лене.

– Принцесса, – сказал он строго и не потворствуя гордости принцессы, – не забывайте, что честь преданных вам людей зависит от ваших слов, как жизнь их зависит от судьбы. Не называйте подлецом храбрейшего из ваших слуг, или, в противном случае, завтра же самые вернейшие оставят вас, видя, как обращаетесь вы с ними, и вы останетесь одни, без защиты...

– Лене!.. – вскричала принцесса.

– Повторяю вашему высочеству, что Ришон не подлец, что я отвечаю за него моею головою, и если он сдался, то, верно, не мог поступить иначе.

Принцесса, побледнев от гнева, хотела отвечать ему с обыкновенной своею гордой запальчивостью, но, увидав, что все лица отвертываются от нее, что все глаза не хотят встретиться с ее глазами, что Лене гордо поднял голову, а Равальи потупил глаза в землю, она поняла, что в самом деле погибнет, если будет придерживаться своей неуместной системы. Поэтому она призвала на помощь обыкновенные свои сетования.

– Как я несчастна! – сказала она. – Все изменяет мне – и судьба и люди. Ах, сын мой! Бедный сын мой! Ты погибнешь, как погиб отец твой!

Крик слабой женщины, порыв материнской горести всегда находят отголосок в сердцах. Эта комедия, уже часто удававшаяся принцессе, и теперь произвела эффект.

Между тем Лене заставил Равальи рассказывать подробности капитуляции Вера.

– А, я это знал! – сказал он через несколько минут.

– Что такое? – спросила принцесса.

– Что Ришон не подлец!

– А почему вы знаете?

– Потому что он держался два дня и две ночи, потому что он схоронил бы себя под развалинами своей крепости, разбитой ядрами, если бы рота не взбунтовалась и не принудила его сдаться.

– Следовало умирать, а не сдаваться, – сказала принцесса.

– Ах, ваше высочество, разве умираешь, когда захочется? – возразил Лене. – По крайней мере, – прибавил он, обращаясь к Равальи, – он, сдаваясь, обеспечил себе жизнь?

– Кажется, нет, – отвечал Равальи. – Какой-то лейтенант из гарнизонных вел переговоры с неприятелем, так что во всем этом есть измена, и Ришон был выдан без всяких условий.

– Видите ли! – вскричал Лене. – Тут измена! Ришон выдан! Я знаю Ришона, знаю, что он неспособен не только к подлости, но даже к слабости. Ах, ваше высочество, – продолжал Лене, обращаясь к принцессе, – изволите слышать? Ему изменили, его предали! Так займемся его участью как можно скорее! Переговоры вел его лейтенант, говорите вы, господин Равальи? Над головой бедного Ришона висит страшное несчастье. Пишите, ваше высочество, пишите скорее, умоляю вас!

– Писать! – сказала принцесса с досадой. – Я должна писать, к кому, зачем?

– Чтобы спасти его.

– Э, – сказала принцесса, – когда сдают крепость, то принимают свои меры.

– Но разве вы не изволите слышать, что он не сдавал крепость? Разве вы не слышите, что говорит капитан?.. Ему изменили, его предали, может быть! Не он вел переговоры, а его лейтенант.

– Что могут ему сделать, вашему Ришону? – спросила принцесса.

– Что ему сделают? Вы забыли, какою хитростью занял он крепость Вер? Вы забыли, что мы дали ему бланк герцога д'Эпернона, что он держался против королевской армии в присутствии короля и королевы, что Ришон первый поднял знамя бунта, что на нем захотят показать пример? Ах, ваше высочество, умоляю вас, напишите к маршалу де ла Мельере, пошлите к нему курьера или парламентаря.

– А какое поручение дадим мы ему?

– Какое? Чтобы он всеми средствами спас жизнь храброму воину... Если вы не поспешите... О, я знаю королеву... И теперь, может быть, ваш курьер опоздает.

– Опоздает? А разве у нас нет заложников? Разве у нас нет в Шантильи и здесь пленных офицеров из королевской армии?

Клара встала в испуге.

– Ваше высочество, ваше высочество! – вскричала она. – Исполните просьбу Лене... Мщение не возвратит свободы Ришону!

– Дело идет не о свободе, а о его жизни, – сказал Лене со своею мрачною настойчивостью.

– Хорошо, – отвечала принцесса, – мы сделаем то же, что те сделают: тюрьму за тюрьму, плаху за плаху.

Клара вскрикнула и упала на колени.

– Ваше высочество, – сказала она, – Ришон друг мой. Я пришла к вам просить милости, и вы обещали не отказать мне. Так вот о чем прошу я вас: употребите всю вашу власть, чтобы спасти Ришона.

Принцесса даровала Кларе то, в чем отказывала советам Лене. Она подошла к столу, взяла перо и написала к маршалу де ла Мельере письмо, в котором просила выменять Ришона на любого из королевских офицеров, находящихся у нее в плену. Написав письмо, она искала глазами, кого бы послать парламентаром. Тут Равальи, страдавший еще от раны, измученный недавнею поездкой, предложил себя с условием, чтобы ему дали свежую лошадь. Принцесса позволила ему распорядиться своей конюшней, и капитан поскакал, подстрекаемый криками толпы, убеждениями Лене и просьбами Клары.

Через минуту послышались громкие восклицания народа, которому Равальи объяснил цель своей поездки. Чернь в восторге громко кричала:

– Принцессу! Герцога Энгийенского!

Принцессе наскучило это ежедневное усердие, более похожее на требование, чем на просьбу, и она хотела не исполнить народного желания. Но, как всегда случается в подобных обстоятельствах, чернь упорствовала, и крики скоро превратились в бешеный рев.

– Пойдем, – сказала принцесса, взяв сына за руку, – пойдем! Мы здесь рабы, надобно повиноваться.

И вооружив лицо милостивою улыбкою, она вышла на балкон и поклонилась народу, которого она была рабой и повелительницей.

XVI

В ту минуту, как принцесса и сын ее показались на балконе при радостных криках толпы, вдруг раздались в отдалении флейты и барабаны.

В ту же секунду шумная толпа, осаждавшая дом, где жила принцесса, повернулась в ту сторону, откуда неслись звуки барабанов, и, не заботясь о законах приличия, прошла по направлению этой музыки. Это было очень просто. Жители Бордо уже десять, двадцать, сто раз видели принцессу, а барабаны обещали им что-нибудь новенькое.

– Они по крайней мере откровенны, – сказал с улыбкою Лене, стоявший за раздраженною принцессой. – Но что значат эти крики и эта музыка? Признаюсь, так же, как и этим плохим льстецам, мне хочется узнать...

– Так бросьте меня и вы, – отвечала принцесса, – и извольте бежать по улице.

– Сейчас бы это сделал, если бы был уверен, что принесу вашему высочеству радостную весть.

– О, я уже не жду радостных вестей, – сказала принцесса, подняв печальный взор к светлому небу, которое расстилалось над ее головою. – Нам везде неудача.

– Вы знаете, – отвечал Лене, – что я не привык обманывать себя надеждами. Однако же я почти уверен, что этот шум предвещает нам счастливое событие.

Действительно, все более и более приближавшийся шум, рукоплескания густой толпы, которая поднимала руки и махала платками, убедили даже принцессу, что новость должна быть хорошая. Она начала прислушиваться так внимательно, что даже забыла обиду, нанесенную ей чернью.

Она услышала, что кричали:

– Пленник, пленник! Комендант Брона!

– Ага! – сказал Лене. – Комендант Брона у нас в плену! Дело хорошее! Он будет у нас порукою за Ришона.

– Да разве у нас нет уже коменданта Сен-Жоржа? – возразила принцесса.

– Я очень счастлива, – сказала маркиза де Турвиль, – что план мой касательно Брона так удался.

– Маркиза, – отвечал Лене, – не будем льстить себя такою полною победою. Случай играет планами мужчин, а иногда и планами женщин.

– Однако же, милостивый государь, – возразила маркиза с обыкновенного своею самоуверенностью, – если комендант взят, то взята и крепость.

– Ну, это еще не совершенно верно, маркиза! Но успокойтесь: если мы вам обязаны этим двойным успехом, то я первый, как и всегда, поздравляю вас.

– Одно удивляет меня, – сказала принцесса, ища в этом счастливом событии той стороны, которая могла обидеть ее аристократическую гордость, – как я первая не узнала об этой новости? Это неизвинительная неучтивость, и герцог де Ларошфуко всегда так делает.

– Ах, ваше высочество, у нас так мало солдат, а вы хотите, чтобы мы еще рассылали их гонцами. Нельзя требовать слишком многого. Когда получают добрую весть, следует принимать ее с радостью, не заботясь, каким образом она к нам доходит.

Между тем толпа увеличивалась, потому что все отдельные группы сливались с нею, как ручейки сливаются с рекою. Посреди этой толпы, состоявшей из нескольких тысяч человек, шло тридцать солдат, а посреди солдат шел пленник, которого, как казалось, солдаты защищали от народной ярости.

– Смерть! Смерть ему! – кричала толпа. – Смерть коменданту Брона.

– Ага, – сказала принцесса, улыбаясь с торжеством, – решительно есть пленник, и, кажется, притом комендант Брона.

– Точно так, ваше высочество, – отвечал Лене, – и притом, кажется, пленник находится в страшной опасности. Слышите угрозы? Видите, какое бешенство? Ах, ваше высочество, они растолкают солдат и разорвут его на куски! О, тигры! Они чуют кровь и хотят упиться ею.

– Пускай они делают, что хотят! – вскричала принцесса с кровожадностью, свойственной женщинам, когда они предаются дурным наклонностям. – Оставьте их! Ведь это кровь врага!

– Но, ваше величество, – возразил Лене, – враг этот находится под прикрытием принца Конде, подумайте об этом. Притом, может быть, Ришон, наш храбрый Ришон, подвергается точно такой же участи? Ах, они отобьют солдат! Если они доберутся до него, он погиб!

Лене обернулся и закричал:

– Отправить двадцать человек на помощь солдатам, двадцать человек решительных и смелых! Если дотронутся до пленника, то вы ответите мне вашими головами. Ступайте!

Тотчас двадцать мушкетеров из городской милиции, принадлежавшие к лучшим семействам бордосских жителей, спустились, как поток, по лестнице, пробились сквозь толпу и присоединились к отряду. Они едва не опоздали: несколько рук, подлиннее и порешительнее прочих, успели уже оборвать фалды у синего мундира пленного коменданта.

– Благодарю вас, господа, – сказал он, – вы вырываете меня из челюстей каннибалов. Это очень хорошо с вашей стороны. Ну, если они всегда так едят людей, то скушают всю королевскую армию в сыром виде, когда она придет осаждать город.

Он засмеялся и пожал плечами.

– Какой храбрец! – сказали в толпе, увидав спокойствие пленника, может быть, несколько притворное, и повторяя его выходку. – Да он настоящий храбрец! Он ничего не боится! Да здравствует комендант!

– Пожалуй, извольте, – отвечал пленный, – да здравствует комендант Брона! Мне было бы очень хорошо, если бы он здравствовал.

Бешенство народа тотчас превратилось в удивление, и это удивление тотчас разразилось в энергических выражениях. Вместо мучительной смерти торжество досталось коменданту, то есть нашему другу Ковиньяку.

Читатель, вероятно, уже догадался, что это был Ковиньяк, так печально вступивший в Бордо под пышным названием коменданта Брона.

Под прикрытием солдат и под защитой своей неустрашимости пленник добрался до дома принцессы. Половина стражи осталась у ворот для охранения их, а другая половина повела его к принцессе.

Ковиньяк гордо и спокойно вошел в комнату, но надобно признаться, что под геройскою наружностью сердце его сильно билось.

Его узнали при первом взгляде на него, хотя толпа порядочно попортила ему синий мундир, золотые галуны и перо на шляпе.

– Ковиньяк! – вскричал Лене.

– Господин Ковиньяк – комендант в Броне! – сказала принцесса. – Да это просто измена!

– Что вы изволите говорить, ваше высочество? – спросил Ковиньяк, понимая, что настала минута, когда ему понадобится все его хладнокровие и особенно весь его ум. – Мне кажется, вы изволили что-то сказать про измену.

– Да, тут измена. С каким титулом осмелились вы явиться передо мною?

– С титулом коменданта Брона.

– Так вы видите сами измену. Кто дал вам звание коменданта?

– Мазарини.

– Измена еще хуже, говорю вам. Вы комендант Брона, и ваша рота предала Вер. Вы получили звание за ваш подвиг!

При этих словах самое естественное удивление выразилось на лице Ковиньяка. Он осмотрелся, как бы отыскивая человека, к которому могут относиться эти странные слова, но убедившись, что обвинение падает решительно на него, он опустил руки по швам с непритворным отчаянием.

– Моя рота предала Вер? – повторил он. – И вы упрекаете меня этим?

– Да, я. Представляйтесь, что вы этого не знаете, притворяйтесь удивленным. Да, вы, кажется, хороший актер, но меня не обманут ни ваши слова, ни ваши гримасы, как бы они превосходно ни согласовались.

– Я вовсе не притворяюсь, – отвечал Ковиньяк, – как могу я знать, что происходит в Вере, когда я там во всю жизнь ни разу не был?

– Неправда! Неправда!

– Мне нечего отвечать на подобные обвинения. Вижу только, что вы изволите гневаться на меня... Припишите откровенности моего характера то, что я защищаюсь так свободно. Я думал, напротив того, что могу пожаловаться на вас.

– На меня! – вскричала принцесса Конде, удивленная такою дерзостью.

– Разумеется, ваше высочество, – отвечал Ковиньяк, не смущаясь. – Основываясь на вашем честном слове и на слове господина Лене, который теперь здесь, я собрал роту храбрых людей, и обещания мои им тем священнее, что все они были основаны тоже на моем честном слове. Потом я пришел просить у вашей светлости обещанных денег... самую безделицу... тридцать или сорок тысяч ливров... Да и деньги-то следовали не мне, а храбрым воинам, которых я доставил партии господ принцев. И что же? Ваше высочество отказали мне... Да, отказали!.. Ссылаюсь на господина Лене.

– Правда, – сказал Лене, – когда господин Ковиньяк приходил, у нас не было денег.

– А разве вы не могли подождать? Разве верность ваша и ваших людей рассчитана была по часам?

– Я ждал столько времени, сколько назначил мне сам герцог де Ларошфуко, то есть целую неделю. Через неделю я опять явился. В этот раз мне решительно отказали. Ссылаюсь на господина Лене.

Принцесса повернулась к советнику, губы ее были сжаты, брови нахмурены, глаза горели.

– К несчастью, – сказал Лене, – я должен признаться, что господин Ковиньяк говорит правду.

Ковиньяк гордо поднял голову.

– И что же, ваше высочество? – продолжал он. – Что сделал бы интриган в подобном случае? Интриган продал бы королеве себя и своих солдат. Но я... я терпеть не могу интриг и потому выпустил всех моих людей, возвратив каждому из них его честное слово. Оставшись совершенно один, я сделал то, что советует мудрый в случае сомнения: я ни в чем не принимал участия.

– А ваши солдаты! А ваши солдаты! – закричала принцесса с гневом.

– Я не король и не принц, – отвечал Ковиньяк, – но простой капитан, у меня нет ни подданных, ни вассалов, и потому я называю моими солдатами только тех, кому я плачу жалованье. А раз мои солдаты равно ничего не получили, о чем свидетельствует господин Лене, то и получили свободу. Тогда-то, вероятно, они восстали на нового своего начальника. Как тут помочь? Признаюсь, что не знаю.

– Но вы сами вступили в партию короля? Что вы на это скажете? Что ваше бездействие надоело вам?

– Нет, ваше высочество, но мое бездействие, самое невинное, показалось подозрительным королеве. Меня вдруг арестовали в гостинице «Золотого Тельца» на Либурнской дороге и представили ее величеству.

– И тут-то вы вступили в переговоры?

– Ваше высочество, в сердце деликатного человека много струн, за которые можно затронуть его. Душа моя была уязвлена, меня оттолкнули от партии, в которую я бросился со слепую доверенностью, со всем жаром, со всем пылом юности. Меня привели к королеве два солдата, готовые убить меня, я ждал упреков, оскорблений, смерти. Ведь все-таки я хоть мысленно служил делу принцев. Но случилось противное тому, чего я ждал... Меня не наказали, не лишили меня свободы, не послали в тюрьму, не возвели на эшафот... Напротив, великая королева сказала мне:

– Храбрый и обманутый юноша, я могу одним словом лишить тебя жизни, но ты видишь, там были к тебе неблагодарны, а здесь будут признательны. Теперь ты будешь считаться между моими приверженцами. Господа, – сказала она, обращаясь к моим стражам, – уважайте этого офицера, я оценила его достоинства и назначаю его вашим начальником. А вас, – прибавила она, повертываясь ко мне, – вас назначаю я комендантом в Брон: вот как мстит французская королева.

– Что мог я возражать? – продолжал Ковиньяк своим обыкновенным голосом, переставая передразнивать Анну Австрийскую полукомическим и полусентиментальным тоном. – Что мог я возражать? Ровно ничего! Я был обманут в самых сладких надеждах, я был обижен за бескорыстное усердие мое к вам, которой я имел случай – с радостью вспоминаю об этом – оказать маленькую услугу в Шантильи. Я поступил, как Кориолан, перешел к вольскам.

Эта речь, произнесенная драматическим голосом и с величественными жестами, произвела большой эффект на слушателей. Ковиньяк заметил свое торжество, потому что принцесса поблела.

– Наконец позвольте же узнать, кому вы верны?

– Тем, кто ценит деликатность моего поведения, – ответил Ковиньяк.

– Хорошо. Вы мой пленник.

– Имею честь быть вашим пленником, но надеюсь, что вы будете обращаться со мною, как с дворянином. Я взят в плен, это правда, но я не сражался против вас. Я ехал в свою крепость, как вдруг попал на отряд ваших солдат и они захватили меня. Я ни одну секунду не скрывал ни звания, ни мнения своего. Повторяю: прошу, чтобы со мной обращались не только как с дворянином, но и как с комендантом.

– Хорошо, – отвечала принцесса. – Тюрьмою вам назначается весь город; только поклянитесь честью, что не будете искать случая бежать.

– Поклянусь во всем, в чем угодно вашему высочеству.

– Хорошо. Лене, дайте пленнику формулу присяги, мы примем его клятву.

Лене продиктовал присягу Ковиньяку.

Ковиньяк поднял руку и торжественно поклялся не выходить из Бордо, пока сама принцесса не снимет с него клятвы.

– Теперь можете идти, – сказала принцесса, – мы верим вашему дворянскому прямоту и вашей чести воина.

Ковиньяк не заставил повторить этих слов два раза, поклонился и вышел, но уходя он успел заметить жест Лене, который значил: он прав, а виноваты мы, вот что значит скупиться в политике.

Дело в том, что Лене, умевший ценить людей, понял всю тонкость характера Ковиньяка. И именно потому, что не обманывал себя доводами, высказанными Ковиньяком, удивлялся, что он так ловко выпутался из самого затруднительного положения, в котором может быть изменник.

Ковиньяк сошел с лестницы в раздумье, подпирая подбородок рукою, и рассуждая:

– Ну, теперь надобно продать им моих людей тысяч за сто, и это очень возможно, потому что честный и умный Фергюзон выговорил себе и своим полную свободу. Ну, рано или поздно, мне это удастся. Увидим, – прибавил Ковиньяк, совершенно утешаясь, – мне кажется, я не дурно сделал, что отдался им в руки.

XVII

Теперь воротимся назад и расскажем происшествия, случившиеся в Вере, происшествия, не совсем еще известные читателю.

После некоторых жестоких приступов, при которых маршал королевских войск жертвовал людьми, чтобы выиграть время, ретраншементы были взяты. Храбрые защитники, потеряв много людей, удалились в крепость и заперлись в ней. Маршал де ла Мельере не скрывал, что если взятие незначительного земляного укрепления стоило ему пятьсот или шестьсот человек, то он верно потеряет в шесть раз более при взятии крепости, окруженной добрыми стенами и защищенной неустрашимым человеком, которого стратегические познания маршал мог видеть на деле.

Решили отрыть траншею и начать правильную осаду, как вдруг увидели авангард армии герцога д'Эпернона, которая шла к армии маршала де ла Мельере и могла удвоить королевские силы. Это совершенно изменило положение дела. С двадцатью четырьмя тысячами человек можно предпринять не то, что с двенадцатью. Поэтому решили идти на приступ на следующий день.

Увидав прекращение работ в траншее, новые распоряжения осаждающих и особенно вспомогательный корпус герцога д'Эпернона, Ришон понял, что его не хотят оставить в покое. Предугадывая, что его опять атакуют на следующий день, он созвал своих солдат, чтобы разузнать их расположение, в котором, впрочем, он не имел причины сомневаться, судя по усердию их во время защиты ретраншементов.

Он чрезвычайно изумился, увидев расположение духа своего гарнизона. Солдаты его мрачно и с беспокойством поглядывали на королевскую армию, в рядах ходил глухой ропот.

Ришон не любил шуток в строю и особенно шуток подобного рода.

– Кто там шепчет? – спросил он, оборачиваясь в ту сторону, где раздавался ропот.

– Я, – отвечал солдат посмелее прочих.

– Ты!

– Да, я.

– Так поди сюда и отвечай.

Солдат вышел из рядов и подошел к своему начальнику.

– Чего тебе надобно, на что ты жалуешься? – спросил Ришон, скрестив руки и пристально глядя на недовольного.

– Что мне надобно?

– Да, что тебе надобно? Получаешь хлебную порцию?

– Получаю.

– И говядину тоже?

– Получаю.

– И винную порцию?

– Получаю.

– Дурна квартира?

– Нет.

– Жалованье выплачено?

– Да.

– Так говори, чего ты желаешь, чего хочешь и на что ропщешь?

– Ропщу, потому что мы деремся против нашего короля, а это прискорбно французскому солдату.

– Так ты жалеешь о королевской службе?

– Да.

– И хочешь перейти в нее?

– Да, – отвечал солдат, обманутый хладнокровием Ришона и думавший, что все это кончится исключением его из рядов армии Конде.

– Хорошо, – сказал Ришон и схватил солдата за перевязь, – но я запер ворота, и надобно будет отправить тебя по последней дороге, которая нам осталась.

– По какой? – спросил испуганный солдат.

– А вот по этой, – сказал Ришон, геркулесовою рукою приподнял солдата и бросил его за паплет.

Солдат вскрикнул и упал в ров, который, по счастью, был наполнен водою.

Мрачное молчание настало после этого энергичного поступка. Ришон думал, что бунт прекратился, и как игрок, рискующий всем на один ход, оборотился к гарнизону и сказал:

– Теперь, если здесь есть партизаны короля, пусть они говорят, и этих мы выпустим отсюда по дороге, которую они придумают.

Человек сто закричали:

– Да! Да! Мы приверженцы короля и хотим перейти в его армию.

– Ага! – сказал Ришон, поняв, что все бунтуют. – Ну, это совсем другое дело. Я думал, что надобно справиться с одним недовольным, а выходит, что я имею дело с пятьюстами подлецами.

Ришон напрасно обвинял всех. Говорили только человек сто, прочие молчали, но и эти остальные, задетые за живое словом о подлецах, тоже принялись роптать.

– Послушайте, – сказал Ришон, – не будем говорить все разом. – Если здесь офицер, решающийся изменить присяге, так путь говорит. Я обещаю, что он не будет наказан.

Фергюзон вышел из рядов, поклонился с чрезвычайною учтивостью и сказал:

– Господин комендант, вы слышали желание гарнизона. Вы сражаетесь против короля, а почти все мы не знали, что нас вербуют для войны против такого неприятеля. Кто-нибудь из здешних храбрецов, принужденный таким образом действовать против своего мнения, мог бы во время приступа ошибиться в направлении выстрела и всадить вам пулю в лоб, но мы истинные солдаты, а не подлецы, как вы говорите. Так вот мнение мое и моих товарищей – мнение, которое мы передаем вам почтительно. Отдайте нас королю или мы сами отдадимся ему.

Речь эта была принята радостными криками, показывавшими, что если не весь гарнизон, так большая его часть согласна с мнением Фергюзона.

Ришон понял, что погибает.

– Я не могу защищаться один, – сказал он, – и не хочу сдаться. Если солдаты оставляют меня, так пусть кто-нибудь ведет переговоры, но сам я никак не вмешаюсь в них. Однако желаю, чтобы остались живыми те храбрецы, которые мне еще верны, если только здесь есть такие. Говорите, кто хочет вести переговоры?

– Я, господин комендант, если только вы мне позволите, и товарищи удостоят меня.

– Да, да! Пусть ведет дело лейтенант Фергюзон! Фергюзон! – закричали пятьсот голосов, между которыми особенно можно было отличить голоса Баррабы и Карротена.

– Так ведите переговоры, Фергюзон, – сказал комендант. – Вы можете входить сюда и выходить из Вера, когда вам заблагорассудится.

– А вам не угодно дать мне какую-нибудь особенную инструкцию?

– Выпросите свободу гарнизону.

– А вам?

– Ничего.

Такое самопожертвование образумило бы заблудившихся солдат, но гарнизон Ришона был продан.

– Да! Да! Выпросите нам свободу! – закричали они.

– Будьте спокойны, господин комендант, – сказал Фергюзон, – я не забуду вас во время ка-
питуляции.

Ришон печально улыбнулся, пожал плечами, воротился домой и заперся в своей комнате.

Фергюзон тотчас явился к роялистам, но маршал де ла Мельере ничего не хотел решить, не
спросясь королевы, а королева выехала из домика Наноны, чтобы не видать стыда армии (как она
сама говорила), и поселилась в Либурнской ратуше.

Он приставил к Фергюзону двух солдат, сел на лошадь и поскакал в Либурн.

Маршал приехал к Мазарини, думая сказать ему важную новость, но при первых словах
маршала кардинал остановил его обыкновенною своею улыбкою.

– Мы все это знаем, маршал, – сказал он, – дело устроилось вчера вечером. Войдите в пере-
говоры с лейтенантом Фергюзоном, но в отношении к Ришону действуйте только на словах.

– Как только на словах? – вскричал маршал. – Но ведь мое слово стоит писанного акта,
надеюсь?

– Ничего, ничего, маршал, мне дано право освобождать людей от обещаний.

– Может быть, – отвечал маршал, – но ваше право не касается до маршалов Франции.

Мазарини улыбнулся и показал рукой маршалу, что он может ехать обратно.

Маршал в негодовании воротился в лагерь, дал записку для Фергюзона и его людей, а в от-
ношении к Ришону дал только слово.

Фергюзон вернулся в крепость и скоро вышел из нее с товарищами, сообщив Ришону сло-
весное обещание маршала. Через два часа Ришон видел в окно вспомогательный отряд, который
Равальи вел к нему, но в ту же минуту вошли в его комнату и арестовали его именем королевы.

В первую минуту храбрый комендант радовался. Если бы он остался свободен, принцесса
Конде могла подозревать его в измене, но он арестован, арест отвечает за его верность.

В этой надежде он не вышел из крепости вместе с солдатами, а остался один.

Однако же не удовольствовались тем, что взяли у него шпагу. Когда его обезоружили, четы-
ре человека бросились на него, загнули ему руки на спину и связали их.

При таком бесчестном поступке Ришон оставался спокойным и покорным судьбе. Он был
крепок душою, предок народных героев восемнадцатого и девятнадцатого веков.

Ришона привезли в Либурн и представили королеве, которая гордо осмотрела его с головы
до ног. Представили королю, который взглянул на него жестоко. Представили Мазарини, который
сказал ему:

– Вы играли в отчаянную игру, господин Ришон.

– И я проиграл, не так ли, господин кардинал. Остается мне узнать, на что мы играли.

– Кажется, вы проиграли голову, – сказал Мазарини.

– Сказать герцогу д'Эпернону, что король желает видеть его! – вскричала королева. – А этот
человек пусть ждет здесь суда.

С величественным презрением вышла она из комнаты, подав руку королю. За нею вышел
Мазарини и все придворные.

Герцог д'Эпернон был уже в Либурне, но, как влюбленный, старик прежде всего поехал к
Наноне. Он в Гиенне узнал, как храбро Каноль защищал остров Сен-Жорж, и поздравил Нанону с
отличием ее любезного братца, которого лицо (по простодушному признанию герцога) не показы-
вало ни такого благородства, ни такой храбрости.

Нанона не могла смеяться заблуждению герцога, потому что занималась важным делом.
Надобно было не только устроить ее собственное счастье, но и возвратить свободу любовнику.
Нанона так безумно любила Каноль, что не хотела верить, что он изменяет ей, хотя мысль эта ча-
сто приходила ей в голову. В том, что он удалил ее, она видела только доказательство его нежной
заботливости. Она думала, что его взяли в плен силою, плакала о нем и ждала только минуты, ко-
гда с помощью герцога освободит его.

Поэтому она написала к доброму герцогу десять писем и всеми силами торопила его прие-
хать.

Наконец он приехал, и Нанона высказала ему свою просьбу насчет подставного своего брата,

которого она хотела поскорее вырвать из рук его врагов или, лучше сказать, из рук виконтессы де Канб. Она думала, что Каноль на самом деле подвергается только одной опасности: еще более влюбиться в Клару.

Но эта опасность казалась Наноне чрезвычайною. Поэтому она со слезами просила герцога освободить ее брата.

– Это очень кстати, – сказал герцог. – Я сейчас узнал, что взяли в плен коменданта Вера. Вот его-то и променяют на храброго Каноль.

– Как это хорошо! Сама судьба помогает нам! – вскричала Нанона.

– Так вы очень любите брата?

– О, более жизни!

– Странное дело, что вы никогда не говорили мне о нем, до того самого дня, когда я имел глупость...

– Так что же мы сделаем, герцог? – перебила Нанона.

– Отошлем верского коменданта к принцессе Конде, а она пришлет нам Каноль. Это всякий день делается на войне, это простой обыкновенный обмен.

– Но принцесса Конде, может быть, считает Каноль выше простого офицера.

– В таком случае, вместо одного ей пошлют двух, трех офицеров, словом, устроят дело так, чтобы вы были довольны, красавица моя! И когда наш храбрый комендант Сент-Жоржа воротится в Либурн, мы устроим ему торжественную встречу.

Нанона едва не умерла от радости. Ежеминутно мечтала она о возвращении Каноль. Она все не думала о том, что скажет герцог, когда увидит этого незнакомого ему Каноль. Когда Каноль будет спасен, она тотчас признается, что любит его, скажет это громко, скажет всем и каждому!

В эту минуту вошел посланный королевы.

– Видите ли, – сказал герцог, – все устраивается бесподобно, милая Нанона. Я иду к ее величеству и сейчас же принесу обменный картель.

– Так брат мой будет здесь...

– Может статься, даже завтра.

– Так ступайте же, – воскликнула Нанона, – и не теряйте минуты! О, завтра, завтра! – прибавила она, поднимая обе руки к небу... – Завтра! Дай-то Бог!

– Какое доброе сердце! – прошептал герцог, выходя.

Когда герцог д'Эпернон вошел в комнату королевы, Анна Австрийская, покраснев от гнева, кусала толстые свои губы, составлявшие предмет удивления всех придворных именно потому, что они были хуже всего на ее лице. Герцога, человека, привыкшего к дамским улыбкам, приняли как возмутившегося жителя Бордо.

Герцог с удивлением посмотрел на королеву: она не поклонилась на его поклон и, нахмутив брови, гордо смотрела на него.

– А, это вы, герцог! – сказала она наконец после долгого молчания.

– Пожалуйста сюда. Поздравляю вас, вы прекрасно выбираете комендантов!

– Что я сделал, ваше величество? – спросил удивленный герцог. – И что случилось?

– Что случилось? Вы назначили комендантом в Вере человека, который стрелял в короля, только!

– Я назначил? – вскричал герцог. – Ваше величество верно ошибаетесь, не я назначал коменданта в Вер... По крайней мере, мне неизвестно...

Д'Эпернон сказал это, потому что не всегда сам раздавал должности.

– А, вот это новость! – сказала королева. – Господин Ришон назначен не вами, может быть?

И она с особенною злобою протянула два последних слова.

Герцог, знавший, как мастерски Нанона выбирает людей, скоро успокоился.

– Не помню, чтобы я назначил Ришона комендантом Вера, – сказал он,

– но если я назначил его, так он должен быть верный слуга короля.

– Стало быть, – возразила королева, – по вашему мнению, Ришон верный слуга короля. Хорош слуга! Он в три дня убил у нас пятьсот человек!

– Ваше величество, – отвечал герцог с беспокойством, – если так, я должен признаться, что я

виноват. Но прежде решительного приговора позвольте мне узнать наверное, я ли назначил его. Я сейчас все узнаю.

Королева хотела остановить его, но тотчас же одумалась.

– Ступайте, – сказала она, – когда вы принесете мне ваше доказательство, так я покажу вам мое.

Герцог поспешно вышел и без остановки добежал до квартиры Нанона.

– Что же? – сказала она. – Верно, милый герцог, вы принесли мне обменный картель?

– Как бы не так! – отвечал герцог. – Королева вне себя от бешенства.

– А почему?

– Потому что вы или я, один из нас назначили верским комендантом какого-то Ришона, а этот комендант, должно быть, защищался как лев и убил у нас пятьсот человек.

– Ришон! – сказала Нанона. – Я и не помню такого имени.

– И я тоже.

– В таком случае смело и решительно скажите королеве, что она ошибается.

– Но не ошибаетесь ли вы сами, Нанона?

– Позвольте, я сейчас справлюсь и скажу вам наверное.

Нанона перешла в рабочий кабинет, взяла записную книжку и сыскала букву Р. Там ничего не было о Ришоне.

– Можете идти к королеве, – сказала она, – и смело отвечать ей, что она ошибается.

Герцог д'Эпернон в одну секунду перенесся в городскую ратушу.

– Ваше величество, – сказал он гордо, подходя к королеве, – я совершенно невиновен в преступлении, которое на меня возводят. Ришон был назначен комендантом по распоряжению ваших министров.

– Стало быть, мои министры подписываются именем герцога д'Эпернона? – злобно сказала королева.

– Как так?

– Разумеется, потому что ваше имя подписано на патенте Ришона.

– Не может быть, – отвечал герцог нетвердым голосом человека, который начинает сомневаться.

Королева пожала плечами.

– Не может быть! – повторила она. – В таком случае, посмотрите сами!

Она взяла патент, лежавший на столе у чернильницы под ее рукою.

Герцог принял бумагу, жадно прочел ее, рассматривал каждую складку, каждое слово, каждую букву и очень опечалился: страшное воспоминание воскресло в его голове.

– Могу ли я видеть этого Ришона? – спросил он.

– Нет ничего легче, – отвечала королева. – Я оставила его здесь, в соседней комнате, чтобы доставить вам это удовольствие.

Потом, обернувшись к стражам, которые у дверей ждали ее приказаний, она прибавила:

– Привести изменника!

Стражи вышли и через минуту привели Ришона со связанными руками и с шляпой на голове. Герцог подошел к нему и пристально посмотрел на него. Ришон выдержал его взгляд с обыкновенным своим хладнокровием. Один из стражей сбил ему с головы шляпу рукою.

Такое оскорбление не возбудило особенного движения в коменданте Вера.

– Наденьте ему плащ и маску, – сказал герцог, – и дайте мне зажженную свечу.

Тотчас принесли плащ и маску. Королева с изумлением смотрела на эти странные приготовления. Герцог оглядывал замаскированного Ришона, стараясь собрать воспоминания и все еще сомневаясь.

– Принесите мне зажженную свечу, – сказал он, – она развеет все мои сомнения.

Принесли свечу. Герцог поднес к свече патент, и от действия теплоты на бумаге показался двойной крест, изображенный под подписью симпатическими чернилами.

Увидав заветный знак, герцог развеселился.

– Ваше величество, – закричал он, – патент точно подписан мною, но подписан не для госпо-

дина Ришона и не для кого-нибудь другого. Патент вырван у меня силой, в засаде. Но, отдавая бумагу, я сделал на ней знак, который вы можете видеть, он служит неотразимым доказательством против обвиненного. Извольте посмотреть!

Королева жадно схватила бумагу и смотрела, между тем герцог показывал ей таинственный знак.

– Я ни слова не понимаю из всего обвинения, которое вы возводите на меня, – сказал Ришон очень просто.

– Как, – вскричал герцог, – вы не тот замаскированный человек, которому я дал этот бланк на Дордони?

– Никогда я еще не говорил с вами, герцог, никогда не носил маски и не маскировался на Дордони, – отвечал Ришон.

– Если не вы, так там был человек, подсланный вами.

– Мне теперь вовсе не нужно скрывать истины, – сказал Ришон с прежним спокойствием. – Патент, который вы держите в руках, герцог, я получил от принцессы Конде из рук самого герцога де Ларошфуко. Имя и звание мое вписаны рукою господина Лене, которого почерк, может быть, вы знаете. Каким образом получила этот патент принцесса Конде? Каким образом перешел он к герцогу де Ларошфуко? Где господин Лене вписал в него мое имя и звание? Все это мне совершенно неизвестно, все это вовсе не касается до меня, до всего этого мне нет никакого дела.

– А, вы так думаете? – спросил герцог с усмешкою.

И, подойдя к королеве, он рассказал ей на ухо предлинную историю, которую она выслушала очень внимательно: дело шло о доносе Ковиньяка и о происшествии на Дордони. Королева была женщина, она хорошо поняла ревность герцога.

Когда он кончил, она сказала:

– К измене его надобно прибавить еще подлость, вот и все. Кто решился стрелять в короля, тот способен предать тайну женщины.

– Черт возьми! Что они говорят? – прошептал Ришон, нахмутив брови. Хотя он слышал не все, однако же понимал, что нападают на его честь. Впрочем, грозные взгляды королевы и герцога не обещали ему ничего хорошего, и при всей его храбрости эта двойная угроза беспокоила его, хотя нельзя было, судя по его презрительному спокойствию, угадать, что происходит в душе его.

– Надобно судить его, – сказала королева. – Соберем военный совет, вы будете председателем, герцог. Выберите же ассессоров и кончим дело поскорее.

– Ваше величество, – возразил Ришон, – не для чего собирать совет, не для чего судить меня. Я сдался в плен, основываясь на честном слове маршала де ла Мельера. Я арестант добровольный, и это доказывается тем, что я мог выйти из Вера вместе с моими солдатами, что я мог бежать прежде или после их выхода, и однако же я не бежал.

– Я ничего не понимаю в делах, – отвечала королева, переходя в другую, соседнюю комнату. – Если у вас есть дельные оправдания, вы можете представить их вашим судьям. Не можете ли вы заседать здесь, герцог?

– Можем, – отвечал он.

И тотчас же, выбрав в передней двенадцать офицеров, составил военный суд.

Ришон начинал понимать дело. Но скоро выбранные судьи заняли места. Потом докладчик спросил у него имя, фамилию и звание.

Ришон отвечал на эти три вопроса.

– Вас обвиняют в измене, потому что вы стреляли в короля, – сказал докладчик. – Признаетесь ли, что вы виноваты в этом преступлении?

– Отрицать это значило бы отрицать действительность. Да, правда, я стрелял в королевских солдат.

– По какому праву?

– По праву войны, по праву, на которое в подобном обстоятельстве ссылались принц Конти, Бофор, д'Эльбеф и многие другие.

– Такого права не существует, милостивый государь, оно просто называется возмущением.

– Однако же, основываясь на этом праве, лейтенант мой сдал крепость. Я привожу эту капи-

туляцию в мое оправдание.

– Капитуляцию! – вскричал герцог д'Эпернон с насмешкою, потому что предчувствовал, что королева подслушивает, и ее тень диктовала ему эти оскорбительные слова. – Хороша капитуляция! Вы, вы вступили в переговоры с маршалом Франции!

– Почему же нет, – возразил Ришон, – если маршал Франции вступил со мною в переговоры?

– Так покажите нам эту капитуляцию, и мы посмотрим, действительна ли она.

– У нас было словесное условие.

– Представьте свидетелей.

– У меня один свидетель.

– Кто?

– Сам маршал.

– Призвать маршала, – сказал герцог.

– Это бесполезно, – отвечала королева, раскрыв дверь, за которою она подслушивала. – Уже часа два как маршал уехал. Он отправился на Бордо с нашим авангардом.

И она закрыла дверь.

Это явление оледенило все сердца: оно обязывало судей наказать Ришона.

Пленник горько улыбнулся.

– Вот, – сказал он, – вот как маршал де ла Мельере держит свое слово! Вы правы, милостивый государь, – прибавил он, обращаясь к герцогу д'Эпернону, – вы совершенно правы. Я напрасно вступал в переговоры с маршалом Франции!

С этой минуты Ришон решился молчать и презирать своих судей, он не отвечал на вопросы.

Это весьма упростило следствие, и через час оно было кончено. Писали мало, а говорили еще менее. Докладчик предложил смертную казнь, и по знаку герцога д'Эпернона все единогласно согласились с ним.

Ришон выслушал приговор, как простой зритель, он молчал и даже не изменился в лице и был отдан начальнику полиции.

Герцог д'Эпернон пошел к королеве. Она была очень довольна и пригласила его обедать. Герцог, думавший, что попал в немилость, принял приглашение и отправился к Наноне, желая сообщить ей, что он все-таки пользуется милостью ее королевского величества.

Она сидела в удобном кресле у окна, выходившего на Либурнскую площадь.

– Что же, – спросила она, – узнали вы что-нибудь?

– Все узнал.

– Ого! – прошептала она с беспокойством.

– Да, да. Помните ли донос, которому я имел глупость поверить, донос о сношениях ваших с Канолем?

– Что же?

– Помните ли, у меня просили бланк...

– Далее, далее!

– Доносчик в наших руках, душа моя, пойман его же бланком, как лисица капканом.

– В самом деле! – сказала испуганная Нанона.

Она очень хорошо знала, что доносчиком был Ковиньяк, и хотя не очень любила родного брата, однако же не желала ему несчастья. Притом же, братец мог рассказать тысячу тайн о Наноне, которые она не хотела пустить в огласку.

– Да, доносчик у нас! – продолжал д'Эпернон. – Что вы об этом скажете? Мерзавец с помощью этого бланка сам себя назначил комендантом в Вер. Но Вер взят, и преступник в наших руках.

Все эти подробности так согласовались с промышленными предприятиями Ковиньяка, что Нанона еще более испугалась.

– А что вы с ним сделали? – спросила она дрожащим голосом. – Что вы с ним сделали?

– Вы сами можете видеть, что мы с ним сделали, – отвечал герцог, – вам стоит только приподнять занавеску или просто откройте окно. Он враг короля, стало быть, можно посмотреть, как его повесят.

– Повесят? – вскричала Нанона. – Что вы говорите, герцог? Неужели повесят того самого, который выманил у вас бланк?

– Да, его самого, красавица моя. Видите ли там, на рынке, под перекладиною, болтается веревка? Видите, туда бежит толпа? Смотрите!.. Смотрите! Вот солдаты ведут этого человека там, налево!.. А, смотрите, вот и король подошел к окну.

Сердце Наноны поднялось в груди и, казалось, хотело выскочить, однако же она при первом взгляде увидела, что ведут не Ковиньяка.

– Хорошо, хорошо, – сказал герцог, – господина Ришона повесят, и это покажет ему, что значит клеветать на женщин.

– Но, – вскричала Нанона, схватив герцога за руку и собрав последние силы, – но этот несчастный не виноват, он, может быть, храбрый солдат, может быть, честный человек... Вы, может быть, убиваете невинного!

– О, нет, нет, вы очень ошибаетесь, душа моя, он подписывался чужой рукой и клеветал. Впрочем, он комендант Вера, стало быть, государственный изменник. Мне кажется, если он виновен только в последнем преступлении, то и этого довольно.

– Но ведь маршал де ла Мельере дал ему слово?

– Он говорил, да я ему не верю.

– Почему маршал не объяснил суду такое важное обстоятельство?

– Он уехал гораздо прежде, чем обвиняемый предстал перед судьями.

– Боже мой! Боже мой! – вскричала Нанона. – Что-то говорит мне, что этот человек невинен и что смерть его навлечет несчастье на всех!.. Ах, герцог... Умоляю вас... Вы всемогущи... Вы уверяете, что ни в чем не отказываете мне... Пощадите же для меня этого несчастного! Спасите его!

– Невозможно, Нанона! Сама королева осудила его, а где сама королева, там я уже ничего не значу.

Нанона простонала.

В ту же минуту Ришон вышел на площадь, его подвели, все еще спокойного и хладнокровного, к перекладине, под которой висела веревка. Тут уже стояла лестница и ждала его.

Ришон взошел на нее твердым шагом, благородная голова его возвышалась над толпою, он смотрел гордо и с презрением. Палач надел ему на шею петлю и громко прокричал, что король оказывает правосудие над Этиенном Ришоном, клеветником, изменником и разночинцем.

– Мы дожили, – сказал Ришон, – до таких времен, что лучше быть таким разночинцем, как я, чем маршалом Франции.

Едва успел он выговорить эти слова, как из-под него отняли подставку, и трепещущее тело его закачалось под роковою перекладиною.

Ужас разогнал толпу, она не вздумала даже закричать: «Да здравствует король!», хотя всяк мог видеть в окнах короля и королеву. Нанона закрыла глаза руками и убежала в угол своей комнаты.

– Ну, – сказал герцог, – что бы вы ни говорили, Нанона, я думаю, что эта казнь послужит добрым примером. Когда жители Бордо узнают, что здесь вешают их комендантов, посмотрим, что они сделают!

При мысли, что они могут сделать, Нанона хотела говорить, раскрыла рот, но у ней вырвался страшный крик, она подняла обе руки к небу и молила, чтобы смерть Ришона осталась без отмщения. Потом, как будто все силы ее истощились, она рухнула на пол.

– Что такое? – закричал герцог. – Что с вами, Нанона? Что с вами? Можно ли приходить в такое отчаяние оттого, что повесили какую-то дрянь? Милая Нанона, встаньте, придите в себя!.. Но, Боже мой!.. Она лежит без чувств... А жители Ажана уверяли, что она бесчувственна... Эй, люди!.. Скорее спирту! Холодной воды! Скорей! Скорей!

Герцог, видя, что никто не является на его крик, сам побежал за спиртом. Люди не могли слышать его, вероятно, потому что занимались спектаклем, которым безденежно угостила их щедрость королевы.

XVIII

Когда происходила в Либурне страшная драма, о которой мы теперь рассказали, виконтесса сидела за дубовым столом, перед нею стоял Помпей и составлял опись ее имения. Она писала к Канолью следующее письмо:

«Опять остановка, друг мой. В ту минуту, как я хотела сказать принцессе ваше имя и просить ее согласия на наш брак, пришло известие о падении Вера и оледенило слова на губах моих. Но я знаю, как вы должны страдать, и не имею сил сносить разом и ваши страдания и свои. Успехи или неудачи этой роковой войны могут повести нас слишком далеко, если мы не решимся победить обстоятельства. Завтра, друг мой, завтра в семь часов вечера я буду вашею женою.

Вот план действия, который я прошу вас принять, непременно должны вы аккуратно сообщаться с ним.

После обеда приходите к госпоже Лалан, которая с тех пор, как я представила вас ей, очень вас уважает, равно как и сестра ее. Будут играть, играйте и вы, только не оставайтесь ужинать. Когда наступит вечер, постарайтесь удалить друзей ваших, если они там будут. Когда вы останетесь одни, за вами явится посланный, он назовет вас по имени, как будто вы нужны для какого-нибудь важного дела. Кто бы он ни был, ступайте за ним смело, потому что он будет прислан от меня, и он приведет вас в капеллу, где я буду ждать.

Мне хотелось бы венчаться в капелле Кармелитов, которая представляет мне такие сладкие воспоминания, но еще не могу надеяться на это. Однако же желание мое исполнится, если согласятся запереть для нас капеллу.

В ожидании этого часа сделайте с моим письмом то, что вы делаете с моею рукою, когда я забываю отнять ее у вас. Сегодня, я говорю вам: до завтра, завтра скажу: навсегда!» Каноль находился в дурном расположении духа, когда получил это письмо: во весь прошедший день и во все утро он еще не видал виконтессы, хотя в продолжении двадцати четырех часов прошел, может быть, десять раз мимо ее окон. Тут начала происходить в душе Каноль обыкновенная перемена. Он обвинял виконтессу в кокетстве, сомневался в ее любви, невольно возвращался к воспоминанию о Наноне, о доброй, преданной, пылкой Наноне, и страдал, находясь между удовлетворенною любовью, которая не могла погаснуть, и любовью желанною, которая не могла быть удовлетворена. Но письмо виконтессы решило дело в ее пользу.

Каноль прочитал и перечитал письмо. Как предвидела Клара, он поцеловал его двадцать раз, как сделал бы с ее рукою. Рассуждая, Каноль не мог не убедиться, что любовь его к виконтессе была и есть единственным серьезным делом в его жизни. С другими женщинами любовь его всегда принимала другой вид и особенно другое развитие. Каноль всегда играл роль человека, рожденного для любовных интриг, всегда казался победителем, почти приобрел право быть непостоянным. С виконтессой де Канб, напротив, он чувствовал, что покоряется неодолимой силе, против которой не осмеливался даже восставать, потому что был уверен, что теперешнее его рабство ему гораздо приятнее прежних торжеств. В минуты отчаяния, когда он сомневался в привязанности Клары, когда уязвленное сердце его приходило в себя, и он мыслью разбивал свои страдания, он признавался, даже не краснея при такой слабости, которую он год назад считал бы стыдом, что потерять виконтессу де Канб было бы для него невыносимым бедствием.

Но любить ее, быть ею любимым, владеть ее сердцем, овладеть ею и сохранить свою независимость, потому что виконтесса не требовала, чтобы он жертвовал своими мнениями для партии принцессы Конде, и искала только его любви; быть самым счастливым, самым богатым офицером королевской армии (зачем забывать богатство? Оно никогда ничего не портит); остаться на службе королевы, если королева достойно наградит его за верность; расстаться с нею, если она окажется неблагодарною, – все это не было ли истинным, великим счастьем, о котором Каноль прежде даже не смел и мечтать?

А Нанона?

О, Нанона была тайным угрызением совести, какое всегда гложет благородные души! Только в пошлых сердцах чужое горе не находит отголоска. Нанона, бедная Нанона! Что сделает она, что скажет, что будет с ней, когда она узнает страшную новость: друг ее женился на другой?..

Увы! Она не станет мстить, хотя у ней в руках все средства к мщению, и эта мысль более всего терзала Каноль. Если бы, по крайней мере, Нанона вздумала мстить, если бы даже отомстила как-нибудь, то Каноль видел бы в ней только врага и избавился бы от угрызений совести.

Нанона не отвечала ему на письмо, в котором он просил ее не писать к нему. Почему она так аккуратно исполняла его просьбу? Если бы она захотела, то, верно, нашла бы случай передать ему десять писем. Стало быть, Нанона не хотела переписываться с ним. О! Если бы она разлюбила его!

И Каноль опечалился при мысли, что Нанона может его разлюбить. Даже в самом благородном сердце всегда находишь эгоизм гордости.

По счастью, у Каноль было средство все забывать: ему стоило только прочитать письмо виконтессы. Он прочитал и перечитал письмо, и оно подействовало. Влюбленный таким образом заставил себя забыть все, что не касалось его счастья, и чтобы исполнить приказание виконтессы, которая просила его ехать к госпоже де Лалан, он принарядился, что было не трудно при его молодости, красоте и вкусе, и пошел к дому супруги президента, когда било два часа.

Каноль так погрузился в свое счастье, что, проходя по набережной, не заметил друга своего Равальи, который из лодки подавал ему какие-то знаки. Влюбленные в минуты счастья ходят так легко, что едва касаются до земли. Каноль был уже далеко, когда Равальи пристал к берегу.

Равальи наскоро отдал какие-то приказания своим гребцам и побежал к дому принцессы Конде.

Принцесса сидела за обедом, когда услышала шум в передней. Она спросила о причине его, и ей доложили, что приехал барон Равальи, которого она посылала к маршалу де ла Мельере.

– Ваше высочество, – сказал Лене, – полагаю, что было бы не худо немедленно принять его. Какие бы он ни привез известия, они, наверное, очень важны.

Принцесса подала знак, и Равальи вошел. Он был так бледен и так расстроен, что принцесса, взглянув на него, тотчас поняла, что перед нею стоит вестник несчастья.

– Что такое? – спросила она. – Что случилось, капитан?

– Простите, ваше высочество, что я осмелился явиться к вам в такое время, но я думаю, что обязан немедленно доложить вам...

– Говорите! Видели вы маршала?

– Маршал не принял меня.

– Маршал не принял моего посланного! – вскричала принцесса.

– О, это еще не все.

– Что еще? Говорите! Говорите.

– Бедный Ришон...

– Он в плену. Я это знаю и потому-то посылала вас для переговоров о нем.

– Как я ни спешил, но все-таки опоздал.

– Опоздали! – вскричал Лене. – Неужели с ним случилось какое-нибудь несчастье?

– Он погиб!

– Погиб! – повторила принцесса.

– Его предали суду, как изменника, осудили и казнили.

– Осудили! Казнили! Слышите, ваше высочество? – сказал Лене в отчаянии. – Я говорил вам это!

– Кто осудил его? Кто осмелился?

– Военный совет под председательством герцога д'Эпернона или, лучше сказать, под председательством самой королевы. Зато они не довольствовались простою смертью, приговорили его к позорной...

– Как? Что?

– Ришона повесили, как подлеца, как вора, как убийцу. Я видел труп его на Либурнском рынке.

Принцесса вскочила с кресла. Лене горестно вскрикнул. Виконтесса де Канб встала, но тотчас же опустилась в кресло, положив руку на сердце, как будто ей нанесли тяжелую рану: она лежала без чувств.

– Вынесите виконтессу, – сказал Ларошфуко, – у нас теперь нет времени заниматься дам-

скими припадками.

Две женщины вынесли Клару.

– Вот жестокое объявление войны! – сказал герцог с обыкновенным своим бесстрашием.

– Какая подлость! – сказала принцесса.

– Какая жестокость! – сказал Лене.

– Какая дурная политика! – заметил герцог.

– О, я надеюсь, что мы отмстим! – вскричала принцесса. – И отмстим жестоко!

– У меня уже план готов, – сказала маркиза де Турвиль, молчавшая до сих пор. – Надобно мстить тем же, ваше высочество, тем же!

– Позвольте, маркиза, – начал Лене. – Как вы спешите! Дело важное, о нем стоит подумать.

– Нет, напротив, надобно решиться сию минуту, – возразила маркиза.

– Чем скорее поразил король, тем скорее мы должны спешить с ответом и поражать в свою очередь.

Лене отвечал:

– Ах, маркиза, вы говорите о пролитии крови, точно как будто вы французская королева. Походите, по крайней мере, подавать мнение, пока принцесса спросит вас.

– Маркиза права, – сказал капитан телохранителей. – Мщение – закон войны.

– Послушайте, – сказал герцог де Ларошфуко, по-прежнему спокойный и бесстрастный, – не будем терять времени в бесполезных спорах. Новость распространяется по городу, и через час мы можем быть не в силах справиться с обстоятельствами, со страстями и с людьми. Прежде всего вашему высочеству следует принять такое положение, чтобы все считали вас непоколебимою.

– Хорошо, – отвечала принцесса, – возлагаю это дело на вас, герцог, думая, что вы отмстите за мою честь и за любимого вами человека: Ришон служил вам до вступления в мою службу, вы передали мне его и рекомендовали более как друга, чем как слугу.

– Будьте спокойны, ваше высочество, – отвечал герцог, кланяясь, – я не забуду, чем я обязан вам, себе самому и несчастному погибшему.

Он подошел к капитану телохранителей и долго говорил ему на ухо, между тем принцесса ушла с маркизой и с Лене, который бил себя в грудь.

Виконтесса стояла у дверей. Придя в чувство, она тотчас хотела идти к принцессе и встретила ее на дороге, но с таким сердитым лицом, что не посмела расспрашивать.

– Боже мой! Боже мой! Что хотят делать? – робко спросила Клара, сложив руки.

– Хотят мстить! – отвечала маркиза величественно.

– Мстить? Каким образом? – спросила виконтесса.

Маркиза прошла далее, не удостоив ее ответом, она уже обдумывала обвинительную речь.

– Мстить! – повторила Клара. – Ах, Лене, что хотят они сказать этим словом?

– Виконтесса, – отвечал он, – если вы имеете какое-нибудь влияние на принцессу, так воспользуйтесь им, чтобы здесь не совершили какого-нибудь гнусного убийства под предлогом мщения.

И он ушел, оставив Клару в испуге.

По странному предчувствию воспоминание о Каноль мелькнуло в голове Клары. В сердце ее раздавался тайный голос и печально шептал ей об отсутствующем друге. С бешеным нетерпением бросилась она в свою комнату и начала приготовляться к свиданию, как вдруг вспомнила, что оно должно быть не прежде, как часа через три или четыре.

Между тем Каноль явился к госпоже Лалан, как было приказано ему Кларою. То был день рождения президента, и он давал праздник. Все гости сидели в саду, потому что день был прекрасный, на зеленом лугу играли в кольца. Каноль, чрезвычайно ловкий и грациозный, тотчас же стал держать пари и по ловкости своей постоянно одерживал победу.

Дамы смеялись над неловкостью соперников Каноль и удивлялись его искусству. При каждом его ударе раздавались продолжительные восклицания, платки развевались в воздухе, и букеты едва не вылетали из дамских ручек к его ногам.

Это торжество не выгнало из головы Каноль главной мысли, которая занимала его, но дало ему силу сносить терпеливо ожидание. Как бы человек ни спешил к цели, он терпеливо сносит

помехи, когда они соединяются с торжеством.

Однако же по мере того, как приближался условленный час, барон все чаще и чаще поглядывал на калитку сада, в которую входили и уходили гости и через которую непременно должен был явиться обещанный вестник.

Вдруг, когда Каноль уже думал, что ему остается ждать недолго, странное беспокойство овладело веселою толпою. Каноль заметил, что в разных местах собирались группы и смотрели на него со странным участием, в котором было что-то печальное. Сначала он приписал это участие своим достоинствам, своей ловкости и чванился им, не подозревая настоящей его причины.

Наконец он заметил, как мы уже сказали, что в этом внимании, обращенном на него, было что-то печальное, он улыбкою подошел к одной из групп. Люди, составляющие ее, силились улыбнуться, но заметно смутились, те, кто не говорил с Канолем, отошли.

Каноль повернулся и увидел, что мало-помалу все исчезали. Казалось, что роковая новость вдруг распространилась в обществе и поразила всех ужасом. Сзади его ходил президент Лалан, поддерживая одною рукою подбородок, а другую засунув под жилет, и казался очень печальным. Президентша, взяв сестру под руку и пользуясь минутою, когда ее никто не видал, подошла к Канолю, и, не обращаясь особенно ни к кому, сказала таким голосом, что Каноль вздрогнул.

– Если бы я была в плену и даже обеспечена честным словом, то, боясь, что не сдержат данного мне обещания, я бросилась бы на добрую лошадь, доскакала до реки, заплатила бы десять, двадцать, сто луидоров перевозчику, если нужно, и спаслась бы...

Каноль с удивлением посмотрел на обеих дам, и обе дамы с ужасом сделали ему знак, которого он не понял. Он подошел к ним, желая попросить объяснения этих слов, но они убежали, как привидения: одна прижала палец к губам, желая показать ему, что надобно молчать, другая подняла руку, показывая ему, что надобно бежать.

В эту минуту у решетки раздалось имя Каноля.

Барон вздрогнул. Это, верно, посланный виконтессы. Каноль бросился к решетке.

– Здесь ли барон Каноль? – спросил грубый голос.

– Я здесь, – отвечал барон, забывая все, кроме обещания, данного Кларою.

– Вы точно Каноль? – спросил сержант, входя в калитку, за которою он до сих пор стоял.

– Да.

– Комендант Сен-Жоржа?

– Да.

– Бывший капитан Навайльского полка?

– Да.

Сержант обернулся, подал знак, тотчас явились четыре солдата, стоявшие за каретою. Карета подъехала так, что дверцы ее почти касались калитки. Сержант пригласил Каноля сесть. Барон оглянулся: он был решительно один. Только вдалеке, между деревьями, увидел он госпожу Лалан и сестру ее: они стояли, поддерживая одна другую, и смотрели на него с состраданием.

– Черт возьми! – сказал он, ничего не понимая. – Виконтесса выбрала мне престранную свиту. Но, – прибавил он, улыбаясь, – нечего разбирать средства!..

– Мы ждем вас, господин комендант, – сказал господин сержант.

– Извините, господа! Иду.

Он сел в карету. Сержант и два солдата сели возле него, третий солдат поместился с кучером, а четвертый сел на запятки. Тяжелая карета покатила так скоро, как могли тащить ее две сильные лошади.

Все это казалось очень странным и заставило Каноля призадуматься.

Он повернулся к сержанту и спросил:

– Теперь, когда мы остались наедине, не можете ли сказать, куда везете меня?

– Прямо в тюрьму, господин комендант, – отвечал тот, кого спрашивал Каноль.

Каноль взглянул на него с изумлением.

– Как в тюрьму! Да ведь вы присланы знатною дамою?

– Да.

– Виконтессою де Канб?

– Нет, принцессою Конде.

– Бедный молодой человек! – прошептала женщина, проходившая мимо.

И перекрестилась.

Каноль почувствовал, что пронзительный холод пробежал по его жилам.

Далее человек остановился с пикою в руке, когда увидел карету и солдат. Каноль высунул голову из кареты, человек, вероятно, узнал его, потому что показал ему кулак с угрозой и бешенством.

– Да они у вас все сошли с ума! – сказал Каноль, стараясь улыбнуться. – Неужели я в течение одного часа стал предметом сострадания или ненависти, что одни жалеют обо мне, а другие грозят мне?

– Ах, господин комендант, – отвечал сержант, – кто жалеет о вас – прав, а кто грозит вам... ну, и тот, может быть, тоже прав.

– Если бы я по крайней мере понимал что-нибудь во всем этом! – прошептал Каноль.

– Сейчас вы все поймете, – отвечал сержант.

Приехали к тюрьме и вывели Каноля из кареты среди толпы, которая начинала уже собираться. Но его повели не в обыкновенную комнату, а вниз, в подземную келью, наполненную солдатами.

– Надобно, наконец, разрешить вопрос, – сказал Каноль.

Вынув два луидора из кармана, он подошел к одному из солдат и положил деньги ему в руку.

Солдат не решился взять их.

– Возьми, друг мой, – сказал Каноль, – потому что я предложу тебе вопрос, на который ты можешь отвечать.

– Так извольте спрашивать, господин комендант, – отвечал солдат, укладывая деньги в карман.

– Мне хотелось бы знать, почему вдруг вздумали арестовать меня?

– Кажется, вы ничего не изволите знать о смерти коменданта Ришона?

– Ришон умер! – вскричал Каноль с непритворною горестью, потому что между ними существовала самая тесная дружба. – Боже мой! Его, верно, убили?

– Нет, господин комендант, его повесили.

– Повесили! – пробормотал Каноль, побледнев и всплеснув руками и вглядываясь в злоеющие лица своих сторожей. – Повесили! Черт возьми! От этого несчастья свадьба моя может быть отсрочена надолго!

XIX

Виконтесса де Канб окончила свой туалет, простой и очаровательный, набросила на плечи плащ и приказала Помпею идти впереди нее. Уже совсем стемнело, она думала, что ее не заметят, если она пойдет пешком, и потому приказала карете своей ждать у ворот кармелитской церкви, где должен был происходить обряд венчания. Помпей сошел с лестницы, виконтесса следовала за ним. Эта должность проводника напоминала старому солдату о знаменитом патруле накануне славной битвы при Корбии.

Когда виконтесса проходила по зале, где очень шумели, она встретила маркизу де Турвиль, которая вела герцога де Ларошфуко и жарко с ним спорила.

– Ах, маркиза, – сказала она, – позвольте спросить одно слово: чем решили дело?

– Мой план принят! – отвечала маркиза с торжеством.

– А в чем он состоит? Я ведь не знаю его.

– В мщении, милая моя, в мщении!

– Извините, маркиза, но я не столько знаю военную науку, сколько вы. Что понимаете вы под мщением в военном смысле?

– Это очень просто.

– Однако же, что такое?

– Они повесили офицера из армии принцев, не так ли?

– Что же?

– Так отыщем в Бордо офицера из королевской армии и повесим его.

– Боже мой! – вскричала испуганная Клара. – Что такое говорите вы, маркиза?

– Герцог, – продолжала старая маркиза, не замечая трепета Клары, – кажется, уже арестовали того офицера, который был комендантом в Сен-Жорже?

– Да, – отвечал герцог.

– Барон де Каноль арестован? – вскричала Клара.

– Да, виконтесса, – хладнокровно отвечал герцог, – Каноль арестован или скоро будет арестован. Приказание отдано при мне, и я видел, как отправились люди, которым поручено арестовать его.

– Стало быть, знали, где он находился? – спросила Клара с последнею надеждою.

– Он был на даче хозяина нашего, президента Лалана, где играл в кольца.

Клара вскрикнула, маркиза де Турвиль в удивлении обернулась, герцог взглянул на виконтессу с едва приметною улыбкою.

– Барон де Каноль арестован! – повторила Клара. – Но что же он сделал? Какая связь между ним и страшным происшествием, которое огорчило всех нас?

– Какая связь? Разве он не такой же комендант, как Ришон?

Клара хотела возражать, но сердце ее так сжалось, что слова замерли на ее губах. Однако же, схватив герцога за руку и с трепетом взглянув на него, она могла прошептать кое-как:

– Все это только говорится... Хотят показать, будто будут мстить. Кажется, ничего нельзя сделать человеку, сдавшемуся на честное слово.

– Ришон тоже сдался на честное слово.

– Герцог, умоляю вас...

– Избавьте меня от просьб, виконтесса, они бесполезны. Я ничего не могу изменить в этом деле, один совет может решить...

Клара выпустила руку герцога де Ларошфуко и побежала прямо в кабинет принцессы. Лене, бледный и встревоженный, скорыми шагами прохаживался по комнате, принцесса Конде разговаривала с герцогом Бульонским.

Виконтесса де Канб подошла к принцессе, легкая и бледная как тень.

– Ваше высочество, – сказала она, – умоляю, прошу вас... Позвольте переговорить с вами.

– Ах, это ты, моя милая. Теперь мне некогда, – отвечала принцесса,

– но после совета я вся к твоим услугам.

– Ваше высочество, мне непременно нужно переговорить с вами прежде совета.

Принцесса выслушала бы ее, если бы противоположная дверь не растворилась и не вошел герцог де Ларошфуко.

Он сказал:

– Совет собрался и нетерпеливо ждет ваше высочество.

– Ты видишь сама, – сказала принцесса Кларе, – мне невозможно выслушать тебя в эту минуту. Но пойдем в совет, и когда он кончится, мы выйдем вместе и переговорим.

Нельзя было настаивать. Слепленная страшною быстротою, с которою события пошли вперед, бедная виконтесса лишилась способности мыслить. Она старалась читать во всех глазах, обьясняла каждый жест, но ничего не видала. Ум ее не показывал ей, в чем дело, ее энергия не могла вырвать ее из этого страшного сна.

Принцесса пошла к зале. Клара бессознательно пошла за нею, не замечая, что Лене взял ее холодную руку, которую виконтесса опустила, как мертвая.

Вошли в залу совета.

Было часов восемь вечера.

Зала казалась чрезвычайно мрачною, потому что была темна, и окна прикрыты занавесками. Между двумя дверьми, против двух окон, в которые пробивались последние лучи заходящего солнца, поставили возвышение, а на нем приготовили два кресла, одно для принцессы Конде, другое для герцога Энгиенского. От каждого кресла шел ряд табуретов, предназначенных для дам, составлявших собственный совет ее высочества. Прочие судьи должны были сидеть на скамьях.

Герцог Бульонский стоял, опершись на кресло принцессы, герцог де Ларошфуко стоял, опершись на кресло герцога Энгиенского.

Лене сел против докладчика, возле него стояла Клара, смущенная и в отчаянии.

Двери растворились, вошли шесть офицеров, шесть городских чиновников и шесть присяжных.

Они поместились на скамьях.

Две жирандоли с шестью свечами освещали огромную залу. Они стояли на столе перед принцессою и освещали главную группу, остальные члены суда сидели в темноте.

За стенами дома кричала буйная толпа. Докладчик начал перекличку. Каждый вставал по очереди и отвечал, что присутствует.

Потом он докладывал дело и рассказал о взятии Вера, о нарушении честного слова, данного маршалом де ла Мельере, и о позорной смерти Ришона.

В эту минуту офицер, нарочно поставленный у окна, раскрыл его, и тотчас послышались голоса...

Они кричали:

– Мщение! Мщение за храброго Ришона! Смерть приверженцам Мазарини!

Так звали в то время роялистов.

– Слышите, – сказал герцог де Ларошфуко, – слышите, чего требует великий голос народа! Часа через два или народ презрит нашу власть и сам свершит правосудие, или мщение наше придет слишком поздно. Так надобно судить скорее, господа!

Принцесса встала.

– А зачем судить? Зачем произносить приговор? – сказала она. – Вы сейчас слышали приговор, его произнесли жители Бордо.

– Совершенная правда, – прибавила маркиза де Турвиль. – Положение наше очень просто: надобно произвести наказание тем же, и только! Такие дела должны совершаться по вдохновению и палачами.

Лене не мог слушать далее. Он вскочил с места и стал посреди кружка.

– Ни слова, более, маркиза, умоляю вас! – вскричал он. – Страшно подумать, если мнение ваше будет принято! Вы забываете, что даже королевская партия, наказывая по-своему, то есть гнусным образом, сохранила, по крайней мере, уважение к юридическим формам и наложила казнь – справедливую или нет, это другое дело – по приговору судей. Неужели вы думаете, что мы имеем право делать то, на что не решилась даже королева?

– О, – возразила маркиза, – мне стоит только высказать какое-нибудь мнение, господин Лене тотчас говорит противное. По несчастью, в настоящем случае мнение мое совершенно согласно с мнением ее высочества.

– Да, по несчастью... – сказал Лене.

– Лене! – вскричала принцесса.

– Ах, ваше высочество, не пренебрегайте по крайней мере формами. Вы всегда успеете казнить его.

– Господин Лене совершенно прав, – сказал герцог де Ларошфуко с притворством. – Смерть человека – дело нешуточное, особенно при подобных обстоятельствах, и мы не можем возложить ответственность за нее на одну голову, даже на голову принцессы.

Потом, наклонившись к уху принцессы, так что одни приближенные могли слышать его, прибавил:

– Ваше высочество, отберите мнение от всех, но для произнесения приговора оставьте только тех, в ком вы уверены. Таким образом, мщение не уйдет от нас.

– Позвольте, позвольте, – сказал герцог Бульонский, опираясь на палку и поднимая ногу, измученную подагрой. – Вы говорите, что надобно избавить принцессу от ответственности. Я не отказываюсь от нее, но хочу, чтобы другие разделяли ее со мною. Я очень желаю продолжения войны, но с условием, что буду находиться между принцессою и народом. Черт возьми! Я вовсе не хочу быть один. Я лишился моих Седанских владений за шутку такого рода. Тогда у меня были и город и голова. Кардинал Ришелье отнял у меня город, теперь у меня остается только голова, и я

не хочу, чтобы кардинал Мазарини отнял и ее. Поэтому я требую, чтобы ассессорами в суде были почетнейшие граждане Бордо.

– Смешивать подписки таких людей с нашими! – прошептала принцесса.

– Как можно!

– Так надобно, – отвечал герцог, которого заговор Сен-Марса заставил быть осторожным на всю жизнь.

– Вы согласны, господа?

– Да, – отвечал герцог де Ларошфуко.

– А вы, Лене?

– Ваше высочество, – отвечал Лене, – я, по счастью, не принц, не герцог, не офицер и не присяжный. Стало быть, я имею право молчать и молчу.

Тут принцесса встала и пригласила собрание отвечать энергичным поступком на королевский вызов. Едва кончила она речь, как окно опять растворили, и в залу во второй раз ворвался гул тысячи голосов народа. На улице кричали:

– Да здравствует принцесса!

– Мщение за Ришона!

– Смерть эпернонистам!

– Смерть приверженцам Мазарини!

Виконтесса схватила Лене за руку.

– Лене, – сказала она, – я умираю!

– Виконтесса де Канб, – сказал он громко, – просит у вашего высочества позволения удалиться.

– Нет, нет! – вскричала Клара. – Я хочу...

– Ваше место не здесь, – отвечал ей Лене вполголоса. – Вы ничего не можете сделать для него. Я сообщу вам все и всеми силами постараюсь спасти его.

– Виконтесса де Канб может уйти, – сказала принцесса. – Те из дам, которые не желают присутствовать на этом заседании, тоже могут оставить нас. Мы хотим видеть здесь только мужчин.

Ни одна из дам не поднялась: прекрасная половина человеческого рода, сотворенная для того, чтобы пленять, всегда стремилась исполнять обязанности той половины, которая создана повелевать. Дамы находили случай быть на несколько минут мужчинами. Виконтесса де Канб вышла, ее поддерживал Лене. На лестнице она встретила Помпея, которого послала узнать новости.

– Что же? – спросила она.

– Он арестован.

– Лене, – сказала Клара, – я надеюсь только на Бога, а полагаюсь на вас.

В отчаянии она воротилась в свою комнату.

– Какие вопросы предлагать тому, кого представят нам? – спросила принцесса, когда Лене возвратился на свое место и сел возле докладчика.

– Дело очень просто, – отвечал герцог де Ларошфуко. – У нас около трехсот пленных, в том числе десять или двенадцать офицеров. Спросим только их имена и какие должности занимали они в королевской армии. Первый, который назовет себя комендантом крепости, – звание, соответствующее месту бедного моего Ришона, – тот и виноват...

– Бесполезно терять время на расспросы двенадцати офицеров, – возразила принцесса. – У докладчика есть подробный реестр, найдите в нем арестантов, равных погибшему Ришону по чину.

– Таких только два, – отвечал докладчик, – один комендант Сен-Жоржа, другой – комендант Брона.

– Так у нас таких два, – сказала принцесса. – Видите, сама судьба покровительствует нам. Задержали ль их, Лабюссьер?

– Как же, ваше высочество! – отвечал капитан телохранителей. – Оба сидят в крепости и ждут приказания явиться на суд!

– Позвать их! – сказала принцесса.

– Которого представить? – спросил Лабюссьер.

– Обоих, – отвечала принцесса, – только начнем с важнейшего, с коменданта Сен-Жоржа.

XX

Страшное молчание, нарушенное только шагами выходившего капитана телохранителей, последовало за этим приказанием, которое должно было повести возмущение принцев по новому пути, более опасному. Одно это приказание ставило принцессу и ее советников, ее армию и город Бордо вне закона, заставляло всех жителей отвечать за интересы и за страсти нескольких людей.

В зале все молчали и едва дышали, глаза всех были обращены на дверь, в которую войдет арестант. Принцесса, желая как можно лучше разыгрывать роль президента, перелистывала реестры, герцог де Ларошфуко погрузился в раздумье, а герцог Бульонский разговаривал с маркизою де Турвиль о своей подагре, которою он очень страдал.

Лене подошел к принцессе и пытался в последний раз остановить ее. Не потому, чтобы он надеялся на успех, но потому, что принадлежал к числу честных людей, которые считают первейшею обязанностью исполнение долга.

– Подумайте, ваше высочество, – сказал он, – на один ход вы ставите будущее вашего семейства.

– В этом нет ничего особенного, – отвечала она, – ведь я уверена, что выиграю.

– Герцог, – сказал Лене, оборачиваясь к Ларошфуко, – вы, человек, столь высоко стоящий над обыкновенными умами и человеческими страстями, вы, верно, посоветуете нам придерживаться умеренности?

– Милостивый государь, – отвечал лицемерный герцог, – я именно об этом теперь совещаюсь с моим разумом.

– Посоветуйтесь об этом с вашей совестью, – сказал Лене, – это будет гораздо лучше.

В эту минуту послышался глухой шум. Это запирали ворота. Шум этот раздался в сердце каждого: он предвещал появление одного из арестантов. Скоро на лестнице раздались шаги, алебарды застучали по камням, дверь отворилась, и вошел Каноль.

Никогда не казался он таким красивым и таким ловким. На лице его, совершенно ясном, отражались еще радость и беспечность. Он шел вперед легко и без принуждения, как шел бы в гостиной генерал-адвоката Лави или президента Лалана, и почтительно поклонился принцессе с герцогом.

Даже сама принцесса изумилась, заметив его спокойствие, она несколько минут смотрела на молодого человека. Наконец сказала:

– Подойдите!

Каноль повиновался и поклонился во второй раз.

– Кто вы?

– Барон Луи де Каноль, ваше высочество.

– Какой чин имели вы в королевской армии?

– Я служил подполковником.

– Вы были комендантом в Сен-Жорже?

– Да, ваше высочество.

– Вы говорите правду?

– Да.

– Записали вы вопросы и ответы, господин докладчик?

Докладчик вместо ответа поклонился.

– Так подпишите, – сказала принцесса Канолю.

Каноль взял перо, вовсе не понимая, зачем его заставляют подписывать, но повиновался из уважения к особе, которая говорит с ним.

Он, подписывая, улыбнулся.

– Хорошо, милостивый государь, – сказала принцесса, – теперь вы можете уйти.

Каноль опять поклонился своим благородным судьям и ушел, по-прежнему непринужденно и ловко, не показав ни любопытства, ни удивления.

Едва вышел он за дверь, и дверь затворилась за ним, принцесса встала.

– Что теперь? – спросила она.

– Теперь надобно отбирать голоса, – сказал герцог де Ларошфуко очень спокойно.

– Отбирать голоса! – повторил герцог Бульонский.

Потом повернулся к присяжным и прибавил:

– Не угодно ли вам, господа, сказать ваше мнение?

– После вашей светлости, – отвечал один из жителей Бордо.

– Нет! Нет! – закричал громкий голос.

В голосе этом было столько твердости, что все присутствовавшие изумились.

– Что это значит? – спросила принцесса, стараясь узнать лицо того, кто вздумал говорить.

Неизвестный встал, чтобы все могли видеть его, и громко продолжал:

– Это значит, что я, Андрей Лави, королевский адвокат, советник парламента, требую именем короля, и особенно именем человечества, безопасности пленникам, находившимся у нас в Бордо на честном слове. Поэтому, принимая в соображение...

– Ого, господин адвокат, – перебила принцесса, нахмурив брови, – нельзя ли при мне обойтись без приказных выражений, потому что я их не понимаю. Мы производим дело уголовное, а не мелочный и щепетильный процесс. Все члены судилища поймут эту разницу, надеюсь.

– Да, да, – закричали хором присяжные и офицеры, – надобно отбирать голоса.

– Я сказал и повторяю, – продолжал Лави, нимало не смущаясь от выговора принцессы, – что требую безопасности для пленных, сдавшихся на честное слово. Это не приказные выражения, а основания народного права.

– А я прибавлю, – сказал Лене, – что бедного Ришона выслушали прежде, чем казнили, а потому справедливо было бы и нам выслушать обвиненных.

– А я, – сказал д'Эспанье, предводитель жителей Бордо во время атаки Сен-Жоржа, – я объявляю, что если вы помилите обвиненных, город взбунтуется.

Громкий ропот на улице подтверждал слова его.

– Поспешим, – сказала принцесса. – К чему присуждаем мы обвиненного?

– Скажите, обвиненных, – закричало несколько голосов, – ведь их двое!

– Разве одного вам мало? – спросил Лене, с презрением улыбаясь такому кровожадному требованию.

– Так которого же казнят? Которого из них? – повторили те же голоса.

– Того, который жирнее, людоеды! – вскричал Лави. – А, вы жалуетесь на несправедливость, кричите, что законы нарушены, а сами хотите на убийство отвечать душегубством! Хорошо собрание философов и солдат, которые стакнулись для того, чтобы убивать людей!

Глаза судей заблистали и, казалось, хотели разгромить честного королевского адвоката. Принцесса Конде приподнялась и, опершись на оба локтя, глазами спрашивала присутствующих: точно ли она слышала эти слова адвоката и есть ли на свете человек, дерзнувший сказать это в ее присутствии?

Лави понял, что его присутствие испортит все дело, и что его образ защиты обвиненных не только не спасет, но даже погубит их. Поэтому он решился уйти, но не как солдат, спасающийся с поля битвы, а как судья, отказывающийся от произношения приговора.

Он сказал:

– Именем Бога протестую против того, что вы делаете. Именем короля запрещаю вам то, что вы делаете!

И, опрокинув стул свой, с величественным гневом он вышел из залы, гордо подняв голову и твердым шагом, как человек, сильный исполнением долга и мало заботящийся о бедах, которые могут пасть на него за исполнение долга.

– Дерзкий! – прошептала принцесса.

– Хорошо! Хорошо! – закричало несколько голосов. – Дойдет очередь и до Лави!

– Отбирать голоса! – сказали судьи.

– Но как же можно отбирать голоса, когда мы не выслушали обвиненных? – возразил Лене. – Может быть, один из них покажется нам преступнее другого. Может быть, на одну голову обру-

шится мщение, которое вы хотите излить на двух несчастных.

В эту минуту во второй раз послышался скрип железных ворот.

– Хорошо, согласна, – сказала принцесса, – будем отбирать голоса об обоих разом.

Судьи, уже вставшие с шумом, опять сели на прежние места. Снова послышались шаги, раздался стук алебард, дверь отворилась и вошел Ковиньяк.

Он вовсе не походил на Каноля. На платье его, которое он поправил, как мог, видны еще были следы народного гнева. Он живо осмотрел присяжных, офицеров, герцогов и принцессу и бросил на все судилище косвенный взор. Потом, как лисица, намеревающаяся хитрить, он пошел вперед, ежеминутно, так сказать, ощупывая землю, внимательно прислушивался. Он был бледен и очевидно беспокоился.

– Ваше высочество изволили приказать мне явиться? – сказал он, не дожидаясь вопроса.

– Да, милостивый государь, – отвечала принцесса, – я хотела получить от вас лично несколько сведений, которые касаются вас и затрудняют нас.

– В таком случае, – отвечал Ковиньяк, низко кланяясь, – я весь к услугам вашего высочества.

И он поклонился очень развязно, хотя в его развязности можно было заметить некоторую принужденность.

– Все это будет скоро кончено, – сказала принцесса, – если вы будете отвечать так же положительно, как мы будем спрашивать.

– Осмелюсь доложить вашему высочеству, – заметил Ковиньяк, – что вопросы заготавливаются всегда заранее, а ответы не могут быть заготовлены, и потому спрашивать гораздо легче, чем отвечать.

– О, наши вопросы будут так ясны и определены, что мы избавим вас от труда думать, – сказала принцесса. – Ваше имя?

– Извольте видеть, ваше высочество, вот уже вопрос чрезвычайно затруднительный.

– Как так?

– Да. Очень часто случается, что у человека бывает два имени. Одно он получает от родителей, другое он дает сам себе. Например, мне показалось необходимым бросить первое и взять другое имя, менее известное. Какое из этих двух имен желаете знать?

– То, под которым вы явились в Шантильи, взялись на вербовать для меня целую роту, завербовали людей и потом продали себя кардиналу Мазарини.

– Извините, ваше высочество, – возразил Ковиньяк, – но я, кажется, уже с полным успехом отвечал на все эти вопросы сегодня утром, когда имел счастье представляться вам.

– Зато теперь я предлагаю вам только один вопрос, – сказала принцесса, начинавшая сердиться, – я спрашиваю ваше имя.

– А, в этом-то главное затруднение.

– Пишите, что он барон де Ковиньяк, – сказала принцесса докладчику.

Подсудимый не возражал.

Докладчик написал его имя.

– Теперь скажите, какого вы чина, – спросила принцесса. – Надеюсь, что в этом вопросе вы не найдете ничего затруднительного.

– Напротив того, ваше высочество, этот новый вопрос кажется мне одним из затруднительнейших. Если вы говорите о моем ученом звании, то я скажу, что я кандидат словесных наук, магистр прав и доктор богословия. Вы изволите видеть, ваше высочество, что я отвечаю, не запинаясь.

– Нет, я говорю о вашем военном звании.

– А, на это я не могу отвечать вашему высочеству.

– Почему?

– Потому что я сам никогда не знал хорошенько, в каком я чине.

– Постарайтесь вспомнить, милостивый государь, мне нужно знать чин ваш.

– Извольте. Во-первых, я сам произвел себя в лейтенанты, но я не имел права себе этот чин давать и командовал во все время, пока носил этот чин, только шестью солдатами, и потому думаю, что вовсе не имею права хвастать им.

– Но я, – сказала принцесса, – я произвела вас в капитаны. Стало быть, вы капитан!

– А вот тут-то еще больше затруднений, и совесть моя кричит еще громче. Каждый военный чин в государстве, в этом теперь я совершенно убежден, только тогда считается действительным, когда истекает от королевской власти. Ваше высочество без всякого сомнения имели желание произвести меня в капитаны, но, кажется, не имели на это права. Стало быть, с этой точки зрения, я такой же капитан, как был прежде лейтенант.

– Хорошо, положим, что вы не были лейтенантом, не были капитаном, потому что ни вы, ни я, мы не имели права раздавать патентов, но все-таки вы комендант Брона. А так как в последнем случае сам король подписал ваш патент, то не станете оспаривать силу этого акта.

– А он-то из всех трех актов самый опровержимый, ваше высочество...

– Это еще что? – вскричала принцесса.

– Я был назначен комендантом, правда, но не вступил в должность. В чем состоит должность коменданта? Не в патенте, а в исполнении обязанностей, связанных с этой должностью. А я не исполнял никаких обязанностей, соединенных с должностью коменданта, я даже не успел приехать в мою крепость. С моей стороны не было даже начала исполнения обязанностей, стало быть, я столько же комендант Брона, сколько капитан, а капитан я столько же, сколько лейтенант.

– Однако же вас захватили на дороге в Брон.

– Совершенная правда, но в ста шагах далее дорога разделяется, одна ветвь идет в Брон, другая в Исон. Кто может сказать, что я ехал не в Исон, а в Брон?

– Хорошо, – сказала принцесса, – суд оценит ваши доводы. Пишите, что он комендант Брона, – прибавила она, обращаясь к докладчику.

– Написано, – отвечал докладчик.

– Хорошо. Теперь, – сказала принцесса, обращаясь к Ковиньяку, – подпишите допрос.

– Подписал бы с величайшим удовольствием, – отвечал Ковиньяк, – и мне было бы чрезвычайно приятно сделать угодное вашему высочеству, но в борьбе, которую я должен был выдерживать сегодня утром против бордосской черни и от которой вы так великодушно изволили избавить меня с помощью ваших мушкетеров, мне повредили правую руку... А я никак и никогда не мог писать левою рукою.

– Запишите, что обвиняемый отказывается подписать, – сказала принцесса докладчику.

– Нет, не отказывается, а не может подписать, – сказал докладчику Ковиньяк, – напишите: не может. Боже меня избави отказать в чем-нибудь вашему высочеству, и особенно если дело возможное.

Ковиньяк, низко поклонившись, вышел с двумя своими провожатыми.

– Я думаю, что вы правы, господин Лене, – сказал герцог де Ларошфуко. – Мы кругом виноваты, что не умели привязать к себе этого человека.

Лене был так занят, что не отвечал. На этот раз обыкновенная его догадливость обманула его. Он надеялся, что весь гнев суда падет на одного Ковиньяка. Но Ковиньяк своими неизменными увертками не рассердил судей, а скорее позабавил их. Только допрос его уничтожил весь эффект, произведенный Канолем; благородство, откровенность, доблесть первого пленника исчезли перед хитростью второго. Ковиньяк совершенно уничтожил Каноля.

Когда пошло на голоса, судьи единогласно приговорили арестантов к смертной казни.

Принцесса встала и торжественно произнесла приговор.

Потом каждый по очереди подписал протокол. Прежде всех подписал герцог Энгийенский, несчастный ребенок, не знавший, что подписывает, не знавший, что первая его подпись стоит жизни человеку. За ним подписались принцесса, герцоги, придворные дамы, потом офицеры и наконец присяжные. Таким образом, все приняло участие в мщении. За это мщение надобно будет наказывать всех – дворянство и городских обывателей, армию и парламент, а ведь всем известно, что когда надобно наказывать всех, так никого не наказывают.

Когда все подписали и принцесса была уверена, что мщение совершится и удовлетворит ее гордость, она открыла окно, которое отворяли уже два раза, и, лясь народу, закричала:

– Жители Бордо! Ришон будет отмщен, отмщен вполне, положитесь на нас.

Громкое ура, похожее на гром, отвечало на это объявление, и чернь рассыпалась по улицам,

уже радуясь тому зрелищу, которое обещала ему сама принцесса.

Но едва принцесса Конде воротилась в свою комнату вместе с Лене, который шел за нею печально и все еще надеялся заставить ее переменить решение, как вдруг дверь отворилась и виконтесса де Канб, бледная, в слезах, упала на колени.

– Ваше высочество, – вскричала она, – умоляю вас! Выслушайте меня! Ради Бога, выслушайте!

– Что с тобой, дочь моя? – спросила принцесса. – Что ты? Ты плачешь?

– Да, да, потому что произнесли смертный приговор, и вы утвердили его, а однако же ваше высочество не можете убить барона Каноля.

– Почему же нет? Ведь они убили Ришона.

– Но потому, что Канолю, этот самый Канолю спас ваше высочество в Шантильи.

– Его благодарить не за что, ведь мы обманули его.

– О, как вы ошибаетесь! Канолю ни одной минуты не сомневался в том, что вас там не было.

С первого взгляда он узнал меня.

– Тебя, Клара?

– Да, ваше высочество. Мы ехали с бароном Канолю по одной дороге, он знал меня. Словом, Канолю был влюблен в меня... И в Шантильи он... Но не вам наказывать его, если даже он виноват... Он пожертвовал обязанностями своими из любви ко мне...

– Так и ты любишь его?

– Да, – прошептала виконтесса.

– Так ты просила позволения выйти замуж за барона Каноля?

– Да...

– Стало быть...

– Я хотела выйти замуж за барона Каноля, – отвечала виконтесса. – Мне сдался он на острове Сен-Жорж, и без меня взорвал бы на воздух и себя, и ваших солдат... Он мог бежать, но отдал мне свою шпагу, чтобы не разлучаться со мною. Вы понимаете, ваше высочество, если он умрет, я тоже должна умереть, потому что я буду причиной его смерти.

– Милая дочь моя, – отвечала принцесса с некоторым волнением, – подумай: ты просишь у меня невозможного. Ришон погиб, надобно отомстить за него! Приговор произнесен, надобно исполнить его. Если бы муж стал требовать того, о чем ты просишь, так я отказала бы и ему.

– Ах, несчастная, – вскричала виконтесса, закрывая лицо руками и громко рыдая, – я погубила Каноля!

Тут Лене, который молчал до сих пор, подошел к принцессе и сказал:

– Ваше высочество, разве вам мало одной жертвы и за одного Ришона разве вам нужно две головы?

– Ага, – сказала принцесса, – вы строгий человек, вы просите меня о смерти одного и о спасении другого? Разве это справедливо, скажите-ка?

– Ваше высочество, всегда справедливо спасти хоть одного из двух человек, обреченных на смерть, если уж допускать у человека право на уничтожение Божьего создания. Кроме того, очень справедливо, если уж надо выбирать одного из двух, спасти честного человека, а не интригана.

– Ах, Лене, – сказала виконтесса, – просите за меня, умоляю вас! Ведь вы мужчина, и вас, может быть, послушают... А вы, ваше высочество,

– прибавила она, обращаясь к принцессе, – вспомните только, что я всю жизнь служила вашему дому.

– Да и я тоже, – сказал Лене. – Однако же за тридцать лет верной службы никогда и ничего не просил у вашего высочества. Но если в этом случае ваше высочество не сжалитесь, так я попрошу в награду тридцатилетней верной службы одной милости.

– Какой?

– Дать мне отставку, ваше высочество, чтобы я мог посвятить последние дни мои службе королю – последние дни, которые я хотел отдать службе вашему дому.

– Хорошо, – сказала принцесса, побежденная общими просьбами. – Не пугай меня, старый друг мой, не плачь, милая моя Клара, успокойтесь оба: один из осужденных не умрет, если вы того

хотите, но с условием: не просить меня о том, который должен умереть.

Клара схватила руку принцессы и поцеловала ее.

– Благодарю, благодарю ваше высочество, – сказала она. – С этой минуты моя и его жизнь принадлежат вам.

– И вы в этом случае поступите милостиво и правосудно, – сказал Лене, – а это бывает очень редко.

– А теперь, – вскричала Клара с нетерпением, – могу ли видеть его? Могу ли освободить его?

– Теперь еще нельзя освободить его, – отвечала принцесса, – это погубило бы нас. Оставим арестантов в тюрьме. После выпустим их вдруг, одного на свободу, другого на эшафот.

– Нельзя ли по крайней мере видеть его, успокоить, утешить? – спросила Клара.

– Успокоить его? Думаю, что нельзя. Это породило бы толки. Нет, довольствуйся тем, что он спасен и что ты это знаешь. Я сама скажу герцогам про мое решение.

– Надобно покориться судьбе, – сказала Клара. – Благодарю, благодарю ваше высочество.

И виконтесса пошла в свою комнату плакать на свободе и благодарить Бога от всей души, преисполненной робости и признательности.

XXI

Арестанты сидели оба в одной крепости в двух смежных комнатах. Комнаты находились в нижнем этаже, но нижние этажи в крепостях то же, что третьи этажи в домах. В тюрьмах в то время всегда было два этажа темных келий.

У каждой двери тюрьмы стоял отряд солдат, выбранных из телохранителей принцессы. Толпа, увидав приготовления, которые удовлетворяли ее жажде мщения, мало-помалу удалилась от тюрьмы, куда она сначала устремилась, когда ей сказали, что там находятся Каноль и Ковиньяк. Когда толпа удалилась, то сняли особые караулы, охранявшие арестантов от ненависти народной, и остались одни обыкновенные часовые.

Чернь, понимая, что ей нечего видеть в тюрьме, пошла туда, где казнили, то есть на эспланаду. Слова, сказанные принцессою из окна залы совета, тотчас разнеслись по городу, каждый объяснял их по-своему. Одно было в них ясно: в эту ночь или на следующее утро будет страшное зрелище. Не знать, когда именно начнется зрелище, было новым наслаждением для толпы: ей оставалась приманка неожиданности.

Ремесленники, горожане, женщины, дети бежали на эспланаду; ночь была темная, луна должна была показаться не ранее полуночи, и потому многие бежали с факелами. Почти все окна были раскрыты и на некоторых стояли плошки или факелы, как дельвалось в праздники. Однако же по шепоту толпы, по испуганным лицам любопытных, по пешим и конным патрулям можно было догадаться, что дело идет не об обыкновенном празднике: для него делались слишком печальные приготовления.

Иногда бешеные крики вырывались из групп, которые составлялись и расходились с изумительною быстротою, возможно только при некоторых особенных обстоятельствах. Крики эти те же самые, какие уже несколько раз вырывались через окно в залу суда:

– Смерть арестантам! Мщение за Ришона!

Эти крики, факелы, топот лошадей отвлекли виконтессу де Канб от молитвы. Она подошла к окну и с ужасом смотрела на людей и на женщин, которые казались дикими зверями, выпущенными в цирк и призывающими громким ревом несчастных своих жертв. Она спрашивала себя: каким образом эти люди с таким усердием требуют смерти двух человек, которые никогда им ничего не сделали? Она не умела отвечать на свой вопрос, бедная женщина, знавшая из человеческих страстей только те, которые облагораживают душу.

Из своего окна виконтесса видела над домами и садами высокие и мрачные башни крепости. Под ними находился Каноль, туда особенно направлялись ее взгляды.

Однако же они иногда спускались на улицу, и тогда Клара видела грозные лица, слышала крики мщения, и кровь застывала в ее жилах...

– О, – говорила она сама себе – пусть их запрещают мне видеть его, я все-таки увижу его!

Эти крики, может быть, донеслись до него, он может подумать, что я забываю его, он может обвинять меня, может проклинать меня... О! Мне кажется изменою то, что я не стараюсь найти средство успокоить его. Мне нельзя оставаться в бездействии, когда он, может быть, зовет меня. Да, надобно видеть его!.. Но Боже мой! Как его видеть? Кто проведет меня в тюрьму? Какая власть отопрет мне двери? Принцесса отказала мне в позволении видеть его, а она столько для меня сделала, что имела полное право отказать. Около крепости есть враги, есть караулы, есть целая толпа, которая ревет, чует кровь и не хочет выпустить добычу из когтей. Подумают, что я хочу увести его, спасти... Да, да, я спасла бы его, если бы он не был уже под щитом честного слова принцессы. Если скажу им, что хочу только видеть его, они не поверят мне, откажут в моей просьбе. И притом же решиться на такую попытку против воли ее высочества – не значит ли потерять оказанную мне милость?.. Принцесса может взять свое честное слово назад... И однако же оставить его в неизвестности и страхе во всю эту долгую ночь невозможно!.. Невозможно, я это чувствую!.. Господи Боже, молю, просвети меня!

Виконтесса принялась молиться с таким усердием, что оно тронуло бы даже принцессу, если бы принцесса могла видеть ее.

– Нет! Я не пойду, не пойду! – говорила Клара. – Понимаю, что мне нельзя идти туда... Всю ночь он будет обвинять меня... Но завтра... завтра я непременно оправдаюсь перед ним.

Между тем возраставший шум, бешенство толпы и отблески зловещих факелов, долетавшие до нее и освещавшие ее комнату, так напугали виконтессу, что она заткнула уши руками, закрыла глаза и устала лицо в подушку.

В это время дверь отворилась и вошел мужчина так, что она ничего не слыхала.

Он постоял на пороге, посмотрел на нее с ласковым состраданием и видя, что она рыдает, подошел и положил руку ей на плечо.

Клара встала в испуге.

– Ах, это вы, Лене! – сказала она. – Стало быть, вы не забыли обо мне?

– Нет, – отвечал он. – Я подумал, что вы, может быть, не совершенно успокоились, и решил-ся прийти к вам спросить, не могу ли каким-то образом быть вам полезным?

– Ах, Лене, – вскричала виконтесса, – как вы добры и как я вам благодарна!

– Кажется, я не ошибся, – сказал Лене. – Редко ошибаешься, когда думаешь, что люди страдают, – прибавил он в раздумье.

– Да, да, вы совершенно правы: я очень страдаю.

– Однако же вам дано все, что вы желали, даже более того, что я ожидал, признаюсь вам.

– Разумеется, но...

– А! Понимаю... Вы пугаетесь, видя радость черни, которая хочет крови, и жалеете о том несчастном, который умрет вместо вашего жениха?

Клара приподнялась и, побледнев, несколько минут пристально смотрела на Лене, потом положила холодную руку на лоб, покрытый холодным потом.

– Ах, простите мне или, лучше сказать, проклинайте меня, Лене! Я при эгоизме моем даже не подумала об этом. Нет, Лене, я должна признаться вам: я боюсь, плачу, молюсь только за того, который должен жить. Предавшись вполне моей любви, я забыла о том, который должен умереть!

Лене печально улыбнулся.

– Да, – сказал он, – это должно быть так, это в натуре человеческой. Может быть, из этого частного эгоизма составляется благоденствие масс. Каждый шпагою очерчивает круг около себя и своих. Ну, виконтесса, dokonчите вашу исповедь. Признайтесь откровенно, что вы нетерпеливо желаете, чтобы несчастный умер поскорее, потому что смерть его обеспечит жизнь вашего жениха.

– Об этом я еще не подумала, Лене, клянусь вам! Но не принуждайте меня к этой мысли, я так люблю его, что при безумной любви своей могу желать всего...

– Бедняжка! – сказал Лене с непритворным состраданием. – Зачем не сказали вы всего этого прежде?

– Боже мой! Вы пугаете меня! Разве я уже опоздала? Разве он еще в опасности?

– Нет, потому что принцесса дала честное слово, но...

– Что значит это «но»?

– Но нельзя на этом свете быть уверенным ни в чем. Вы, как и я, думаете, что он спасен, однако же вы не радуется, а плачете.

– Ах, я плачу, потому что не могу видаться с ним, – отвечала Клара. – Вспомните, что он, верно, слышит эти страшные крики и думает, что смерть близко. Вспомните, что он может обвинять меня в холодности, в забвении, в измене! Ах, Лене, какое мучение! Если бы принцесса знала, как я страдаю, так верно сжалилась бы надо мною!

– Так надобно повидаться с ним, виконтесса.

– Невозможно видеть его! Вы знаете, я просила позволения у принцессы, она отказала.

– Знаю... Даже согласен с нею... Однако же...

– Однако же вы учите меня непослушанию! – сказала Клара в изумлении и пристально посмотрела на Лене, который смутился и опустил глаза.

– Я стар, милая виконтесса, – сказал он, – потому, что я стар, я недоверчив. Впрочем, в этом случае слово принцессы священо: из двух арестантов умрет только один, сказала она. Но в продолжение многолетней жизни моей я замечал, что неудача часто преследует того, кому прежде покровительствовало счастье, и потому имею правилом: не пропускать счастливого случая. Повидайтесь с женихом, виконтесса. Верьте мне, повидайтесь с ним.

– Ах, Лене, – вскричала Клара, – как вы пугаете меня!

– Я вовсе не намерен пугать вас. Впрочем, неужели вы хотите, чтобы я советовал вам не видеть его? Верно, нет, не так ли? И вы, верно, более бранили бы меня, если бы я сказал вам не то, что теперь говорю?

– Да, да, признаюсь, что вы правы. Вы говорите, что мне надобно видаться с ним. Но это первое, единственное мое желание, об этом я молилась, когда вы вошли сюда. Но разве это возможно?

– Разве есть что-нибудь невозможное для женщины, которая взяла Сен-Жорж? – спросил Лене улыбаясь.

– Увы, – сказала Клара, – вот уже целых два часа я ищу средства пробраться как-нибудь в крепость и до сих пор не могла ничего придумать.

– А если я дам вам средство, – сказал Лене, – чем вы заплатите мне?

– Чем?... О, тем, что вы поведете меня к алтарю, когда я буду венчаться с Канолем.

– Благодарю, дитя мое... Я вас в самом деле люблю, как отец.

– Но где же средство?

– Вот оно. Я выпросил у принцессы позволение на вход в крепость для переговоров с арестантами. Мне хотелось привязать к нашей партии капитана Ковиньяка, если бы было возможно спасти его, но теперь мне не нужно позволение принцессы: ваши просьбы за Каноля осудили Ковиньяка на смертную казнь.

Клара невольно вздрогнула.

– Возьмите же эту бумагу, – продолжал Лене, – вы видите, в ней нет имени.

Клара взяла бумагу и прочла:

«Тюремщик крепости может впустить подателя сей записки к арестантам на полчаса.

Клара-Клеменция Конде».

– Ведь у вас есть мужское платье? – спросил Лене. – Наденьте его. У вас есть пропуск в крепость, пользуйтесь им.

– Бедный! – прошептала Клара, не могшая прогнать мысли о Ковиньяке, которому следовало умереть вместо барона Каноля.

– Он покоряется общему закону, – сказал Лене. – Он слаб, его съедает сильный, он без поддержки и платит за того, у кого есть протекция. Я буду жалеть о нем, он малый умный.

Между тем Клара повертывала бумагу в руках.

– Знаете ли, – сказала она, – что вы очень соблазните меня этим позволением? Знаете ли, что когда я обниму бедного моего друга, то захочу увести его на край света?

– Я посоветовал бы вам сделать это, если бы дело было возможное, но эта бумага не бланк, и вы не можете дать ей никакого смысла, кроме того, который в ней есть.

– Правда, – отвечала Клара, перечитав бумагу. – Однако же ведь мне отдали Каноля... Теперь он мой! Нельзя отнять его у меня!

– Да никто и не думает отнимать его у вас. Не теряйте времени, виконтесса, надевайте мужское платье и отправляйтесь. Бумага даст вам полчаса сроку, полчаса – это очень мало, я знаю, но после этого получаса будет целая жизнь. Вы молоды, жизнь ваша еще продолжится, дай Бог, чтобы она была счастлива.

Клара взяла его за руку, прижала к груди и поцеловала нежно, как отца.

– Ступайте, ступайте, – сказал Лене нежно, – не теряйте времени. Кто истинно любит, тот нетерпелив.

Потом, когда она перешла в другую комнату и позвала Помпея, который помогал ей переодеваться, Лене прошептал:

– Кто знает, что случится?

XXII

Каноль слышал крики, рев и угрозы толпы, видел ее волнение. Сквозь решетку своего окна он мог наслаждаться подвижною и оживленною картиною, которая раскрывалась перед его глазами и была одна и та же во всех концах города.

– Черт возьми, – говорил он, – как досадно! Опять препятствие. Эта смерть Ришона... Бедный Ришон! Он был предостойнейший человек!.. Эта смерть Ришона повредит нашему плану, мне уже не позволят гулять по городу, как позволяли прежде. Прощайте, свидания, и даже свадьба моя прощай, если Кларе не угодно будет обвенчаться в тюрьме. О, ей, верно, будет угодно! Ведь все равно, где ни венчаться. Однако же это плохое предзнаменование... Черт возьми! Почему получил я это известие сегодня? Лучше было бы, если бы оно пришло завтра!

Потом он подошел к окну, заглянул в него и продолжал:

– Какая строгость! Пара часовых! Страшно и подумать, что меня заперли сюда на неделю, может быть, на две недели, до тех пор, пока новое событие не заставит забыть о смерти Ришона. По счастью, в наше время события совершаются быстро, и жители Бордо довольно легкомысленны, а между тем мне все-таки придется поскучать порядочно. Бедная Клара! Она, верно, в отчаянии. По счастью, она знает, что меня посадили в тюрьму. Да, она знает это и, стало быть, уверена, что я тут не виноват... Черт возьми! Куда бегут все эти люди? Кажется, к эспланаде. Однако же теперь не может быть ни парада, ни казни. Все они бегут в одну сторону. Право, подумаешь, что они знают, что я здесь, за решеткою, как медведь...

Каноль, скрестив на груди руки, прошелся несколько раз по комнате. Стены настоящей тюрьмы внушали ему философические мысли, которыми обыкновенно он занимался очень мало.

– Какая глупая вещь война! – прошептал он. – Вот Ришон, с которым я обедал назад тому месяц, погиб! Он, верно, убит на крепостных пушках, и я должен бы был сделать то же! Да я и сделал бы это, если бы меня осаждал кто-нибудь другой, а не виконтесса. Женская война, в самом деле, страшнее всех возможных войн. По крайней мере я ничем не содействовал смерти друга. Слава Богу! Мне не пришлось обнажать шпагу против брата, это утешает меня. И этим обязан я все-таки моему гению-хранителю, моей даме... О! Как много обязан я ей!

Вошел офицер и перебил монолог Каноля.

– Не угодно ли вам поужинать? – спросил он. – Извольте приказать, тюремщику приказано давать вам все, чего вы захотите.

– Хорошо, хорошо, – сказал Каноль, – они, кажется, намерены обходиться со мною порядочно во все время, пока я буду сидеть здесь, а я думал совсем противное, судя по злому лицу принцессы и по дрянным рожам ее ассессоров...

– Я жду, – сказал офицер, кланяясь.

– Ах, извините, простите меня! Ваша учтивость навела меня на некоторые размышления... Вернемся к делу: да, милостивый государь, я буду ужинать, потому что очень голоден. Впрочем, я обыкновенно умерен, и солдатского ужина мне очень довольно.

– Теперь, – сказал офицер, подходя к нему с участием, – не хотите ли дать мне какое-нибудь

поручение... К кому-нибудь в городе... Разве вы ничего не ожидаете?.. Вы сказали, что вы солдат, стало быть, поступайте со мной, как с товарищем.

Каноль посмотрел на него с удивлением.

– Нет, милостивый государь, у меня нет вам никакого поручения, я ничего не жду, кроме одной особы, которую не смею назвать. Покорнейше благодарю вас за предложение считать вас товарищем. Вот моя рука, и если мне впоследствии понадобится что-нибудь, я не забуду вас, милостивый государь.

В этот раз офицер с удивлением взглянул на него.

– Хорошо, – сказал он. – Вам сейчас подадут ужин.

Он вышел.

Через минуту два солдата принесли ужин, гораздо великолепнее, чем желал Каноль. Он сел за стол и поужинал с удовольствием.

Даже солдаты смотрели на него с удивлением. Каноль принял их удивление за зависть, вино было чудесное, и он сказал:

– Друзья мои, принесите еще два стакана.

Один солдат вышел и скоро воротился с двумя стаканами.

Каноль наполнил их, потом налил немного в свой стакан.

– За ваше здоровье, друзья! – сказал он.

Солдаты взяли стаканы, чокнулись с Канолем и выпили вино, не отвечая на его тост.

«Они не очень учтивы, – подумал Каноль, – но пьют хорошо. Нельзя же требовать от них всего».

И он продолжал ужинать.

Когда он кончил, солдаты вынесли стол.

Офицер опять вошел.

– Ах, Боже мой, – сказал ему Каноль, – отчего вы не ужинали со мною? Ужин был бесподобный.

– Я не могу иметь этой чести, милостивый государь, потому что сейчас только встал из-за стола. Я пришел...

– Посидеть со мною? – спросил Каноль. – Если так, позвольте поблагодарить вас, вы чрезвычайно любезны.

– О, нет, милостивый государь, моя обязанность гораздо неприятнее. Я пришел сказать вам, что у нас в тюрьме нет пастора, а есть только католический аббат. Мы знаем, что вы протестант, и потому различие религии, может быть...

– А зачем мне пастор? – спросил Каноль простодушно.

– Но, – отвечал офицер в смущении, – может быть, вы захотите помолиться.

– Об этом я подумаю завтра, – отвечал Каноль с улыбкою, – я молюсь только по утрам.

Офицер посмотрел на Каноль с изумлением, которое скоро перешло в глубокое сострадание. Он поклонился и вышел.

– Черт возьми, – прошептал Каноль, – видно, весь свет глупеет! С тех пор, как Ришон умер, все люди, которых я встречаю здесь, кажутся или дураками или дикими зверями. Черт возьми! Неужели я не увижу лица, хотя несколько сносного!

Едва он договорил эти слова, как дверь комнаты растворилась и кто-то бросился к нему на шею прежде, чем он мог узнать гостя.

Гость обнял его обеими руками и зарыдал.

– Господи Боже мой! – сказал Каноль, высвобождаясь из объятий. – Вот еще сумасшедший. Что такое? Не попал ли я в желтый дом?

Но, отступая назад, он сдвинул шляпу с головы незнакомца, и прекрасные белокурые волосы виконтессы де Канб упали на ее плечи.

– Вы здесь? – вскричал Каноль, подбегая к ней. – О, простите, что я не узнал вас, или не угадал, что это вы.

– Тише, – сказала она, поспешно поднимая шляпу и надевая ее. – Тише! Если узнают, что я здесь, так, может быть, отнимут у меня мое счастье. Наконец-то я могу видеть вас еще раз. Боже

мой! Как я рада!

И Клара зарыдала.

– Видеть меня еще раз! – повторил Каноль. – Что это значит? И вы говорите это со слезами? Стало быть, вы уже не должны были видеть меня? – спросил он с улыбкой.

– О, не смейтесь, друг мой, – отвечала Клара, – ваша веселость терзает меня. Не смейтесь, умоляю вас. О, если бы вы знали, каких трудов стоило мне пробраться к вам, и это было почти невозможно... без помощи Лене, без помощи этого добрейшего человека... Но поговорим о вас, друг мой. Вы ли это? Вас ли я вижу? Вас ли могу прижать к груди?

– Меня, меня, точно меня, – отвечал Каноль, смеясь.

– Ах, зачем притворяться веселым? Это бесполезно, я все знаю. Никто не знал, что я люблю вас, и потому ничего не скрывали от меня.

– Так что же вы знаете?

– Ведь вы ждали меня, – продолжала виконтесса, – не так ли? Вы были недовольны моим молчанием, не правда ли? Вы, верно, уже бранили меня?

– Я был недоволен, правда, но я не думал бранить вас. Я знал, что какое-нибудь важное обстоятельство, которое сильнее вашей воли, удаляет вас от меня, и во всем этом я вижу одно несчастье: свадьба наша должна быть отсрочена на неделю, может быть, на две.

Клара в свою очередь посмотрела на Каноль с тем же изумлением, с каким смотрел на барона офицер за несколько минут прежде.

– Как! Вы не шутите? – спросила она. – И вы вовсе не боитесь, не испуганы?

– Боюсь ли я? – отвечал Каноль. – Да чего же бояться? Уж не подвергаюсь ли я какой-нибудь опасности, которая мне неизвестна?

– Ах, несчастный, он ничего не знает!

Потом, боясь объявить ему о страшном несчастье, она сдержала слова, готовые вырваться у ней.

– Нет, я ничего не знаю, – серьезно сказал Каноль. – Но вы скажете мне все, не так ли? Ведь я мужчина, все снесу. Говорите, Клара, говорите.

– Вы знаете: Ришон погиб.

– Да, знаю.

– Но знаете ли, как он умер?

– Нет, но догадываюсь... Он, верно, был убит в бою, в крепости Вер?

Клара помолчала с минуту, потом голосом звучным, как медь, звенящая по убитому, виконтесса медленно сказала:

– Его повесили в Либурне на площади!

Каноль отскочил.

– Повесили! – вскричал он. – Повесили Ришона, военного!

Потом он побледнел, провел рукою по лбу и сказал:

– А, теперь, все понимаю!.. Понимаю, почему арестовали меня, понимаю допрос; понимаю слова офицера, молчание солдат, понимаю причину вашего посещения, ваши слезы, когда вы увидели меня веселым. Понимаю, наконец, эту толпу, ее крики, ее угрозы! Ришона повесили, за него отомстят на мне!

– Нет, нет, добрый друг мой! – вскричала Клара, схватив руки Каноль и смотря прямо в глаза ему. – Нет, не тобою хотят они пожертвовать. Ты не ошибся; сначала назначили тебя! Да, ты был осужден, тебе следовало умереть! Ты был близок к смерти, милый жених мой! Но будь спокоен, теперь ты можешь шутить и смеяться, можешь говорить о счастье и будущности. Та, которая отдала тебе свою жизнь, спасла твою! Радуйся... но тише, чтобы не разбудить твоего несчастного товарища, на которого обрушится гроза, который умрет вместо тебя!

– Молчите! Молчите! – шептал Каноль, еще не оправившись, несмотря на горячие ласки Клары, от страшного удара, который разразился над ним. – Я, спокойный, доверчивый, так глупо-веселый был близок к смерти! И когда же? В какую минуту? Когда готовился венчаться с вами! О, клянусь душою, это было бы двойное убийство!

– Они называют это мщением, – сказала Клара.

– Да, да, они правы.

– Ах, вот теперь вы мрачны и задумчивы.

– О, я боюсь не смерти! – вскричал Каноль. – Но смерть разлучит меня с вами.

– Если бы вы умерли, так и я бы умерла. Но зачем печалиться? Лучше радуйтесь вместе со мною. В эту ночь, может быть, через час вы выйдете из тюрьмы. Или я сама приду за вами, или буду ждать вас у ворот. Тогда, не теряя минуты, не теряя секунды, мы убежим. Да, убежим тотчас, я не хочу ждать. Этот проклятый город пугает меня! Сегодня еще я успела спасти вас, но завтра, может быть, новое несчастье отнимет вас у меня...

– Знаете ли, Клара, вы принесли мне слишком много счастья разом! Да, да, слишком много счастья, я умру от радости...

– Так становитесь по-прежнему беспечным, по-прежнему веселым...

– Так и вы, Клара, будьте веселее.

– Вы видите, я смеюсь...

– А этот вздох?

– О том несчастном, который жизнью своею платит за наше счастье.

– Да, да, вы правы. О, почему не можем мы бежать теперь же? Ах, добрый мой гений-хранитель, взмахни крыльями и улети вместе со мною.

– Потерпите, завтра мы улетим... Куда? Я и сама не знаю. Может быть, в рай нашей любви. А до тех пор радуйтесь, что я здесь.

Каноль обнял ее и прижал к груди. Она обвила его шею руками и с волнением приникла к его сердцу, которое едва билось.

Вдруг во второй раз, несмотря на все свое счастье, Клара зарыдала и оросила слезами лицо Каноль, который нагнулся к ней.

– Так вот как вы веселы, Клара?

– Это остаток прежнего горя, – отвечала она.

Дверь отворилась и знакомый нам офицер объявил, что прошло полчаса

– время, назначенное пропуском, подписанным принцессою.

– Прощай, – прошептал Каноль, – или прикрой меня плащом и уведи отсюда.

– Бедный друг, – отвечала она вполголоса, – молчи, потому что слова твои мучат меня! Разве ты не видишь, что и я желаю того же? Имей терпение за себя, имей терпение особенно за меня. Через несколько часов мы соединимся и уже никогда не расстанемся.

– У меня есть терпение, – сказал весело Каноль, успокоенный ее обещаниями. – Но надобно расстаться... Мужайся!.. Надобно сказать прости... Прости же, Клара!

– Прости, – сказала она, стараясь улыбнуться, – прос...

Но она не могла выговорить рокового слова: в третий раз она зарыдала.

– Прости! Прости! – вскричал Каноль, целуя виконтессу. – Еще раз прости!

– Черт возьми! – сказал офицер. – Хорошо, что я все знаю, а то эта сцена тронула бы меня.

Офицер проводил Клару до дверей и воротился.

– Теперь, – сказал он Каноль, который от волнения опустил в кресло, – мало быть счастливым, надо еще быть сострадательным. Ваш сосед, ваш несчастный товарищ, который должен умереть, сидит один: никто не покровительствует ему, никто его не утешает. Он хочет видеть вас. Я решился исполнить его просьбу, но надобно, чтобы и вы согласились на нее.

– Очень рад, очень рад! – отвечал Каноль. – Бедняжка! Я жду его, готов принять его с распростертыми объятиями. Я вовсе не знаю его, но все равно.

– Однако же он, кажется, знает вас.

– Он знает свою участь?

– Кажется, нет. Вы понимаете, не надо и говорить ему.

– О, будьте спокойны...

– Так слушайте же: скоро пробьет одиннадцать часов, и я вернусь на гауптвахту. С одиннадцати часов одни тюремщики начальствуют здесь и распоряжаются, как полные хозяева. Я предупредил вашего сторожа, он знает, что вас посетит ваш товарищ. Он придет за ним, когда надобно будет отвести его в тюрьму. Если арестант ничего не знает, не говорите ему ничего, если же он

знает, то скажите ему, что мы, солдаты, от души жалеем о нем. Умереть-то ничего не значит, но быть повешенным все равно, что умереть два раза.

– Так решено, что он умрет?

– Такою же смертью, как Ришон. Это мщение полное. Но мы толкуем, а он, вероятно, с трепетом ожидает вашего ответа.

– Так ступайте за ним, милостивый государь, и будьте уверены, что я вам очень благодарен и за себя, и за него.

Офицер вышел и отворил дверь соседней комнаты.

К Канолю явился Ковиньяк, несколько бледный, но все еще развязный и гордый.

Тут офицер в последний раз поклонился Канолю, с состраданием взглянул на Ковиньяка и, выходя, увел с собою своих солдат, которых тяжелые шаги долго раздавались под сводами.

Скоро тюремщик начал обход. Слышно было, как ключи его стучали в коридоре.

Ковиньяк не казался убитым, потому что в этом человеке была удивительная вера в самого себя, неистощимая надежда на будущее. Однако же под его наружное спокойствие и под его маску, почти веселую, забралось страшное горе и грызло ему сердце. Эта скептическая душа, всегда во всем сомневавшаяся, наконец начинала сомневаться в самом сомнении...

Со смерти Ришона Ковиньяк не ел, не пил.

Привыкнув смеяться над чужим горем, потому что свое он встречал весело, наш философ не смел, однако же, шутить с событием, которое влекло за собою такие страшные результаты. Во всех таинственных обстоятельствах, которые заставляли его платить за смерть Ришона, он видел перст Провидения и начинал верить, что дурные поступки всегда наказываются.

Он покорился судьбе и размышлял о своей участи, но, покорясь судьбе, он все-таки, как мы уже сказали, не мог ни есть, ни пить.

И – странное дело – его не столько поражала его собственная смерть, сколько смерть соседа, который ждал приговора или смерти без приговора. Все это опять наводило его на мысль о Ришоне, о привидении-мстителе и о двойной катастрофе, происходившей оттого, что сначала казалось ему приятною шуткой.

Прежде всего он решился бежать. Он сдался под честное слово, но так как не сдержали обещаний, посадив его в тюрьму, то он думал, что имеет право тоже не сдержать своего слова. Но, несмотря на присутствие духа и свою изобретательность, он скоро понял, что ему бежать невозможно. Тут-то он еще более убедился, что попал в когти неумолимого рока. С этой минуты он просил об одном: чтобы позволили ему переговорить с его товарищем, которого имя возбудило в нем неожиданное удивление. В лице его он хотел примириться с человечеством, которое несколько раз так жестоко оскорблял.

Не смеем утверждать, что эти мысли родились в нем от угрызения совести. Ковиньяк был такой философ, что совесть не могла терзать его; но в нем было что-то похожее на угрызения совести, то есть чрезвычайная досада, что он сделал злое дело без всякой пользы. Со временем и если бы обстоятельства удержали Ковиньяка в этом расположении духа, это чувство может быть имело бы все результаты угрызений совести, но времени не доставало.

Ковиньяк, войдя в комнату Каноля, с обыкновенною своею осторожностью ждал, чтобы офицер вышел. Потом, видя, что дверь плотно заперта, подошел к барону, двинувшемуся навстречу к нему, и ласково пожал ему руку.

Несмотря на печальную встречу, Ковиньяк не мог не улыбнуться, узнав молодого красавца, которого он заставлял два раза в совершенно ином положении. В первый раз – когда отправил его с поручением в Нант, а во второй – когда увез его в Сен-Жорж. Кроме того, он помнил, как барон занял его имя и как обманули герцога д'Эпернона в то время. И как не скучна была тюрьма, воспоминание казалось таким веселым, что прошедшее на секунду одержало верх над настоящим.

С другой стороны, Каноль тотчас вспомнил, что имел случай два раза видеть Ковиньяка. В обоих случаях Ковиньяк являлся вестником бодрых новостей, и потому барон почувствовал еще более сострадания к несчастному, думая, что смерть Ковиньяка неизбежна только потому, что хотят обеспечить счастье Каноля.

В благородной душе Каноля такая мысль возбуждала более угрызений совести, чем настоя-

щее преступление возбудило бы их в душе его товарища.

Поэтому барон принял его очень ласково.

– Что, барон, – спросил Ковиньяк, – что скажете вы о положении, в котором мы находимся? Оно, кажется мне, не совсем приятно?

– Да, мы в тюрьме, и Бог знает, когда вырвемся из нее, – отвечал Каноль, стараясь усладить надеждою последние минуты товарища.

– Когда мы вырвемся! – повторил Ковиньяк. – Дай-то Бог, чтобы мы вырвались как можно скорее, но я не думаю, чтобы это случилось скоро. Я видел из своей тюрьмы, как и вы могли видеть из вашей, что буйная толпа бежала в ту сторону, к эспланаде... Вы знаете эспланаду, любезный барон, знаете, что там бывает?

– Вы видите все это в слишком темном свете, мне кажется. Да, толпа бежала на эспланаду, но там, верно, производилось какое-нибудь военное наказание. Помилуйте! Не может быть, чтобы нас заставили платить за смерть Ришона! Это было бы ужасно: ведь мы оба невинны в его смерти.

Ковиньяк вздрогнул и уставил на Каноль взгляд, в котором прежде выразился ужас, а потом непритворное сострадание.

«Вот, – подумал он, – вот еще один, который вовсе не понимает своего положения. Надобно, однако же, сказать ему, в чем дело. Зачем обманывать его надеждою, ведь от этого удар покажется ему еще ужаснее. Если успеешь приготовиться, так падение не так страшно».

Потом, помолчав и подумав несколько времени, он сказал Каноль, взяв его за обе руки и не спуская с него глаз:

– Милостивый государь, спросим-ка бутылку или две этого чудесного бронского вина, знаете? Ах! Я попил бы его, если бы подольше остался комендантом. Признаюсь вам, страсть моя к этому вину заставила меня выпросить комендантское место в этой крепости. Бог наказывает меня за жадность.

– Пожалуй, – отвечал Каноль.

– Да, я вам все расскажу за бутылкой, и если новость будет неприятна, так вино будет хорошо, и одно прогонит другое.

Каноль постучал в дверь, но ему не отвечали, он принялся стучать еще сильнее, и через минуту ребенок, игравший в коридоре, подошел к арестанту.

– Что вам угодно?

– Вина, – отвечал Каноль, – вели отцу твоему принести нам две бутылки.

Мальчик ушел и потом через несколько секунд воротился.

– Отец мой, – сказал он, – теперь занят и разговаривает с каким-то господином. Он сейчас придет.

– Позвольте, – сказал Ковиньяк Каноль, – позвольте мне предложить мальчику один вопрос.

– Извольте.

– Друг мой, – сказал Ковиньяк самым ласковым голосом, – с кем разговаривает твой отец?

– С высоким мужчиной.

– Мальчик очень мил, – сказал Ковиньяк Каноль. – Погодите, мы что-нибудь узнаем.

– А как одет этот господин?

– Весь в черном.

– Черт возьми! Весь в черном, слышите! А как зовут этого высокого черного господина? Не знаешь ли его имени, миленький друг наш?

– Господин Лави.

– Ага, это королевский адвокат, – сказал Ковиньяк, – кажется, от него мы не можем ожидать ничего дурного. Пусть их разговаривают, мы тоже потолкуем.

Ковиньяк подсунул под дверь луидор и сказал мальчишке:

– Вот тебе, дружок, купи игрушек... Надобно везде создавать себе друзей! – прибавил он, приподнимаясь.

Мальчик с радостью взял луидор и поблагодарил арестантов.

– Что же? – спросил Каноль. – Вы говорили мне...

– Да, я говорил... Мне кажется, вы очень ошибаетесь насчет участи, которая ожидает нас

при выходе из тюрьмы. Вы говорите об эспланаде, о военном наказании, и Бог знает о чем, а мне кажется, что дело именно о нас и о чем-нибудь поважнее обыкновенного военного наказания.

– Не может быть!

– Вы смотрите на дело с такой темной точки, как я. Это, может быть, потому, что вы не столько должны бояться, сколько я. Впрочем, ваше положение не очень блистательно, верьте мне; но оно не имеет никакого влияния на мое, а мое, – я должен признаться, потому что убежден в этом, – а мое чертовски плохо. Знаете ли, кто я?

– Вот престранный вопрос! Вы капитан Ковиньяк, комендант Брона, не так ли?

– Да, так в эту минуту. Но я не всегда носил это имя, не всегда занимал эту должность. Я часто менял имена, пробовал различные должности. Например, один раз я называл себя бароном Канолем, ни дать ни взять, как вы...

Каноль пристально посмотрел на Ковиньяка.

– Да, – продолжал Ковиньяк, – я понимаю вас: вы думаете, что я сумасшедший, не так ли? Успокойтесь, я в полном рассудке и никогда еще не было во мне столько здравого смысла.

– Так объяснитесь, – сказал Каноль.

– Это очень легко. Герцог д'Эпернон... Вы знаете герцога д'Эпернона?

– Только по имени, я никогда не видал его.

– И это мое счастье. Герцог д'Эпернон встретил меня один раз у одной дамы, которая принимала вас особенно милостиво (я это знал), и я решился занять у вас ваше имя.

– Что хотите вы сказать?

– Потихе, потихе! Уж не хотите ли ревновать к этой женщине в ту минуту, как женитесь на другой? Впрочем, если бы вы даже вздумали ревновать, что в натуре человека, который решительно прескверное животное, вы сейчас простите мне. Я так близок к вам, что мы не можем ссориться.

– Я ни слова не понимаю из всего, что вы говорите мне.

– Говорю, что имею право, чтобы вы обращались со мною, как с братом.

– Вы говорите загадками, и я все-таки не понимаю.

– Извольте, из одного слова вы все поймете. Мое настоящее имя – Ролан Лартиг. Нанона сестра мне.

Каноль тотчас перешел от недоверчивости к самой дружеской откровенности.

– Вы брат Наноны! – вскричал он. – Ах, бедняжка.

– Да, да, именно бедняжка! – продолжал Ковиньяк. – Вы произнесли именно настоящее слово, положили палец именно на рану: кроме тысячи неприятностей, которые непременно откроются из следствия обо мне, я имею еще неприятность называться Роланом де Лартигом и быть братом Наноны. Вы знаете, что жители Бордо не очень жалуют мою прелестную сестрицу. Если узнают, что я брат Наноны, так я тройне погиб, а ведь здесь есть Ларошфуко и Лене, которые все знают.

– Ах, – сказал Каноль, возвращенный этими словами к воспоминанию о прежнем, – теперь понимаю, почему бедная Нанона в одном письме называла меня братом... Милая подруга!

– Да, вы правы, – отвечал Ковиньяк, – и я жалею, что не всегда следовал ее наставлениям, но что делать? Нельзя же угадывать будущее?

– А что с нею теперь? – спросил Каноль.

– Кто это знает? Бедняжка! Она, верно, в отчаянии – не обо мне, она даже не знает, что я в плену, – а о вас. Она знает вашу участь, может быть!

– Успокойтесь, – сказал Каноль, – Лене не скажет, что вы брат Наноны. Герцогу де Ларошфуко, с другой стороны, нет причины гнать вас. Стало быть, никто ничего не узнает.

– Если не узнают этого, так, верьте мне, узнают что-нибудь другое. Узнают, например, что я дал бланк, и что за этот бланк... Ну, постараемся забыть все это, если можно! Как жаль, что не несут вина! – продолжал он, оборачиваясь к двери. – Вино лучше всех других средств заставляет забывать...

– Крепитесь! Мужайтесь! – сказал ему Каноль.

– Неужели вы думаете, что я трушу? Вы увидите меня в роковую минуту, когда мы пойдем гулять на эспланаду. Одно только беспокоит меня: что с нами сделают? Расстреляют, или обезгла-

вят, или повесят?

– Повесят! – вскричал Каноль. – Да ведь мы дворяне! Нет, они не нанесут такого оскорбления дворянству.

– Ну, увидите, что они станут еще спорить о моем происхождении. А потом еще...

– Что такое?

– Кого из нас казнят прежде?

– Но, любезный друг, – сказал Каноль, – не думайте же о таких вещах!.. Смерть эта, которая так занимает вас, дело очень неверное: нельзя судить, решить дело и казнить в одну и ту же ночь.

– Послушайте, – возразил Ковиньяк, – я был там, когда судили бедного Ришона. – Господь да спасет его душу! И что же? Допрос, суд, казнь – все это продолжалось часа четыре. Положим, что здесь не так деятельны, потому что Анна Австрийская – королева Франции, а принцесса Конде только принцесса крови. Все-таки нам достанется не более пяти часов. Вот уже прошло часа три, как нас арестовали, уже прошло часа два, как мы являлись к судьям. По этому счету нам остается жить еще час или два. Немного!

– Во всяком случае, – заметил Каноль, – подождут зари для нашей казни.

– О, на это нельзя надеяться. Казнь при свете факелов прекрасное зрелище. Она стоит несколько дороже, правда, но принцесса Конде очень нуждается теперь в жителях Бордо и потому, может быть, решится на эту издержку.

– Тише, – сказал Каноль, – я слышу шаги.

– Черт возьми! – прошептал Ковиньяк, побледнев.

– Это вероятно, несут нам вино, – сказал Каноль.

– Правда, – отвечал Ковиньяк, уставив на дверь взгляд более чем пристальный, – если тюремщик войдет с бутылками, так дело идет хорошо, но если напротив...

Дверь отворилась.

Тюремщик вошел без бутылок.

Ковиньяк и Каноль обменялись многозначительными взглядами, но тюремщик и не заметил их. Он, казалось, очень спешил. В тюрьме было так темно...

Он вошел и затворил за собою дверь.

Потом подошел к арестантам, вынул из кармана бумагу и спросил:

– Который из вас барон Каноль?

– Черт возьми! – прошептали оба арестанта в одно время и опять обменялись взглядами.

Однако же Каноль не решался отвечать, да и Ковиньяк тоже: первый слишком долго носил это имя и не мог сомневаться, что дело касается до него; другой носил его недолго, но боялся, что ему напомнят об этом имени. Каноль понял, что надобно отвечать.

– Я Каноль, – сказал он.

Тюремщик подошел к нему.

– Вы были комендантом?

– Да.

– Но и я тоже был комендантом, и я тоже назывался Канолем, – сказал Ковиньяк. – Надо объясниться как следует, чтобы не вышло ошибки. Довольно уже и того, что из-за меня умер бедный Ришон, не хочу быть причиною смерти другого.

– Так вы называетесь теперь Канолем? – спросил тюремщик у Каноля.

– Да.

– Так вы назывались прежде Канолем? – спросил тюремщик у Ковиньяка.

– Да, – отвечал он, – давно, один только день, – начинаю думать, что сделал тогда страшную глупость.

– Вы оба коменданты?

– Да, – отвечали они оба вдруг.

– Теперь последний вопрос. Он все объяснит.

Оба арестанта слушали с величайшим вниманием.

– Который из вас двоих, – спросил тюремщик, – брат госпожи Наноны де Лартиг?

Тут Ковиньяк сделал гримасу, которая показалась бы смешною не в такую торжественную

минуту.

– А что я говорил вам? – сказал он Канолью. – А что я говорил вам, друг мой? Вот с чем они нападают на меня!

Потом он повернулся к тюремщику и прибавил:

– А если бы я был брат Наноны де Лартиг, что сказали бы вы мне, друг мой?

– Сказал бы, идите за мною сейчас же.

– Черт возьми! – прошептал Ковиньяк.

– Но она тоже называла меня своим братом, – сказал Каноль, стараясь отвлечь бурю, которая собиралась над головою его товарища.

– Позвольте, позвольте, – сказал Ковиньяк, отводя Канолья в сторону, – позвольте, было бы несправедливо называть вас братом Наноны в таких обстоятельствах. До сих пор другие довольно поплатились за меня, пора и мне расквитываться.

– Что хотите вы сказать? – спросил Каноль.

– О, объяснение было бы слишком длинно; притом, вы видите, тюремщик наш начинает сердиться и стучит ногою... Хорошо, хорошо, друг мой, я сейчас пойду за вами... Так прощайте же, добрый мой товарищ, – прибавил Ковиньяк, – вот, по крайней мере, одно из моих сомнений разрешено: меня уведут первого. Дай Бог, чтобы вы пошли за мною как можно позже! Теперь остается только узнать род смерти. Черт возьми! Только бы не виселица... Иду! Как вы спешите, почтенный... Прощайте, мой добрый брат, мой добрый зять, мой добрый товарищ, мой добрый друг! Прощайте навсегда!

Ковиньяк подошел к Канолью и протянул руку.

Каноль взял ее и нежно сжал.

В это время Ковиньяк смотрел на него чрезвычайно странно.

– Что вам угодно? – спросил Каноль. – Не хотите ли попросить о чем-нибудь?

– Да.

– Так говорите смело.

– Молитесь ли вы иногда? – спросил Ковиньяк.

– Часто, – отвечал Каноль.

– Так помолитесь и за меня.

Ковиньяк повернулся к тюремщику, который все более и более спешил и сердился, и сказал ему:

– Я брат Наноны де Лартиг, пойдемте, друг мой...

Тюремщик не заставил повторить и поспешно увел Ковиньяка, который из дверей еще раз кивнул своему товарищу.

Потом дверь затворилась, шаги их удалились по коридору, и воцарилось молчание, которое показалось оставшемуся пленнику молчанием смерти.

Каноль предался тоске, похожей на ужас. Это похищение человека, ночью, без шума, без свидетелей, без стражи, казалось страшнее всех приготовлений к казни, исполняемой днем. Однако же Каноль ужасался только за своего товарища. Он так верил виконтессе де Канб, что уже не боялся за себя, после того, как она объявила ему роковую новость.

Одно занимало его в эту минуту: он думал только об участи своего товарища. Тут вспомнил он о последней просьбе Ковиньяка.

Он стал на колени и начал молиться.

Через несколько минут он встал, чувствуя, что утешился и укрепился, и ждал только появления виконтессы де Канб или помощи, ею обещанной.

Между тем Ковиньяк шел за тюремщиком по коридору, совершенно темному, не говорил ни слова и погрузился в тяжелые думы.

В конце коридора тюремщик запер дверь так же тщательно, как дверь тюрьмы Канолья, и, прислушиваясь к неясному шуму, вылетавшему из нижнего этажа, сказал:

– Поскорее, государь мой, поскорее!

– Я готов, – отвечал Ковиньяк довольно величественно.

– Не кричите так громко, а идите скорее, – сказал тюремщик и начал спускаться по лестнице,

которая вела в подземелье тюрьмы.

«Ого, не хотят ли задушить меня между двумя стенами или забросить в тайник? – подумал Ковиньяк. – Мне сказывали, что иногда от казненных выставляют только руки и ноги: так сделал Цезарь Боржиа с доном Рамиро д'Орко... Тюремщик здесь один, у него ключи за поясом. Ключами можно отпереть какую-нибудь дверь. Он мал, я высок, он тщедушен, я силен, он идет впереди, я иду позади. Очень легко удавить его, если захочется. Надобно ли?» И Ковиньяк, ответив себе, что надобно, протягивал длинные костлявые руки для исполнения своего намерения, как вдруг тюремщик повернулся в ужасе и спросил:

– Вы ничего не слышите?

– Решительно, – продолжал Ковиньяк, разговаривая сам с собою, – во всем этом есть что-то неясное. И все эти предосторожности, если они не успокаивают меня, должны очень меня беспокоить.

И потом вдруг остановился.

– Послушайте! Куда вы меня ведете?

– Разве не видите! – отвечал тюремщик. – В подвал!

– Боже мой, неужели меня похоронят живого?

Тюремщик пожал плечами, прошел по множеству коридоров и, дойдя до низенькой отсыревшей двери, отпер ее.

За нею слышался странный шум.

– Река! – вскричал Ковиньяк в испуге, увидав быстрые и черные воды.

– Да, река. Умеете вы плавать?

– Умею... нет... немножко... Но, черт возьми, зачем вы спрашиваете меня об этом?

– Если вы не умеете плавать, так нам придется ждать лодку, которая стоит вон там. Значит, мы потеряем четверть часа, да притом могут слышать, когда я подам сигнал, и, пожалуй, поймут нас.

– Поймают нас! – вскричал Ковиньяк. – Стало быть, мы бежим?

– Да, разумеется, мы бежим!

– Куда?

– Куда вздумаем.

– Стало быть, я свободен?

– Как воздух.

– Ах, Боже мой! – вскричал Ковиньяк.

И, не прибавив ни слова к этому красноречивому восклицанию, не оглядываясь, не справляясь, следует ли за ним его проводник, он бросился в воду и быстро нырнул, как рыба, которую преследуют. Тюремщик последовал его примеру, и оба они несколько минут боролись с течением реки и, наконец, увидели лодку.

Тюремщик свистнул три раза, гребцы, услышав условленный свист, поспешили к ним навстречу, взяли их в лодку и, не сказав ни одного слова, принялись усердно грести и через пять минут перевезли их на противоположный берег.

– Уф! – прошептал Ковиньяк, не сказавший еще ни слова с той минуты, как бросился в воду. – Я, стало быть, спасен. Добрый, незабвенный мой тюремщик, Господь Бог наградит вас!

– Да я уже довольно награжден, – отвечал тюремщик, – я получил уже сорок тысяч франков. Они помогут мне ждать небесного награждения терпеливо.

– Сорок тысяч франков! – вскричал Ковиньяк в изумлении. – Какой черт мог для меня истратить сорок тысяч франков?

Часть четвертая. Аббатство Пейсак

I

Скажем пару слов в объяснение всего происходящего, а затем будем продолжать рассказ.

Притом же, пора вернуться к Наноне де Лартиг, которая, увидев последние судороги Ришона, вскрикнула и упала в обморок.

Однако же, как мы уже видели, Нанона была женщина не слабая. Несмотря на свое нежное тело и на свои маленькие ручки и ножки, она перенесла продолжительные страдания, вынесла много трудов, преодолела много опасностей. Душа ее вместе и любящая и сильная, умела покоряться обстоятельствам и поднималась выше прежнего каждый раз, как рок давал ей пощаду.

Герцог д'Эпернон, знавший ее или, лучше сказать, воображавший, что знает ее, удивился, увидав, что она так сильно поражена при виде физической боли – она, которая во время пожара дворца его в Ажане едва не сгорела живая, не испустив ни одного крика, чтобы не доставить удовольствия врагам своим, которые приготовили огненную казнь фаворитке ненавистного губернатора, она, которая во время этого пожара, не поморщившись, видела, как убили двух ее служанок вместо нее!..

Нанона пролежала без чувств почти два часа. Обморок кончился страшным нервическим припадком, в продолжение которого она не могла говорить и только кричала. Даже сама королева, посылавшая к ней нескольких гонцов, удостоила посетить ее лично, а кардинал Мазарини, только что приехавший, захотел сесть у ее постели и готовить ей лекарство: это была его слабость.

Нанона пришла в себя поздно ночью. Несколько времени старалась она собрать мысли. Наконец, схватившись обеими руками за голову, она закричала в отчаянии:

– Я погибла! Они убили его!

По счастью, слова эти были так странны, что присутствовавшие могли почесть их бредом. Они так и сделали.

Однако же эти слова не были забыты, и когда утром герцог д'Эпернон вернулся из экспедиции, которая удаляла его из Либуерна, то узнал разом и про обморок Наноны и про слова, которые она сказала, когда пришла в себя. Герцог знал ее пылкую душу, он понял, что тут есть что-то по более бреда. Поэтому он поспешил к Наноне, воспользовался первою минутою, когда они остались одни, и сказал:

– Милая Нанона, я знаю, сколько вы страдали от смерти Ришона. Неосторожные! Они повесили его перед вашими окошками.

– Да, – вскричала Нанона, – это гнусное злодейство!

– В другой раз будьте спокойны, – отвечал герцог. – Теперь я знаю, какое впечатление производят на вас казни, и прикажу вешать бунтовщиков на другой площади. Но про кого же говорили вы, утверждая, что погибаете с его смертью? Верно, не о Ришоне, потому что он для вас ровно ничего не значит, вы даже не знали его.

– Ах, это вы, герцог? – сказала Нанона, приподнимаясь и схватывая руку герцога.

– Да, это я, и очень радуюсь, что вы узнали меня. Это доказывает, что вам гораздо лучше. Но о ком говорили вы?

– О нем, герцог, о нем! – сказала Нанона несколько в бреду. – Вы убили его! О несчастный!

– Милая Нанона, вы пугаете меня! Что значат ваши слова?

– Говорю, что вы убили его. Разве вы не понимаете?

– Нет, милая Нанона, я не убивал его, – отвечал герцог, стараясь подделаться под ее бред и заставить ее говорить, – как мог я убить его, когда его не знаю?

– Да разве вы не знаете, что он в плену, что он капитан, что он комендант, что он совершенно равен бедному Ришону, и что жители Бордо выместят на нем за убийство Ришона? Как ни прикрывайтесь судом, герцог, а смерть Ришона все-таки убийство.

Герцог, пораженный ее словами и молнией ее глаз, побледнел и отступил.

– Правда! Правда! – закричал он, ударив себя по лбу. – Бедный Каноль! Я совсем забыл о нем.

– Бедный брат мой! Несчастный брат! – вскричала Нанона, радуясь, что может наконец высказать душу, называя любовника своего тем именем, под которым герцог д'Эпернон знал его.

– Черт возьми, вы совершенно правы, а я просто дурак, – сказал герцог. – Как мог я забыть бедного нашего друга? Но время еще не потеряно, теперь еще не знают в Бордо про смерть Ришона. Надобно собрать суд, судить... Притом же, они не вдруг решатся.

– А разве королева не вдруг решилась? – спросила Нанона.

– Но королева все-таки королева, она располагает жизнью и смертью. А они – только бунтовщики.

– Поэтому они будут шадить еще менее, – возразила Нанона, – но говорите, что сделаете вы?

– Еще сам не знаю, но положитесь на меня.

– О, – сказала Нанона, стараясь приподняться, – он не умрет, я даже отдам себя жителям Бордо, если это будет нужно.

– Успокойтесь, милая Нанона, это дело мое. Я виноват, я и поправлю дело, клянусь честью дворянина! В Бордо у королевы есть еще друзья, стало быть, вам нечего беспокоиться.

Герцог не обманывал ее, обещание его вылетело прямо из души его.

Нанона прочла в глазах его, что он убежден в своих словах, откровенен и хочет сдержать обещание. Тут она так обрадовалась, что схватила герцога за руку и, с жаром поцеловав ее, закричала:

– О, герцог! Если вы успеете спасти его, как я буду любить вас!

Герцог прослезился: в первый раз Нанона говорила с ним с таким увлечением и подавала ему такую надежду.

Он тотчас вышел, еще раз уверив Нанону, что ей нечего бояться. Потом позвал самого верного и ловкого своего слугу, приказал ему отправиться в Бордо, пробраться в город, если бы даже для этого пришлось ему перелезть через стену, и передать генерал-адвокату Лави следующую записку, которая вся была писана рукою герцога:

«Всячески постараться, чтобы ничего дурного не случилось с комендантом Канолем, находившимся в службе его величества.

Если он арестован, как мы предполагаем, освободить его всеми возможными средствами, подкупить тюремщиков и дать им столько золота, сколько они попросят, дать им сто тысяч экю, даже миллион, если нужно, и кроме того, дать слово от имени герцога д'Эпернона, что их непременно назначат тюремщиками в одну из королевских крепостей.

Если нельзя подкупом спасти его, так попробовать силу и ни перед чем не останавливаться: насилие, поджог, убийство – все будет прощено.

Приметы его:

Рост высокий, глаза черные, нос орлиный. В случае сомнения спросить: Вы ли брат Наноны? Действуйте как можно скорее: нельзя даже терять минуты».

Посланный отправился. Через три часа он был уже в Бордо. Он вошел на ферму, надел блузу простого земледельца и въехал в город с кулями муки.

Лави получил письмо через четверть часа после окончания военного совета. Он проник в крепость, переговорил с главным тюремщиком. Предложил ему двадцать тысяч ливров, тот отказал; предложил ему тридцать, тот опять отказал; наконец, предложил сорок тысяч, тот согласился.

Читатель знает, каким образом Ковиньяк занял место Каноля и получил свободу, к величайшему своему удивлению.

Ковиньяка повезли на лихом коне в село Сен-Лубес, которое принадлежало эпернонистам. Тут нашли нового посланного, который прискакал на лошади самого герцога.

– Спасен ли он? – спросил посланный у начальника конвоя, провожавшего Ковиньяка.

– Да, – отвечал тот, – мы везем его.

Только этого и хотел посланный. Он повернул лошадь и исчез, как молния, по дороге в Либурн. Через полтора часа измученная лошадь упала у городских ворот, а всадник свалился к ногам герцога, который с нетерпением ждал слова «да».

Посланный, полуразбитый, имел еще силы произнести это «да», стоившее так дорого. Герцог тотчас бросился к Наноне, которая лежала на постели бледная, в слезах и бессмысленно смотрела на дверь, окруженную лакеями.

– Да, – вскричал герцог д'Эпернон, – да, он спасен, милая Нанона! Он сейчас приедет, и вы обнимете его!

Нанона от радости вскочила на постели: эти слова сняли с ее груди целую гору. Она подняла обе руки к небу и, зарывав от этого неожиданного счастья, вскричала с выражением, которого

нельзя описать:

– Боже мой! Благодарю тебя!

Потом, опустив глаза от неба к земле, она увидела герцога д'Эпернона, который был так счастлив ее счастьем, что, по-видимому, не менее ее принимал участие в несчастном пленнике.

Тут только пришла Наноне в голову затруднительная мысль. Каким образом будет награжден герцог за свою доброту, за свои старания, когда увидит постороннего человека под именем ее брата? Когда узнает обман преступной любви вместо чистого чувства братской любви?

Ответ Наноны на эту ее мысль был короткий.

«Ничего, – подумала эта женщина, готовая на самопожертвование, – я не стану долее обманывать его, все скажу ему. Он прогонит меня, станет проклинать меня, тогда я брошусь к его ногам и поблагодарю за все, что он сделал для меня в последние три года. Потом выйду отсюда, бедная, униженная, но счастливая и богатая: богатая моей любовью и счастливая будущей моею жизнью».

В то время, как Нанона мечтала об этом самопожертвовании, в котором честолюбие исчезло перед любовью, слуги расступились, и мужчина вбежал в комнату, где лежала Нанона.

Он вскричал:

– Сестра моя! Милая сестра моя!

Нанона приподнялась на постели, открыла испуганные глаза, побледнела, как подушка, лежавшая под ее головою, упала на постель, как пораженная громом, и прошептала:

– Ковиньяк! Боже мой! Ковиньяк!

– Ковиньяк! – повторил изумленный герцог, глаза которого тщетно искали того, к кому относится это имя. – Ковиньяк! Кто здесь называется Ковиньяком?

Ковиньяк вовсе не спешил отвечать, он был еще не совершенно спасен и не мог позволить себе полной откровенности, которая даже при обыкновенных обстоятельствах жизни была ему свойственна. Он понял, что ответом своим может погубить сестру, а погубив сестру, он сам погибнет непременно. Несмотря на всю свою изобретательность, он смутился и предоставил Наноне право говорить, решившись только поправлять ее слова.

– А Каноль? – вскричала она с бешеным упреком и пристально вглядываясь в Ковиньяка.

Герцог нахмурил брови и начинал грызть усы. Присутствовавшие, кроме Финетты, которая была очень бледна, и Ковиньяка, который всячески старался не побледнеть, не понимали, что значит этот неожиданный гнев, и с изумлением смотрели друг на друга.

– Бедная сестра моя, – прошептал Ковиньяк на ухо герцогу, – она так испугалась за меня, что теперь бредит и не узнает меня.

– Мне должен ты отвечать! – вскричала Нанона. – Мне отвечай. Где Каноль? Что с ним? Да отвечай же, отвечай скорее!

Ковиньяк тотчас принял отчаянное намерение. Надобно было играть на квит и не изменять бесстыдству. Искать спасения в откровенности, сказать герцогу д'Эпернону о настоящем Каноле, которому Ковиньяк покровительствовал, и о настоящем Ковиньяке, который вербовал солдат против королевы и потом ей же самой продал их, – значило желать висеть под одной перекладной с Ришоном. Поэтому он подошел к герцогу д'Эпернону и со слезами на глазах сказал:

– Это уже не бред, а сумасшествие. Горе, как вы изволите видеть, довело ее до того, что она не узнает даже самых близких родных. Один только я могу привести ее в чувство. Сделайте милость, прикажите удалиться всем лакеям, кроме Финетты, которая должна остаться здесь и ухаживать за сестрою, если будет нужно. Верно, вам, как и мне, будет прискорбно видеть, как посторонние станут смеяться над бедною моею сестрою?

Может быть, герцог не сдался бы на эту просьбу, потому что при всей своей доверчивости он начинал не доверять Ковиньяку, но в это время явился посланный от королевы и доложил, что герцога ждут во дворце: кардинал Мазарини назначил экстраординарное заседание совета.

Пока посланный докладывал, Ковиньяк наклонился к Наноне и поспешно сказал ей:

– Ради Неба, успокойтесь, сестрица; переговорим наедине и все поправим.

Нанона опустила на постель и если не совершенно успокоилась, то по крайней мере овладела собою, потому что надежда, даже в самых малых приемах, всегда сильное лекарство от сер-

дечных страданий.

Что же касается герцога, то он решился до конца разыгрывать роль доверчивого, подошел к Наноне, поцеловал ей руку и сказал:

– Припадок прошел, милая моя, надеюсь. Оставляю вас с любимым вашим братом, потому что королева призывает меня. Верьте, что только одно приказание ее величества могло заставить меня расстаться с вами в такую минуту.

Нанона чувствовала, что изменит сама себе. Она не имела силы отвечать герцогу, только взглянула на Ковиньяка и пожала ему руку, как бы желая сказать: не обманули ль вы меня, брат? Точно ли я могу надеяться?

Ковиньяк отвечал ей тоже пожатием руки и, повернувшись к герцогу, сказал:

– Да, герцог, самый сильный припадок прошел, и сестра моя скоро убедится, что возле нее верный и преданный друг, готовый отважиться на все, чтобы возвратить ей свободу и счастье.

Нанона не могла удерживать слез и, несмотря на свою твердость, на присутствие духа, зарыдала. Горе так убило ее, что она стала обыкновенного женщиною, то есть слабою, нуждающеюся в слезах.

Герцог д'Эпернон вышел, покачивая головою и указывая глазами Ковиньяку на сестру его. Когда он вышел, Нанона вскричала:

– О, как страдала я при этом человеке! Если бы он остался здесь еще минуту, думаю, я бы умерла.

Ковиньяк махнул рукою в знак того, что надобно молчать. Потом он подошел к двери и прислушался, точно ли герцог ушел.

– О! Какое дело мне, слушает он или не слушает, – сказала Нанона,

– вы успокоили меня... Скажите, что вы хотите делать? На что надеетесь?

– Сестрица, – отвечал Ковиньяк с серьезным видом, вовсе ему несвойственным, – не смею утверждать, что дело непременно удастся мне, но повторяю то, что уже сказал: употреблю все усилия, чтобы устроить дело.

– Какое дело? – спросила Нанона. – На этот раз объяснимся подробнее, чтобы опять не было между нами какого-нибудь страшного недоразумения.

– Постараюсь спасти несчастного Каноля...

Нанона страшно уставила на него глаза.

– Он погиб! Не так ли?

– Ах, – отвечал Ковиньяк, – если вы требуете от меня откровенности, то я скажу, что положение его кажется мне очень плохим.

– И как он говорит это! – вскричала Нанона. – Знаешь ли, несчастный, что за меня этот человек...

– Знаю, что вы предпочитаете этого человека вашему брату, потому что хотели спасти его, а не меня, и когда увидели меня, то встретили проклятиями.

Нанона нетерпеливо махнула рукою.

– Впрочем, вы совершенно правы, – продолжал Ковиньяк, – и я говорю вам это не в упрек, а так только, для сведения. Положив руку на сердце, скажу вам: если бы мы оба сидели еще в крепости, и если бы я знал то, что теперь мне известно, я сказал бы ему: «Милостивый государь, вас Нанона назвала своим братом; не меня, а вас спрашивают». Он явился бы сюда вместо меня, а я умер бы вместо него.

– Так стало быть, он умрет! – вскричала Нанона с горестью, которая показывала, что в самые твердые умы мысль о смерти входит вместе со страхом и никогда не кажется достоверною. – Стало быть, он умрет!

– Сестрица, – отвечал Ковиньяк, – вот все, что я могу сказать вам, и на чем надобно основывать наши намерения. Теперь девять часов вечера, в продолжение двух часов, пока я ехал сюда, могло случиться много нового. Не отчаивайтесь, может быть, не случилось ровно ничего. Вот какая мысль пришла мне в голову.

– Говорите скорее.

– В одной миле от Бордо у меня сто человек солдат и мой лейтенант.

– Человек верный?

– Фергюзон.

– Так что же?

– Вот, сестрица, что ни говорил бы герцог Бульонский, что ни делал бы герцог де Ларошфуко, что ни думала бы принцесса, которая считает себя полководцем получше этих обоих, я убежден, что с сотнею человек, пожертвовав из них половину, я доберусь до Каноля.

– О нет! Вы ошибаетесь! Вы не проберетесь к нему! Это невозможно!

– Проберусь или меня убьют!

– Ах, ваша смерть покажет мне ваше желание спасти его... Но все-таки она не спасет его. Он погиб! Он погиб!

– А я говорю вам, что нет, если бы даже пришлось мне отдать себя за него! – вскричал Ковиньяк в порыве великодушия, которое удивило его самого.

– Вы жертвуете собой!

– Да, разумеется. Ни у кого нет причины ненавидеть этого доброго Каноля, и все его любят. Меня, напротив, все не терпят.

– Вас не терпят! За что?

– За что? Это очень просто: за то, что я имею честь быть связанным с вами кровными узами.

Извините, сестрица, но эти слова мои должны быть чрезвычайно лестны для отчаянной роалистки.

– Постойте, – сказала Нанона медленно, прикладывая палец к губам.

– Я слушаю.

– Вы говорите, что жители Бордо ненавидят меня?

– Как нельзя больше.

– В самом деле! – прошептала Нанона с полузадумчивою, полувеселою улыбкою.

– Я не думал, что эта правда будет вам так приятна.

– Правда! Правда!.. Да, – продолжала она, разговаривая сама с собой более, чем с братом, – ненавидят не Каноля и не вас. Погодите! Погодите!

Она встала, накинула на белые, пылавшие плечи шелковую мантилью, села к столу и поспешно написала несколько строк. Ковиньяк, видя, как горел ее лоб и поднималась грудь, понял, что она пишет о чрезвычайно важных делах.

– Возьмите это письмо, – сказала она, запечатывая бумагу, – отправляйтесь в Бордо одни, без солдат и без конвоя. У нас на конюшне есть скакун, который доведет вас туда через час. Скачите, как человек может скакать. Отдайте это письмо принцессе Конде. И Каноль будет спасен.

Ковиньяк с удивлением взглянул на сестру, но он знал всю твердость ее прямого ума и потому не терял времени на объяснение ее фраз: он побежал на конюшню, вскочил на указанную лошадь и через полчаса проскакал уже половину пути. В ту минуту, когда он уезжал, Нанона на коленях прочла коротенькую молитву, заперла в ларчик свое золото, драгоценности и бриллианты, приказала заложить карету, а Финетте велела подать себе лучшие свои платья.

II

Ночь спускалась на Бордо, город казался пустыней, кроме эспланады, к которой все спешили. В отдаленных от того места улицах слышались только шаги патрулей или голоса старух, которые, возвращаясь домой, со страхом запирали за собой двери.

Но около эспланады, в вечернем тумане, слышался гул, глухой и непрерывный, подобный шуму моря во время отлива.

Принцесса только окончила свои письма и приказала сказать герцогу де Ларошфуко, что может принять его.

У ног принцессы, на ковре, смиренно сидела виконтесса де Канб и, изучая со страхом ее лицо и расположение духа, ждала времени, когда можно будет начать разговор, не помешав принцессе.

Но терпение и спокойствие Клары были притворные, потому что она мяла и рвала свой платок.

- Семьдесят семь бумаг подписала! – сказала принцесса. – Вы видите, Клара, не всегда приятно выдавать себя за королеву.
- Отчего же? – возразила виконтесса. – Заняв место королевы, вы приняли на себя и лучшее ее право: миловать!
- И право наказывать, – гордо прибавила принцесса Конде, – потому что одна из этих семидесяти семи бумаг – смертный приговор.
- А семьдесят восьмая бумага будет акт помилования, не так ли, ваше высочество? – сказала Клара умоляющим голосом.
- Что ты говоришь?
- Я говорю, что уже, кажется, пора мне освободить моего пленника. Неужели вам не угодно, чтобы я избавила его от страшного мучения: видеть, как поведут его товарища на казнь! Ах, ваше высочество, если вам угодно миловать, так прощайте вполне и безусловно!
- Ты совершенно права, – сказала принцесса. – Но уверяю тебя, я совсем забыла свое обещание, занявшись важными делами. Ты прекрасно сделала, что напомнила мне о нем.
- Стало быть... – начала Клара в восторге.
- Делай, что хочешь.
- Так напишите еще одну бумагу, ваше высочество, – сказала Клара с улыбкою, которая расшевелила бы железное сердце, с улыбкой, какой не может изобразить ни один живописец, потому что она свойственная только любящей женщине.
- Клара придвинула бумагу к принцессе и указала пальцем, где надобно писать.
- Принцесса написала:
- «Приказываю коменданту замка Тромпет допустить виконтессу де Канб к барону Канолу, которому возвращаю полную свободу».
- Так ли? – спросила принцесса.
- Да, да! – отвечала Клара.
- Надобно подписать?
- Непременно.
- Хорошо, – сказала принцесса с самой приветливою своею улыбкой, – надобно делать, что ты хочешь.
- Она подписала.
- Клара бросилась на бумагу, как орел на добычу. Она едва поблагодарила ее высочество и, прижав бумагу к груди, выбежала из комнаты.
- На лестнице она встретила герцога де Ларошфуко со свитою офицеров и народа, которая всегда за ним следовала, когда он ходил по городу.
- Клара весело поклонилась ему. Удивленный герцог остановился на площадке и смотрел вслед виконтессе, пока она не сошла с лестницы.
- Потом он вошел к принцессе и сказал:
- Ваше высочество, все готово.
- Где?
- Там.
- Принцесса смотрела на него вопросительно.
- На эспланаде, – прибавил герцог.
- А, хорошо, – сказала принцесса, притворяясь спокойною, потому что на нее смотрели. Как женщина, она не могла не вздрогнуть, но положение главы партии подкрепили ее силы.
- Если все готово, так ступайте, герцог.
- Герцог не решался.
- Не полагаете ли вы, что и я должна присутствовать там? – спросила принцесса.
- Несмотря на умение владеть собою, она не могла скрыть смущения. Голос ее дрожал.
- Как угодно вашему высочеству, – отвечал герцог, занимавшийся в эту минуту, может быть, какою-нибудь философскою задачей.
- Мы увидим, герцог, мы увидим. Вы знаете, что я помиловала одного из осужденных?
- Знаю.

– Что скажете вы об этом?

– Скажу, что все, что вы делаете, хорошо.

– Да, – сказала принцесса, – лучше было простить. Надобно показать эпернонистам, что мы не боимся мстить, считаем себя равными с королем, но, уверенные в своей силе, платим за зло без бешенства, умеренно.

– Это очень хорошо.

– Не так ли, герцог? – спросила принцесса, старавшаяся по голосу герцога узнать настоящую его мысль.

– Но, – продолжал герцог, – вы все-таки придерживаетесь того мнения, что один из арестантов должен заплатить жизнью за смерть Ришона. Если эта смерть останется не отмщенной, то все подумают, что ваше высочество мало уважаете храбрых людей, которые служат вам.

– Разумеется, разумеется! Один из них умрет. Даю честное слово! Будьте спокойны.

– Могу ли узнать, которого из них вы помиловали?

– Барона Каноля.

– А!

Это «А!» было сказано довольно странно.

– Нет ли у вас особенной причины сердиться на этого человека? – спросила принцесса.

– Помилуйте, разве я сержусь когда-нибудь на кого-нибудь? Разве я благосклонен к кому-нибудь? Я разделяю людей на две категории: на препятствия и на поддержки. Надобно уничтожать первых и поддерживать вторых, пока они нас поддерживают. Вот моя политика, скажу даже: вот моя мораль.

– Что он тут еще затевает и чего хочет? – спросил Лене сам себя. – Он, кажется, не терпит Каноля.

– Итак, – продолжал герцог, – если нет каких других приказаний...

– Нет.

– То я прошусь с вашим высочеством.

– Так все это будет сегодня вечером? – спросила принцесса.

– Через четверть часа.

Лене готовился идти за герцогом.

– Вы идете смотреть на это, Лене? – спросила принцесса.

– О, нет, ваше высочество, – отвечал Лене, – вы изволите знать, что я не люблю сильных ощущений. Я дойду только до половины дороги, то есть до тюрьмы: мне хочется видеть трогательную картину, как бедный барон Каноль получит свободу из-за женщины, которую он любит!

Герцог скривил лицо, Лене пожал плечами, и все вышли из дворца и отправились в тюрьму.

Виконтесса де Канб минут через пять была уже там. Она явилась, показала приказ принцессы сначала привратнику, потом тюремщику и, наконец, велела позвать коменданта.

Комендант рассмотрел бумагу тем мрачным глазом, которого не могут оживить ни смертные приговоры, ни акты помилования, узнал печать и подпись принцессы Конде, поклонился виконтессе и, повернувшись к дверям, сказал громко:

– Позвать лейтенанта.

Потом он пригласил виконтессу сесть, но виконтесса была так взволнована, что хотела укротить свое нетерпение движением: она не села.

Комендант почел своею обязанностью заговорить с нею.

– Вы знаете барона Каноля? – спросил он таким голосом, каким спросил бы, хороша ли погода.

– О, знаю! – отвечала Клара.

– Он, может быть, ваш брат?

– Нет.

– Может быть, друг ваш?

– Он мой жених, – отвечала Клара в надежде, что после такого признания комендант постарается поскорее отпустить Каноля.

– А, поздравляю вас! – сказал комендант тем же тоном.

И, не зная о чем спрашивать, он замолчал и не двигался с места.

Вошел лейтенант.

– Господин д'Утрмон, – сказал комендант, – позовите главного тюремщика и выпустите барона Каноля; вот приказ принцессы.

Лейтенант поклонился и взял бумагу.

– Угодно вам подождать здесь? – спросил комендант у виконтессы.

– Разве мне нельзя идти к барону?

– Можно.

– Так я пойду: я хочу прежде всех сказать ему, что он спасен.

– Извольте идти, сударыня, и примите уверение в совершенной моей преданности.

Виконтесса поспешно поклонилась коменданту и пошла за лейтенантом.

Лейтенант был тот самый офицер, который разговаривал с Канолем и Ковиньяком, он очень радовался освобождению арестанта.

В одну секунду и он и Клара были на дворе.

– Где главный тюремщик? – закричал лейтенант.

Потом, повернувшись к Кларе, прибавил:

– Будьте спокойны, виконтесса, он сейчас придет.

Явился помощник тюремщика.

– Господин лейтенант, – сказал он, – главного тюремщика нет. Он куда-то ушел.

– Ах, Боже мой! – вскричала Клара. – Это обстоятельство еще задержит вас!

– О, нет, приказ дан, стало быть, успокойтесь.

Виконтесса поблагодарила его одним из тех взглядов, за которые можно отдать душу.

– Однако же у тебя есть ключи от всех комнат? – спросил д'Утрмон у тюремщика.

– Есть.

– Отопри комнату барона Каноля.

– Каноля № 2?

– Да, № 2-й, поскорее.

– Мне кажется, – сказал тюремщик, – оба они сидят вместе, так там можно выбрать любого.

Тюремщики всегда любили шутить.

Но виконтесса была так счастлива, что нимало не рассердилась на эту глупую шутку. Она даже улыбнулась, она поцеловала бы тюремщика, если бы поцелуй мог поторопить его, и если бы через это она могла видеть Каноля поскорее.

Наконец, дверь открывается. Каноль, услышавший шаги в коридоре, узнавший голос Клары, бросается в ее объятия, и она, забыв, что он не муж ее, страстно обнимает его.

– Видите ли, друг мой, – сказала Клара, блиставшая радостью и гордостью, – видите, я сдержала слово, выпросила вам прощение, как обещала, я пришла за вами, и мы сейчас отсюда уедем.

Во время этого разговора она вела Каноля в коридор.

– Милостивый государь, – сказал лейтенант, – вы можете посвятить всю вашу жизнь виконтессе, потому что обязаны ей спасением.

Каноль ничего не отвечал, но он нежно взглянул на свою избавительницу, нежно пожал ей руку.

– Не спешите так, – сказал лейтенант с улыбкою, – все уже кончилось, и вы свободны, стало быть, успеете распустить крылья.

Но виконтесса, не обращая внимания на его успокоительные слова, вела Каноля по коридорам. Каноль охотно шел за нею, перемигиваясь с лейтенантом. Пришли к лестнице, по ней спустились быстро, как будто у наших любовников были крылья, о которых говорил лейтенант. Наконец, вышли на двор. Еще одна дверь, и тюремный воздух не будет тяготеть над любящими сердцами.

Наконец, и последняя дверь открылась.

Но за дверью, на подземном мосту, стояла толпа дворян, сторожей и солдат, тут был и герцог де Ларошфуко со своею свитой.

Виконтесса де Канб вздрогнула, сама не зная почему. Каждый раз, как она встречала герцога, с нею случалось несчастье.

Что же касается до Каноль, то он, может быть, почувствовал что-нибудь, но чувства его несколько не выразились на его лице.

Герцог поклонился виконтессе и Канолью, даже остановился и сказал им несколько комплиментов. Потом подал знак своим дворянам и свите, и густая толпа раздалась.

Вдруг послышался голос из коридоров на дворе.

– В первом номере никого нет!.. Другого арестанта нет! Я ищу его более пяти минут и нигде никак не могу найти.

Эти слова произвели сильное волнение между теми, кто слышал их: герцог де Ларошфуко вздрогнул и, не будучи в силах удержать первого движения, занес руку на Каноль, как бы намереваясь остановить его.

Клара заметила его движение и побледнела.

– Пойдемте, пойдемте! – сказала она Канолью. – Поскорее!

– Извините, виконтесса, – возразил герцог, – я попрошу у вас минуты терпения. Позвольте объяснить недоразумение, на это нужно не более минуты.

И по звуку герцога толпа опять соединилась в плотную стену.

Каноль посмотрел на герцога, на Клару, на лестницу, с которой раздался голос, и сам побледнел.

– Но, милостивый государь, зачем мне ждать? – спросила виконтесса.

– Сама принцесса Конде подписала освобождение барона Каноль, вот приказ, посмотрите.

– Я в этом не сомневаюсь, виконтесса, и вовсе не намерен оспаривать действительность этого акта, он будет так же действителен через минуту, как и теперь. Так извольте потерпеть, я сейчас послал верного человека, он тотчас вернется.

– Но какое нам до этого дело? – возразила Клара. – Какое отношение между бароном Канолем и бежавшим арестантом?

– Ваша светлость, – сказал капитан телохранителей, которого посылали для розысков, – мы искали везде и нигде никого не нашли, арестант пропал, вместе с ним исчез и главный тюремщик. Сынок его, которого мы расспрашивали, говорит, что отец его и арестант вышли в потайную дверь на реку.

– Ого! – вскричал герцог. – Не знаете ли вы, барон Каноль, чего-нибудь об этом? Ведь это бегство!

При этих словах Каноль все понял и все угадал. Он понял, что Нанона заботилась о нем; он понял, что приходили за ним, что его означали именем брата госпожи Лартиг; что Ковиньяк занял его место, сам того не зная, и нашел свободу там, гдешумал встретить смерть. Все эти мысли разом явились в его голове, он закрыл лицо обеими руками, побледнел и пошатнулся. Он пришел в себя только потому, что возле него трепетала виконтесса. Герцог заметил все эти признаки невольного ужаса.

– Запереть двери! – закричал Ларошфуко. – Барон Каноль, прошу вас остаться. Вы понимаете, надобно объяснить все это непременно.

– Но, герцог, – вскричала виконтесса, – вы не намерены, надеюсь, противиться приказанию принцессы?

– Нет, не намерен, – отвечал герцог, – но думаю, что нужно доложить ей о том, что случилось. Я не скажу вам, что пойду к ней сам; вы можете подумать, что я хочу иметь влияние на мнение ее высочества. Нет, извольте идти сами; лучше, нежели кто-нибудь, вы можете выпросить милость у принцессы.

Лене подал знак Кларе.

– Нет, я с ним не расстанусь! – вскричала виконтесса, схватив Каноль за руку.

– Я пойду к ее высочеству, – сказал Лене. – Пойдемте со мною, капитан, или вы, герцог.

– Пожалуй, я пойду с вами. Господин капитан останется здесь и займется обыском. Может быть, найдется и другой арестант.

Как бы желая обратить особенное внимание на окончание своей фразы, герцог сказал несколько слов на ухо офицеру и вышел вместе с Лене. В ту же минуту толпа, провожавшая герцога де Ларошфуко, вытеснила Каноль и Клару во двор и заперла дверь.

Сцена эта приняла такой важный и мрачный характер, что все присутствующие, бледные и безмолвные, с изумлением смотрели друг на друга и старались по глазам Клары и Каноль увидеть, кто из них более страдает. Каноль понял, что он должен подавать пример твердости. Он серьезен и нежен со своею подругою, которая едва держится на ногах, плачет, не выпускает его руки, прижимает его к себе, улыбается нежно, но страшно и мутными глазами смотрит на толпу, в которой тщетно ищет друга...

Капитан, принявший приказание от Ларошфуко, говорит потихоньку со своими офицерами. Каноль, которого глаз верен, и ухо привыкло расслушивать важные слова, Каноль слышит, не смотря на всю осторожность офицера, следующую фразу:

– Надобно же, однако, найти средство удалить эту бедную женщину.

Каноль старается высвободить себя из нежных объятий, но Клара замечает его намерение и всеми силами держится за него.

– Ах, – воскликнула она, – надобно поискать еще, может быть, он найдется! Станем искать... Все станем искать: не может быть, чтобы он сбежал. В таком случае и барон Каноль верно бежал бы вместе с ним. Господин капитан, прикажите искать, умоляю вас.

– Уже искали, – отвечал тот, – да и теперь еще ищут. Тюремщик знает, что подвергается смертной казни, если не представит арестанта, поэтому вы понимаете, как усердно он ищет беглеца.

– Боже мой! – прошептала Клара. – И Лене не идет!

– Подожди, Клара, подожди, – сказал Каноль ласковым голосом, как обыкновенно разговаривают с детьми. – Лене только что сейчас расстался с нами, едва ли успел он дойти до принцессы. Дайте ему время, надобно рассказать про эту беду и потом принести нам ответ.

При этих словах он нежно пожал руку Клары.

Потом, заметив, что капитан пристально на него смотрит и чем-то недоволен, он спросил:

– Капитан, не угодно ли вам переговорить со мною?

– Да, надобно бы, – отвечал офицер, смущенный присутствием виконтессы.

– Милостивый государь, – вскричала Клара, – ведите нас к принцессе, умоляю вас. Не все ли вам равно? Лучше вести нас к ней, чем оставаться здесь в неизвестности. Принцесса увидит Каноль, увидит меня, я переговорю с ней, и она подтвердит свое слово.

– Но, – сказал офицер, жадно схватившись за мысль виконтессы, – какая счастливая идея пришла вам в голову! Подите к принцессе сами, она, верно, не откажет вам.

– Что скажете вы, барон? – спросила Клара. – Что, будет ли это хорошо? Вы не захотите обманывать меня, скажите, что должна я делать?

– Ступайте, виконтесса, – отвечал Каноль с чрезвычайным усилием.

Виконтесса прошла несколько шагов, потом вернулась к Каноль и вскричала:

– Нет! Нет! Я не расстанусь с ним!

Услышав, что дверь отворяется, она прибавила:

– А, слава Богу! Вот возвращаются Лене и Ларошфуко.

Действительно, вместе с бесстрастным герцогом де Ларошфуко вошел Лене. Смущение выразилось на лице его, руки его дрожали. При первом взгляде на несчастного советника Каноль понял, что ему нет никакой надежды, что он решительно осужден.

– Ну, что? – спросила виконтесса, бросившись навстречу к Лене так сильно, что увлекла с собою Каноль.

– Принцесса не знает, что делать, – пробормотал Лене.

– Не знает, что делать? – вскричала Клара. – Боже! Что это значит?

– Это значит, что она спрашивает вас, – отвечал герцог, – хочет переговорить с вами.

– Правда ли? Так ли, Лене? – спросила Клара, не заботясь, что такой вопрос оскорбил герцога.

– Да, правда.

– А что будет с ним?

– С кем?

– С Канолем?

– Барон Каноль воротится в тюрьму, и вы передадите ему ответ принцессы, – сказал герцог.
– Вы останетесь с ним, Лене? – спросила Клара.
– Виконтесса...
– Останетесь ли с ним? – повторила она.
– Я с ним не расстанусь.
– Поклянитесь.
– Боже мой, – прошептал Лене, глядя на барона, ждавшего решения судьбы своей, и на виконтессу, которую можно было убить одним словом,
– уж если он осужден на смерть, то дай мне возможность спасти хоть ее!
– Клянись, Лене.
– Клянусь, – сказал он, с усилием прижимая руку ее к трепетавшему сердцу.
– Благодарю вас, милостивый государь, – сказал Каноль потихоньку,
– я понимаю вас.
Потом повернулся к виконтессе.
– Ступайте, Клара, вы видите, что я не в опасности: я с господином Лене и герцогом.
– Не отпускайте ее, не поцеловавшись, – сказал Лене.
Холодный пот выступил на лице Каноля, в глазах у него потемнело. Он удержал Клару, которая уже уходила, и, притворяясь, будто хочет сказать ей что-то, прижал ее к груди.
– Просите, но не унижайтесь, – сказал он. – Я хочу жить для вас, но вы должны желать, чтобы я жил, всеми уважаемый.
– Я буду просить так, чтобы спасти тебя, – отвечала она. – Разве ты не муж мой перед Богом?
Каноль, приподнимая голову, так легко коснулся ее шеи, что она даже не почувствовала его поцелуя. Несчастная удалилась, не поцеловав его в последний раз. Однако же у самых ворот она оборотилась, но между ею и арестантом теснилась толпа.
– Друг мой, – сказала она, – где ты? Я уже не могу видеть тебя. Скажи одно слово... еще слово... чтобы я могла унести с собою звуки твоего голоса.
– Ступайте, Клара! – сказал он. – Я жду вас.
– Ступайте, ступайте, виконтесса, – сказал один сострадательный офицер, – чем скорее уйдете, тем скорее воротитесь.
Голос Клары послышался еще в отдалении:
– Лене! Добрый мой Лене! Я вверяюсь вам, вы отвечаете мне за него.
И ворота затворились за нею.
– Наконец-то, и то не без труда, – сказал герцог-философ. – Насилу-то мы от нее освободились!

III

Едва виконтесса ушла, едва голос ее исчез в отдалении и ворота затворились за нею, кружок офицеров стеснился около Каноля, и показались неизвестно откуда две зловещие фигуры. Они подошли к герцогу и униженно ждали его приказаний.
Герцог указал им на арестанта.
Потом он подошел к нему и сказал, кланяясь с обыкновенною своею ледяною холодностью:
– Милостивый государь, вы, вероятно, поняли, что по причине бегства вашего товарища на вас падает участь, которая ему готовилась.
– Да, догадываюсь, милостивый государь, – отвечал Каноль, – но в то же время я уверен, что ее высочество принцесса Конде простила меня лично. Я видел, да и вы могли видеть приказ о выпуске меня из тюрьмы в руках виконтессы де Канб.
– Все это правда, милостивый государь, – возразил герцог, – но принцесса не могла предвидеть того, что случилось.
– Так принцесса уничтожит свою подпись?
– Да.

– Принцесса крови не сдержит честного слова!

Герцог оставался бесстрастным.

Каноль посмотрел кругом.

– Что? Уже пора? – спросил он.

– Да.

– А я думал, что подождут возвращения виконтессы де Канб, ей обещали ничего не делать во время ее отсутствия. Стало быть, сегодня никто не держит слова?

И арестант с упреком взглянул не на герцога де Ларошфуко, а на Лене.

– Ах, барон, – вскричал Лене со слезами на глазах, – простите меня! Принцесса решительно отказалась простить вас, однако же я долго просил ее: Бог мне свидетель! Спросите у герцога де Ларошфуко. Надобно отмстить за смерть бедного Ришона, и принцесса не тронулась моими мольбами. Теперь, барон, судите меня сами: страшное положение, в котором вы находитесь, тяготело бы и над вами, и над виконтессой, и я осмелился – простите меня, чувствую, что очень нуждаюсь в вашей снисходительности – я осмелился обрушить все на одну вашу голову, потому что вы солдат, вы дворянин.

– Так я ее уже не увижу! – прошептал Каноль, задыхаясь от волнения. – Вы советовали мне поцеловать ее – в последний раз!

Рыдание, победившее твердость, разум и гордость, разорвало грудь Лене. Он отошел в сторону и горько заплакал. Тут Каноль посмотрел проницательными глазами на всех окружающих его: он везде видел людей, взбешенных смертью Ришона и желавших знать, не падет ли духом осужденный, или людей скромных, старавшихся скрыть волнение, вздохи и слезы.

– О, страшно подумать! – прошептал барон, одним взглядом окидывая прошедшее и немногие минуты радости, которые отделялись, как острова на жизненном море страданий. – Страшно! У меня была любимая женщина, она только что сказала мне, что любит меня, в первый раз! Как улыбалось мне будущее! Мечты всей жизни осуществлялись! И вот в одну минуту, в одну секунду смерть отнимает все!

Сердце его сжалось, и он почувствовал, что ему хочется плакать, но тут он вспомнил, что он, как говорил Лене, солдат и дворянин.

«Гордость, – думал он, – единственная храбрость, существующая на свете, приди ко мне на помощь! Могу ли плакать о жизни, о таком ничтожном благе!.. Как стали бы смеяться, если бы могли сказать: „Каноль плакал, узнав, что надобно идти на смерть!..“ Что делал я в тот день, когда осаждали меня в Сен-Жорже, и когда жители Бордо так же хотели убить меня, как теперь? Я сражался, шутил, смеялся!.. Черт возьми! Я и теперь сделаю то же, если не буду сражаться, так все-таки стану смеяться, стану шутить».

В ту же минуту лицо его стало спокойным, как будто тревога вылетела из его сердца. Он пригладил черные свои кудри и твердым шагом, с улыбкою на устах подошел к герцогу де Ларошфуко и Лене:

– Милостивые государи, – сказал он, – в этом свете, полном странностей и неожиданности, надобно приучиться ко всему. Мне нужна была минута – и я напрасно не попросил ее у вас – мне нужна была минута, чтобы приучить себя к смерти. Если это слишком много, то прошу простить, что я заставил вас ждать.

Глубокое удивление пробежало по толпе. Сам осужденный понял, что все переходят от равнодушия к удивлению, это чувство, для него приятное, возвысило его и удвоило его силы.

– Я готов, милостивые государи, – сказал он, – я жду вас.

Герцог, изумленный на минуту, стал по-прежнему хладнокровен и подал знак.

По этому знаку ворота растворились, и конвой приготовился идти.

– Позвольте, – вскричал Лене, желая выиграть время, – позвольте, герцог! Мы ведем барона Каноль на смертную казнь, не так ли?

Герцог удивился.

Каноль с любопытством взглянул на Лене.

– Да, на смерть, – сказал герцог.

– А если так, – продолжал Лене, – так барон не может обойтись без духовника.

– Не нужно, – отвечал Каноль, – я могу обойтись без него.

– Как? – спросил Лене, подавая арестанту знаки, которых тот не хотел понять.

– Ведь я гугенот, – отвечал Каноль, – предупреждаю вас, гугенот самый закоренелый. Если хотите сделать мне последнее удовольствие, позвольте умереть в моей вере.

– В таком случае, ничто не удерживает вас, пойдемте! – сказал герцог.

– Призвать ему аббата! Призвать аббата! – закричало несколько бешеных фанатиков.

Каноль приподнялся на цыпочках, спокойно и самоуверенно посмотрел кругом и, повернувшись к герцогу, сказал строго:

– Что за подлости хотят тут делать? Мне кажется, только я один могу здесь исполнять свою волю, потому что я герой праздника. Поэтому я отказываюсь переменить веру, но требую эшафота, притом как можно скорее. Теперь уже мне надоело ждать.

– Молчать! – закричал герцог, оборачиваясь к толпе.

Потом, когда по его голосу и взгляду тотчас воцарилось молчание, он сказал Канолью:

– Милостивый государь, делайте, что вам угодно.

– Покорно благодарю... Так пойдем же... И пойдем поскорее...

Лене взял Каноль за руку.

– Напротив, идите медленнее, – сказал он. – Кто знает будущее? Могут дать отсрочку, могут одуматься, может случиться какое-нибудь важное событие. Идите медленнее, заклинаю вас именем той, которая вас любит, которая будет так плакать, если узнает, что мы спешили...

– О, не говорите мне о ней, прошу вас, – сказал Каноль. – Все мое мужество исчезает при мысли, что я навсегда разлучаюсь с нею... Нет! Что я говорю?... Напротив, господин Лене, говорите мне о ней, повторяйте, что она любит меня, что будет любить всегда, и особенно, что она будет жалеть и плакать обо мне.

– Ну, добрый и бедный друг мой, – отвечал Лене, – не ослабевайте! Вспомните, что на нас смотрят и не знают, о чем мы говорим.

Каноль гордо поднял голову, и красивые его кудри встрепнулись на его плечах. Конвой вышел уже на улицу, множество факелов освещало шествие, так что можно было видеть спокойное и улыбающееся лицо арестанта.

Он слышал, как плакали некоторые женщины, а другие говорили:

– Бедняжка! Как он молод! Как хорош!

Безмолвно подвигались вперед. Наконец Каноль сказал:

– Ах, господин Лене, как бы мне хотелось видеть ее еще раз.

– Хотите, я пойду за нею? Хотите, я приведу ее сюда? – спросил Лене, лишившись всей своей твердости.

– Да, да, – прошептал Каноль.

– Хорошо, я иду, но вы убьете ее.

«Тем лучше, – сказался эгоизм в сердце барона. – Если ты убьешь ее, то она никогда не будет принадлежать другому».

Потом вдруг Каноль превозмог последний припадок слабости и сказал:

– Нет, не нужно!

И, удерживая Лене за руку, прибавил:

– Вы обещали ей оставаться со мною. Оставайтесь!

– Что говорит он? – спросил герцог.

Каноль услышал его вопрос.

– Я говорю, герцог, – отвечал он, – что не думал, чтобы было так далеко от эспланады.

– Увы, не жалуйтесь, молодой человек, – прибавил Лене, – вот мы и пришли.

Действительно, факелы, освещавшие шествие и авангард, шедший впереди конвоя, скоро исчезли на повороте улицы.

Лене пожал руку молодому барону и, желая сделать последнюю попытку, подошел к герцогу.

– Герцог, – сказал он вполголоса, – еще раз умоляю, сжальтесь, будьте милостивы! Казнь барона Каноль вы повредите нашему делу.

– Напротив, – возразил герцог, – мы докажем, что считаем наше дело правым, потому что не боимся мстить.

– Такое мщение возможно только между равными, герцог! Что бы вы ни говорили, королева все-таки королева, а мы ее подданные.

– Не станем спорить о таких вопросах при бароне Каноле, – сказал герцог вслух, – это неприлично.

– Не будем говорить о помиловании при герцоге, – сказал Каноль, – вы видите, он намерен нанести важный удар королевской партии. Зачем мешать ему в такой безделице...

Герцог не возражал, но по его сжатым губам, по его злобному взгляду видно было, что удар был направлен прямо и достиг цели. Между тем все подвигались вперед, и Каноль, наконец, вышел на площадь. На другом конце эспланады шумела толпа и блестел круг из светлых мушкетов, в середине круга возвышалось что-то черное и безобразное, неясно рисовавшееся во мраке. Каноль подумал, что это обыкновенный эшафот. Но вдруг факелы на середине площади осветили этот мрачный предмет и обрисовали гнусную форму виселицы.

– Виселица! – вскричал Каноль, останавливаясь и указывая пальцем на площадь. – Что там такое? Не виселица ли, герцог?

– Да, вы не ошибаетесь, – отвечал герцог хладнокровно.

Краска негодования выступила на лице несчастного, он оттолкнул двух солдат, провожавших его, и одним прыжком очутился возле герцога.

– Милостивый государь, – вскричал он, – вы забыли, что я дворянин? Все знают, даже и сам палач, что дворянину следует отсечь голову.

– Бывают обстоятельства...

– Милостивый государь, – перебил Каноль, – говорю вам не от своего имени, а от имени всего дворянства, в котором вы занимаете важное звание, вы, бывший князем, вы, который теперь носите имя герцога. Бесчестие падет не на меня, невинного, а на всех вас, на всех, потому что вы повесите одного из ваших же, дворянина!

– Король повесил Ришона!

– Милостивый государь, Ришон был храбрый солдат и благороден по душе столько, сколько можно, но он не был дворянин по рождению, а я...

– Вы забываете, – сказал герцог, – что здесь дело идет о мщении, о полном возмездии. Если бы вы были принц крови, так все-таки вас бы повесили.

Каноль хотел обнажить шпагу, но шпаги на нем не было. Он одумался, гнев его утих. Он понял, что вся сила его в его слабости.

– Господин философ, – сказал он, – горе тем, кто пользуется правом такого мщения, и два раза горе тому, кто, пользуясь этим правом, забывает человеколюбие! Я не прошу пощады, прошу правосудия. Есть люди, которые любят меня, государь мой; я с намерением останавливаюсь на этом слове, потому что вы не знаете, что значит любить, это мне известно. В сердце этих людей вы навсегда запечатлеете с воспоминанием о моей смерти гнусный вид виселицы. Убейте меня шпагой, прострелите пулей, дайте мне ваш кинжал, и я зарежу сам себя, а потом вы повесите мой труп, если это вам приятно.

– Ришона повесили живого, – хладнокровно возразил герцог.

– Хорошо. Теперь выслушайте меня. Со временем страшное несчастье падет на вашу голову. Тогда вспомните, что этим несчастьем само небо наказывает вас. Что касается до меня, то я умираю с убеждением, что вы виновник моей смерти.

И Каноль бледный, дрожащий, но полный негодования и мужества, подошел к виселице и в виду толпы гордо и с презрением поставил ногу на первую ступеньку лестницы.

– Теперь, палачи, – сказал он, – начинайте!

– Да он только один! – закричала толпа в изумлении. – Давайте другого! Где другой? Нам обещали двоих?

– А, вот это утешает меня, – сказал Каноль с улыбкой. – Эта добрая чернь даже недовольна тем, что вы делаете для нее. Слышите ли, герцог?

– Смерть ему! Смерть ему! Мщение за Ришона! – зарычали десять тысяч голосов.

Каноль подумал:

«Если я их рассержу, так они могут разорвать меня на клочки, и я не буду на виселице. Как взбесится герцог...» Потом он закричал:

– Вы подлецы! Я узнаю некоторых из вас. Вы были при осаде Сен-Жоржа, я видел, как вы бежали... Теперь вы мстите мне за то, что я вас тогда порядочно побил.

Ему отвечали ревом.

– Вы подлецы! – повторил он. – Вы бунтовщики, подлецы!

Ножи заблистали, и на виселицу посыпались камни.

– Хорошо, – прошептал Каноль.

Потом прибавил вслух:

– Король повесил Ришона и прекрасно сделал. Когда он возьмет Бордо, так повесит еще немало других.

При этих словах толпа хлынула, как поток, на эспланаду, опрокинула стражу и палисады и с ревом бросилась к арестанту.

В ту же минуту по приказанию герцога один из палачей приподнял Каноль, а другой надел ему на шею веревку.

Каноль, почувствовав ее на шее, начал кричать и браниться еще громче: он хотел быть убитым вовремя, и ему нельзя было терять ни минуты. Он осмотрелся: везде видел он гневные лица и грозное оружие.

Только один человек, одетый солдатом и сидевший на лошади, показал ему мушкет.

– Ковиньяк! Это Ковиньяк! – вскричал Каноль, хватаясь за лестницу обеими руками, которых ему не связали.

Ковиньяк мушкетом подал знаки тому, которого не мог спасти, и прицелился.

Каноль понял его.

– Да! Да! – вскричал он, кивнув головою.

Теперь скажем, каким образом Ковиньяк попал на эспланаду.

IV

Мы видели, что Ковиньяк выехал из Либурна, и знаем, с какою целью.

Доехав до своих солдат, находившихся под командою Фергюзона, он остановился не для отдыха, а для исполнения намерения, которое было придумано его изобретательным умом во время быстрой езды не более, как в полчаса.

Во-первых, он сказал себе и весьма справедливо, что если он явится к принцессе после известных нам происшествий, то принцесса, приказавшая повесить Каноль, совершенно невинного, верно, прикажет повесить его, Ковиньяка, которого она могла упрекать во многом. Стало быть, поручение его будет исполнено только отчасти, то есть Каноль будет спасен, а самого его повесят... Поэтому он надел простое солдатское платье, велел Баррабе, не знакомому с принцессой, надеть лучший его кафтан и, взяв его с собою, поскакал по дороге в Бордо. Одно только беспокоило его: содержание письма, которое сестра его написала с полным убеждением, что для спасения Каноль стоит только показать эту бумагу принцессе. Беспокойство его возросло до такой степени, что он решился просто прочесть письмо, уверяя себя, что самый лучший дипломат не может успешно вести переговоры, если не знает дела вполне. Притом же, надобно сказать, Ковиньяк не грешил слишком большою доверенностью к ближнему, и Нанона, хотя была сестра его, однако же могла сердиться на брата, во-первых, за приключение в Жоне, во-вторых, за бегство из замка Тромпет. Могла, приняв на себя роль судьбы, возвратить Ковиньяка в тюрьму.

Ковиньяк легко распечатал и прочел письмо, которое произвело на него странное и горестное впечатление.

Вот что писала Нанона:

«Ваше высочество!

За смерть несчастного Ришона вам нужна очистительная жертва: не берите невинного, возьмите настоящую преступницу. Не хочу, чтобы Каноль умер; убить Каноль – значило бы мстить за

убийство тоже убийством. Когда вы будете читать это письмо, мне останется ехать до Бордо не более мили. Я еду со всем моим имуществом. Вы выдадите меня черни, которая ненавидит меня и два раза уже хотела меня задушить, а себе оставите мое богатство, которое доходит до двух миллионов. Ваше высочество, на коленях молю оказать мне эту милость. Я отчасти причиною нынешней войны, если я умру, провинция успокоится, и вы восторжествуете. Прикажите отсрочить казнь на четверть часа. Вы освободите Каноля только тогда, когда я буду в ваших руках; но тогда вы отпустите его непременно, не так ли?

Я вечно буду вам благодарна.

Нанона де Лартиг».

Ковиньяк по прочтении письма изумился, заметив, что на сердце у него тяжело, а глаза заплаканы.

С минуту он просидел безмолвно и неподвижно, как бы не мог верить тому, что прочитал. Потом вдруг он вскричал:

– Стало быть, правда, что на свете есть люди великодушные из одного удовольствия быть великодушными! Черт возьми! Увидят, что и я могу быть великодушным, когда надобно!

Между тем он подъехал уже к городским воротам и отдал письмо Баррабе со следующим коротким наставлением:

– Что бы тебе ни говорили, отвечай только: «От короля!», а письмо отдай непременно самой принцессе.

Барраба отправился к дому, занимаемому принцессой, а Ковиньяк к замку Тромпет.

Барраба не встретил препятствий. Улицы были пусты, город казался мертвым, все жители бросились на эспланаду. У ворот дворца часовые хотели остановить его, но по приказанию Ковиньяка он показал письмо и громко закричал:

– От короля!.. От короля!

Часовые приняли его за придворного курьера и пропустили.

Барраба въехал во дворец так же, как в город.

Уже не в первый раз, как известно, достойный лейтенант Ковиньяка имел честь являться к принцессе Конде. Он спрыгнул с лошади и, зная дорогу, поспешно взбежал по лестнице, пробился сквозь испуганных лакеев до внутренних апартаментов. Тут он остановился, потому что увидел принцессу и перед нею другую даму на коленях.

– Ваше величество! Сжальтесь, ради Бога! – говорила она.

– Клара, – отвечала принцесса, – оставь меня, будь рассудительна, вспомни, что мы отказались быть женщинами, как отказались от женского платья: мы лейтенанты принца и должны покоряться только политическому расчету.

– Ах, ваше высочество! – вскричала Клара. – Для меня нет уже политических партий, нет политических расчетов, нет никакого мнения. У меня только он один, которого предают смерти. Когда он умрет, у меня уже ничего не будет, останется одно утешение – смерть...

– Клара, дитя мое, я уже сказала тебе, что невозможно исполнить твоей просьбы, – отвечала принцесса. – Они убили у нас Ришона. Если мы не оплатим им тем же, то мы обещены.

– О, ваше высочество! Какое бесчестие в помиловании? Какое бесчестие пользоваться правом, предоставленным только владыкам земным? Скажите одно слово, одно! Он ждет, несчастный.

– Но ты с ума сошла, Клара. Я говорю тебе, что это невозможно.

– Но я сказала ему, что он спасен. Показала ему акт прощения, подписанный вашей рукою, уверила его, что ворочусь с подтверждением этой милости.

– Я помиловала с условием, что другой заплатит за него. Зачем выпустили того?

– Да он не виноват в этом бегстве, клянусь вам. Притом же, тот еще не спасся, может быть, его найдут.

«Как бы не так!» – подумал Барраба, пришедший именно в эту минуту.

– Ваше высочество, время бежит... Его уведут... Они соскучатся ждать!

– Ты права, Клара, – сказала принцесса. – Я приказала все кончить к одиннадцати часам, а вот бьет одиннадцать, стало быть, все кончено.

Виконтесса вскрикнула и приподнялась. Вставая, она встретила лицом к лицу с Баррабой.

– Что вы? Что вам нужно? – вскричала она. – Уж не пришли ли вы известить нас о его смерти?

– Нет, сударыня, – отвечал Барраба, принимая самый ласковый вид. – Напротив, я хочу спасти его.

– Как? – вскричала виконтесса. – Говорите скорее.

– Вот только отдам это письмо принцессе.

Виконтесса де Канб протянула руку, выхватила из рук посланного письмо и, подавая принцессе, сказала:

– Не знаю, что написано в этом письме, но, ради Неба, извольте прочесть.

Принцесса распечатала письмо и прочла вслух, а виконтесса де Канб, бледнея беспрестанно, с жадностью ловила слова, произносимые принцессою.

– От Наноны! – вскричала принцесса, прочитав письмо. – Нанона здесь! Нанона предается в наши руки! Где Лене? Где герцог? Эй, кто-нибудь!

– Я готов исполнить всякое поручение вашего высочества, – сказал Барраба.

– Спешите на эспланаду, туда, где совершается казнь, скажите, чтоб они остановились! Но нет! Вам не поверят!

Принцесса схватила перо, написала на письме: «остановить казнь» и отдала письмо Баррабе. Он бросился из комнаты.

– О, – прошептала виконтесса, – она любит его больше, чем я! О, я несчастная, ей будет он обязан жизнью.

И эта мысль бросила ее без чувств в кресло, ее, которая во весь день мужественно встречала все удары гневной судьбы.

Между тем Барраба не терял ни минуты. Он не сошел, а слетел с лестницы, вскочил на лошадь и поскакал на эспланаду.

Когда Барраба был во дворце, Ковиньяк приехал в замок Тромпет. Тут, под покровительством ночи и широкой шляпы, которую он надвинул на глаза, он порасспросил сторожей, узнал подробности собственного своего побега и уверился, что Каноль заплатит за него. Тут по инстинкту, сам не зная, что он делает, он поскакал на эспланаду, в бешенстве шпорил лошадь, гнал ее сквозь толпу, разбивал и давил встречных.

Доскакав до эспланады, он увидел виселицу и закричал, но голос его исчез среди криков толпы, которую бесил Каноль, чтобы она его растерзала.

В эту минуту Каноль видит его, угадывает его намерение и показывает головою, что рад видеть его.

Ковиньяк приподнимается на стремянах, смотрит кругом, не идет ли Барраба или посланный от принцессы с приказанием остановить казнь... Но он видит только Каноля, которого палач силится оторвать от лестницы и поднять на воздух.

Каноль рукою показывает Ковиньяку на сердце.

Тут-то Ковиньяк принимается за мушкет, прицеливается и стреляет.

– Благодарю, – сказал Каноль, поднимая руки. – По крайней мере, я умираю смертью солдата!

Пуля пробила ему грудь. Палач приподнял тело, оставшееся на позорной веревке... Но это был только труп.

Выстрел Ковиньяка раздался, как сигнал, в ту же минуту раздалась еще тысяча выстрелов. Кто-то вздумал закричать:

– Пойдите! Пойдите! Отрежьте веревку!

Но голоса его нельзя было слышать при реве толпы. Притом же пуля перерезала веревку, конвой был опрокинут чернью: виселица вырвана из земли, ниспровергнута, разбита, разрушена. Палачи бегут, толпа чернеет везде, как тень, схватывает труп, рвет его и тащит куски его по городу.

Толпа, нелепая в своей ненависти, думала увеличить казнь Каноля, а напротив, спасла его от гнусной казни, которой он всего более боялся.

Во время всего этого движения Барраба пробрался к герцогу и хотя сам видел, что опоздал, однако же вручил ему письмо.

Герцог среди ружейных выстрелов отошел немного в сторону, потому что он всегда и везде был холоден и спокоен.

Он распечатал и прочел письмо.

– Жаль, – сказал он, повертываясь к своим офицерам, – предложение этой Наноны было бы лучше того, что сделано. Но что сделано, то сделано.

Потом, подумав с минуту, прибавил:

– Кстати... Она ждет нашего ответа за рекою. Может быть, мы устроим и другое дельце.

И, не заботясь более о посланном, он пришпорил лошадь и отправился вместе со своею свитою ко дворцу принцессы.

В ту же минуту гроза, носившаяся над Бордо, разразилась, и сильный дождь с громом пал на эспланаду, чтобы смыть с нее кровь невинного.

V

Пока все это происходило в Бордо, пока чернь терзала труп несчастного Каноля, пока герцог де Ларошфуко льстил принцессе и уверял ее, что она может сделать столько же зла, сколько и королева, пока Ковиньяк со своим верным Баррабой скакал к заставе, понимая, что ему нечего более делать, и поручение его кончилось, – пока все это происходило, карета, запряженная четверкою лошадей, выбившихся из сил и покрытых пеною, остановилась на берегу реки Жиронды, против Бордо, между селениями Белькруа и Бастид.

Пробило одиннадцать часов.

Егеря, скакавший за каретою на лошади, соскочил с нее тотчас, как увидел, что карета остановилась, и отворил дверцу.

Из кареты поспешно вышла дама, посмотрела на небо, освещенное красноватым огнем, и прислушалась к отдаленным крикам и шуму.

– Ты уверена, что нас никто не преследовал? – спросила она у своей горничной, которая вышла из кареты вслед за нею.

– Совершенно уверена, – отвечала горничная, – оба егеря, остававшиеся позади по вашему приказанию, уже приехали. Они никого не видали, ничего не слышали.

– А ты, ты ничего не слышишь с этой стороны, от города?

– Кажется, слышу крик.

– А ничего не видишь?

– Вижу какое-то зарево.

– Это факелы.

– Точно так, сударыня, они мелькают, бегают, как блудящие огни. Извольте слышать? Крики усиливаются, почти можно расслышать их.

– Боже мой, – вскричала дама, становясь на колени на сырую землю.

– Боже мой! Боже мой!

То была единственная ее молитва. Одно слово представлялось ее уму, уста ее могли произносить только одно слово: имя того, кто мог спасти ее.

Горничная действительно не ошиблась: факелы мелькали, крики, казалось, приближались. Послышался ружейный выстрел, за ним тотчас началась стрельба, потом страшный шум, потом факелы погасли, крики как бы удалились. Пошел дождь, молнии бороздили небо. Но дама не обращала на них внимания. Она боялась не грозы.

Она не могла отвести глаз от того места, где видела столько факелов, где слышала такой шум. Теперь она ничего не видала, ничего не слыхала и при свете молнии ей казалось, что то место опустело.

– О, – вскричала она, – у меня нет сил ждать долее! Скорее в Бордо! Везите меня в Бордо!

Вдруг послышался конский топот.

Он быстро приближался.

– Наконец-то они едут! – вскричала она. – Вот они! Прощай, Финетта, уйди, я одна должна встретить их. Посади ее к себе на лошадь, Ломбар, и оставь в карете все, что я привезла с собою.

– Но что хотите вы делать, сударыня? – спросила горничная с трепетом.

– Прощай, Финетта, прощай!

– Но куда вы изволите идти?

– В Бордо.

– О, не ходите туда, ради Бога! Они убьют вас!

– Для того-то я и иду туда.

– Ах, Боже мой!.. Ломбар, поскорее сюда! Помогите мне, Ломбар, остановить ее!

– Тише. Уйди, Финетта. Я не забыла тебя в завещании, успокойся. Прошу тебя, уйди, я не хочу, чтобы с тобою случилось несчастье. Ступай, ступай! Они уже близко... Смотри, вот они!

Действительно, показывается всадник. За ним на близком расстоянии скачет другой. Лошадь его тяжело дышит.

– Сестра! Сестра! – кричит он. – Я приехал вовремя.

– Ковиньяк! – сказала Нанона. – Что? Условились ли вы? Ждут ли меня? Едем ли мы?

Но Ковиньяк вместо ответа соскочил с лошади. Он схватил в объятия Нанону, которая не двигалась и не сопротивлялась, как безумная. Ковиньяк положил ее в карету, посадил к ней Финетту и Ломбара, запер дверцу и вскочил на лошадь.

Бедная Нанона приходит в себя, но напрасно старается противиться.

– Не выпускайте ее, – кричит Ковиньяк, – ни за что в мире не выпускайте ее. Барраба, стереги другую дверцу, а тебе, кучер, если ты хоть секунду поедешь не галопом, я тебе размозжу голову.

Он раздавал приказания так быстро, что ему не вдруг повиновались. Карета не двигается, лакеи дрожат, лошади не идут.

– Черт возьми! – заревел Ковиньяк. – Скорей, скорей! Вот они уже скачут!

Действительно, вдали послышался конский топот и приближался, как отдаленный гром, быстро и грозно.

Страх заразителен.

Кучер по голосу Ковиньяка понял, что грозит какая-то страшная опасность, схватил вожжи и спросил:

– Куда ехать?

– Бордо, в Бордо! – кричала Нанона из кареты.

– В Либурн! – закричал Ковиньяк.

– Лошади околеют прежде, чем мы успеем проехать две мили.

– Да мне и не нужно, чтобы они проехали так много! – закричал Ковиньяк и принялся погонять их шпагой. – Только бы дотащили они нас до Фергюзона отряда.

Тяжелая карета двинулась с места и покатилась со страшною быстротой.

Люди и лошади возбуждают друг друга: одни криками, другие ржанием.

Нанона пробовала противиться, выпрыгнуть из кареты, но борьба истощила ее силы, она упала, истомленная, почти без чувств: она уже ничего не слыхала, ничего не видала. Когда она силась отыскать Ковиньяка в этом хаосе быстро двигавшихся теней, голова у нее закружилась, она закрыла глаза, вскрикнула в последний раз и упала, как труп, на руки Финетты.

Ковиньяк опередил карету, он скачет перед лошадьми. Из-под копыт его коня летит дождь искр на мостовую.

Он кричит: – Сюда, Фергюзон, сюда!

И слышит крики в отдалении.

– Ад, – кричит Ковиньяк. – Ад, ты опять против меня, но думаю, что сегодня ты опять проиграешь! Эй, Фергюзон, сюда!

Два или три выстрела раздались за каретой.

Впереди им отвечают целым залпом.

Карета останавливается.

Две лошади падают от усталости, одна от пули.

Фергюзон со своим отрядом нападает на конвой герцога де Ларошфуко.

Отряд Фергюзона втрое многочисленнее неприятеля, и потому жители Бордо не могут выдержать нападения, поворачивают лошадей, и все, победители и побежденные, преследующие и преследуемые, как облако, уносимое ветром, исчезают во мраке.

Один Ковиньяк с лакеями и Финеттой остается при Наноне, лежащей без чувств.

По счастью, оставалось только шагов сто до селения Карбонблан. Ковиньяк донес Нанону на руках до первого дома в предместье. Тут, приказав приготовить экипаж, он положил сестру на постель и, вынув из-за пазухи какую-то вещь, которую Финетта не могла рассмотреть, положил ее в дрожащую руку несчастной женщины.

На другой день, выходя из тяжкого своего положения, которое она считала страшным сном, Нанона поднесла рукам лицу, и что-то мягкое и благовонное пронеслось по ее бледным губам. То был локон волос Каноля.

Ковиньяк с опасностью жизни геройски завоевал его у бордосских тигров.

VI

Восемь дней и восемь ночей в беспамятстве и бесчувствии лежала виконтесса де Канб на постели, куда ее перенесли, когда она узнала страшную новость.

Служанка ее ухаживала за нею, а Помпей сторожил дверь. Только он, старый слуга Клары, становясь на колени перед ее кроватью, мог пробуждать в виконтессе искру чувства.

Многочисленные посетители осаждали эту дверь, но верный слуга, строгий в исполнении данного приказа, как старый солдат храбро защищал вход, во-первых, по убеждению, что всякий гость, кто бы он ни был, будет несносен его госпоже, а, во-вторых, по приказанию доктора, который боялся всякого сильного волнения для виконтессы.

Каждое утро являлся Лене в дом несчастной Клары, но и ему точно так же отказывали, как и всем прочим посетителям.

Сама принцесса приехала туда один раз с большою свитой после посещения, сделанного матери бедного Ришона, которая жила в одном из предместий города. Кроме участия к виконтессе, принцесса руководилась желанием показать совершенное и неограниченное свое беспристрастие.

Поэтому она приехала к больной, как королева. Но Помпей почтительно доложил ее высочеству, что ему дано приказание, от которого он не может отступить ни под каким предлогом; что все мужчины, даже герцоги и генералы, что все дамы, даже принцессы, должны покоряться этому приказанию, а принцесса Конде более всех прочих: после несчастья, недавно случившегося, посещение ее могло произвести страшный переворот в положении больной.

Принцесса, исполнившая или думавшая, что исполняет обязанность, и желавшая уехать поскорее, не заставила Помпея два раза повторить отказ и уехала со всей своею свитою.

На девятый день Клара пришла в себя. Заметили, что во все время бреда, который продолжался восемь суток, она ни на минуту не переставала плакать. Хотя обыкновенно лихорадка сушит слезы, однако же виконтесса так плакала, что под глазами у нее явились красная и светло-синяя полоса.

На девятый день, как мы уже сказали, в ту минуту, как уже отчаивались и не ожидали лучшего, виконтесса вдруг, как бы волшебством, пришла в себя: слезы ее иссякли, глаза ее осмотрели комнату и с печальною улыбкой остановились на служанках, которые так усердно ухаживали за ней, и на Помпее, который так ревностно стерег ее.

Несколько часов просидела она безмолвно, опершись на локоть, обдумывая все одну и ту же мысль, которая беспрестанно восставала с новою силою в ее обновленном уме.

Потом, не соображая, достанет ли у нее сил на исполнение намерения, она сказала:

— Оденьте меня!

Изумленные служанки подошли к ней и хотели возразить.

Помпей придвинулся на три шага и молитвенно сложил руки.

Между тем виконтесса повторила ласково, но с твердостью:

— Я велела одеть себя... Одевайте меня!

Служанки повиновались.

Помпей поклонился и вышел.

Увы! На ее розовых и пухлых щеках явились мертвая бледность и худоба. Рука ее, все еще прелестная и изящной формы, казалась прозрачною. Грудь ее была, как слонобая кость, и ничем не отличалась от батиста, которым ее прикрыли. Под прозрачною кожей вились синеватые жилки – признак истощения от продолжительных страданий. Платья, которые она надевала так недавно и которые обрисовывали ее стан так изящно, теперь стали широки и падали вокруг ее тела огромными складками.

Ее одели, как она желала, но туалет занял много времени, потому что она была очень слаба и три раза едва не упала в обморок.

Когда ее одели, она подошла к окну, но вдруг отскочила, как будто вид неба и города испугал ее. Села к столу, спросила перо и бумагу и написала к принцессе Конде письмо, в котором просила себе аудиенции.

Минут через десять после того, как Помпей отвез письмо к принцессе, послышался стук кареты. Она остановилась перед домом Клары.

Тотчас доложили о приезде маркизы де Турвиль.

– Вы ли, – спросила она виконтессу де Канб, – вы ли изволили писать к принцессе Конде и просить о назначении вам аудиенции?

– Да, маркиза, я точно писала, – отвечала Клара. – Неужели мне отказывают?

– О, нет, нет, напротив... Принцесса прислала меня сказать вам, что вам не нужно просить об аудиенции, что ее высочество готова принять вас всегда, во всякое время дня и ночи.

– Покорно благодарю вас, маркиза, я сейчас воспользуюсь этим позволением.

– Что такое? – вскричала маркиза Турвиль. – Как! Вы хотите выехать со двора в таком положении?

– Успокойтесь, маркиза, – отвечала Клара, – я чувствую себя совершенно хорошо.

– И вы приедете?

– Через минуту.

– Так я поеду предупредить ее высочество о скором вашем приезде.

И маркиза де Турвиль вышла, церемонно поклонившись виконтессе.

Известие об этом неожиданном посещении, само собою разумеется, произвело сильное волнение между придворными принцессы. Положение виконтессы внушало всем без исключения живейшее участие, потому что далеко не все хвалили неумолимость принцессы в последних обстоятельствах.

Любопытство было возбуждено в высшей степени: офицеры, придворные дамы, придворные кавалеры наполняли кабинет принцессы Конде и не могли верить, что Клара приедет: еще накануне все думали, что она находится в отчаянном положении.

Вдруг доложили, что она приехала.

Клара вошла в кабинет.

Все изумились, увидав лицо ее, бледное, как воск, холодное и неподвижное, как мрамор; и глаза ее, впалые, обведенные синим кругом, последним остатком ее горьких слез. Со всех сторон около принцессы раздавался горестный шепот.

Клара, по-видимому, не заметила его.

Смущенный Лене пошел к ней навстречу и подал ей руку.

Но Клара не отвечала ему на его приветствие. Она благородно поклонилась принцессе Конде и подошла к ней через всю залу твердым шагом, хотя была очень бледна и на каждом шагу думала, что она непременно упадет.

Принцесса, тоже бледная и чрезвычайно встревоженная, встретила ее с ужасом; она хотела скрыть это чувство, но оно против ее воли выразилось на ее лице.

Виконтесса сказала торжественным голосом:

– Ваше высочество, я просила у вас аудиенции, которую вы изволили назначить мне, чтобы спросить у вас при всех: с тех пор, как я служу вам, довольны ли вы моею верностью и усердием?

Принцесса закрыла рот платком и в сильном смущении прошептала:

– Разумеется, милая виконтесса, всегда, во всех случаях я была вами довольна и не один раз даже благодарила вас.

– Свидетельство вашего высочества для меня драгоценно, – отвечала виконтесса, – потому что оно позволяет мне просить у вас отставки.

– Как! – вскричала принцесса. – Что это значит, Клара? Вы хотите оставить меня?

Клара почтительно поклонилась и молчала.

На всех лицах видны были стыд, раскаяние или грусть. Зловещее молчание носилось над огорченным собранием.

– Но зачем же вы оставляете меня? Скажите? – спросила принцесса.

– Мне остается жить недолго, – отвечала виконтесса, – и последние немногие дни мои я желала бы употребить на спасение души.

– Клара, милая Клара! – вскричала принцесса. – Вспомните, подумайте...

– Ваше высочество, – перебила виконтесса, – я должна выпросить у вас две милости. Могу ли надеяться, что получу их?

– О, говорите, говорите! – отвечала принцесса Конде. – Я буду так счастлива, если буду в состоянии сделать для вас что-нибудь.

– Вы можете это сделать.

– Так скажите, что такое?

– Во-первых, назначьте меня настоятельницей монастыря святой Редегонды. Место это не занято со времени смерти госпожи Монтиви.

– Такое место для вас, милая дочь моя! Это невозможно!

– Во-вторых, – продолжала Клара несколько дрожащим голосом, – позвольте мне предать земле в моем поместье де Канб тело жениха моего, барона Рауля де Канолья, убитого жителями Бордо.

Принцесса отвернулась и приложила к сердцу трепетавшую руку.

Герцог де Ларошфуко побледнел и не знал, что делать, куда глядеть.

Лене отворил дверь кабинета и убежал.

– Ваше высочество не отвечаете, – спросила Клара, – отказываете мне? Может быть, я прошу слишком много?

Принцесса могла только кивнуть головою в знак согласия и упала без чувств.

Клара повернулась, как статуя, все дали ей дорогу. Она прошла прямо и бесстрастно между всеми этими людьми, которые склонялись перед нею.

Только когда она вышла из залы, придворные заметили, что никто не подумал помочь принцессе.

Минут через пять на дворе застучала карета: виконтесса уехала из Бордо.

– Как прикажете распорядиться? – спросила маркиза де Турвиль у принцессы, когда она пришла в себя.

– Исполнить обе просьбы виконтессы де Канб и вымолить у ней прощение мне.

Эпилог

I. Пейсакское аббатство

Со времени описанных событий прошел месяц.

Однажды в воскресенье вечером после церковной службы игуменья монастыря святой Редегонды в Пейсаке вышла после всех из церкви, выстроенной в конце монастырского сада. По временам она обращала свои заплаканные глаза в сторону мрачной заросли из лип и сосен с таким глубоким выражением горести, словно сердце ее оставалось в этом месте, и она не в силах была удалиться.

Безмолвные, с покрытыми головами, монахини шли впереди, вдоль единственной аллеи, ведущей к зданию монастыря, и казались какою-то процессией призраков, возвращавшихся в свою

могилу, от которой по временам все еще отворачивался один из них, все еще жалевавший об утраченной земле.

Монахини одна за другою исчезали под темными сводами монастыря. Игуменья следила за ними глазами до тех пор, пока не скрылась последняя из них. Тогда она опустилась на капитель готической колонны, наполовину скрытой в траве, с выражением полной безнадежности.

– Ах, Боже мой, Боже мой! – говорила она, прижимая руку к сердцу.

– Ты свидетель, что я не могу переносить этой жизни, которой я никогда не знала. Я искала в монастыре одиночества, забвения, отчуждения, а не всех этих взглядов, обращенных на меня.

Тут она встала и сделала несколько шагов по направлению к сосновой рощице.

– Впрочем, – продолжала она, – что мне за дело до света, коли я отринула его, до этого света, который принес мне столько зла! Общество было жестоко ко мне, так чего же ради я буду беспокоиться о его осуждении, раз я прибегла к Богу и стала от Него одного зависеть? Но, быть может, Бог осуждает эту любовь, которая все еще живет в моем сердце и снедает его? О, если так, пусть он вырвет ее из моей души или вырвет душу из моего тела.

Едва бедная отчаявшаяся женщина произнесла эти слова, как, бросив взгляд на одежду, которой она была прикрыта, она пришла в ужас от этого кошунства, так мало согласовавшегося со священной одеждой, которую она носила. Белою исхудавшею рукою она утерла слезы и подняла глаза к небу, словно принося ему в этом взгляде жертву своих страданий.

В эту минуту она услышала чей-то голос. Она обернулась. Это была сестра привратница.

– Матушка, – сказала она, – в приемной дожидается какая-то женщина, которая просит вас принять ее и выслушать.

– Как ее зовут?

– Она говорит, что скажет свое имя только вам.

– А какова она на вид?

– Как будто бы из благородных.

– Опять столкновение со светом, – тихонько проговорила игуменья.

– Что же ей сказать? – спросила привратница.

– Скажи, пусть придет.

– Куда, матушка?

– Приведи ее сюда, я с ней переговорю здесь в саду, на скамейке. Мне не хватает воздуха, я задыхаюсь в комнатах.

Привратница удалилась и спустя минуту вернулась в сопровождении какой-то женщины, в которой, по ее одежде, отличавшейся пышностью при всей ее видимой простоте, было легко распознать светскую женщину.

Она была небольшого роста, ее быстрая походка не отличалась благородством, но дышала какою-то невыразимою прелестью. Она несла шкатулочку из слоновой кости, резко выделявшуюся своею тусклою белизною на черном фоне ее платья, вышитого черным стеклярусом.

– Вот матушка игуменья, сударыня, – сказала привратница.

Игуменья опустила покрывало и повернулась к посетительнице. Та опустила глаза. Игуменья, видя, что она бледна и взволнована, устремила на нее нежный взгляд и сказала:

– Вы пожелали говорить со мною, и я готова выслушать вас, сестра моя.

– Матушка, – отвечала незнакомка, – я была до такой степени счастлива, что мое счастье, как мне внушала моя гордость, не могло быть разрушено даже самим Богом. И вот теперь Господь дунул и загасил его. Пришла пора проливать слезы, пришло время раскаиваться. Я пришла просить у вас убежища, где бы мои рыдания были заглушены толстыми стенами вашего монастыря, где бы мои слезы, оставившие следы на моих щеках, не вызывали насмешек, где бы Господь, который, быть может, ищет меня веселящеюся среди мирских праздников, нашел меня склонившеюся перед его алтарями.

– Ваша душа поражена глубоко, я это вижу, потому что сама знаю, что значит страдать, – ответила молодая игуменья. – И в своем великом смятении душа ваша не может отличить того, что есть на самом деле, от того, что она желает. Если вы действительно нуждаетесь в безмолвии, действительно нуждаетесь в умерщвлении плоти, если вы нуждаетесь в покаянии, то войдите сюда,

сестра моя, и страдайте вместе с нами. Но если вы ищете такое убежище, где можно терзать свое сердце свободными рыданиями, где можно испускать все вопли отчаяния, где никакой взгляд не остановится на вас, тогда, о, тогда лучше уходите отсюда, затворитесь в вашем доме, и там вы будете меньше на виду у всех, чем здесь, а ковры и обои вашей молельни будут лучше заглушать ваши рыдания, чем голые доски наших келий. А Бог, если только вы не заставили Его отвернуться от вас слишком великим грехом, всегда и везде будет с вами.

Неизвестная подняла голову и с удивлением посмотрела на молодую игуменью, обратившуюся к ней с такими словами.

– Матушка, – сказала она, – ведь все те, кто страдает, должны обратиться к Господу. Ведь ваш дом – святая станция на пути к Небу.

– Сестра моя, есть только один способ идти к Богу, – ответила монахиня, увлекаемая собственным отчаянием. – О чем вы сожалеете? Что вы оплакиваете? Чего вы просите? Свет оскорбил вас, дружба предала вас, у вас иссякли средства. И вот временная, преходящая горесть показалась вам горестью вечною и непреходящею. Ведь не правда ли, вот вы сейчас страдаете и убеждаете себя в том, что вечно будете так же страдать. Но ведь это все равно, как если бы человек, глядя на свою зияющую рану, уверил бы себя в том, что она никогда не заживет. Вы ошибаетесь, всякая рана, если она не смертельна, заживает. Переносите же страдание, дайте ему идти своим путем. Ведь, если вы выздоровеете и увидите, что вы прикованы к нам, тогда для вас наступят новые страдания, и они будут уже действительно вечны, нещадны, неслышанны. Сквозь монастырскую ограду вы будете видеть свет, в который вам уже нельзя будет вернуться. Тогда вы проклянете тот день, в который за вами затворилась ограда этого святого убежища, которое вы называете станцией на небесном пути. Может быть, то, что я говорю вам, не совсем согласуется с нашим уставом. Я еще так недавно стала игуменьей, что не успела вполне освоиться с ним. Но мои слова идут от моего собственного сердца, и то, что я говорю, я вижу каждую минуту не во мне самой, слава Богу, а вокруг себя.

– О, нет, нет! – воскликнула незнакомка. – Для меня мир больше не существует, я утратила все, что побуждало меня любить его. Будьте спокойны, матушка, я никогда не буду жалеть о нем. О, я это знаю наверное!.. Никогда!

– Значит то, что терзает вас, действительно, очень серьезно? То, что вы утратили, не пустой обман, а нечто действительно и существенное? Вы лишились мужа, ребенка, друга?.. О, если так, то я глубоко жалею вас, ибо сердце ваше ранено насквозь, а немощь ваша неизлечима. Тогда приходите к нам. Господь утешит вас. Он заменит нами, составляющими одну большую семью, одно стадо, у которого Он пастырь, друзей или родственников, которых вы утратили, и, – добавила монахиня тихим голосом, – если и не вполне примирит вас с судьбою – а это ведь тоже возможно, – то оставит вам хоть то последнее утешение, что вы будете плакать вместе со мною, пришедшей так же, как и вы, искать здесь утешения и все еще не нашедшей.

– Увы! – воскликнула незнакомка. – Такие ли слова должна была я услышать? Так ли утешают несчастных?

– Сударыня, – сказала игуменья, простирая руку к молодой женщине и как бы отстраняя от себя тот укор, который та ей сделала. – Не говорите в моем присутствии о несчастьи. Я не знаю, кто вы, не знаю, что с вами приключилось, но вы не знаете, что такое несчастье.

– О, – вскричала незнакомка с таким выражением горести, что игуменья вся затрепетала, – правда ваша, что вы меня не знаете. Если бы знали, то не говорили бы со мною таким образом. Но ведь вы и не можете быть судьей моих страданий. Для этого надо было бы, чтобы вы сами перестрадали то же, что и я. А пока примите меня, приютите меня, откройте передо мною двери дома Божия. Мои слезы, мои вопли, мои стенания покажут вам, что я действительно несчастна.

– Да, – сказала игуменья, – по вашему тону, по вашим словам я вижу, что вы утратили человека, которого любили. Не так ли?

Незнакомка зарыдала, ломая себе руки.

– О, да, да! – сказала она.

– Ну, хорошо, – сказала игуменья, – если хотите, входите сюда. Только предупреждаю вас на тот случай, если ваши страдания так же велики, как мои, о том, что вы найдете в этом монастыре

вечные, безжалостные стены, которые вместо того, чтобы направлять ваши мысли к небу, куда они должны возлетать, будут непрестанно устремлять их к земле, от которой будут вас отделять. Там, где кровь обращается, пульс бьется, сердце любит, там ничего не потухает. Как ни отделены мы от мира, как ни кажется нам, что мы скрыты, мертвые призывают нас из глубины своих могил. Зачем же вы покинете могилы ваших дорогих усопших?

– Потому что все, что я любила в этом мире, находится здесь, – ответила незнакомка голосом, заглушённым рыданиями, упав на колени перед игуменьей, которая смотрела на нее ошеломленно. – Теперь вы знаете мою тайну, сестра моя, теперь вы можете оценить мои страдания, мать моя. Я молю вас на коленях. Вы видите мои слезы. Примите жертву, которую я приношу Богу, окажите милость, о которой я вас молю. Его похоронили здесь, в Пейсаке. Дайте мне плакать на его могиле, которая находится здесь.

– Кто здесь? Какая могила? О ком вы говорите? Что вы хотите сказать? – воскликнула игуменья, отступая перед коленопреклоненной женщиной, на которую смотрела с ужасом.

– Когда я была счастлива, – продолжала незнакомка таким тихим голосом, что он почти заглушался шелестом ветвей от дуновения ветра, – когда я была счастлива, – а я была очень счастлива, – меня звали Наноноу Лартиг. Теперь узнаете ли вы меня и знаете ли, о чем я молю вас?

Игуменья вскочила, словно подброшенная пружиной, и одно мгновение стояла немая и бледная, подняв глаза к небу.

– О, сударыня, – проговорила она наконец голосом, казавшимся спокойным, но в котором, однако же, отражалось охватившее ее волнение,

– о, сударыня, так и вы меня не знаете, вы, которая пришла сюда просить позволения плакать на его могиле? Значит, вы не знаете, что я заплатила моею свободою, моим счастьем в этом мире и всеми слезами моего сердца за ту грустную радость, половину которой вы у меня выпрашиваете? Вы Нанона Лартиг, а я, когда у меня еще было имя, называлась виконтессою Канб.

Нанона испустила крик, подошла к игуменье и, приподняв покрывало, которым были закрыты потухшие глаза монахини, она узнала свою соперницу.

– Это она, – пробормотала Нанона, – она, которая была такая красавица, когда приезжала в Сен-Жорж! Ах, бедная!

Она отступила на шаг, все не сводя глаз с виконтессы и грустно покачивая головою.

– О! – воскликнула в свою очередь виконтесса, увлекаемая тем удовлетворением гордости, которое побуждает нас убедить себя в том, что мы умеем страдать лучше и глубже, чем другие. – О, вы только что произнесли хорошее слово, которое принесло мне пользу. О, должно быть, я жестоко страдала, если я так жестоко изменилась. Значит, я много пролила слез. Значит, я несчастнее, чем вы, потому что вы все еще прекрасны!

И виконтесса подняла к небу, словно ища там Каноля, глаза, в которых впервые за этот месяц сверкнул луч радости.

Нанона закрыла глаза руками и горько плакала.

– Увы, сударыня, – говорила она, – я не знала, к кому я обращаюсь. Я уже целый месяц не знаю, что вокруг меня происходит, не знаю, что могло сохранить мою красоту. Все это время я была в безумии. И вот теперь я здесь. Я не хочу, чтобы даже в самой смерти ревновали меня. Я прошу, чтобы меня взяли сюда, как самую простую монашенку. Сделайте из меня все, что вам угодно. Ведь в случае моего неповиновения вы можете карать меня со всею строгостью монастырского устава. Но все же, – добавила она дрожащим голосом, – от времени до времени вы ведь будете мне позволять видеть место, где покоится этот человек, которого мы так любили?

И она вся трепещущая и обессиленная опустилась на траву.

Виконтесса ничего не отвечала. Она сидела, откинувшись назад и опираясь о толстый ствол дерева, и сама казалась готовою испустить дух.

– О, сударыня, сударыня, – воскликнула Нанона, – вы мне не отвечаете, вы мне отказываете! Ну, так вот вам. У меня остается единственное сокровище. У вас, быть может, ничего от него не остается, а у меня есть вот это. Согласитесь на то, о чем я прошу вас, и это сокровище будет ваше.

И, сняв с шеи большой медальон на золотой цепочке, который был спрятан у ней на груди, она подала его госпоже Канб. Медальон лежал открытый на руке Наноны Лартиг.

Клара громко вскрикнула и бросилась на эту вещь, с восторгом целуя сухие холодные волосы.

– Так вот, – продолжала Нанона, стоя перед нею на коленях, – продолжаете ли вы думать, что вы страдали больше, чем я страдаю в эту минуту?

– О, вы одолели, сударыня, – отвечала виконтесса Канб, поднимая ее и заключая в свои объятия. – Придите ко мне, сестра моя! Теперь я люблю вас больше всего на свете, потому что вы поделились со мною этим сокровищем.

И, наклонившись к Наноне, которую она тихонько подняла, виконтесса прикоснулась к щеке той, которая была ее соперницей.

– О, вы будете моею истинною сестрою, моим другом. О, да, мы будем жить и умрем вместе, вспоминая о нем, молясь за него. Пойдемте, вы правы, он покоится недалеко отсюда, в церкви. Эта была единственная милость, которую я просила от той, кому посвятила всю мою жизнь. Да простит ей Бог!

При этих словах Клара взяла Нанону Лартиг за руку и они тихими шагами подошли к заросли лип и сосен, позади которых скрывалась церковь.

Виконтесса ввела Нанону в часовню, посреди которой лежал простой камень в четыре дюйма высоты. На этом камне был высечен крест.

Госпожа Канб ограничилась тем, что, не говоря ни слова, указала рукой на этот камень.

Нанона встала на колени и поцеловала мраморную плиту. Госпожа Канб прислонилась к алтарю и целовала волосы. Одна приучала себя к смерти, другая пыталась последний раз обратиться мечтою к жизни.

Четверть часа спустя обе женщины вернулись в монастырь. Они прерывали свое мрачное мечтание только тихими словами, обращенными к Богу.

– Сестра, – сказала виконтесса, – от сего часа у вас будет своя келья в этом монастыре. Хотите взять ту, которая возле моей? Мы будем одна около другой.

– Благодарю вас за предложение, которое вы мне делаете, – ответила Нанона Лартиг. – Только прежде, чем навсегда расстаться со светом, позвольте мне сказать последнее прости моему брату, который ожидает меня у ворот, который тоже измучен горестью.

– Увы! – тихонько проговорила госпожа Канб, невольно вспоминая о том, что спасение Ковиньяка стоило жизни его товарищу по плену. – Идите, сестра.

Нанона ушла.

II. Брат и сестра

Нанона правду сказала. Ковиньяк ее ждал, сидя на камне в двух шагах от своей лошади, на которую он печально поглядывал в то время, как сама лошадь, пощипывая сухую траву, росшую вокруг, время от времени поднимала голову и устремляла на хозяина свои смышленные глаза.

Перед искателем приключений тянулась пыльная дорога, которая версты за четыре дальше терялась среди леса, покрывающего скат горки. Казалось, она шла из этого монастыря и терялась где-то в пространстве.

Как ни мало его ум был склонен к философии, он, быть может, в это время думал о том, что там, вдали, был шумный и суетный мир, все отголоски которого замирали, дойдя до этой железной решетки с крестом. Ковиньяк и на самом деле дошел до такой степени чувствительности, что в нем можно было предположить подобные мысли.

Но ему показалось, что он уж слишком долго отдается такому чувствительному настроению. Он встряхнулся, напомнил себе, что он мужчина, и упрекнул себя за свою слабость.

– Как, – говорил он себе, – я человек, который выше всех этих людей по уму, разве могу я быть им равным по сердцу или лучше сказать, по бессердечности! Кой черт! Ришон умер, это правда, и Каноль умер, это тоже правда. Но ведь я-то жив, а в этом и состоит вся суть!..

Так-то оно так, но вот именно потому, что я жив, я и размышляю, а размышляя, я вспоминаю, а вспоминая, я становлюсь печальным. Бедный Ришон! Такой храбрый вояка! Бедный Каноль! Такой чудный дворянин! И вот оба они повешены, и повешены – тысяча чертей! – из-за ме-

ня, Ролана Ковиньяка!.. Ух! Все это так грустно, что я просто задыхаюсь!

Я уж не говорю о сестре. Она никогда не могла мною похвалиться, а теперь у ней нет и совсем никакой причины щадить меня, потому что Каноль умер, и потому что она имела глупость рассориться с д'Эперноном.

Теперь она, конечно, еще больше не жалуется на меня и, как только собою овладеет, так тотчас же первым делом лишит меня наследства. Так вот в этом-то и состоит моя главная беда, а вовсе не в этих чертовских воспоминаниях, которые меня преследуют. Каноль, Ришон, Ришон, Каноль!.. Ну, что же тут такого? Разве я не видывал на своем веку сотни умирающих людей, и разве они были не такие же люди, как и все другие!.. И все-таки, черт меня побери, бывают минуты, когда мне кажется, что я жалею о том, что не был повешен вместе с ними. По крайней мере, умер бы в хорошей компании, а теперь черт его знает, в какой компании придется умереть!..

В эту минуту монастырский колокол пробил семь ударов. Этот звон привел в себя Ковиньяка. Он вспомнил, что сестра велела ему ждать до семи часов, что она скоро появится, и что ему надо до конца выдержать свою роль утешителя.

В самом деле, дверь отворилась, и вышла Нанона. Она пришла через малый двор, где Ковиньяк мог бы ее дожидаться, если бы хотел, потому что посторонним дозволялось вступать сюда. Этот двор еще не считался священным местом, недоступным для мирян.

Но искатель приключений сам не пожелал вступить в этот двор, говоря, что близость монастырей, и в особенности женских, внушала ему дурные мысли. Поэтому, как мы уже сказали, он остался за оградой на дороге.

При звуке шагов по песку Ковиньяк обернулся и, увидав за решеткою Нанону, с глубоким вздохом сказал ей:

– А вот и ты, сестрица! Когда я вижу одну из этих зловещих решеток, вижу, как она запирается за бедною женщиною, мне так и представляется могильный камень, покрывающий умершую. Одну я не могу себе иначе представить, как в одежде послушницы, другую не иначе, как в саване.

Нанона печально улыбнулась.

– Это хорошо, – сказал Ковиньяк. – Ты уже больше не плачешь. Хорошее начало.

– Да, правда, – сказала Нанона, – я уже не могу плакать.

– Но можешь еще улыбаться. Ну, тем лучше, значит, теперь отправимся обратно? Я, право, сам не знаю отчего, но только эти места наводят меня на разные мысли.

– Спасительные? – спросила Нанона.

– Спасительные, говоришь ты? Ну, хорошо, не будем об этом спорить, я рад, что ты находишь эти мысли такими. Я думаю, что ты теперь сделала добрый запас таких мыслей, так что тебе их надолго хватит.

Нанона не отвечала, она задумалась.

– В числе этих спасительных мыслей, – решил спросить Ковиньяк, – надеюсь, была мысль о забвении обид?

– Если не о забвении, то, по крайней мере, о прощении.

– По-моему, лучше бы забвение, ну да все равно. Коли человек виноват, так ему не придется быть разборчивым. Значит, ты мне простишь мои грехи, сестричка?

– Да, я их уже простила, – отвечала Нанона.

– А, это меня радует, – сказал Ковиньяк. – Значит, с этих пор ты будешь в состоянии смотреть на меня без отвращения.

– Не только без отвращения, но даже с удовольствием.

– С удовольствием?

– Да, мой друг.

– Друг? Вот как! Знаешь, Нанона, такое название доставляет мне большое удовольствие, потому что ты мне даешь его по доброй воле, тогда как братом ты должна меня называть волей-неволей. Значит, ты решилась переносить мое присутствие около себя?

– О, этого я не говорю, – ответила Нанона. – Существуют невозможные вещи, Ролан, и мы оба будем их помнить.

– Понимаю, – сказал Ковиньяк с новым глубочайшим вздохом. – Я изгнан. Ведь ты меня из-

гоняешь, не так ли, я больше не увижу тебя. Ну, что делать! Хотя для меня будет очень тяжело не видеть тебя, Нанона, но я сам понимаю, что заслужил это. Да я и сам осудил себя на это. И что мне теперь делать во Франции? Мир заключен. Гиенна умиротворена. Королева и мадам Конде сделались наилучшими друзьями в мире, а я не могу себя обманывать до такой степени, чтобы воображать себе, что я заслужил милости той или другой из них. И самое лучшее, что я могу сделать, это удалиться в добровольное изгнание. Итак, милая сестричка, скажи прости вечному страннику. Теперь идет война в Африке. Бофор идет сражаться с неверными, и я пойду с ним. По правде сказать, я решительно не постигаю, в чем эти неверные провинились против верных. Но это до нашего брата не касается, это дело королей. А там можно быть убитым – вот и все, что мне нужно. Отправляюсь туда. Когда ты узнаешь, что я умер, ты все же будешь не так ненавидеть меня.

Нанона, которая слушала этот поток слов, опустив голову, подняла на Ковиньяка свои большие глаза.

– Это правда? – спросила она.

– Что?

– То, что ты задумал, брат?

Ковиньяк был увлечен в своем порыве красноречия звуком собственных слов, как это часто бывает с людьми, привыкшими к пустозвонству. Вопрос, заданный Наноной, призвал его к действительности. Он спросил самого себя, нельзя ли ему как-нибудь от этого порыва вдохновения сделать переход к чему-нибудь посущественнее.

– Видишь ли, сестричка, – сказал он, – клянусь тебе... Уж, право, не знаю чем... Ну, клянусь тебе честью Ковиньяка, что я действительно глубоко опечален смертью Ришона, а еще больше смертью... Вот видишь ли, сейчас только, сидя вот на этом самом камне, я старался всеми силами и средствами уговорить свое сердце, которое до сих пор всю мою жизнь молчало во мне, и которое теперь не довольствуется тем, что бьется, но говорит, кричит, плачет. Скажи, Нанона, ведь это и есть то самое, что называется угрызениями совести?

Этот вопль был так натурален, был так полон горести, несмотря на его дикость, что Нанона поверила его исхождению из самой глубины сердца.

– Да, – сказала она, – это угрызение совести. Ты лучше, чем я думала.

– Ну, коли так, – сказал Ковиньяк, – коли это точно угрызение совести, то я отправлюсь в африканскую кампанию. Ведь ты доставишь мне средства для обмундирования и путешествия, и дай Бог, чтобы все твои горести удалились со мною.

– Ты никуда не пойдешь, брат, – сказала Нанона. – Отныне ты будешь вести жизнь вполне обеспеченного человека. Ты уже десять лет борешься с нищетою. Я не говорю об опасностях, которым ты подвергался, они неизбежно связаны с жизнью солдата. На этот раз ты спас свою жизнь там, где другой ее потерял. Значит, такова была воля Божия, чтобы ты жил, а мое желание, совпадающее с этою волею, в том, чтобы отныне ты жил счастливо.

– погоди, сестрица, что ты такое говоришь и как понимать твои слова? – отвечал Ковиньяк.

– Я хочу сказать, что ты должен отправиться в мой дом в Либурне, прежде чем его успеют разграбить. Там в потайном шкафу, что позади венецианского зеркала...

– В потайном шкафу? – переспросил Ковиньяк.

– Да, ведь ты его знаешь, не правда ли? – спросила Нанона с улыбкою. – Ведь ты из этого самого шкафа месяц тому назад взял двести пистолетов?

– Нанона, ты должна мне отдать ту справедливость, что я мог бы взять из этого шкафа, битком набитого золотом, гораздо больше, а между тем взял только то, что было мне существенно необходимо.

– Это правда, – сказала Нанона, – и если это может тебя оправдать в собственных глазах, то я охотно это подтверждаю.

Ковиньяк покраснел и опустил глаза.

– О, Боже мой, забудем об этом, – сказала Нанона. – Ты очень хорошо знаешь, что я прощаю тебя.

– А чем это доказывается? – спросил Ковиньяк.

– А вот чем. Ты отправишься в Либурн, откроешь этот шкаф и найдешь в нем все, что мне

удалось уберечь от своего богатства: двадцать тысяч экю золотом.

– Что же я буду с ними делать?

– Ты их возьмешь.

– Но кому же ты предназначаешь эти двадцать тысяч экю?

– Тебе, брат. Это все, чем я располагаю. Ведь ты знаешь, что, расставаясь с д'Эперноном, я ничего не выпросила для себя, так что моими домами и замками завладели другие.

– Что ты говоришь, сестра! – вскричал пришедший в ужас Ковиньяк. – Что ты забрала себе в голову?

– Да ничего, Ролан, я только повторяю тебе, что ты возьмешь себе эти двадцать тысяч экю.

– Себе?.. А тебе?..

– Мне не нужно этих денег.

– Ага, я понимаю, у тебя есть другие. Ну, тем лучше! Но ведь эта сумма громадная, ты подумай об этом, сестра. Для меня этого много за один раз.

– У меня других денег нет, у меня остались только драгоценные вещи. Я и их тебе отдала бы, но они мне необходимы для вклада в этот монастырь.

Ковиньяк подскочил от удивления.

– В этот монастырь! – вскричал он. – Ты хочешь вступить, сестра, в этот монастырь?

– Да, мой друг.

– О, ради Бога не делай этого, сестричка! Монастырь!.. Ты подумай, какая там скучища! Ты об этом меня спроси, ведь я был в семинарии. Шутка сказать, монастырь! Нанона, не делай этого, ты сгниешь!

– Я на это и надеюсь, – сказала Нанона.

– Слушай, сестра, если так, то я не хочу твоих денег, слышишь? Черт побери! Эти деньги спялят мне руки.

– Ролан, – возразила Нанона, – я вступлю сюда не для того, чтобы тебя обогатить, а для того, чтобы самой стать счастливою.

– Но ведь это сумасшествие! – сказал Ковиньяк. – Я твой брат, Нанона, и я этого не допущу.

– Мое сердце уже здесь, Ролан. Что же будет делать мое тело в другом месте?

– Об этом страшно и подумать, – сказать Ковиньяк. – О, моя милая Нанона, моя дорогая сестра, пожалей себя!

– Пожалуйста, ни слова больше, Ролан. Ты слышал меня. Эти деньги твои, распорядись ими разумно, потому что твоя бедная Нанона не будет подле тебя, чтобы снабдить тебя снова деньгами.

– Но, послушай, сестра, что доброго сделал я для тебя, для того, чтобы ты так великодушно обошлась со мною?

– Ты дал мне то, чего одного я ожидала, чего одного жаждала, что для меня было всего дороже. Это было именно то, что ты привез мне из Бордо в тот вечер, когда он умер и когда я не могла умереть.

– Ах, да, вспоминаю, – сказал Ковиньяк, – это та прядь волос...

И искатель приключений понурил голову, он почувствовал у себя в глазах какое-то необычное ощущение.

Он поднял руку к глазам.

– Другой бы плакал, – сказал он. – Я плакать не умею, но, ей-богу, страдаю от этого насколько не меньше, если не больше.

– Прощай, брат, – сказала Нанона, протягивая руку молодому человеку.

– Нет, нет, нет! – воскликнул Ковиньяк. – Никогда я не скажу тебе прости по своей доброй воле! И что тебя побуждает запирается в этом монастыре? Страх, что ли? Коли так, уедем из Гиенны, будем вместе бродить по свету. Ведь и в мое сердце вонзилась стрела, которую я повсюду буду носить с собою, и она будет причинять мне боль, которая заставит меня чувствовать и твою боль. Ты будешь мне говорить о нем, а я буду тебе говорить о Ришоне. Ты будешь плакать, а потом, может быть, и я тоже стану способен плакать, и это доставит мне облегчение. Хочешь, удалимся куда-нибудь в пустыню, и там я буду почтительно обслуживать тебе, потому что ты святая

девушка. Хочешь, я сам стану монахом? Впрочем, нет, я не в состоянии, признаюсь откровенно. А только ты не уходи в монастырь, не прощайся со мной навеки!

– Прощай, брат.

– Хочешь остаться в Гиенне, невзирая на бордосцев, на гасконцев, не взирая ни на кого? У меня теперь уже нет моего отряда, но со мной еще остаются Фергюзон, Барраба и Карротель. А мы вчетвером еще можем сделать много. Мы будем тебя охранять лучше, чем охраняют королеву, и если до тебя доберутся, если тронут хотя один волос на твоей голове, то ты можешь потом сказать: они умерли все четверо. Мир их праху.

– Прощай, – повторила она.

Ковиньяк собирался продолжать свои убеждения, как вдруг на дороге раздался стук кареты.

Перед каретою скакал верховой курьер в ливрее королевы.

– Это что такое? – сказал Ковиньяк, оборачиваясь в сторону кареты, но не опуская руки своей сестры, стоявшей по ту сторону решетки.

Карета тогдашнего фасона, с гербами и открытыми боками была запряжена шестеркою лошадей. В ней сидело восемь человек и с ними целая куча лакеев и пажей.

Позади кареты ехали гвардейцы и придворные верхом.

– Дорогу, дорогу! – кричал курьер, мимоходом хлестнув бичом лошадь Ковиньяка, хотя она стояла совсем в стороне на краю дороги.

Испуганная лошадь сделала прыжок.

– Эй, приятель, – крикнул Ковиньяк, выпуская руку сестры, – вы уж, пожалуйста, будьте осторожнее!

– Дорогу королеве! – кричал курьер, мчась вперед.

– Королева, королева, вон оно что! – сказал Ковиньяк. – Ну, коли так, надо посторониться, чтобы не нажить каких-нибудь хлопот.

И он как можно ближе прижался к стене, держа лошадь под уздцы.

В эту минуту у кареты как раз порвался гуж, и кучер мощным усилием сдержал шестерку лошадей.

– Что такое? – раздался чей-то голос, отличавшийся сильным итальянским акцентом. – Почему остановились?

– Гуж порвался, ваше преосвященство, – сказал кучер.

– Откройте, откройте! – кричал тот же голос.

Два лакея бросились открывать дверцу, но прежде чем они успели отбросить подножку, человек с итальянским акцентом уже спрыгнул на землю.

– А, да это синьор Мазарини, – сказал Ковиньяк. – Он, по-видимому, не стал ждать, чтобы его попросили выйти из кареты первым.

После него вышла королева.

После королевы – Ларошфуко.

Ковиньяк протер себе глаза.

Вслед за Ларошфуко вышел д'Эпернон.

– Эх, – проговорил наш искатель приключений, – зачем вместо того другого не повесили вот этого!

За д'Эперноном последовал ля Мельере, а за ля Мельере герцог Бульонский и еще две придворные дамы.

– Я знал, что они уже прекратили драку, – сказал Ковиньяк, – но не знал, что они уже успели так крепко подружиться.

– Господа, – сказала королева, – вместо того, чтобы ждать здесь, пока исправят карету, не пройтись ли нам немножко? Погода прекрасная, воздух такой свежий.

– Как прикажете, ваше величество, – ответил Ларошфуко, низко кланяясь.

– Пойдемте рядом, герцог. Вы мне скажете какие-нибудь из ваших прекрасных изречений.³

---

³ Ларошфуко был известный автор книги «Maximes», представляющей сборник кратких нравственных изречений, мыслей, поучений, характеристик и т. п.

Вы, должно быть, немало их сочинили с тех пор, как мы не видались.

– Дайте мне руку, герцог, – сказал Мазарини герцогу Бульонскому. – Я знаю, что у вас по-дагра.

Д'Эпернон и ля Мельере замыкали шествие, беседуя с дамами.

Все эти люди смеялись и, освещенные теплыми лучами заходящего солнца, казались кучкою закадычных друзей, собравшихся на прогулку.

– А что, далеко еще отсюда до Бурей? – спросила королева. – Вы, господин Ларошфуко, изучили всю эту страну и можете дать ответ на такой вопрос.

– Три лье, государыня. Мы будем там, наверное, не позже девяти часов.

– Вот это хорошо. А завтра рано утром вы отправитесь к нашей милой кухне, мадам Конде, которую мы будем счастливы видеть.

– Ваше величество, – сказал герцог д'Эпернон, – видите вы этого красавца, который стоит у решетки и смотрит через нее на прекрасную даму, которая ушла в ту минуту, как мы вышли из кареты.

– Да, я видела все. Надо полагать, что в монастыре святой Редегонды, в Пейсаке, не любят скучать.

В эту минуту приведенная в порядок карета полною рысью догнала знатных путешественников, которые успели уже пройти шагов двадцать за монастырь.

– Ну, господа, – сказала королева, – не будем слишком утомляться. Ведь вы знаете, что сегодня король устраивает для нас музыкальный вечер.

И все они сели в карету с громким смехом, который скоро был заглушён стуком колес.

Ковиньяк, поглощенный созерцанием ужасного контраста между этою радостью, промелькнувшею по дороге, и этою немой горестью, затворившеюся в монастыре, смотрел вслед удалявшейся карете. Когда она пропала из виду, он сказал:

– Да, мне остается только порадоваться тому, что как я не плох, а все же есть люди, которые будут еще почище меня. Но, черт возьми, я постараюсь превзойти их. Я теперь богат, и это будет нетрудно для меня.

Он было повернулся, чтобы проститься с сестрою, но, как мы сказали, Нанона уже исчезла.

Тогда он со вздохом сел на коня, бросил последний взгляд на монастырь, поскакал по дороге к Либурну и скоро исчез за поворотом дороги, которая отходила в сторону от той, по какой направлялась карета, увозившая знаменитых путников, игравших главные роли в этой повести.

Может быть, мы когда-нибудь встретимся с ними, потому что этот кажущийся мир, так плохо скрепленный кровью Ришона и Каноля, был только перемирием, и женская война еще не была окончена.